

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173740/
1.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТОМЪ СЛХХХVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, д. № 36.

1889

~~302~~
480

I

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Съ картою театра дѣйствій).

По совершенно послѣдовательному ходу событій въ Средней Азии и по сдѣпленію обстоятельствъ, иногда даже не согласовавшихся съ тогдашними видами нашего правительства, Бухара стала въ 1868 году въ васальное отношеніе къ Россіи. Это обязывало насъ поддерживать законный порядокъ въ названномъ ханствѣ и вообще способствовать водворенію въ немъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго спокойствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ прямой связи съ такою задачею, стало вполне логичнымъ и стремленіе наше къ возможно широкому развитію торговыхъ сношеній съ Бухарою. Между тѣмъ, выполненіе всего этого встрѣчало сильное противодействие со стороны Хивы, искони проявлявшей постоянно недобрый отношенія къ Россіи. Хивинцы неоднократно забирали въ плѣнъ русскихъ подданныхъ, мирно занимавшихся рыболовствомъ на восточномъ берегу Каспія, разбойничали цѣлыми шайками преимущественно на нашемъ Орско-Казалинскомъ пути и даже явно поддерживали всякіе безпорядки, производимые киргизами оренбургскаго вѣдомства. При такихъ условіяхъ, естественно, возникала необходимость обузданія хивинскаго хана и прекращенія самобытнаго существованія его ханства; но рѣшительныя мѣры противъ него и его владѣній тогда еще не входили въ политическую программу Россіи. Поэтому у насъ остановились на мѣрѣ паліативной.

29-го октября 1869 г., небольшой отрядъ (¹) отъ кавказской арміи, состоящей изъ всѣхъ родовъ оружія, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Столѣтова, благополучно высадился въ Красноводскѣ. Предъ занятіемъ этого пункта виды нашего правительства были высказаны вполне опредѣлительно. Они основывались на слѣдующихъ соображеніяхъ:

«Въ случаѣ образованія враждебной намъ коалиціи средне-азиатскихъ владѣтелей или необходимости поддержанія принесшаго намъ покорность бухарскаго эмира, вновь занятый нами пунктъ можетъ служить исходною точкою и базой отряду, переброшенному черезъ Каспійское море, для совокупныхъ операцій кавказскихъ войскъ съ войсками Туркестанскаго округа. Одно занятіе нами прибрежнаго пункта, находящагося отъ Хивы въ разстояніи 700 вер., можетъ въ достаточной степени служить угрозою средне-азиатскимъ владѣтелямъ, а слѣдовательно будетъ предупредительною мѣрою противъ образованія нежелательной для насъ коалиціи. Наконецъ, въ случаѣ установленія движенія каравановъ между Красноводскомъ и хивинскими владѣніями, торговый путь къ нѣкоторымъ рынкамъ Средней Азіи значительно будетъ сокращенъ и удевленъ».

Изъ приведенныхъ мотивовъ для высадки нашихъ боевыхъ силъ въ Красноводскѣ, разумѣется, нельзя заключить, чтобы первоначальныя задачи наши за Каспійскимъ моремъ были боевыя. Напротивъ того, совершенно ясно, что цѣль высадки была чисто оборонительнаго и даже вообще чисто мирнаго характера. И, дѣйствительно, Россія въ ту пору совершенно не искала новыхъ завоеваній въ Азіи, ибо тогда у насъ не смотрѣли на это, какъ на средство, могущее также регулировать и европейскую нашу политику, и вообще способствовать достиженію общегосударственныхъ цѣлей. Дѣйствія наши въ послѣднемъ направленіи обнаружили мы лишь послѣ войны 1877 г., когда враждебная намъ политика Англіи натолкнула насъ на это.

Сообразно съ существовавшими тогда видами, начальнику крас-

(¹) Красноводскій отрядъ первоначально составляли: 2-й баталіонъ 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка (пять ротъ); 8 полевыхъ и 8 горныхъ орудій, изъ коихъ запряжены были: четыре полевыхъ и два горныхъ; 1½ сотни казаковъ Князяро-Гребенскаго полка и команда саперъ отъ 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона. Впослѣдствіи, предъ занятіемъ бакханскихъ позицій, отрядъ былъ усиленъ двумя ротами 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка (5-ю и 7-ю) и еще одною сотнею Князяро-Гребенскаго казачьяго полка.

новодскаго отряда сдѣлано было строжайшее внушеніе, чтобы онъ не втягивался въ военныя дѣйствія и даже, въ случаѣ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, до послѣдней крайности избѣгалъ враждебныхъ столкновеній съ туземцами Закаспійскаго края. Въмѣстѣ съ этимъ, однакоже, отряду было вмѣнено въ непремѣнную обязанность производить движенія внутрь страны, тогда еще совершенно невѣдомой; но движенія эти должны были быть чисто развѣдочнаго характера и строго ограничиваться изслѣдованіями края вообще, а путей, по немъ пролегающихъ, въ особенности. Захваты же или подчиненія нашей власти мѣстныхъ кочевниковъ строго воспрещались.

Нельзя не признать, что изученіе страны, прилегающей къ морю, на которой Россіи издревле принадлежало исключительное право господства,—страны, обитателямъ которой несомнѣнно предназначено войти въ міръ новой жизни не иначе, какъ чрезъ посредство Россіи, имѣло и имѣть для насъ существеннѣйшее значеніе. Не даромъ первыя попытки въ этомъ родѣ въ нашемъ отечествѣ начались уже очень давно. Свѣдѣнія о Средней Азій попали даже въ книгу «Большой Чертежъ», такъ ими, слѣдовательно, интересовались еще на Руси съ половины XVI столѣтія. Однакоже справедливость требуетъ сказать, что съ тѣхъ поръ наши успѣхи въ познаніи земель, лежащихъ за Каспійскимъ моремъ, очень долго были весьма малы. Даже и въ позднѣйшія времена, когда, наконецъ, энергія наша въ этомъ отношеніи стала проявляться сильнѣе, кругозоръ нашъ расширялся по площади, извѣстной подъ именемъ Арало-Каспійской низменности, такъ сказать въ охватъ ея со стороны сѣверо-востока, востока и, наконецъ, юго-востока. Сперва мы потянули передовую нашу линію по рѣкѣ Илеку, потомъ по рѣкамъ Ори и Иргизу. Въ 1847 году мы коснулись рѣки Сыръ-Дарья, у которой построили Раимское укрѣпленіе, впоследствии переименованное въ Аральское, и пошли вверхъ по теченію Сыра, правымъ его берегомъ. И волею, и поневолѣ расширяя наши владѣнія къ востоку отъ названной рѣки, мы упрочивали за собою свои приобрѣтенія не только военными, но и мирными средствами, водворяли въ нихъ гражданственность и порядокъ и съ успѣхомъ призывали туземцевъ къ спокойной дѣятельности, указывая имъ средства къ улучшенію своего благосостоянія. Наконецъ, въ 1868 г., мы перекинулись и чрезъ Сыръ-Дарью, овладѣли Самаркандомъ и, какъ уже сказано, приняли Бухару подъ могущественную руку Россіи. Благодаря этому, чрезъ предѣлы Бухарска-

го ханства мы открыли себѣ доступъ и къ Аму-Дарьѣ, въ которую, впрочемъ, еще раньше входилъ одинъ изъ пароходовъ, впервые спущенныхъ нами на Аральское море въ 1848 году. Тѣмъ временемъ, какъ все это происходило, полоса, лежащая между Каспиемъ, съ одной стороны, а Аральскимъ моремъ и Оксусомъ—съ другой, оставалась совершенно не тронутою и вовсе не извѣданною нами. Если не считать похода князя Бековича-Черкаскаго, отрядъ котораго цѣликомъ погибъ въ Хивѣ въ 1717 г., то со стороны Эмбы войска наши не спускались по сушѣ южнѣе 47° широты, подъ которымъ, приблизительно, лежало Чушка-Кульское укрѣпленіе, воздвигнутое нами предъ походомъ 1839—1840 гг. въ Хиву. Но и этотъ пунктъ былъ такъ неестественно выдвинутъ, что рѣшительно не могъ послужить даже временной базой отряду ген. Перовскаго, который едва дотянулся до него, но дальше идти уже не могъ, а потому и повернулъ отсюда обратно въ Оренбургъ. Вслѣдъ затѣмъ было упразднено и самое Чушка-Кульское укрѣпленіе. Конечно, свѣдѣнія о странѣ можно было добыть и другими способами, помимо рекогносцировокъ ея цѣлыми отрядами; но и разные лица, отправлявшіяся по тѣмъ или другимъ причинамъ изъ Россіи въ средне-азіятскія ханства, почти всегда были лишены возможности подробно изслѣдовать и изучить ихъ. Притомъ-же число такихъ людей тоже чрезвычайно не велико. Въ прошломъ столѣтіи, въ качествѣ нашихъ посланцевъ, ѣздили въ Хиву: въ 1725 г. — нѣкто Беневени, въ 1731 г. — полковникъ Гарбергъ, въ 1741 г. — поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и инженеръ Назимовъ, всѣ трое одновременно. Наконецъ, въ 1793 г., по просьбѣ хивинскаго хана, для леченія его дяди, въ столицу ханства былъ командированъ врачъ Бланкенагель. Не говоря уже о томъ, что миссія всѣхъ этихъ людей была совершенно неудачна и бесплодна, нѣкоторые изъ нихъ не были даже вовсе допущены до непосредственныхъ хивинскихъ владѣній, а по пути къ послѣднимъ всѣ они были сопровождаемы строгимъ и бдительнымъ туземнымъ конвоемъ, рѣшительно исключавшимъ возможность веденія путевыхъ замѣтокъ, а тѣмъ болѣе дѣланія какихъ-бы то ни было съемокъ. Наконецъ, время пребыванія нашихъ посланцевъ въ ханствѣ бывало для нихъ всегда столь тягостно, что всѣ они вынуждаемы были бѣжать оттуда, спасаясь отъ неминуемой смерти или ужаснаго рабства. Въ настоящемъ столѣтіи тоже было сдѣлано нѣсколько попытокъ, имѣвшихъ цѣлью изученіе страны. Вопросъ этотъ, между прочимъ, каждый разъ бывалъ включаемъ въ програму всѣхъ, получавшихъ командировки въ Среднюю Азію,

хотя послѣднія и дѣлались, главнымъ образомъ, для установленія и поддержанія дипломатическихъ сношеній. Такихъ командировокъ было тоже немного и всѣ онѣ достались на долю офицеровъ нашего генеральнаго штаба. Такъ, въ 1819 году въ Хиву ѣздилъ капитанъ, впоследствии столь знаменитый нашъ генераль Муравьевъ (карскій), въ 1841 г. капит. Никифоровъ, въ 1842 г. подполковн. Данилевскій и, наконецъ, въ 1859 г. полковн. Игнатьевъ. Капитанъ Муравьевъ, по прибытіи на мѣсто, подвергся 48-ми-дневному заключенію, послѣ котораго хотя и былъ одинъ разъ принятъ ханомъ, но вслѣдъ затѣмъ былъ удаленъ изъ ханства. Капитанъ Никифоровъ, пребываніе котораго въ Хивѣ длилось около двухъ мѣсяцевъ и отъ котораго можно было ожидать болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній обо всемъ имъ видѣнномъ, умеръ на обратномъ пути въ Петербургъ. Мисіи подполковника Данилевскаго и полковника Игнатьева сравнительно были благополучнѣе, но тоже не пополнили нашихъ свѣдѣній о полосѣ между Аму-Дарьей и восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря. Оба они прошли и взадъ, и впередъ по пути отряда князя Бековича-Черкаскаго, т. е., переправясь черезъ Эмбу, направлялись по кратчайшему разстоянію до Арала и продолжали движеніе вдоль западнаго берега этого моря и далѣе, лѣвымъ берегомъ Аму. Этому же пути придерживался, при возвращеніи въ Россію, и капитанъ Никифоровъ, пріѣхавшій въ Хиву, обогнувъ Араль съ востока. Что касается Муравьева, то сухой путь его начинался отъ берега Байханскаго залива. Отсюда поднялся онъ къ берегу залива Карабугазскаго и, круто поворачивъ на востокъ, пересѣкъ въ этомъ направленіи южныя вѣтви Усть-Урта, а затѣмъ слѣдовалъ прямо на Хиву. Придерживаясь хронологическаго порядка въ описаніи рекогносцировокъ восточныхъ береговъ Каспія, произведенныхъ когда-либо нами со стороны моря, придется начать тоже съ экспедиціи князя Бековича. Извѣстно, что въ 1716 г., почти предъ началомъ движенія въ Хиву по сушѣ, онъ высадилъ нѣкоторую часть своихъ силъ въ двухъ мѣстахъ, а именно: въ Тюбъ-Караганѣ и въ Красноводскѣ. Оставивъ въ нихъ достаточныя гарнизоны и возвращаясь въ Астрахань, Бековичъ приказалъ укрѣпить названныя пункты. вмѣстѣ съ тѣмъ начальствующимъ въ нихъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность, построить въ мѣстахъ высадки укрѣпленія, заняться развѣдкою прилегающихъ странъ. Однако-же, задача эта выполнена не была, такъ какъ прежде, чѣмъ мы успѣли вполнѣ утвердиться тамъ, разнеслась по степи вѣсть о несчастіи, постигшемъ князя Бековича въ Хивѣ, а вслѣдъ затѣмъ наши новыя

укрѣпленія на берегу моря были обложены туземцами. Блокада велась и поддерживалась ими столь энергично, что коменданты наши, видя крайнее истощеніе силъ своихъ гарнизоновъ, рѣшили, срывъ укрѣпленія, отплыть въ Астрахань; но это рѣшеніе удалось привести въ исполненіе лишь тюбъ-караганскому гарнизону; суда-же, везшія гарнизонъ красноводскій, были разметаны бурей по морю и всѣ безъ исключенія погибли. Затѣмъ изслѣдованія собственно Каспійскаго моря производились въ 1740 и 1745 гг., а экспедиція, снаряженная въ 1781 г., подъ начальствомъ графа Войновича, составила даже карту юго-восточнаго побережья Каспія. Въ 1819 году ближайшіе восточные берега Каспійскаго моря довольно обстоятельно осмотрѣны были майоромъ Пономаревымъ и генеральнаго штаба капитаномъ Муравьевымъ. Въ 1834 г., при заливѣ Кайдакъ, или Мертвый Култукъ, по приказанію управлявшаго тогда Оренбургскимъ краемъ генерала Перовскаго, воздвигнуто было укрѣпленіе, названное Ново-Александровскимъ. Оно предназначалось для уничтоженія разбоевъ на морѣ и недопущенія увода нашихъ рыболововъ въ плѣнъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, полагали, что нахожденіе нашего гарнизона въ этомъ фортѣ дастъ намъ возможность держать въ повиновеніи киргизовъ и на материкѣ. Наконецъ, рассчитывали, что Ново-Александровскъ послужитъ установленію торговыхъ сношеній нашихъ съ ханствами Средней Азии, но ни одно изъ этихъ предположеній не оправдалось. Ко всему этому климатъ Ново-Александровска оказался чрезвычайно вреднымъ, а потому укрѣпленіе это впослѣдствіи было упразднено. Въ 1835 г., экспедиція, подъ начальствомъ Карелина и съ участіемъ генеральнаго штаба капитана Бларамберга, горнаго поручика Фелькнера и медика Заблоцкаго, въ первый разъ осмотрѣла Карабугазскій заливъ и вела безплодные переговоры съ ближайшими кочевниками по вопросу о рыболовствѣ. Въ 1846 г., вмѣсто упраздненнаго Ново-Александровскаго укрѣпленія, воздвигнуто было, уже на Мангышлакскомъ полуостровѣ, новое укрѣпленіе, названное Александровскимъ фортомъ. Нѣсколько раньше этого, а именно въ 1841 г., въ самомъ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, въ Астрабадскомъ заливѣ, на островѣ Ашуръ-Аде, учреждена была наша военная морская станція, предназначавшаяся, главнымъ образомъ, для охраны персидской территоріи отъ туркменскихъ набѣговъ съ моря. Наконецъ, въ 1859 г., начальникъ Оренбургскаго края, генералъ Катенинъ, опять призналъ особенно полезнымъ утвердиться на восточномъ берегу Каспійскаго моря и еще гдѣ-либо южнѣе Мангышлака, и для

новаго осмотра этого берега снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Дандевилля. Экспедиція эта превосходно исполнила свое дѣло. Она подробно изслѣдовала почти все протяженіе восточнаго берега Каспія, произвела нѣкоторыя съемки и сдѣлала ихъ описаніе, указавъ на Красноводскій заливъ, какъ на наилучшее мѣсто для устройства факторіи.

Всѣ перечисленныя начинанія, само собою разумѣется, нисколько не освѣтили намъ закаспійскихъ земель, а также не облегчили намъ водвореніе порядка среди тамошнихъ туземцевъ. Между тѣмъ, начиная отъ Урала-рѣки и до Гюргена, бродили народы, поведеніемъ своимъ настоятельно вынуждавшіе серьезное вниманіе Россіи. Въ особенности требовалось это въ отношеніи киргизовъ, надъ которыми около полутора ста лѣтъ простирались властительныя права Россіи, хотя, конечно, только юридическія, а не фактическія. Еще при императорѣ Петрѣ I, киргизы обратились къ нему съ просьбой о принятіи ихъ въ русское подданство; но ходатайство это тогда не было принято. Петръ Великій, стремясь утвердить свое вліяніе въ Средней Азійи, хотя и признавалъ, что киргизская орда «всѣмъ азіатскимъ странамъ ключъ и врата», но, будучи занятъ въ это время другими государственными дѣлами, отложилъ рѣшеніе этого вопроса до болѣе удобной поры. Послѣ смерти Петра, а именно въ 1732 г., ханъ Малой Орды, чисто изъ личныхъ своихъ выгодъ и расчетовъ, снова повторилъ предложеніе о подданствѣ. Вслѣдствіе этого, въ киргизскую степь былъ посланъ нѣкто мирза Тевкелевъ, служившій при Петрѣ Великомъ въ должности переводчика во время Каспійскаго похода. Исполняя возложенное на него порученіе, Тевкелевъ тогда же исполнилъ форму приведенія въ подданство Россіи киргизовъ Малой Орды, прижѣру которой, въ 1734 г., послѣдовала и Средняя Орда. Руководители киргизовъ, получая отъ русскаго правительства подарки, смотрѣли на принятіе русскаго подданства, какъ на дѣло матеріально прибыльное, а всѣ киргизы, вмѣстѣ съ ними, принимали его съ легкимъ сердцемъ, ибо они понимали, что по отдаленности и малодоступности своей страны будутъ подданными Россіи только номинально, признавая себя дѣйствительно вѣрноподданными исключительно въ томъ случаѣ, когда тотъ, кому они подчинились, можетъ во всякое время поработить семейство, забрать все имущество и снять голову съ плечъ у каждаго изъ нихъ.

Само собою разумѣется, что со времени присоединенія киргизскихъ ордъ начались заботы нашего государства о водвореніи тамъ граж-

данственности и порядка; но это намъ рѣшительно не удавалось, такъ какъ исключительныя естественныя свойства страны мѣшали учрежденію среди киргизскаго народа прочной и опирающейся на солидную боевую силу власти. Благодаря этой капитальной причинѣ, мы управляли киргизами изъ далекихъ окраинъ той обширной, малодоступной для насъ площади, по которой кочевалъ этотъ дикій и необузданный народъ. Какъ мало знали мы о немъ до позднѣйшаго времени, между прочимъ можно судить изъ того, что когда въ 1870 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ Мангишлака изъ вѣдѣнія Оренбурга въ вѣдѣніе Кавказа, то бывший тогда оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій, писалъ намѣстнику Кавказа: «Ваше императорское высочество несомнѣнно изволите обратить вниманіе на то, что мною не представляется ни описанія инородцевъ отходящей къ кавказскому вѣдомству мѣстности, ни свѣдѣній о числѣ кибитокъ и вообще живущихъ тамъ киргизовъ. Долгомъ считаю доложить вашему императорскому высочеству, что таковыхъ свѣдѣній не было и до сихъ поръ нѣтъ во ввѣренномъ мнѣ управленіи, потому что адаевцы до настоящаго времени только номинально подчинялись нашему поддаству, и не только никакая русская власть къ нимъ не могла проникать, но даже султанъ, правитель западной части области, въ предѣлахъ коей до 1869 года заключался Мангишлакскій полуостровъ, не рѣшался идти къ этимъ инородцамъ, не смотря на то, что въ его распоряженіи состоялъ казачій отрядъ изъ 150 человекъ».

Удивительно-ли послѣ этого, что киргизы не только не повиновались издававшимся для нихъ положеніямъ, но и вполне безнаказанно совершали различнаго рода безчинства? Они не переставали брать въ плѣнъ русскихъ людей, отводить и продавать ихъ въ Хиву, а въ 1836 году, напримѣръ, близъ Ново-Александровска, захватили даже четырехъ-пушечный нашъ ботъ, съ полнымъ его вооруженіемъ, со всѣмъ имуществомъ и личнымъ составомъ служащихъ. Такой порядокъ вещей не прекращался очень долго и послѣ 1836 года. Даже въ позднѣйшее время, а именно въ 1870 году, киргизы взяли въ плѣнъ мангишлакскаго пристава, полковника Рукина, съ 40 человекъ уральскихъ казаковъ, составлявшихъ его конвой. Случилось это близъ Александровскаго форта, изъ котораго Рукинъ выѣхалъ было для введенія между киргизами какого-то новаго положенія. Въмѣстѣ съ этимъ киргизы разграбили казачью станицу, находившуюся въ четырехъ верстахъ отъ форта, и сильно угрожали послѣднему.

Если такъ мало знали мы сѣверную половину полосы между Каспіемъ, Араломъ и Аму-Дарьею, и такъ мало приобрѣли вліянія на бродящихъ по ней киргизовъ, нашихъ подданныхъ, то о той части, которая лежала южнѣе пути, пройденнаго Муравьевымъ въ 1819 году, у насъ, конечно, могло быть лишь самое туманное представление, какъ это въ дѣйствительности и было. До высадки нашего отряда въ Красноводскѣ, въ глубь южной половины Закаспійской степи заглядывалъ всего одинъ лишь европеецъ. Это былъ профессоръ восточныхъ языковъ и литературы при пештскомъ университетѣ, Арминій Вамбери. Путешественникъ этотъ ступилъ на восточный берегъ Каспійскаго моря въ Гемюшъ-тепэ, т. е. у Серебрянаго бугра, что близъ устья рѣки Гюргена. Въ Хиву и въ дальнѣйшія средне-азіатскія ханства направился онъ отсюда подъ видомъ дервиша, слѣдуя чрезъ Атрекъ, между Малыми и Большими Балханскими горами, чрезъ старое русло Аму-Дарьи, по Кафланкирскому отрогу Усть-Урта и мимо Сары-Камышскаго озера. Кромѣ этого пути, и Вамбери не видѣлъ ничего болѣе вплоть до самаго оазиса, но и того было уже вполне достаточно, чтобы дать ему достовѣрный матеріалъ для описанія степи и всѣхъ бѣдъ, которымъ подвергается тамъ человѣкъ, въ самыхъ ужасающихъ краскахъ. Возвратясь на родину, онъ издалъ въ 1864 году свое «Путешествіе по Средней Азіи», которое въ 1867 году онъ же дополнилъ изданіемъ «Очерковъ Средней Азіи». Книги эти скоро были переведены, между прочимъ, и на русскій языкъ, но онѣ содержатъ чрезвычайно мало практически полезныхъ данныхъ, могущихъ служить для познанія края въ топографическомъ, экономическомъ или даже этнографическомъ отношеніи, и вообще такихъ данныхъ, которыя прямо пригодны для военныхъ или торговыхъ цѣлей. Вамбери былъ командированъ венгерскою академіею наукъ для филологическихъ наблюденій, въ видахъ уясненія, къ какой отрасли алтайскаго корня, финской или татарской, принадлежитъ языкъ мадьяръ. Задачу эту онъ выполнилъ успѣшно; что же касается остальнаго, то Вамбери и самъ сознается, что онъ не географъ, а тѣмъ болѣе не топографъ, и проситъ не забывать, что онъ былъ въ странѣ, гдѣ слушать считается безстыдствомъ, гдѣ спрашивать—преступленіе, а записывать—смертнѣйшій грѣхъ. При столь скудныхъ запасахъ свѣдѣній о странѣ, лучшими матеріалами для сужденія о ней справедливо можно было признавать тѣ, которые были добыты экспедиціею полковника Дандевила въ 1859 году. Но вполне точныя данныя, заключавшіяся въ отчетѣ, представленномъ Дандевилемъ, относи-

лись лишь до самой восточной береговой полосы Каспія, вѣрнѣе — до самаго берега. Такъ какъ экспедиція его, направленная вдоль моря отъ сѣвера къ югу, такъ сказать, имѣла одну ногу на корабль, а другую на сушѣ, то естественно, что свѣдѣнія, касающіяся глубины страны, были только распросныя. Справедливость требуетъ признать, что въ этомъ отношеніи результаты трудовъ экспедиціи полковника Дандевилля вообще удивительно хороши и во время послѣдующихъ рекогносцировокъ нашихъ отрядовъ часто возбуждали удивленіе лично видѣвшихъ страну точностью свѣдѣній, въ нихъ занесенныхъ. Удивленіе это имѣло тѣмъ болѣе основаніе, что всякій могъ удостовѣриться личнымъ опытомъ, до какой степени затруднительно бывало тамъ уясненіе какого бы то ни было вопроса, касающагося мѣстности, разстояній, качества и количества воды въ колодезѣ и прочее. Это было трудно даже и въ томъ случаѣ, когда приходилось спрашивать какого-либо туземца, преданность котораго нашему дѣлу и желаніе намъ услужить стояли внѣ всякаго сомнѣнія. Само собою разумѣется, что невѣдѣніе страны, въ которую пришелъ отрядъ, должно было сказаться и сказалось на первыхъ же порахъ. Начать съ того, что всѣ предположенія наши объ отношеніяхъ къ туземцамъ, которыя были тщательно выработаны нѣкоторыми нашими министерствами, оказались излишними за совершеннымъ почти отсутствіемъ туземцевъ въ Красноводскѣ и его окрестностяхъ. Къ тому же, даже и по отношенію къ небольшому числу людей, съ которыми, по высадкѣ отряда, мы вошли въ соприкосновеніе, предупредительность этихъ министерствъ оказалась неприложимою. Такъ, напримѣръ, одновременно съ отправленіемъ отряда въ Красноводскъ, министерство финансовъ командировало туда двухъ своихъ агентовъ, снабдивъ ихъ инструкціею, въ силу которой они обязывались функціонировать по всѣмъ отраслямъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности названнаго министерства, какъ бы въ странахъ, управляемыхъ на общихъ основаніяхъ государственныхъ законовъ. Эти же агенты признавались и мировыми судьями, причемъ постановлено было, что у нихъ обязательно должны судиться всѣ жители Красноводскаго округа, границы котораго, разумѣется, указаны не были. Какъ чиновники министерства финансовъ, они непосредственно подчинены были своему министерству, а какъ судьи — астраханской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда. Учрежденіе это указывалось какъ инстанція, въ которую предлагалось приносить апелляціи на постановленія суда въ такомъ случаѣ, когда ему не принадлежало право окончатель-

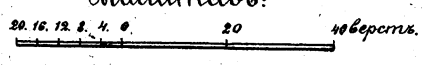
наго рѣшенія. Само собою разумѣется, что, не будучи знакомы съ Россією, съ ея гражданскими учрежденіями и порядками, мѣстные туркмены не пользовались агентами и ихъ полномочіями для вершенія своихъ дѣлъ, а случаи, въ которыхъ ихъ привлекали къ выполненію установленныхъ для нихъ правилъ, какъ, напримѣръ, къ уплатѣ пошлинъ, къ соблюденію формальностей по совершенію актовъ и прочее, они считали насиліемъ, отъ котораго слѣдуетъ уклоняться, удаляясь отъ русскихъ, навязывавшихъ имъ формы и положенія, совершенно чуждыя и не сходственныя ни съ адатомъ, ни съ шаріатомъ, и притомъ съ ихъ точки зрѣнія крайне медленныя. О существованіи города Астрахани многіе туркмены даже и не слышали. Путешествіе туда, при скудныхъ средствахъ сообщеній по Каспійскому морю, было и въ дѣйствительности невыполнимо, въ особенности въ теченіе довольно длиннаго періода замерзанія моря, а потому, разумѣется, въ астраханскую палату уголовнаго и гражданского суда за все время не поступило ни одной апелляціонной просьбы, что однако-же вовсе нельзя было объяснить полнымъ и общимъ удовольствіемъ отъ рѣшеній мировыхъ судей. Являлись нѣкоторыя неудобства и въ томъ, что чиновники, о которыхъ идетъ рѣчь, не были подчинены кавказскому начальству, тогда какъ дѣятельность ихъ опиралась на силу войскъ кавказской арміи, которыми охранялся край. Какъ чиновники министерства финансовъ, эти агенты непосредственно подчинялись министерству; какъ судьи—высшему судебному учрежденію въ Астрахани. Съ кавказскимъ начальствомъ имъ разрѣшалось вступать въ сношенія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сами они признавали это необходимымъ. Слѣдствіемъ этого являлась совершенная невозможность согласованія распоряженій военнаго красноводскаго начальника съ распоряженіями вышеупомянутыхъ чиновниковъ, такъ какъ первый получалъ инструкціи изъ Тифлиса, ближе знакомаго съ положеніемъ дѣлъ и дѣйствительными нуждами края, часто неожиданно смѣнявшимися, тогда какъ присланные чиновники старались проводить указанія, полученные изъ другаго источника, болѣе удаленнаго отъ страны, въ которой они думали приложить свою заурядную дѣятельность. Какъ ни ничтожно это обстоятельство, но и оно вносило извѣстную долю причинъ отрицательнаго свойства въ вопросъ привлеченія къ намъ туземцевъ. Между тѣмъ, начальникъ отряда для предстоящихъ ему рекогносцировокъ не могъ обойтись перевозочными средствами ближайшихъ къ Красноводску жителей, такъ какъ послѣдніе, даже включая въ число ихъ и населеніе сосѣдняго острова Челекена,

принадлежать къ чомрѣ, т. е. къ той части юмудскаго народа, которая, посвящая свой трудъ главнымъ образомъ добыванію нефти и соли, а также рыболовству и прочее, до крайности сжузила предѣлы площади своего кочеванія, а потому содержитъ самое ничтожное число верблюдовъ. Къ тому же въ Красноводскѣ ощущался большой недостатокъ прѣсной воды, и вообще пунктъ этотъ оказался не вполне отвѣчающимъ многимъ условіямъ, необходимымъ отряду для выполнения поставленныхъ ему задачъ, хотя, безспорно, былъ и остается превосходнымъ и единственнымъ мѣстомъ для пристанища судовъ по всему восточному берегу Каспійскаго моря. Поэтому полковникъ Столѣтовъ предложилъ перевести значительную часть своего отряда къ подошвѣ Большаго-Балхана, въ Ташъ-Арватъ, что приблизительно въ полтораста верстахъ отъ Красноводска. Пунктъ этотъ, хотя и столь же пустынный, какъ тотъ, который мы уже занимали, и со столь же бесплодными окрестностями, какъ послѣдній, но, благодаря нѣсколько большому превышенію надъ моремъ и сосѣднимъ возвышенностямъ, представлялся обѣщающимъ лучшія климатическія условія. При этомъ въ немъ находился небольшой источникъ прѣсной воды, которая тутъ же, пробѣжавъ нѣсколько десятковъ сажень, терялась въ пескахъ, но все же могла служить большою приманкою. Представленіе начальника отряда было уважено, и мы заняли Ташъ-Арватъ; но, перейдя туда, нужно было подумать о снабженіи и довольствіи той части нашихъ войскъ, которая была выведена изъ Красноводска. По описаннымъ свойствамъ Ташъ-Арвата вовсе нельзя было рассчитывать на какія-либо мѣстныя кормовыя средства. Слѣдовательно требовалось подвозить туда безъ исключенія все, въ чемъ отрядъ могъ нуждаться, а это представлялось дѣломъ крайне труднымъ. Путь изъ Красноводска въ Ташъ-Арватъ почти совершенно безводенъ. Благодаря этому, для перевозки грузовъ надо было завести верблюжій транспортъ, но, не говоря уже ни о чемъ иномъ, одно конвоированіе вѣчно двигающагося взадъ и впередъ каравана было бы достаточно, чтобы изнурить весь личный составъ небольшого отряда. Поэтому стали искать морской путь, который бы сократилъ сухопутье, и таковой былъ отысканъ чрезъ Михайловскій заливъ. Послѣдній чрезвычайно извилистъ. Онъ, если можно такъ выразиться, весь состоитъ изъ короткихъ колѣнъ. Кромѣ того, онъ очень мелководенъ, слѣдовательно трудно проходимъ для судовъ, даже для небольшихъ паровыхъ баркасовъ. Затрудненія для плаванія по Михайловскому заливу тѣмъ сильнѣе, что и фарватеръ его не постояненъ. Въ рас-

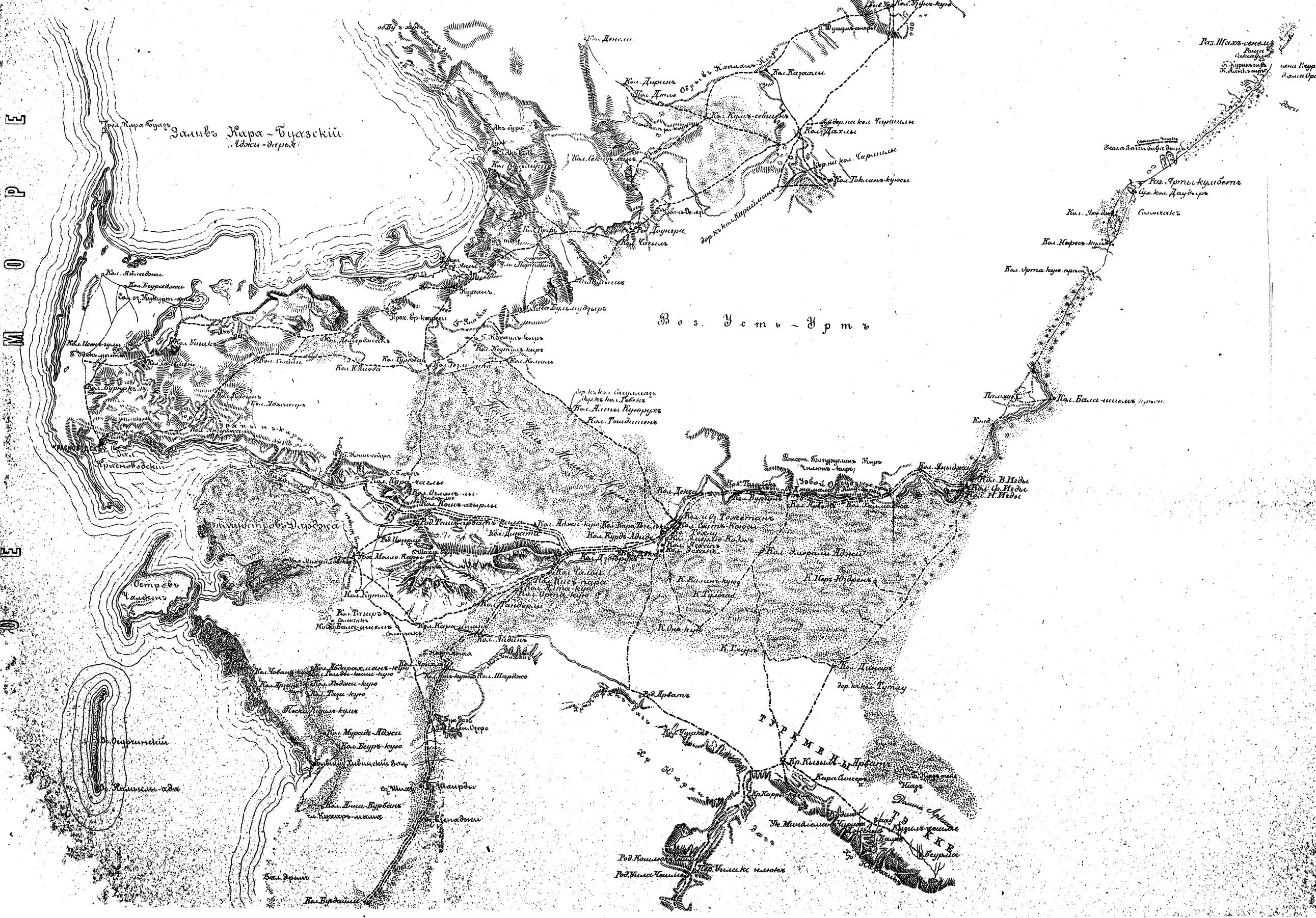
АРТА

ЧАСТИ ЗАКАСПИЙСКАГО КРАЯ.

Масштабъ:

Пути 1871г. Пути 1872г. Пути 1873г.

Е
О
Р
М
О
Е

В о з. У с т ь - У р т ь

Т Р К М Е

пораженіе красноводскаго отряда и для его нуждъ отдали почти всѣ наличныя военныя суда каспійской флотиліи и удвоили число компанейскихъ судовъ общества «Кавказъ и Меркурій», назначенныхъ для службы отряду. Въ концѣ Михайловскаго залива устроили весьма хорошую пристань и тутъ же возвели маленькое укрѣпленіе для склада всего подводимаго съ моря и для безопаснаго помѣщенія небольшого гарнизона, который охранялъ бы складъ и выгружалъ суда. Такъ какъ однакоже въ Михайловскомъ укрѣпленіи и на 20 верстъ вокругъ него нигдѣ не было прѣсной воды, то послѣдняя по необходимости увеличила собою грузъ судовъ, ибо прѣсную, вѣрнѣе полупрѣсную, воду стали привозить въ Михайловскъ изъ Красноводска. Цѣлая сотня людей въ Красноводскѣ наряжалась ежедневно исключительно для наливапія цистернъ водою и для нагрузки этихъ сосудовъ на баржи. Не говоря уже объ этомъ трудѣ, одна цѣнность воды, привезенной въ Михайловское укрѣпленіе, должна была, разумѣется, свидѣтельствовать о невозможности продолжительнаго снабженія ташъ-арватской части отряда подвозомъ всего необходимаго чрезъ Михайловскій заливъ. По приблизительному расчету моряковъ оказывалось, что ведро полугорько-соленой воды, привезенной изъ Красноводска, по выгрузкѣ въ Михайловскѣ обходилось свыше 1 рубля. Если допустить, что цѣна эта и сильно преувеличена, то все же нельзя не согласиться, что цѣнность топлива во время 12-ти-часоваго плаванія изъ Красноводска до Михайловской пристани и прочіе навигаціонныя расходы, при совершенной невозможности транспортировать воду на большихъ и вмѣстительныхъ судахъ, дѣлали эту первостепенную статью, необходимую для человѣческаго существованія, немовѣрно дорогою. Чтобы помочь этому горю, рѣшено было поставить въ Михайловскѣ водопрѣснитель. Его заказали въ Петербургъ на заводѣ Карра и Макферсона, но исполненіе этого заказа затянулось и прѣснитель привезенъ былъ на восточный берегъ Каспія лишь въ 1873 году, когда Михайловскъ нельзя было уже удержать въ видѣ промежуточнаго складочнаго пункта. Еще большее напряженіе силъ и средствъ вызвала забота о сообщеніи Михайловска съ Ташъ-Арватомъ, отдѣлявшимся отъ перваго сорокаверстнымъ разстояніемъ бугристо-песчаной дороги. Для облегченія конвейрирующихъ транспорты на этомъ пространствѣ, на полупути, въ старомъ руслѣ Оксуса, въ мѣстѣ, именуемомъ Мулла-Кари, построили укрѣпленіе, которое заняли одною ротою. Туда же перемѣстили и всю кавалерію отряда, — послѣднюю для того, чтобы по возможности

сократить пространство, по которому приходилось возить столь грозоздкіе продукты, каковы сѣно и ячмень. Не смотря на то, что нахождение кавалеріи въ Мулла-Кари повидному могло избавить пѣхоту мулла-каринскаго гарнизона отъ конвоирования каравановъ между названнымъ пунктомъ и Михайловскомъ, служба эта все-же таки была почти исключительно возложена на послѣднюю. Это вынуждалось тѣмъ соображеніемъ, что для коннаго конвоя въ Михайловскѣ потребовался бы несравненно большій расходъ воды, тѣмъ для конвоирующей пѣхоты. Между тѣмъ, перейдя въ Ташъ-Арватъ и рѣшившись сохранить этотъ пунктъ, какъ мѣсто постоянного пребыванія въ немъ значительной части нашего отряда, приходилось подумать и о томъ, чтобы помѣстить гарнизонъ въ домахъ. Палатки и войлочные кибитки, само собою разумѣется, не могли удовлетворять условіямъ, требующимся отъ постоянныхъ жилищъ некоего народа. Поэтому рѣшено было построить штабъ-квартиру для Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка, часть котораго находилась въ Ташъ-Арватѣ. Для такой постройки на мѣстѣ имѣлся лишь камень. Остальные строительные матеріалы доставлены были съ западнаго берега Каспія въ Красноводскѣ, но въ Михайловскѣ доставить ихъ не могли, что впоследствии оказалось очень кстати. Матеріалы эти не были перевезены изъ Красноводска опять-таки только потому, что имѣющихся судовъ едва хватало для перевозки въ Михайловскъ питья и пищи. Одинъ порціонный скотъ занималъ почти всѣ палубы, а трюмы въ судахъ, сидящихъ въ водѣ не болѣе двухъ-четырехъ футовъ, само собою разумѣется, не особенно вмѣстительны. Суда же съ болшею посадкою по заливу ходить не могли. Для перевозокъ изъ Михайловска въ Ташъ-Арватъ съ величайшимъ трудомъ закупили 250 верблюдовъ. Верблюды эти стали скородохнуть не по днямъ, а по часамъ. Работать имъ приходилось очень много. Выпускать ихъ на пастбу и давать отдыхъ, не рискуя оставить людей и лошадей безъ корма, было совершенно некогда. Къ тому же нужно было не особенно много времени, чтобы потратить весь кормъ верствъ на 10—15 по обѣ стороны пути между Михайловскомъ и Ташъ-Арватомъ. Вслѣдствіе всего этого, къ іюлю мѣсяцу 1871 года въ отрядѣ едва оставалось въ живыхъ до 40 казенныхъ вьючныхъ животныхъ, совершенно опаршивѣвшихъ отъ безкормицы и усиленнаго труда и едва способныхъ передвигать ноги даже безъ вьюковъ. По туземному способу, чтобы предохранить ихъ отъ совершенной гибели, ихъ вымазали нефтью и выгнали въ степь на произволъ.

судьбы. Желая облегчить положеніе, заказали въ Баку 300 арбъ, приспособленныхъ къ запряжкѣ верблюдами; но когда заказъ былъ выполненъ, доставленъ въ Красноводскъ и испытанъ, то это оказалось непрактичнымъ и непримѣнимымъ, а потому арбы въ дѣло не пошли. Для дальнѣйшихъ перевозокъ снабженія въ Мулла-Кари и Ташъ-Арватъ, еще раньше обратились къ единственному кочевавшему около насъ аулу, который, впрочемъ, все время помогаль отряду своими верблюдами, за неимѣніемъ другой возможности очень дорого обходившимися казнѣ. Ауль этотъ обыкновенно бродилъ на пространствѣ между Красноводскомъ и областью Балханскихъ горъ включительно. Онъ состоялъ изъ чарвы, принадлежащей чомрѣ Красноводска и острововъ Челекени и Огурчинскаго. Нужно пояснить, что туркмены всѣхъ родовъ вообще дѣлятся на чарву, или кочевниковъ, и чомру, или осѣдлыхъ. Между тѣми и другими существуетъ связь родственная, такъ какъ изъ трехъ братьевъ, напримѣръ, двое идутъ въ чарву, жизнь и дѣятельность которой считается болѣе почетною, и лишь одинъ остается въ чомрѣ. Впрочемъ, отношеніе числа кочующихъ къ числу осѣдлыхъ зависитъ также и отъ степени удобствъ различныхъ угодій, принадлежащихъ тому или другому роду, или отъ степени выгодъ, доставляемыхъ промыслами, соединенными съ необходимостью не уходить далеко отъ извѣстныхъ центровъ. На этомъ основаніи, напримѣръ, большую часть рода гокланъ, принадлежащаго къ туркменскому народу, составляетъ чомра. Окрестности Красноводска обилуютъ нефтью и солью, а на названныхъ островахъ, кромѣ того, весьма прибыльно добываніе лебязьихъ шкурокъ и пуха иныхъ морскихъ птицъ, а потому красноводскіе туркмены тоже преимущественно чомра. Чомра и чарва, постоянно нуждаясь другъ въ другѣ, сближаются зимою для обмѣна своихъ избытковъ. Надобно сказать, что настоящею Туркменіею, въ тѣсномъ смыслѣ этого названія, правильно считать полосу земли между Атрекомъ и Гюргеномъ, а равно и ближайшій берегъ къ сѣверу и къ югу отъ этихъ рѣкъ, въ послѣднемъ направленіи до рѣки Кара-су. Почти все, что бродитъ по цѣлой необъятной южной половинѣ пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, Аму-Дарьею и полосою Ахаль-Текинскаго оазиса, втискивается въ атрекъ-гюргенскій промежутокъ, въ которомъ стараются прожить съ конца октября по февраль, т. е. относительно холодную пору года. Но едва только начинается ощущаться тамъ недостатокъ въ овечьихъ и верблюжьихъ кормахъ и едва солнце начнетъ давать привычную туземному народу теплоту и въ про-

странствѣ по правому берегу Атрека, — все, что зимовало близъ береговъ названныхъ туркменскихъ рѣкъ, вновь расплзается по пустынѣ и начинаетъ совершать свое изъ года въ годъ повторяющееся однообразное движеніе въ кругахъ, на которые издревле подѣлено описываемое пространство, по числу туркменскихъ родовъ и другихъ племенныхъ подраздѣленій. Но всѣ эти кочевники были далеки отъ красноводскаго отряда и еще далѣе держали себя отъ послѣдняго. Они соблюдали чрезвычайно деликатныя отношенія къ Хивѣ и совершенно уклонялись отъ всякихъ дружелюбныхъ нашихъ начинаній. Такое ихъ поведеніе объяснялось, во-первыхъ, убѣжденіемъ, наслѣдованнымъ отъ временъ прошлыхъ и заключающимся въ томъ, что Хива для русскихъ недосягаема, а во-вторыхъ — въ образъ дѣйствій хивинскаго хана, который всѣми мѣрами подогрѣвалъ въ нихъ вѣру въ непрочность и непродолжительность нашего пребыванія на восточномъ берегу Каспія. Ко всему этому, между тѣмъ, какъ мы дѣйствовали тамъ исключительно кроткими и даже заискивающими средствами, Хива не переставала проявлять свое значеніе дѣйствіями, производящими большое впечатлѣніе среди номадовъ. Хивинскій ханъ собиралъ вліятельнѣйшихъ людей степи и знакомилъ ихъ съ какимъ то эфенди, выдававшимъ себя уполномоченнымъ турецкаго правительства въ Хивѣ и Бухарѣ. Человѣкъ этотъ показывалъ всѣмъ султанскій фирманъ, коимъ обѣщалась названному ханству самая дѣятельная и дѣйствительная помощь Турціи и даже объявленіе открытой войны Россіи, если она будетъ упорствовать и медлить съ выводомъ своихъ войскъ изъ Средней Азіи (1). Вмѣстѣ съ этимъ ханъ Хивы сталъ сильнѣе разжигать разбойничьи страсти степняковъ. Плата за русскаго плѣннаго въ Хивѣ возвышена была до 100 тилей (2), а за отдѣленную отъ туловища и доставленную въ Хиву русскую голову платилось по 10-ти такихъ же монетъ, причемъ деньги выдавались изъ ханской казны немедленно. Первыя киргизскіе бунтари, Исса, Колбинъ, братья Куловы и другіе, имъ подобныя, осыпанные ханскими милостями, стали возбуждать зависть и соревнованіе также и среди удалцовъ Туркменіи. Партии хивинцевъ начали появляться въ предѣлахъ Оренбургскаго генераль-губернаторства и Мангышлакскаго полуострова, собирая, между прочимъ, и подати въ пользу Хивы.

(1) Репортъ оренбургскаго генераль-губернатора военному министру 13-го марта 1870 года, № 1467-й.

(2) Золотая бухарская монета, равная 3,4 рубля.

Юмуды и каракалпаки получили отъ хивинскаго хана письменныя приказанія (береты) готовиться къ походу противъ русскихъ (¹). Все эти обстоятельства, разумеется, не способствовали нашимъ расчетамъ на сближеніе съ туркменами; и въ сферѣ нашего вліянія нѣсколько оставалась лишь одна красноводско-балханская чарва, которой некуда и нельзя было уйти отъ однокровной ей чомры, хотя она и возбуждала этимъ неудовольствіе Хивы, отражавшееся на ней чрезвычайно тягостно. Ханъ выслалъ нѣсколько сотенъ лучшихъ своихъ всадниковъ, съ приказаніемъ ограбить эту чарву, и велѣлъ при этомъ объявить ей, что, на первый разъ, довольствуется захватомъ части ея верблюдовъ и скота, но если она не прекратитъ сношеній съ русскими, то онъ прикажетъ обобрать ее окончательно. Когда повелѣніе хана было приведено въ исполненіе, наши туркмены послали депутацію въ Хиву съ объясненіемъ своего положенія межъ двухъ огней и съ ходатайствомъ о возвратѣ ограбленнаго, но ханъ не внялъ ихъ мольбамъ и очень упрекалъ ихъ въ содѣйствіи нашей высадкѣ въ Красноводскѣ. Положеніе нашей чарвы съ этого времени стало тѣмъ печальнѣе, что соеѣди ихъ по настоятельнымъ проstrанствамъ, текинцы и гокланы, всегда лакомые къ поживѣ чужимъ добромъ, увнавъ о нежилости къ народу, придерживающемуся насъ, стали ежеминутно угрожать ему своими аламанами (²). Не смотря на такое положеніе чарвы, она одна стала выводить отрядъ нашъ изъ крайности, въ которой онъ находился, будучи лишень собственныхъ перевозочныхъ средствъ; но и при этой помощи дѣло наше изо дня на день становилось все труднѣе и труднѣе. Баржи, доставлявшія грузъ изъ Красноводска, еще и прежде не особенно надежныя, видимо портились. Пароходы и баркасы, буксировавшія нарусныя суда часто переставали работать, требуя продолжительныхъ починокъ и времени для чистки котловъ, въ которыхъ обыкновенно грѣлась не прѣсная, а сильно насыщенная солью вода Михайловскаго залива и, вообще, юго-восточной части Каспійскаго моря. При такихъ условіяхъ стало обыкновеннымъ, что не только грузамъ, но начальнику отряда приходилось ходить изъ Красноводска въ Михайловскъ на парусахъ. Если принять

(¹) Отношеніе штаба Дагестанской области къ начальнику красноводскаго отряда отъ 23-го іюля 1870 года, № 1953-й, и отвѣтъ полковника Столѣтова отъ 19-го августа 1870 года, № 1070-й.

(²) Доносеніе чрезвычайнаго додла нашего при дворѣ персидскомъ господину государственному канцлеру, отъ 4-го іюня 1871 года, № 21-й. «Аламанъ» значитъ набѣгъ съ цѣлью грабежа, а при самомъ нападеніи это слово употребляется, какъ воинственный крикъ для воодушевленія, подобно нашему «ура».

при этомъ въ расчетъ и то, что было уже сказано о Михайловскомъ заливѣ, можно будетъ судить, какъ быстро было движеніе по этому пути. Если вѣтеръ бывалъ попутенъ по одному колѣну залива, то, слѣдовательно, онъ былъ противенъ по другому, такъ какъ многія колѣна лежатъ подъ острыми углами другъ къ другу. Фарватеръ узокъ до того, что если чуть-чуть уклонялся носъ судна, послѣднее немедленно садилось на мель. Слѣдовательно, лавировать было невозможно. Наконецъ, даже самъ фарватеръ, благодаря вѣтрамъ, непостояненъ и, какъ о томъ тоже было уже упомянуто, до того мелокъ, что иногда приходилось прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ, чтобы буквально перетащить судно чрезъ отмель. Достойные полной похвалы за службу нашему отряду, не знавшіе покоя наши славные каспійскіе военные моряки часто несли по истинѣ каторжный трудъ. Нерѣдко случалось видѣть, какъ матросы, по ихъ выраженію, завозили якорь, т. е., уложивъ его въ лодку, отвозили сажень на 30—50 впередъ и потомъ притягивали къ якорю судно, перебирая канатъ руками и въ то же время работая у самага судна по грудь въ водѣ. Конечно, обо всемъ этомъ отлично зналъ начальникъ отряда и все это, само собою разумѣется, не могло его не волновать; но, перейдя къ Балханамъ, ему нельзя было уже уйти оттуда обратно въ Красноводскъ. Въ чемъ именно состояло тамъ дальнѣйшее наше дѣло и какъ оно должно было быть въ то время ведено, отдать себѣ отчетъ для ближайшихъ распорядителей было крайне затруднительно. Всѣ сознавали лишь то, что дѣло это не додѣлано и что узелъ его, который необходимо слѣдовало разсѣчь, находится не сзади, а впереди: гдѣ-то за тою пустынею, которая разстилалась по направленію къ востоку, а не у берега моря. Отрядъ былъ перевезенъ на восточный берегъ Каспія при обстановкѣ не заурядной: при высадкѣ и послѣ нея были принимаемы въ немъ возможныя и необходимыя военныя предосторожности. Все это порождало какое то чувство напряженнаго ожиданія въ каждомъ и всѣ хотѣли сослужить исключительную службу родинѣ. Эти благородныя чувства испытывали въ красноводскомъ отрядѣ всѣ, начиная отъ послѣдняго солдата до начальника отряда включительно, а мѣстныя средства для выполненія завѣтныхъ мечтаній, можно сказать, видимо подтачивались съ каждымъ днемъ. Чтобы выйти изъ такого состоянія, полковникъ Столѣтовъ предложилъ походъ въ Хиву. Хладнокровно взвѣсивая положеніе дѣлъ того времени за Каспійскимъ моремъ, какъ кажется, можно съ основаніемъ думать, что еслибы ему безъ всякихъ возраженій предоста-

вили немедленно исполнить это предложеніе на его собственный страхъ и рискъ, то онъ скоро бы удостовѣрился, что идти въ Хиву, по недостаточной готовности отряда и, вообще, по недостаточной подготовкѣ дѣла, было нельзя. Но въ ту пору въ Петербургѣ, въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительно вполнѣ искренно не хотѣли даже объ этомъ и слушать. Поэтому, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, предложенію походу начальнику отряда тѣмъ болѣе казался онъ легокъ и необходимъ, чѣмъ болѣе противопологалось препятствій его предложенію.

Было уже сказано выше, что въ описываемую эпоху закаспійскіе туземцы усиленно подстрекались Хивою ко всякаго рода враждебнымъ предпріятіямъ въ отношеніи насъ. Результатъ такого порядка вещей, между прочимъ, выразился и въ томъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1870 года одно изъ наиболѣе воинственныхъ туркменскихъ племенъ, а именно текинское, попыталось напасть на нашъ Михайловскій постъ. Не смотря на раннюю пору дня и совершенную неожиданность событія, рота, составлявшая гарнизонъ этого укрѣпленія, быстро вышла по тревогѣ. Текинцы не успѣли еще осмотрѣться, какъ пѣхота наша направила на нихъ сперва бѣлый огонь своихъ ружей, а потомъ и залпы, порядочно смѣшавшіе ихъ ряды. Къ этому скоро присоединились орудійные выстрѣлы не только съ вала укрѣпленія, но и съ военного судна, стоящаго у берега. Текинцы, подобравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, отъѣхали обратно. Случай этотъ составилъ пріятное развлеченіе для нашего отряда, чрезвычайно однообразно проводившаго дотолѣ свое время. Онъ тѣмъ болѣе порадовалъ красноводцевъ, что вслѣдъ за этимъ начальнику отряда дано было разрѣшеніе наказать текинцевъ. 30-го ноября 1870 года полковникъ Столѣтовъ, съ отрядомъ въ 400 штыковъ, три орудія и двѣ сотни казаковъ, пошелъ въ Теке. Довольствіе было рассчитано на 20 сутокъ. Тяжести везлись на 500 верблюдахъ, которыхъ до послѣдняго забрали у ближайшихъ туркменъ. 10-го декабря отрядъ дошелъ до ближайшей текинской крѣпости Кизиль-Арватъ, но изъ нея жители ушли въ степь еще раньше нашего прихода. Дальше отрядъ не пошелъ и 20-го декабря возвратился въ Ташъ-Арватъ, сдѣлавъ, считая въ оба конца, болѣе 400 верстъ. Не смотря на то, что за бѣгствомъ текинцевъ побить ихъ не удалось, военная прогулка эта безспорно имѣла хорошія послѣдствія. Не говоря уже о томъ, что получился маршрутъ пути въ 200 верстъ длиною, кочевники съ этого времени удостовѣрились, что не для однихъ хивинцевъ досягаемы ихъ пристанища. Быть можетъ, именно этому по-

ходу обязаны мы тѣмъ, что набѣги текинцевъ на пункты постоянно нашего расположенія въ послѣдствіи уже не повторились. Но если, съ одной стороны, движеніе въ Кизиль-Арватъ имѣло хорошія стороны, то все-же таки оно нисколько не уменьшило неудобствъ, съ которыми сопряжена была наша стоянка въ Балханахъ. Каждый день все болѣе и болѣе удостовѣрялъ, что уйти оттуда безусловно необходимо, ибо стоять тамъ и дорого, и трудно, и бесполезно.

Въ такомъ положеніи находился красноводскій отрядъ, когда, въ маѣ мѣсяцѣ 1871 года, Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Кавказскою арміею угодно было командировать въ Закаспійскій край начальника окружнаго штаба, генерала Свистунова, для оцѣнки положенія дѣлъ на мѣстѣ. По прибытіи въ районы расположенія красноводскаго отряда и по всестороннему изученіи вопроса, генераль Свистуновъ пришелъ къ заключенію, что оставленіе балханскихъ позицій необходимо и можетъ быть исполнено безъ ущерба нашему значенію; но, дабы не подать кочевникамъ повода къ предположеніямъ, для насъ неблагоприятнымъ, предпочтительнѣе отойти къ Красноводску, сдѣлавъ предварительное рекогносцировочное движеніе впередъ, хотя бы, напримеръ, до колодца Туваръ и даже далѣе въ востокъ, а затѣмъ подойти къ первоначальному пункту нашей высадки или къ устью рѣки Атрека, конечно, — сухимъ путемъ, воспользовавшись морскимъ путемъ изъ Михайловска въ Красноводскъ лишь для направленія по нему всего важнѣшаго для рекогносцировки и, вообще, всякихъ накопившихся въ Балханахъ пригодныхъ тяжестией. Въ этомъ духѣ генераломъ Свистуновымъ, именемъ Главнокомандующаго и по уполномочію Его Императорскаго Высочества, дано было предписаніе начальнику красноводскаго отряда. Исполненіе по этому предписанію, вполнѣ одобренному Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, однако-же, замедлилось, — нужно полагать, по неизбѣгну средства для передвиженія, а вскорѣ послѣ этого на мѣсто полковника Столѣтова начальникомъ красноводскаго отряда назначенъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ Маркововъ. По службѣ своей въ штабѣ Кавказскаго округа, новый начальникъ отряда былъ хорошо знакомъ со всеми закаспійскими дѣлами, находившимися въ вѣдѣніи кавказскаго начальства. Ему также хорошо была извѣстна воля Августѣйшаго Главнокомандующаго за счетъ дальнѣйшаго направленія дѣлъ въ Красноводскѣ. Кромѣ того, онъ сопровождалъ генерала Свистунова во время его поѣздки въ Закаспійскій край и,

слѣдовательно, еще до своего назначенія лично видѣлъ положеніе отряда во всѣхъ пунктахъ его расположенія.

Въ юльмѣсяцѣ 1871 года, отправляясь къ мѣсту новаго своего служенія, начальникъ отряда прежде всего поѣхалъ на островъ Ашуръ-Аде. Его очень тревожила мысль о вѣроятныхъ затрудненіяхъ, которыя должны были встрѣтиться при добываніи верблюдовъ для предстоящей рекогносцировки и перехода въ Красноводскъ. Онъ зналъ, что даже и при полномъ напряженіи средствъ балканская чарва не въ состояніи уже была дать и трети того числа вычмыхъ живогинихъ, которое было необходимо отряду. Поэтому главнѣйшею цѣлью его поѣздки было желаніе разъяснить себѣ вполнѣ, въ какую степень зависимости можно отъ насъ поставить атрексскую чожру при содѣйствіи нашей Ашуръ-Адинской военной морской станціи и какую пользу можно извлечь изъ ея чарвы посредствомъ того давленія, которое окажется въ нашей возможности. Получивъ на Ашурѣ вѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія, въ два часа ночи съ 28-го на 29-е число, начальникъ красноводскаго отряда, въ сопровожденіи прапорщика корпуса топографовъ Федюхина и переводчика станціи, снялся съ якоря. На канонирской паровой лодкѣ «Тюлень», на которой шель онъ, кромѣ того находилось челоуѣкъ 20 военныхъ матросовъ, специально назначенныхъ въ конвой при высадкѣ на туркменскій берегъ. Лодка вела на буксирѣ баркасъ «Быстрый», который тоже все время поддерживалъ пары. Около полудня 29-го июля судно достигло высоты аула Чекишляръ и приблизительно въ трехъ миляхъ отъ послѣдняго, по невозможности подойти ближе, «Тюлень» бросилъ якорь. Дальнѣйшее путешествіе пришлось сдѣлать десанту на баркасѣ, который сидѣлъ въ водѣ не болѣе 3 $\frac{1}{2}$ —4 фут., но и онъ далеко не могъ подойти къ берегу, а потому съ «Тюленя» были поданы сигнальные свистки и сдѣланъ сигнальный орудейный выстрѣлъ, по которому пять туркменскихъ старшинъ подплыли къ «Быстрому» въ кулазахъ, т. е. въ туземныхъ плоскодонныхъ лодкахъ. Сообщивъ имъ свое желаніе видѣть аулъ и его окрестности, начальникъ отряда приказалъ четверемъ изъ старшинъ остаться на нашемъ суднѣ, въ видахъ гарантірованія порядка и безопасности, а пятому сопровождать десантъ нашъ въ аулъ. Ступивъ на берегъ и давъ матросамъ оправиться, десантъ двинулся дальше. Между тѣмъ, какъ прапорщикъ Федюхинъ занялся съемкою аула и его окрестностей, начальникъ отряда употребилъ свое время на подробное ознакомленіе съ бытомъ жителей и на распросы, имѣвшіе вышесказанную цѣль. Въ продолженіе всего времени

пребыванія нашего десанта въ аулѣ, туркмены соблюдали полное спокойствіе и, не смотря на свою обычную скрытность и недовѣріе, дали, однакоже, многія показанія, долженствовавшія въ послѣдствіи послужить къ удовлетворенію нашихъ цѣлей и выполненію нашихъ задачъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени, а главное—полная зависимость отъ срочности отхода изъ Ашуръ-Аде рейсоваго парохода общества «Кавказъ и Меркурій», дозволили употребить на рекогносцировку не болѣе сутокъ времени. Поэтому, оставивъ на названномъ островѣ прапорщика Федюхина и давъ ему инструкцію для дальнѣйшихъ топографическихъ и описательныхъ работъ въ нивовьяхъ рѣкъ Атрека и Гюргена, а также получивъ отъ начальника военно-морской станціи полное согласіе на оказаніе содѣйствія успѣху этого дѣла, начальникъ отряда отправился въ Красноводскъ, въ который прибылъ 6-го августа. Здѣсь кстати будетъ сказать, что, не смотря на кратковременность посѣщенія юго-восточныхъ береговъ и прибрежныхъ частей Каспійскаго моря, послѣ этой рекогносцировки вполнѣ выяснилось, а послѣдующими обстоятельствами подтвердилось и продолжаетъ подтверждаться, что признаніе нами въ 1868 г. рѣки Атрека нашею государственною границею со стороны Персіи было одною изъ ошибокъ съ нашей стороны. Ошибка эта со временемъ, несомнѣнно, будетъ исправлена; но то, что могло и должно было достаться намъ совершенно легко, вѣроятно потребуетъ извѣстныхъ усилій и даже нѣкоторыхъ жертвъ. Природа и образъ жизни человѣка по правому и лѣвому берегамъ Атрека вполнѣ тождественны. И тамъ, и тутъ, вплоть до киргизскихъ кочевковъ къ сѣверу и до рѣки Кара-Су къ югу, живутъ одни и тѣ же туркмены-юмуды, которые къ тому-же, какъ было уже сказано, кочуютъ то на одномъ берегу Атрека, то на другомъ, смотря по времени года. Какія пограничныя затрудненія создаетъ подобное обстоятельство, наглядно показывала наша граница съ тою же Персіей по Атреку, гдѣ, до послѣдняго времени, нашему кордону приходилось нерѣдко вести перестрѣлку съ кочевниками, живущими тамъ, которые также переходили пограничную рѣку, проводя часть года въ предѣлахъ и подданствѣ Россіи, а другую часть—Персіи. Такимъ образомъ, Атрекъ не составляетъ этнографической границы. Въ смыслѣ живаго рубежа, Атрекъ мало разнится отъ Кара-Су, а тѣмъ болѣе отъ Гюргена, и во всякомъ случаѣ не имѣетъ правъ какого-либо Дуная или чего-нибудь въ этомъ родѣ, ибо вездѣ легко проходимъ въ бродъ, за исключеніемъ, конечно, періодовъ разлитія. Точно

также Персія никогда не имѣла никакихъ правъ на полосу земли между Атрекомъ и Кара-Су, ибо никогда фактически ею не владѣла. На всемъ этомъ пространствѣ можно было видѣть персовъ только въ качествѣ рабовъ у туземнаго населенія. Почти не было кибитки, у хозяина которой не нашлось бы, по крайней мѣрѣ, одного перса, прикованнаго на цѣпь; но были и такіе персы, которые, испытавъ всѣ мѣстные приемы, употреблявшіеся туркменами для примиренія своихъ невольниковъ съ мыслью о вѣчномъ рабствѣ, свыклись съ послѣднею и, спокойно служа своимъ хозяевамъ, даже и не мечтали о возвращеніи на близкую свою родину. Впослѣдствіи, когда красноводскій отрядъ приблизился къ гнѣзду туркменскихъ хищниковъ и сталъ укрощать ихъ разбойничьи порывы и за Атрекомъ, ему много разъ доводилось освобождать персовъ, томящихся въ ямахъ на желѣзной привязи, и отправлять ихъ въ Астрабадъ, чрезъ посредство нашего астрабадскаго консула или Ашуръ-Адинской морской станціи, которая и сама обязана своимъ существованіемъ необходимости оберегать Персію отъ туркменъ со стороны моря, что именно было принято на себя Россіею по Туркменчайскому договору. По поводу отношеній туркменъ къ персамъ весьма любопытныя свѣдѣнія даетъ, между прочимъ, извѣстный знатокъ и очевидецъ тѣхъ мѣстъ, Вамбери, въ своемъ «Путешествіи по Средней Азій».

«Чего не перечувствуетъ,—говоритъ онъ,—персіанинъ, будь онъ самый жалкій бѣднякъ, когда ночью нападуть на него туркмены и, покрытаго тяжкими ранами, увлекутъ далеко отъ родной семьи. Платье его замѣнятъ лохмотьями, едва прикрывающими тѣло, руки и ноги закуютъ въ тяжелыя цѣпи, невыносимо терзающія при малѣйшемъ движеніи, и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль станутъ кормить отвратительною пищею? На ночь, чтобы сдѣлать невозможною даже и самую попытку къ побѣгу, надѣнутъ на него желѣзный ошейникъ съ цѣпью и прикрѣпятъ ее къ колодѣ, чтобы бряцаніемъ своимъ она изобличала малѣйшее его движеніе. Конецъ мученьямъ настанетъ тогда, когда родственники внесутъ выкупъ или туркмены отправятъ его на продажу въ Хиву или Бухару. Никакъ не могъ я,—продолжаетъ Вамбери,—привыкнуть къ бряцанью цѣпей, раздававшемуся въ палаткѣ каждаго туркмена, имѣющаго претензію на почетъ и значеніе». Путешественникъ этотъ самъ бывалъ свидѣтелемъ того, какъ возвращались туркмены изъ-за Гюргена, съ обильною живою добычею. Онъ совершенно справедливо утверждаетъ также, что одно имя Атрека, придаваемое рѣкѣ и всей

прилегающей къ ней мѣстности, наводитъ необыкновенный страхъ на несчастныхъ жителей Мазандерана и Таберистана, и что персианцы только въ сильномъ гнѣвѣ рѣшается на страшныя слова: «Атрекъ бюфти», что въ переводѣ значить: «чтобы тебѣ попасть на Атрекъ». Эта картина жизни въ предѣлахъ пространства, признаннаго Россією персидскимъ владѣніемъ, конечно относится до 1863 года; но ко времени начала дѣятельности красноводскаго отряда на восточномъ берегу Каспійскаго моря обстоятельства ничуть не измѣнились. Доказательствомъ этого можетъ служить письмо начальника Ашуръ-Адинской морской станціи къ начальнику красноводскаго отряда, помѣченное 29-го іюля 1871 года, № 814. Оно было написано съ тою цѣлью, чтобы извѣстить начальника красноводскаго отряда о предполагаемомъ нападеніи на него туркменъ-атабаевъ, вмѣстѣ съ текидцами и хивинцами. При этомъ начальникъ Ашуръ-Адинской станціи писалъ слѣдующее: «Здѣсь убѣждены, что движеніе атабаевъ поддерживаетъ персидскій правитель Астрабада, дѣлая это не съ цѣлью нанести намъ вредъ, но желая отвлечь атабаевъ отъ грабежей въ предѣлахъ управляемой имъ провинціи и будучи увѣренъ, что они сильно страдаютъ, сдѣлавъ нападеніе на наши войска». Во всякомъ случаѣ, для очевидца тѣхъ мѣстъ и въ то время не подлежало сомнѣнію, что пребываніе красноводскаго отряда на восточномъ берегу Каспія, съ перваго же дня его высадки, начало оказывать существенную услугу Персіи, а также и то, что для нашего вліянія въ степи и для установленія желаемыхъ торговыхъ сношеній Красноводскъ былъ выбранъ неудачно. По крайней мѣрѣ, подъ впечатлѣніемъ сравненія кочевой жизни въ земляхъ, прилегающихъ къ юго-восточнымъ берегамъ Каспія, и, такъ сказать, мертвой тишины въ районѣ расположенія красноводскаго отряда, начальникъ послѣдняго, между прочимъ, доносилъ начальнику кавказскаго окружнаго штаба такъ (1):

«Осмѣливаюсь обратить вниманіе вашего превосходительства на ту важность, которую представляетъ для насъ во всѣхъ отношеніяхъ дельта Гюргена, и выказать свое мнѣніе на счетъ того, что если болѣе широкія соображенія дѣйствительно связываютъ насъ съ восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря и владычество наше въ земляхъ, прилегающихъ къ тому берегу, признается неизбежнымъ, то ванятіе дельты, о которой я докладываю, отдастъ въ наши руки всѣ сухопутныя средства значительной части туркменъ

(1) Письмо № 1-В, отъ 3-го августа 1871 г.

скаго народа и его сухопутную торговлю, такъ точно, какъ занятіе острова Ашура отдадо въ наше распоряженіе всѣ морскія средства туркменъ и ихъ морскую торговлю. Занявъ какой-нибудь пунктъ на дельтѣ небольшимъ гарнизономъ, приблизительно двухротнаго состава, и имѣя половину этихъ силъ, съ двумя-тремя орудіями, всегда готовою для движеній, при этомъ дѣйствуя рука объ руку съ нашею Астрабадскою морскою станціею, — мы будемъ вполне господствовать надъ туркменами. Для сообщеній съ этимъ гарнизономъ не будетъ намъ никакой надобности дѣлать какіе-либо крупные расходы. Пароходное сообщеніе западнаго берега съ Амуромъ все равно существуетъ. Провіантскій магазинъ, имѣющійся на Ашуръ-Аде для довольствія матросовъ, легко можетъ продовольствовать и сухопутную часть, расположенную отъ него всего въ 12—15 морскихъ миляхъ, а для перевозки провіанта изъ Ашура можно вполне удовлетворяться судами станціи, которыя все равно постоянно крейсеровать у береговъ, между Гюргеномъ и Атрекомъ. Климатическія условія страны даютъ возможность чрезвычайно ограничить наши расходы и на инженерныя постройки. Лѣса много на персидскомъ Гязскомъ берегу, гдѣ онъ очень дешевъ. Камышъ имѣется вездѣ на мѣстѣ и въ изобиліи. Нѣтъ сомнѣнія, что при осуществленіи этой мысли нужно будетъ ожидать протеста Персіи, но это государство будетъ протестовать лишь для успокоенія совѣсти, такъ какъ въ сущности оно очень хорошо понимаетъ, какое благодѣяніе приноситъ ему наше пребываніе въ его сосѣдствѣ, на Ашурѣ, а также и то, какія бѣды претерпѣвала бы богатѣйшая изъ его провинцій, Астрабадская, нѣрѣдко и теперь проимая туркменами съ суши, если-бы Россія предоставляла ее собственнымъ ея силамъ и средствамъ».

Съ прибытіемъ въ Красноводскъ новаго начальника отряда, прежде всего приступлено было къ сокращенію наличнаго состава, такъ какъ признано было, что численность отряда слишкомъ велика для выполненія задачъ, на него возложенныхъ, т. е. для рекогносцировокъ, и въ то же время недостаточна для цѣлей болѣе широкихъ, о которыхъ, впрочемъ, перестали совершенно мечтать въ отрядѣ въ виду полученія вполне категорическихъ инструкцій. Сокращенія эти, само собою разумѣется, прежде всего выразились въ отправленіи обратно, на западный берегъ Каспійскаго моря, всѣхъ людей, состояніе здоровья которыхъ, по освидѣтельствованіи комисіи изъ врачей, не вполне ручалось за возможность перенесенія предстоявшихъ усиленныхъ трудовъ. Въ частяхъ пѣхоты и ар-

тилеріи такихъ людей оказалось до 60 человекъ. Кромѣ того, въ виду дороговизны содержанія кавалеріи въ Красноводскѣ и особенныхъ затрудненій при хожденіи ея по безводнымъ степямъ, изъ двухъ съ половиною сотенъ казаковъ оставлено въ составѣ отряда лишь 130 всадниковъ, остальные же возвращены на западный берегъ, такъ точно, какъ и команда саперъ. Послѣ этихъ сокращеній, красноводскій отрядъ дѣятельно приступилъ къ подготовительнымъ работамъ; для предстоящаго движенія въ пустыню. Части, назначенныя въ походъ, принимали изъ складовъ двухмѣсячное свое продовольствіе, готовили сосуда для возки съ собою воды, сколачивали кедровыя, т. е. деревянныя рамы, обыкновенно навѣшиваемыя на верблюжьи сѣдла для укладки выюковъ съ грузомъ на двѣ стороны, вязали самыя выюки и прочее. Одновременно съ этимъ въ Ташъ-Арватѣ велись переговоры съ различными ханами и агъ-сакалами, т. е. старшинами (въ буквальномъ переводѣ бѣлобородыми) о доставленіи отряду необходимыхъ ему верблюдовъ. По введенному порядку, въ видахъ установленія добраго согласія съ туземцами, управленіе отряда принимало всѣхъ пріѣзжавшихъ гостей съ кажущимся радушіемъ, превосходящимъ всякіе предѣлы. Цѣлыя десятки всякаго рода тунеядцевъ обыкновенно недѣлями проживали при отрядѣ, угощаясь на счетъ послѣдняго и всегда получая предъ отъѣздомъ болѣе или менѣе цѣнные подарки, въ видѣ халатовъ, часовъ, перстней, сахара, кусковъ сукна и пр. Расчетъ нашъ, основанный на этомъ, само собою былъ правиленъ, но благотворныя плоды его могли обнаружиться очень не скоро, — на это требовались сотни лѣтъ, отряду же необходимы были перевозочныя средства немедленно. Тѣмъ не менѣе, начальникъ отряда не желалъ до времени принимать какихъ-либо иныхъ мѣръ, а потому весьма дружелюбно принялъ туркменъ, находившихся тогда въ Ташъ-Арватѣ. Нѣсколько знакомый съ турецкимъ языкомъ, почти не рознящимся съ языкомъ туземнымъ, онъ разговаривалъ отдѣльно съ каждымъ изъ гостей и въ заключеніе, одаривъ ихъ, приказалъ раздать имъ для распространенія экземпляры открытаго письма къ народу. Къ письму тому и его копіямъ, написаннымъ по-туркменски, по туземному обычаю, были приложены печати. Въ нихъ заключался буквальный переводъ слѣдующаго:

«Я присланъ сюда сардаремъ, братомъ нашего Великаго Государя, продолжать дѣло, начатое полковникомъ Столѣтовымъ. Если кто-нибудь изъ васъ думаетъ, что дѣло это состоитъ въ томъ, чтобы воевать, тотъ очень ошибается. Всѣ вы знаете, что мы съ тѣхъ

поръ какъ пришли, а это уже почти два года, не тронули никого и пальцемъ, кромѣ, разумѣется, Теке, которые сами вызвали насъ на то нападеніемъ на Михайловскій постъ и которые потому заслуживали еще большаго наказанія, но помилованы. Земель и подданныхъ у Русскаго Царя много. Вы вѣрно слышали, что русскіе живутъ уже въ Ташкентѣ и Самаркандѣ. Русскихъ вы видите и здѣсь. Подумайте-же, какъ велико наше государство и нужна-ли намъ Хива. Если бы мы хотѣли ее брать, то не отсюда пошли-бы туда. Между вами здѣсь находится Ата-Мурадъ-ханъ (¹). Вотъ спросите его и онъ вамъ скажетъ, какъ самъ видѣлъ, что 12 лѣтъ тому назадъ русскіе были въ Кунградѣ. Онъ же объяснитъ вамъ, что войско, которое могло придти въ Кунградъ, не затруднится, если захочетъ, дойти и до Хивы. Въ Кунградъ мы можемъ прѣѣхать на пароходахъ, а отсюда туда нужно ѣхать на верблюдахъ, что, разумѣется, менѣе удобно. Значить, не воевать пришли мы сюда, а пришли потому, что сардарю нашему угодно, чтобы купцы наши познакомились съ вашими купцами, продавали бы имъ, что вамъ нужно, и покупали-бы у васъ лишніе вамъ, а намъ нужные товары и чрезъ то обогащали вашихъ хановъ, васъ самихъ и себя. Для того, чтобы торговать, надобно узнать дороги, по которымъ слѣдуетъ возить товары. Вотъ, для того, чтобы узнать эти дороги, мы сюда-то и присланы. Для этого намъ нужны верблюды. Верблюдовъ много и у насъ самихъ. Это видѣлъ и Софи-ханъ, и Назаръ (²), и всѣ, которые были въ Баку. Значить мы, конечно, могли бы привести и своихъ верблюдовъ, но этого покуда не думаемъ, такъ какъ хотимъ испытать, правду-ли вы говорите, что готовы служить намъ. Приказываю ханамъ, чтобы чрезъ 15 дней было приведено въ отрядъ 600 верблюдовъ и 70 верблюдовожатыхъ. Желаю очень жить со всѣми вами дружно, такъ, какъ приказалъ сардаръ, а потому совѣтую вамъ, чтобы въ числѣ 600 верблюдовъ были не только джафарбайскіе, но и атабайскіе, и текинскіе верблюды. Впрочемъ, какъ хотите, такъ и дѣлайте, только помните при этомъ, что сардаръ приказалъ также, въ случаѣ нужды, показать вамъ дѣломъ, а не словомъ, что мы можемъ не только дойти до Кизиль-Арвата, но и идти дальше, не позволить ни одному человѣку кочевать

(¹) Ата-Мурадъ-ханъ, одинъ изъ наиболѣе вѣстныхъ хановъ туркменъ, кочующихъ въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, враждовавшій съ ханомъ хивинскимъ и съ 1858 г. постоянно обнаруживавшій преданность Россіи.

(²) Софи-ханъ и Назаръ—текинцы изъ Кизиль-Арвата.

близъ Балханъ и даже не допустить сѣять хлѣбъ по Гюргену и что я не смѣю не исполнить этого приказанія».

Будучи, какъ и все азіятцы, большими любителями всякой новосты, гости-туркмены на перерывъ разбирали этотъ беретъ (1) и давали самыя торжественныя увѣренія, что приказанное въ немъ будетъ ими выполнено въ точности. Въ ожиданія исполненія этого обѣщанія, на которое продолжительный опытъ научилъ насъ полагать своль возможно менѣе надеждъ, начальникъ отряда вынужденъ былъ экстренно уѣхать въ Красноводскъ. Тамъ появилась холера, занесенная, какъ полагали, изъ сосѣдней Персіи, гдѣ она въ 1871 году дѣйствительно гнѣздилась. Надобно было принять самыя серьезныя мѣры противъ распространенія этой ужасной болѣзни въ остальныхъ пунктахъ расположенія отряда, что, само собою разумѣется, было дѣломъ крайне труднымъ, такъ какъ необходимость перевозки продовольствія для частей, находившихся на балханскихъ позиціяхъ, не дозволяла полнѣйшаго изолированія пункта, въ которомъ появилась эпидемія. Тѣмъ не менѣе, благодаря Бога, болѣзнь не заходила далѣе Михайловскаго залива, на которомъ, собственно на транспортирующихъ судахъ, умерло всего двое, тогда какъ въ Красноводскѣ съ 12-го по 25-е августа скоронили 34 человѣка. Конечно, и это послѣднее число не могло бы считаться особенно значительнымъ, еслибы весь гарнизонъ названнаго пункта не состоялъ въ то время всего изъ двухъ ротъ весьма слабаго состава. Но при этомъ послѣднемъ условіи, а также принимая въ расчетъ, что умирали одинъ изъ двухъ-трехъ заболѣвающихъ, нельзя не прийти къ справедливому заключенію, что 5-я и 7-я роты Кабардинскаго пѣхотнаго полка должны были пережить за это время ужасныя испытанія. Наливаніе цистернъ, нагрузка и разгрузка судовъ, служба при интендантскихъ складахъ и прочее,—все это необходимо должно было идти и шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, между тѣмъ какъ столь же неизбѣжно требовался еще и значительный нарядъ людей для растиранія больныхъ и вообще для ухода за ними. Правда, эпидемія длилась не долго, и благоприятное обстоятельство это, конечно, было выше людской власти, но справедливость требуетъ сказать, что военные врачи Красноводска превзошли тогда всякую мѣру похвалы, неутомимо прилагая свои старанія и свои знанія къ спасенію страдавшихъ. Въ то же время и всѣ находившіеся тамъ офицеры, которыхъ только пощадила холе-

(1) Письменный документъ.

ра, безъ различія чиновъ, дѣлили весь тяжелый трудъ съ нижними чинами. Они добровольно проводили все свободное отъ службы время среди больныхъ, растирая ихъ, и вообще ясно выразили ту любовь къ солдатамъ, которая у кавказскихъ офицеровъ никогда не имѣла границъ и которая всегда находила тысячи разъ доказанную взаимность въ серьезныхъ критическихъ минуты славной, почти вѣковой Кавказской войны. Между тѣмъ, не смотря на то, что со дня врученія туркменамъ письма встекъ цѣлый мѣсяцъ и время становилось дороже и дороже, въ Ташъ-Арватѣ все шло по старому. Угощенія и задравиванія продолжались, продолжались и обѣщанія туземцевъ, но ничто еще не обезпечивало вѣроятности предстоящей рекогносцировки, ибо къ тому времени подневольная намъ чарва могла, въ самомъ лишь крайнемъ случаѣ, дать отряду до 180 верблюдовъ, а о движеніи нельзя было и помышлять, не имѣя по крайней мѣрѣ 500 вьючныхъ животныхъ. Оставшіяся въ Ташъ-Арватѣ старшимъ, 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка майоръ Мадчавариани, служившій въ отрядѣ со дня его сформированія и хорошо ознакомившійся со всѣмъ, насъ тамъ окружавшимъ, въ своихъ ежедневныхъ донесеніяхъ начальнику отряда, между прочимъ, сообщалъ имена набѣзжавшихъ къ намъ представителей туземнаго народа, маленькую характеристику ихъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о степени вліянія, которымъ пользовался тотъ или другой въ своемъ племени. Владѣя нѣсколько турецкимъ языкомъ и непосредственно собесѣдуя съ каждымъ изъ гостей, а также провѣряя свои заключенія распросами безспорно намъ преданнаго старика Ата-Мурадъ-хана, этотъ превосходный и столь извѣстный своею исключительно выдающеюся службою въ красноводскомъ отрядѣ штабъ-офицеръ обнаружилъ, что атрекская чарва была необыкновенно взволнована высадкою начальника отряда въ Чекишларѣ 29-го іюля, его осмотромъ окрестностей аула и дальнѣйшими рекогносцировками между Атрекомъ и Гюргеномъ, производимыми прапорщикомъ Федюхинымъ. Она тревожилась и тѣмъ, что баркасъ, возившій названнаго офицера и его прикрытіе, во время съездовъ на сушѣ входилъ въ устье Гюргена и занимался измѣреніями глубины моря и рѣки. Майору Мадчавариани удалось вывѣдать, что вѣсть обо всемъ этомъ, какъ всегда бываетъ среди народа, привычное теченіе жизни котораго нарушается лишь разъ въ какіе нибудь десятки лѣтъ, проникла въ глубь страны въ чрезвычайно преувеличенномъ видѣ и что 20 матросовъ съ однимъ казакомъ, сопровождавшимъ начальника отряда, въ пылкомъ воображеніи туземцевъ, не бывшихъ очевидцами высадки 29-го

юля, выросли въ цѣлыя полчища, состоящія изъ всѣхъ родовъ оружія. Туркмены, какъ оказалось, предполагали также, что доставившая насъ въ Чекшляръ канонирская лодка «Тюлень», сдѣлавшая для вызова кулазовъ одинъ сигнальный орудійный выстрѣлъ, вся была переполнена артилеріею. Но особенно пріятнымъ въ рапортѣ маіора Мадчаваріали было то, что атрекская чарва, сочтя чекишплярскую рекогносцировку за серьезное начало нашего наступленія со стороны Атрека и удалясь оттуда между прочимъ и по направленію къ сѣверу, въ окрестности Шаирды и колодезь Бугдали, рѣшила съ этого времени держать, на всякій случай, своихъ соглядатаевъ при управленіи нашего отряда въ Балханскихъ горахъ. Это обстоятельство было выгодно для насъ въ томъ отношеніи; что пребываніе въ отрядѣ этихъ соглядатаевъ дало впослѣдствіи возможность добыть перевозочныя средства у приатрекскихъ кочевниковъ. Вообще нужно замѣтить, что составъ этихъ тунедцевъ въ нашемъ отрядѣ и выросъ, и нѣсколько измѣнился. Между ними стали появляться и такіе, которые двусмысленностью своего поведенія успѣли уже истощить необычайное терпѣніе полковника Столѣтова и даже, осиливъ всѣмъ извѣстную многопрощающую любовь его къ этому народу, лишены были имъ всякихъ правъ на дальнѣйшее полученіе угощеній и подарковъ, а потому отстали было отъ отряда. Теперь, узнавъ о смѣнѣ начальства, въ надеждѣ на новыя подарки и въ расчетѣ на продолженіе даровой поживы, они повторили свои посѣщенія. И, дѣйствительно, ближайшимъ нашимъ дѣятелямъ нельзя было не придти къ заключенію, что водвореніе новыхъ порядковъ въ нашихъ отношеніяхъ къ туземцамъ было на-сущно необходимо. Туркменъ немислимо увѣрить, что можно быть сильнымъ и ходить по чужой землѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и дѣлать все это безъ намѣренія отнимать у слабѣйшихъ ихъ женъ, дочерей и имущество. У нихъ къ переговорамъ и къ дружелюбному соглашенію прибѣгаетъ лишь слабый. Таковы ихъ порядки и взгляды, установившіеся цѣлыми столѣтіями, и было бы странно упорствовать въ мысли, что для коренной передѣлки этого народа намъ достаточно одного-двухъ лѣтъ. Наша мягкость въ глазахъ ихъ, конечно, была лишь выраженіемъ нашей слабости. Слыхалъ ли кто у нихъ когда, чтобы сильный задаривалъ слабого, и, наоборотъ, не слабый-ли всегда подкупаетъ своими подарками сильнаго? Отъ дружнаго проявленія крайняго нахальства въ отношеніи насъ, конечно, съ нашей точки пониманія этого слова ихъ удерживала только какая-то странность и неполная еще разгаданность нашихъ

поступковъ. Они лишь всматривались въ насъ и искали нашу ахиллесову пятю. Какъ уже было замѣчено выше, система, нами практиковавшаяся, тоже могла принести свои плоды, но на это требовался періодъ времени чрезвычайно продолжительный, а въ ожиданіи намъ пришлось бы неоднократно переживать такіе фазисы, на которые могло не хватить нашего терпѣнія. Уразумѣвъ все это и начертавъ въ своей программѣ предстоящій образъ дѣйствій въ отношеніи туземцевъ, полковникъ Маркозовъ заканчивалъ одно изъ своихъ официальныхъ писемъ начальнику штаба округа (отъ 14-го августа 1871 г., № 2) слѣдующими словами:

«Будьте увѣрены, ваше превосходительство, что я никогда и ни на минуту не позволю себѣ забыть столь хорошо извѣстный мнѣ взглядъ Его Высочества Августѣйшаго Главнокомандующаго и вашъ лично на счетъ наилучшаго образа нашихъ дѣйствій въ сферѣ красноводскаго отряда и прошу быть убѣжденнымъ, что, вовсе не считая за какую-либо честь бить оружіемъ этихъ номадовъ, мы не сдѣлаемъ безъ нужды ни одного выстрѣла; но, съ другой стороны, въ дѣлахъ съ этимъ народомъ излишняя гуманность вредна и не доставляетъ авторитета. Не гуманностью же, въ самомъ дѣлѣ, внушила Хива туркменамъ такія деликатныя отношенія къ себѣ и не исключительно-ли чрезмѣрной гуманностью поставили мы себя здѣсь такъ, что туркмены, по самому глубокому убѣжденію, высказываемому ими съ наивною откровенностью, считаютъ насъ имѣющими несравненно менѣе возможности наносить имъ вредъ, чѣмъ то можетъ сдѣлать Хива? Докладываю еще разъ,—продолжалъ онъ,—что оружія мы, безъ надобности, не употребимъ, но признаюсь, не отклонилъ бы я случая обобратъ, для примѣра, какого-нибудь хана съ его обществомъ до того, чтобы въ степи не забыли объ этомъ какъ можно дольше».

Какъ ни трудно повѣрить, что такое, въ сущности совершенно невинное, обстоятельство, какъ рекогносцировка береговой полосы моря между туркменскими рѣками, могло взбаламутить туземное население; но, судя по тѣмъ благопріятнымъ для насъ послѣдствіямъ, которыя появились немедленно послѣ этого, фактъ этотъ приходится признавать несомнѣннымъ. Онъ, между прочимъ, подтверждается и тѣмъ, что 24-го августа, наканунѣ отъѣзда начальника отряда въ Балханы, въ Красноводскъ прибылъ начальникъ нашей Ашурь-Адянской морской станціи, капитанъ 2-го ранга Петриченко, который привезъ съ собою двухъ вліятельныхъ атрекскихъ хановъ, а именно Нуръ-Гельды и Иль-Гельды, никогда до той поры не сбли-

жавшихся съ русскими. Оказалось, что эти ханы явились на островъ Ашуръ-Аде съ просьбою къ дарья-беги, т. е. къ начальнику моря, каковымъ они считали начальника морской станціи, — принять посредствующее участіе въ примиреніи начальника сухопутнаго нашего отряда съ одной изъ отраслей юмудскаго народа, а именно съ джафарбаеги, которыхъ они были представителями. Иль-Гельды былъ ханомъ чарвы, а Нуръ-Гельды — ханомъ чомры. Обойдясь съ ними довольно сухо и отпуская ихъ безъ подарковъ, начальникъ красноводскаго отряда передалъ имъ, что, вполне уважая заступничество за нихъ дарья-беги, онъ поощритъ джафарбаевъ при предстоящемъ появленіи нашемъ на Атрежъ, если они заслужатъ это своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ, и что предложеніе ихъ выставить для службы Бѣлому Царю 800 верблюдовъ и 100 всадниковъ принимается условно. Условія же эти были таковы: верблюды должны быть пригнаны въ Мулла-Кари чрезъ 20 дней послѣ полученія соотвѣтствующаго приказанія, которое будетъ имъ передано чрезъ ихъ заступника, начальника нашей морской станціи. Сотня джафарбаевъ должна быть также всегда готова явиться на службу въ отрядъ по первому зову, но въ данное время она въ полномъ составѣ не нужна, а съ началомъ нашего движенія въ степь разрѣшается только Иль-Гельды-хану присоединиться къ отряду съ 10-ю — 15-ю всадниками. При этомъ условлено было, что каждый туркменскій всадникъ за время дѣйствительнаго служенія въ отрядѣ будетъ получать фуражъ на свою лошадь, муку и рисъ для себя и, кромѣ того, жалованье по расчету изъ 5 тумановъ ⁽¹⁾ въ мѣсяць, что по существовавшему тогда курсу равнялось 16 руб. 50 коп. Предполагая даже, что предложенія, сдѣланныя намъ джафарбайскими ханами, были дѣйствительно искренни, сборъ верблюдовъ у береговъ Атрека и Гюргена, а также пригонъ ихъ къ Балханамъ, потребовалъ бы около мѣсяца времени, между тѣмъ, какъ начать рекогносцировку желательно было возможно ранѣе. Къ тому же, даже г. Петриченко, прослужившій болѣе 20-ти лѣтъ въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря и весьма опытный въ сношеніяхъ съ туркменами, признавалъ тоже, что порывъ джафарбаевъ къ сближенію съ нами легко можетъ остыть прежде, чѣмъ будутъ собраны верблюды, и что расчетъ на нихъ могъ бы безусловно осуществиться въ томъ лишь случаѣ, если мы найдемъ возможность подготоить дѣло высад-

(1) Персидскій туманъ равенъ 10 кранамъ; кранъ же есть серебряная монета, равняющаяся нашимъ 30 серебрянымъ металлическимъ копѣйкамъ.

кою какого нибудь достаточно сильнаго отряда гдѣ-либо близъ Гюмюшъ-Тепе. Такъ какъ однакоже на это ни права, ни времени не имѣлось, то и рѣшено было предварительно попробовать обойтись, такъ сказать, своими средствами добыванія необходимыхъ выючныхъ животныхъ. Съ точки зрѣнія туркменъ, нашъ отказъ отъ предложенныхъ джафарбайцами услугъ, переданный имъ вышеупомянутыми ханами, могъ только кстати поднять на Атрекѣ значеніе нашей мощи, а это, въ свою очередь, могло принести намъ пользу въ будущемъ, такъ какъ, съ оставленіемъ балханскихъ позицій, движеніе къ Чекишяру и занятіе нами этого пункта въ то время было уже окончательно предрѣшено. Не мало удивилъ хановъ и отказъ отъ поступленія въ нашу службу джафарбайской сотни; но, какъ боевая сила, она была намъ рѣшительно не нужна, для подпитиевской же стороны дѣла, такъ сказать для показа народу, что джафарбан подчинились нашей волѣ, было вполне достаточно имѣть при отрядѣ Иль-Гельды-хана, какъ человѣка, извѣстнаго всей вообще чарвѣ, и 10—15 его единоплеменниковъ, которые могли въ то же время служить намъ и проводниками, и для дальнихъ посылокъ.

Возвратясь изъ Красноводска въ Ташъ-Арватъ, начальник отряда рѣзко измѣнилъ форму обращенія съ туземцами, проживавшими въ то время при отрядѣ. Приѣмъ, который онъ сдѣлалъ имъ, былъ совершенно не похожъ на тѣ, къ которымъ они были приучены. Прежде всего онъ отличался торжественностью самой обстановки. Выходъ начальника отряда изъ занимаемой имъ кибитки, близъ которой собрали туркменъ, былъ встрѣченъ отдавѣмъ чести ротою Дагестанскаго пѣхотнаго полка и полусотнею казаковъ на коняхъ. Въмѣсто дружескихъ рукопожатій и взаимныхъ похлопываній по плечу, всегда практиковавшихся, туркменъ предупредили, что никто изъ нихъ не смѣетъ подходить къ начальнику отряда, первымъ протягивать ему руку и даже начинать съ нимъ разговаривать. Не смотря на такой запретъ, актъ приѣма начался сценою, совершенно неожиданною и безпорядочною. Прежде чѣмъ начальник отряда успѣлъ поговориться съ выстроеными войсками, къ нему подбѣжалъ туркменъ Назаръ-батыръ (1), изъ племени атабаевъ, съ большимъ основаніемъ подозреваемый въ томъ, что служилъ проводникомъ текинцамъ во время нападенія ихъ на Михай-

(1) Батыръ значить—лихой, или удалецъ. Слово это обыкновенно добавляется къ имени наводника, прославившагося чѣмъ-либо особенно молодецкимъ.

ловскій постъ въ 1870 году. Размахивая руками и выбрасывая изъ подъ мышки какіе-то предметы, онъ кричалъ, что такъ никто служить русскимъ не станетъ, что когда онъ пріѣхалъ съ селямомъ, т. е. привѣтствіемъ, къ старому полковнику, ему было выдано 12 головокъ сахару, 12 пачекъ чаю, матеріи на четыре халата и золотые часы, тогда какъ теперь маіоръ (Мадчаваріани) приказалъ отпустить ему лишь четыре головки сахару, четыре пачки чаю, только на одинъ халатъ матеріи и не золотые, а серебряные часы. Онъ добавилъ, что не желаетъ, чтобы надъ нимъ смѣялись его соотчичи, а потому, не смотря на давно приспѣвшую пору уѣхать въ свой аулъ для перевода его на новую кочевку, остался въ Ташъ-Арватѣ, чтобы выждать возвращенія новаго полковника и выбросить ему эти подарки. Приказавъ казакамъ отвести Назара въ сторону, начальникъ отряда спросилъ собравшихся туркменъ о результатахъ предпріятія, которое взялись они исполнить такъ охотно и съ такими надеждами на успѣхъ. Само собою разумѣется, что послѣдовавшіе отвѣты имѣли характеръ, вполне уже извѣстный. Все тѣ же увѣренія на будущее время, все та-же личная готовность быть къ услугамъ въ настоящемъ и изложеніе безконечныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ причинъ, помѣшавшихъ выполненію обѣщаннаго къ сроку. Между тѣмъ, когда тутъ же, по приказанію начальника отряда, переводчикъ сталъ отбирать у наличныхъ туркменъ показаніе о томъ, какимъ числомъ верблюдовъ собственно владѣетъ каждый изъ нихъ, то получился такой итогъ въючныхъ животныхъ, который удовлетворилъ бы отрядъ вполне. Конечно многіе изъ туркменъ-гостей преувеличивали размѣры своихъ богатствъ ради желанія выказать свое значеніе. Этого рода тщеславіе столь свойственно тамошнему народу, что еслибы кому-либо изъ туркменъ грозила какая нибудь бѣда вслѣдствіе избытка головъ скота въ его стадахъ и табунахъ, напрімѣръ, еслибы у него отнимали извѣстный процентъ наличныхъ животныхъ и онъ былъ бы принужденъ объявить ихъ численность, то и тогда всякій туркменъ все-таки скорѣе увеличилъ бы ее, чѣмъ уменьшилъ. Съ другой стороны, извѣстно, что въ чарвѣ дѣйствительно нерѣдко можно встрѣтить кибитки, обладающія сотнею и даже болѣе верблюдовъ. Такимъ оказалось положеніе дѣлъ въ день пріѣзда начальника красноводскаго отряда, и тяжелое чувство, все время испытывавшееся отъ мысли, что рекогносцировка можетъ не состояться, пока ни въ чемъ не находило облегченія. Между тѣмъ далѣе терять время было совершенно невозможно. Оставалось прибѣгнуть къ нѣкоторому насилію, какъ къ по-

слѣдному, болѣе или менѣе вѣроятному, средству для своевременнаго начала движенія. Поэтому, послѣ небольшой внушительной рѣчи туркменамъ, немедленно послѣдовали и внушительныя дѣла. Въ обращеніи начальника отряда, которое тутъ же переводилось во всеуслышаніе, между прочимъ указывалось на то, что всѣ они были свидѣтелями самыхъ точныхъ и акуратныхъ денежныхъ расчетовъ нашихъ съ балханскою чарвою за верблюдовъ, работавшихъ между Михайловскимъ постомъ и Ташъ-Арватомъ, равно какъ и за тѣхъ, которые везли грузъ отряда во время движенія послѣдняго въ Кизиль-Арватъ, что всѣмъ туркменамъ вѣдомо предложеніе наше производить полуторную плату, противъ существующей въ краѣ, за добровольный срочный наемъ верблюдовъ и прочее; но что такъ какъ однако-же все это не подвинуло дѣла, то мы постараемся обойтись безъ ихъ услугъ. Объявлялось также во всеобщее свѣдѣніе, что отнынѣ мы будемъ продолжать платить за наемъ верблюдовъ лишь балханской чарвѣ, за остальныхъ же платить не станемъ, причемъ тѣ вычныя животныя, которыхъ пригонять намъ, такъ сказать, по доброй волѣ, будутъ принадлежать ихъ хозяевамъ и, по минованіи надобности, будутъ возвращены по принадлежности; верблюды же, добытые съ употребленіемъ оружія или вообще силы, будутъ затѣмъ считаться собственностью нашего отряда. Хозяевамъ верблюдовъ, добровольно пригнанныхъ, разрѣшается оставаться въ отрядѣ при своихъ верблюдахъ, въ качествѣ верблюдовожатыхъ и съ полученіемъ кормоваго рациона въ натурѣ. Послѣ этого приказано было ротѣ обезоружить и арестовать присутствовавшихъ приѣзжихъ туркменъ. Атабай Назаръ-батыръ былъ раздѣтъ и въ присутствіи всѣхъ чувствительно наказанъ казаками, оружія же его и лошадь были отданы въ собственность Ата-Мурадъ-хану. Изъ присутствовавшихъ при этомъ туземцевъ было выбрано восемь чловѣкъ, между которыми трое принадлежали къ числу туркменъ, прибывшихъ въ Ташъ-Арватъ изъ Бугдамии и Шаирды. Людямъ этимъ велѣно было немедленно ѣхать въ свои аулы и оповѣщать народъ о видѣнномъ и слышанномъ отъ начальника отряда. Послѣдній, отпуская этихъ выборныхъ, успѣлъ также обратить ихъ вниманіе на то, что если, не смотря на все предпринятое съ нашей стороны, намъ не удастся пойти въ глубь степи, то ужъ конечно, съ помощью нашихъ морскихъ перевозочныхъ средствъ и верблюдовъ нашей чарвы, мы не встрѣтимъ препятствій для движенія за Атрекъ, въ чемъ туркмены, разумѣется, нисколько не усомнились. Одновременно съ выѣздомъ выбранныхъ туркменъ выступили изъ Ташъ-

Арбата и казаки. Одна полусотня пошла на поиски по дорогѣ на Шапруды, а другая была направлена въ районъ котловъ балканской чарвы, — во-первыхъ, для приведенія въ совершенную извѣстность числа ибѣющихся у нихъ верблюдовъ и принятія ихъ въ свое вѣдѣніе, а во-вторыхъ, для обезпеченія названной чарвы отъ нападенія озлобленной вретань нея иномлеменной чарвы, которой шапи туркмены все еще сильно побаивались. Выборъ людей для разсылки по степи былъ сдѣланъ заранее и основывался на томъ, чтобы избранный имѣлъ въ числѣ заарестованныхъ какого-либо родственника или, во крайней мѣрѣ, близкаго человѣка. Такой залогъ, имѣющій съ оставшимся въ отрядѣ собственнымъ оружіемъ посланнаго, долженъ былъ оказывать значительное вліяніе на него и служить побужденіемъ къ тому, чтобы онъ уговорилъ своихъ соплеменниковъ отнестись отъ русскихъ цѣною казнить ибудь 300—400 верблюдовъ. Забѣлимъ при этомъ, что потеря оружія для туркменъ, какъ и вообще для всѣхъ воинственныхъ народовъ Азии, конечно имѣетъ значеніе не одной только матеріальной утраты. Она, разумеется, имѣла для нихъ и другую, еще болѣе чувствительную сторону, на которую мы тоже имѣли право полагать основательную надежду, ибо потеря оружія считается у азіатовъ большимъ стыдомъ. Для полноты разсказа упомянемъ еще, что туркмены, посланные для оповѣщенія народа, имѣли случай видѣть, какъ арестованные ихъ товарищи работали подъ наблюденіемъ казака. Работа эта, на которую ихъ отвели послѣ ареста, состояла въ томъ, чтобы перевязать часть вьюковъ изъ числа заготовленныхъ для предстоящаго похода, обрѣзая ихъ изъ 10-ти-пудовыхъ въ трехъ-пудовые, будто бы для несенія этихъ облегченныхъ вьюковъ на нихъ, самихъ же арестованныхъ и иныхъ подобныхъ, въ случаѣ, если мы будемъ стѣснены въ перевозочныхъ средствахъ. Какъ ни страннымъ можетъ казаться такой, пожалуй, даже нелепый способъ острастки, но критику всегда придется принимать во вниманіе, что туркмень не въ состояніи былъ тогда заниматься математическими расчетами для улегенія себѣ невозможности передвиженія тяжестей на людяхъ при большихъ расстояніяхъ. Притомъ же всѣ туркмены того времени конечно бывали близкими свидѣтелями, до чего жестоко поступаютъ иногда съ человѣкомъ въ извѣстныхъ условіяхъ его жизни. Вообще при этомъ случаѣ нельзя не привести нѣкоторыхъ фактовъ, указывающихъ на наибѣйшее своеобразіе взглядовъ того туземнаго населенія Закаспійскаго края, съ которымъ красноводекому отряду приходилось сопріягаться. Начать съ того, что атабай Назаръ-ба-

тырь не только никогда не оставлялъ русскаго стана съ самаго дня расправы, съ нимъ учиненной, и до дня роспуска отряда, но даже перевезъ семью въ Красноводскъ и сдѣлался вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ нашимъ слугою. Казалось, наконецъ, что между нимъ и Ата-Мурадъ-ханомъ не должно было бы существовать искреннихъ отношеній, такъ какъ послѣдній сдѣлался обладателемъ почти всего наличнаго состоянія Назара, не исключая нѣжно любимаго имъ коня, но и этого не было. Назаръ, вовсе не роднясь съ Ата-Мурадомъ, такъ сказать, вошелъ въ его кибитку и совершалъ всѣ послѣдующіе походы со штабомъ отряда, при которомъ непрестанно находился Ата-Мурадъ-ханъ. Послѣдній, будучи весьма добрымъ человѣкомъ, не помышлялъ однако-же о возвращеніи случайно доставшихся ему коня и оружія своего сожителя, считая все это принадлежащимъ себѣ по праву дружбы съ сильнымъ. Равнымъ образомъ, по тому же праву, священному въ глазахъ туркменъ, и Назаръ ни раза не пытался возвратить свое добро, хотя во всякую данную минуту могъ похитить все это съ большою лихвою и уйти на всѣ четыре стороны. Такъ продолжалось дѣло, пока начальникъ отряда, за прекрасную и вѣрную службу Назара, не выкупилъ его достоинства у Ата-Мурадъ-хана и не передалъ ему обратно. Совершенное несходство съ нашими понятіями представляютъ также удивительныя отношенія различныхъ туркменскихъ племенъ между собою. Грабежи, взаимно ими производимые, никогда не считаются ни ограбившими, ни ограбленными за причину, могущую установить дурныя сосѣдскія отношенія. Какіе нибудь атабаи, ограбленные, напримѣръ, джафарбаями, едва мечи вложены въ ножи и ружья перестали стрѣлять, начинаютъ спокойно, безъ злобы къ причинившимъ горе, глядѣть на уводимое у нихъ добро и дружески пожимать руки новымъ обладателямъ бывшихъ своихъ женъ и всякаго рода богатствъ, по мнѣнію ихъ, вполнѣ естественно переходящихъ къ тѣмъ, которые въ данное время сильнѣе. Но Аллахъ великъ,—придетъ время, когда онъ дастъ силу и джафарбаямъ, а тогда и они пойдутъ аламаномъ и добудутъ себѣ сокровища, отнявъ таковыя у тѣхъ, кто въ данное время будетъ слабѣе ихъ, кого Богъ захочетъ покарать ихъ рукою. Туркмены хотя и мусульмане—суниты, но рѣшительно не фанатики. Тѣмъ не менѣе они глубоко проникнуты истиною ученья корана, по которому Богъ распредѣляетъ силу, а потому ее слѣдуетъ уважать и искренно ей подчиняться, сильному же должно служить вѣрно и честно, ибо сила сильнаго въ концѣ-концовъ перелется въ великодушіе. Въ продолженіе своей

службы красноводскій отрядъ имѣлъ множество случаевъ удостовѣриться, что самыми надежнѣйшими его проводниками и развѣдчицами были люди, предварительно испытавшіе на себѣ въ массѣ или порознь удары судьбы, причиною которыхъ были русскіе. Таковы были: Ата-Мурадъ-ханъ, Назаръ-батыръ и многіе другіе.

Полусотня, ходившая въ балханскую чарву, 2-го сентября пригнала въ Ташъ-Арватъ 215 верблюдовъ. Это было все, что тамъ отыскалось изъ числа верблюдовъ, когда-либо носившихъ вьюки. Между этими животными было около 35-ти головъ, едва-едва передвигавшихъ ноги, а потому ими можно было воспользоваться развѣ въ крайности, для первыхъ двухъ—трехъ переходовъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, разобравъ съ нихъ вьюки по рукамъ вмѣсто сократившагося текущаго довольствія, совершенно вычеркнуть ихъ изъ расчетовъ перевозочныхъ средствъ, которыми когда-либо можетъ воспользоваться отрядъ. Однако-же, къ большому благополучію такой крайности не представилось. Утромъ 4-го сентября всѣ служившіе въ отрядѣ были обрадованы самою пріятною въ то время вѣстью. Возвратился одинъ изъ посланныхъ въ Шаирды и объявилъ, что не позже слѣдующаго дня прибудетъ изъ окрестностей названнаго пункта 160 хорошихъ верблюдовъ, а дня чрезъ три изъ тѣхъ же мѣстъ пригонять еще столько же верблюдовъ, также вполне хорошихъ, которые почти исключительно принадлежатъ его арестованному двоюродному брату. Въ доказательство правдивости своихъ словъ туркменъ просилъ принять въ залогъ его драгоценную лошадь и даже арестовать его самого. Не оставалось сомнѣнія, что дѣло уладилось. Все ожило въ отрядѣ.

Старый красноведецъ.

(Продолженіе будетъ).

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Статья вторая) (1).

Еще раньше рассказаннаго событія, всѣ необходимыя распоряженія къ предстоявшему походу были сдѣланы и вся предварительная работа исполнена войсками точно и акуратно. Въ походъ назначены были четыре съ половиною роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, 35 человекъ лучшихъ всадниковъ отъ сотни Кизлярско-Гребенскаго полка, два легкихъ полевыхъ и четыре горныхъ орудія отъ частей 21-й артилерійской бригады. Въ составѣ каждой роты было по пяти человекъ саперъ. Кромѣ всего перечисленнаго выше, мы взяли съ собою 15 доброконныхъ казаковъ того же Кизлярско-Гребенскаго полка. Эти казаки, отдавъ за извѣстное вознагражденіе своихъ лошадей подъ верхъ пѣхотнымъ офицерамъ, шли пѣшими при пѣхотныхъ частяхъ и, въ случаѣ надобности въ усиленіи конной команды, должны были садиться на-конь и къ ней присоединяться. Такое распоряженіе сдѣлано было въ видахъ совершеннаго своеобразія походовъ въ пустынь, во время которыхъ маршевыя колонны войскъ обыкновенно близко напоминаютъ собою двигающіеся караваны. Растягиваніе глубины колоннъ, по мѣстнымъ условіямъ, иногда доходитъ до того, что офицеры, слѣдующіе пѣшкомъ, рѣшительно не успѣваютъ наблюдать за упорядоченіемъ марша и все-таки во время переходовъ изнуряются до того, что на ночлежныхъ и привальныхъ бивакахъ не имѣютъ уже физической возможности позаботиться ни о солдатѣ, ни о пастьбѣ вьючныхъ животныхъ, отъ сбереженія силъ которыхъ такъ много тамъ зависитъ.

Съ мѣста роты двинулись въ походъ, имѣя ровно по 50 рядовъ.

(1) См. «Военный Сборникъ» 1889 г., № 7-й.
Т. CLXXXVIII.—Отд. I.

Полевые наши орудія, хотя и легкія, были, однако-же, запряжены шестью лошадьми каждое. Орудійныя лошади заранѣе были прекрасно втянуты въ дружную работу посредствомъ ежедневныхъ проѣздокъ по глубокому, сыпучему песку. Что касается горныхъ орудій, то они везлись исключительно на верблюдахъ. На верблюдахъ же, въ прочныхъ желѣзныхъ вьючныхъ ящикахъ, везлись всѣ артилерійскіе снаряды какъ горной артилеріи, такъ и полевой, исключая, разумѣется, тѣхъ, которые находились въ ящикахъ полевыхъ передковъ.

Кромѣ назначенныхъ изъ числа постоянного состава отряда, на рекогносцировку съ ними должны были идти нѣсколько чиновниковъ и офицеровъ корпуса топографовъ, шесть конныхъ туркменъ-проводниковъ изъ красноводско-балханской чарвы и до 30-ти туркменъ верблюдовожатыхъ. Кромѣ того, для вычисленія количества продовольствія, потребнаго рекогносцирующимъ, слѣдовало взять во вниманіе вѣроятность присоединенія къ отряду Иль-Гельды-хана съ его 10-ю—15-ю всадниками. Такимъ образомъ, личный составъ силъ, предназначенныхъ къ походу, весьма правильно былъ принятъ приблизительно въ 685 человѣкъ и 90 коней.

Суточная дача человѣку, установленная въ красноводскомъ отрядѣ во время нахождения послѣдняго въ мѣстахъ постоянного его расположенія, можно сказать, была чрезвычайно обильна. Она состояла изъ 3-хъ фунтовъ хлѣба, $\frac{1}{4}$ фунта крупы, 4-хъ золотниковъ пшеничной муки, 13-ти золотн. соли, 4-хъ золотн. масла, 50-ти зол. квашеной капусты, 32-хъ золотн. гороху, 8-ми золотн. луку, 0,16 золотниковъ перцу, такого же количества лавроваго листу, одной чарки спирту и пяти чарокъ уксусу въ мѣсяць. Рационъ этотъ, разумѣется въ зависимости отъ обстоятельствъ и каждый разъ съ разрѣшенія начальника отряда, могъ быть нѣсколько измѣняемъ. Такъ, вмѣсто полной чарки спирта войска иногда получали лишь по получаркѣ этого напитка. Соли совершенно хватало и 10-ти золотниковъ. Квашеную капусту часто замѣняли капустою сушеною и, въ соотвѣтствующемъ вѣсѣ, или картофелемъ, или иною овощью. Часть говядины замѣняли саломъ и прочее. Естественно, что если возможно было допустить нѣкоторое отступленіе отъ нормальнаго рациона на мѣстѣ, то этого никакъ нельзя было уже избѣгнуть во время похода. Само собою разумѣется, вмѣсто хлѣба отрядъ сталъ довольствоваться сухарями, которыхъ мы взяли по установленному размѣру дачи, т. е. по $1\frac{3}{4}$ фунта на человѣка въ сутки. Затѣмъ, вмѣсто говядины рѣшено было довольствоваться бараниною, такъ

какъ крупный рогатый скоть, въ случаѣ, еслибы погнали его съ собою, потребовалъ бы пищи, не имѣющей въ пустынь, тогда какъ степныя овцы могутъ кое-какъ обходиться мѣстною растительностью и, какъ извѣстно, легче переносятъ недостатокъ воды. Далѣе, въ случаяхъ недостатка мяса, каждый полуфунтъ этого послѣдняго продукта опредѣлено было замѣнять $1\frac{1}{2}$, золотниками бульона Либиха и 15-ю золотниками консервовъ, но, къ счастью, къ этому намъ приходилось прибѣгать чрезвычайно рѣдко, такъ какъ овцы, купленныя непосредственно частями рекогносцировочныхъ войскъ и взятыя ими съ собою, сравнительно хорошо выдерживали походъ и въ продолженіе его погибали въ весьма небольшомъ числѣ. Кромѣ всего названнаго выше, везлось еще значительное количество фруктовой, пастилообразной кислоты, которая обильно бросалась въ жидкую пищу при ея варкѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда появлялись хотя бы малѣйшіе признаки цынги или даже опасенія врачей на счетъ возможности появленія этой ужасной болѣзни. Горохъ, какъ продуктъ медленно разваривающійся и требующій при этомъ много воды, былъ совершенно исключенъ изъ походной дачи солдата. За то въ походѣ каждый человѣкъ получалъ по $\frac{1}{4}$ фунта чаю и по $1\frac{1}{2}$ фунта сахару въ мѣсяць. Инымъ, по требованіямъ врачей, давали вмѣсто чаю кофе, который, слѣдовательно, всегда имѣлся при рекогносцирующихъ войскахъ, такъ точно, какъ и табакъ для курящихъ нижнихъ чиновъ. Само собою разумѣется, что всѣ офицеры, не исключая и начальника отряда, за невозможностью продовольствоваться инымъ образомъ, тоже получали солдатскій рационъ, причѣмъ на обязанность отряда легла и забота о вьючныхъ животныхъ какъ подъ продовольственные продукты офицеровъ, такъ и вообще подъ ихъ походный багажъ. Для состоявшихъ въ отрядѣ туземцевъ, вмѣсто сухарей, везлась бѣлая мука, масло и рисъ. Всѣ эти предметы продовольствія приблизительно составляли 2,5 фунта вѣса на cadaго человѣка въ сутки, а принимая въ расчетъ и укупорку съ увязкою, можно было положить вѣсъ суточной людской дачи на 685 человѣкъ въ 47 пудовъ. Дача cadaго коня опредѣлена была въ 20 фунтовъ ячменя и 3 фунта сѣна, что на 90 лошадей составляло почти 52 пуда ежедневнаго груза. Независимо отъ всего этого, требовался по крайней мѣрѣ трехдневный запасъ воды, минимумъ которой надобно было считать по $\frac{3}{4}$ ведра на человѣка и по $1\frac{1}{4}$ ведра на лошадь, не принимая даже во вниманіе неизбѣжной утечки и усушки. Слѣдовательно, отряду необходимо было везти съ собою 1,880 ведеръ воды, что вмѣстѣ съ посудой и

прочими принадлежностями составляло свыше 1,540 пудовъ груза. Отрядъ въ концѣ концовъ могъ располагать всего 525-ю верблюдами. Изъ этого числа подъ боевой грузъ артилеріи требовалось 70 верблюдовъ. Полагая по 10-ти пудовъ на спину каждаго вьючнаго животнаго, вода поглощала у насъ 154 верблюда. Оставалось, слѣдовательно, подъ продовольствіе 300 верблюдовъ. Частное, получаемое отъ раздѣленія этого числа на 10, т. е. на число верблюдовъ, необходимыхъ для везенія суточной дачи людскаго и конскаго корма, опредѣляло число дней, которое отрядъ могъ бы употребить на рекогносцировку. Оно равнялось всего 30-ти. И это — не принимая въ расчетъ вѣса ни артельныхъ котловъ, ни абисинскихъ колодець, ни походныхъ аптекъ, ни прочихъ разнообразныхъ тяжестей, неизбежно забираемыхъ съ собою войсками въ предвидѣніи продолжительнаго похода. Правда, по мѣрѣ движенія мы могли рассчитывать на ежедневное освобожденіе части верблюдовъ изъ-подъ вьюковъ, поднятыхъ съ мѣста, но, съ другой стороны, благоразуміе требовало не упускать изъ вниманія возможности заболѣванія людей, паденія самихъ вьючныхъ животныхъ и прочее. Идя въ страну совершенно неизвѣданную, конечно, желательно было устранить по возможности всѣ обстоятельства, могущія оказывать давящее вліяніе на успѣхъ. Къ числу такихъ обстоятельствъ, между прочимъ, принадлежала, разумѣется, и забота о возможности свободно располагать временемъ. Этого, пожалуй, можно было достигнуть сокращеніемъ отряда, но и такой способъ имѣлъ свои, очень дурныя стороны. Поэтому вопросъ зависимости отъ времени нѣсколько разрѣшился двумя мѣрами. Во-первыхъ, люди понесли на себѣ трехдневное свое продовольствіе. Таковой же трехдневный фуражъ повезли на своихъ коняхъ всѣ казаки и на своихъ полевыхъ лафетахъ — артиллеристы. Что не умѣстилось, — разложили на спины болѣе сильныхъ верблюдовъ. Во-вторыхъ, еще на разсвѣтѣ 4-го сентября отправлено было 180 вьюковъ, подъ прикрытіемъ взвода (1) пѣхоты, къ колодцамъ Гезли-Ата, до которыхъ отъ Мулла-Кари оказалось $85\frac{3}{4}$ версты. Полувзводу этому приказано было по прибытіи на мѣсто, послѣ небольшого отдыха, немедленно приступить къ устройству маленькаго редута, достаточнаго для его собственнаго помѣщенія, а также и для склада нѣкотораго количества продовольствія. Что касается верблюдовъ, на которыхъ повезли первые вьюки въ Гезли-Ата, то, чтобы ими воспользоваться еще разъ, 5-го

(1) Въ то время рота дѣлилась на два взвода.

числа была послана туда же казачья сотня, которая пришла по назначенію одновременно съ пѣхотою, а именно 7-го сентября. На слѣдующій день казаки погнали верблюдовъ назадъ и возвратились благополучно въ Мулла-Кари 9-го числа. Между тѣмъ, еще 5-го сентября пригнано было въ Ташъ-Арватъ 163 верблюда и 7-го числа пригнали изъ Шаирды и Бугдаили 182, а потому изъ этихъ 345-ти животныхъ 275 штукъ поступило въ распоряженіе перваго эшелона рекогносцировочнаго отряда, остальные же 70, вмѣстѣ съ ходившими въ Гезли-Ата, должны были образовать подъемныя средства 2-го эшелона. Каждый изъ двухъ эшелоновъ состоялъ изъ двухъ ротъ, трехъ орудій и 15-ти конныхъ казаковъ. Казачью конную команду пришлось раздѣлить пополамъ, дабы облегчить пѣхоту и обезопасить отъ случайностей пастьбу верблюдовъ, которые при этомъ обыкновенно расходятся на большое пространство. Такъ какъ въ Балханахъ не было уже верблюжьихъ кормовъ и каждый лишній день, тамъ проведенный, заставлялъ вычуженныхъ животныхъ терять силы, то 8-го сентября 1-й эшелонъ тоже тронулся съ мѣста и пошелъ по дорогѣ въ Гезли-Ата. 10-го сентября тѣмъ же путемъ потянулась и остальная часть отряда, назначенная въ походъ.

Одновременно съ началомъ движенія сдѣланы распоряженія объ окончательномъ оставленіи Ташъ-Арвата и о постепенномъ вывозѣ грузовъ, а затѣмъ и остававшихся войскъ изъ Мулла-Кари и Михайловскаго поста. Вмѣстѣ съ этимъ перевезены въ Красноводскъ, въ видѣ заложниковъ, подъ строгій надзоръ воинскаго начальника, и семейства туркменъ, долженствовавшихъ служить намъ проводниками.

Цѣль движенія нашего по пустынѣ, какъ уже и было высказано раньше, прежде всего заключалась въ изученіи страны. Конечно, при этомъ, хотя и въ далекой перспективѣ, протлѣдывала мысль о томъ, чтобы поколебать мнѣніе, распространенное во всей Средней Азій, о недоступности для насъ предѣловъ Хивинскаго ханства. Красноводскому отряду предстояло на дѣлѣ убѣдить всѣхъ, въ это вѣрившихъ, что сравненія, сдѣланныя ханомъ Хивы въ его письменныхъ посланіяхъ ко всѣмъ туземнымъ племенамъ, не имѣютъ основанія. Въ посланіяхъ тѣхъ, между прочимъ, говорилось, что русскіе безъ верблюдовъ уподобляются рыбѣ на сушѣ; а если кто и посмѣетъ имъ дать верблюдовъ, то только сдѣлаетъ изъ нихъ въ морѣ-пустыни корабль, обреченный Аллахомъ на гибель отъ могущественной волны, двинутой изъ Хивы.

Сообразно съ главнѣйшею задачею нашей рекогносцировки, рѣшено было осмотрѣть раньше другихъ путь по направленію къ Хивѣ, и если окажется возможнымъ, то пройти вплоть до оазиса. Самый планъ движенія былъ рассчитанъ такъ, чтобы всякія бѣдствія, если они насъ постигнутъ, пришлось бы вынести не всѣмъ участникамъ похода, а лишь тѣмъ, которые въ данное время будутъ, такъ сказать, въ авангардѣ, да и то только до возвращенія ихъ въ ближайшій нашъ этапъ, гдѣ всегда должны были ожидать людей обезпеченный отдыхъ и полное довольство въ пищѣ и питьѣ. Для этого, само собою разумѣется, требовалось устройство тыловыхъ этаповъ и соотвѣтственное ихъ снабженіе. Первымъ этапомъ нашимъ рѣшили сдѣлать Гезли-Ата. Пунктъ этотъ лежитъ въ узлѣ нѣсколькихъ дорогъ, въ небольшой долинѣ, окаймленной мѣловыми отвѣсными скалами до 200 футъ высоты. Дно долины ровное и состоитъ изъ красной глины. Тамъ же нашли мы родъ крѣпости, довольно новой постройки, съ развалившеюся мечетью, стѣны которой исписаны были именами умершихъ туркменъ, вѣроятно погребенныхъ на кладбищѣ, виднѣвшемся вблизи; но жилья въ Гезли-Ата въ то время никакого не было. Всѣ 16 колодезь, разысканныхъ нами, находились въ весьма плохомъ состояніи. Додѣлавъ укрѣпленіе и очистивъ колодцы, мы сложили въ Гезли-Ата изъ своихъ запасовъ, во-первыхъ, все, что приходилось на долю оставляемаго тамъ гарнизономъ одного взвода пѣхоты и одного полевого орудія, а во-вторыхъ, то, что должно было потребоваться цѣлому рекогносцирующему отряду на одну дневку и на дни обратнаго марша отсюда до Красноводска. Нечего и говорить, что въ Гезли-Ата же остались и всѣ люди, утомившіеся на первыхъ переходахъ или натершіе себѣ ноги обувью, хотя какъ тѣхъ, такъ и другихъ было чрезвычайно мало, такъ какъ всѣ шли охотно, весело и бодро, а заботливые, ближайшіе начальники не упустили самымъ внимательнымъ образомъ своевременно осмотрѣть не только обувь, но и все, что на себѣ или при себѣ несли нижніе чины.

Пройденное отрядомъ 85-ти-верстное пространство, само собою разумѣется, не могло еще вполне его освоить съ походомъ при условіяхъ, совершенно новыхъ для кавказскаго солдата, и при совершенно своеобразной обстановкѣ. Тѣмъ не менѣе, благодаря нѣкоторой практикѣ, пріобрѣтенной во время сопровожденія каравановъ съ нашими грузами между Михайловскомъ и Ташъ-Арватомъ, а также и походу въ Кивиль-Арватъ, солдаты наши достаточно наловчились въ обращеніи съ верблюдами, что для насъ имѣло суще-

ственную важность. Каждое звено знало выючныхъ животныхъ, которыхъ оно должно было выючить и развыючивать, и въ послѣдствіи въ этомъ дѣлѣ солдаты наши и казаки нисколько не уступали даже туркменамъ. Едва раздавались первые звуки сигнала «по возамъ», всѣ устремлялись къ выюкамъ, между половинами которыхъ заранѣе укладывались туркменамъ наши «корабли пустыни», и чрезъ пять минутъ послѣ того колонна начинала вытягиваться. Въ видахъ сбереженія силъ животныхъ и дабы не держать ихъ напрасно подъ выюками, первый сигналъ всегда относился до того взвода (нынѣ полуроты), который долженъ былъ слѣдовать во главѣ движенія, послѣдующіе же—до остальныхъ взводовъ, въ порядкѣ, заранѣе объявляемомъ въ приказаніи на слѣдующій день. При этомъ сигнальникомъ распоряжался дежурный по эшелону. Вообще, нужно сказать, что единицею нашего походнаго подраздѣленія былъ принятъ взводъ пѣхоты, къ которому обыкновенно приурочивалось все: казаки, артиллеристы, наши туркмены и прочее. Каждая такая часть, на случай надобности, имѣла полное хозяйственное приспособленіе и, вообще, снабжена была всѣмъ необходимымъ для веденія самостоятельнаго хозяйства. Каждый взводъ имѣлъ своего отдѣльнаго унтеръ-офицера специально для наблюденія за верблюдами, принадлежащими его части. Чтобы устранить всякіе споры при разбираніи верблюдовъ, возвращающихся съ пастбища, на шеѣ каждого изъ нихъ висѣла деревянная бирка, съ соотвѣтствующею мѣткою. Пасты верблюдовъ мы могли только днемъ, такъ какъ ночью трудно было оберегать отъ возможной неприятой случайности всю ту площадь, которая захватывалась пасущимися. По этой причинѣ приходилось строго и точно рассчитывать каждую минуту свѣтлой поры сутокъ. Это было тѣмъ важнѣе, что и отряду ночью, ходить было нельзя. Не говоря уже о неудобствахъ чисто военнаго характера, ночное движеніе лишало насъ возможности дѣлать съемку проходимаго пространства и точно измѣрять длину пути. Между тѣмъ, такому измѣренію въ отрядѣ придавалось серьезное значеніе въ виду того, что даже небольшая разниця между предполагаемымъ и точнымъ протяженіемъ отъ однихъ колодцевъ до другихъ могла сдѣлаться въ пустынѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ иную пору году, причиною весьма нежелательныхъ послѣдствій. Поэтому самое измѣреніе обыкновенно производилось въ отрядѣ двойнымъ способомъ, а именно—посредствомъ цѣпи и одометра. Послѣдній подвизывался къ орудійному колесу, цѣпь же привязывалась къ дулу орудія. Это обыкновенно дѣлалось такъ, чтобы оба конца цѣпи

непремѣнно волоклись по землѣ и, такимъ образомъ, получалась бы полная возможность правильно отмѣчать на поверхности дороги всю длину цѣпи. Въ концѣ каждаго перехода повѣрялось указаніе одометра, которое, конечно, всегда должно быть нѣскольکو преувеличено. Такъ какъ въ то же время указанія цѣпи, наоборотъ, большею частью должны были немного скрадывать дѣйствительное протяженіе, то въ путевыхъ замѣткахъ окончательно принималась средняя длина.

Во время движенія казаки наши и конные туркмены обыкновенно держали дальные глаза, и притомъ во всѣ стороны; пѣхота же вела половину людей непосредственно при верблюдахъ, другая же половина ихъ всегда составляла совокупную боевую силу, но не всего эшелона, а опять таки по-взводно, причемъ резервъ этотъ большею частью водился въ хвостѣ своего каравана. Забота о томъ, чтобы эшелонъ не растягивался, поручалась общему начальнику. Онъ регулировалъ скорость движенія головы эшелона и строго слѣдилъ за сохраненіемъ условленныхъ интерваловъ между взводами. За порядокъ же движенія во взводныхъ караванахъ отвѣчали непосредственно взводные командиры и ихъ ближайшіе помощники — младшіе офицеры. Къ числу специальныхъ обязанностей послѣднихъ, между прочимъ, относился ежедневный осмотръ ногъ и обуви у всѣхъ нижнихъ чиновъ, которому въ отрядѣ придавалось большое значеніе. Осмотръ этотъ въ дни движенія установлено было производить всегда во время деннаго привала, въ продолженіе котораго, разумѣется въ теплую пору, отдыхающіе люди должны были оставаться съ необутыми ногами. На ночлегахъ отрядъ всегда располагался въ формѣ каре, имѣя въ срединѣ его своихъ верблюдовъ и свои тяжести. Само собою разумѣется, что когда въ колоннѣ бывало мало войскъ и много व्यюковъ, то боевые фасы каре представляли только болѣе или менѣе густую цѣпь. Опытъ раскладыванія व्यюковъ по переднимъ линейкамъ для образованія изъ нихъ рода бруствера оказался непрактиченъ главнымъ образомъ потому, что замедлялъ выступленіе на слѣдующій день, такъ какъ въ этомъ случаѣ укладываніе верблюдовъ по व्यюкамъ могло производиться въ самый день движенія, а не наканунѣ. Порядки и формы, разъ принятые въ красноводскомъ отрядѣ, практиковались въ немъ затѣмъ во всѣ послѣдующіе годы съ педантическою пунктуальностью. Они скоро вошли въ привычку всѣхъ чиновъ отряда и, какъ ни казались вначалѣ мелочными и скучными, тѣмъ не менѣе безспорно облегчали службу войскъ. Но послѣдняя все-же таки требовала отъ людей большаго

напряженія физическихъ силъ. Въ зависимости отъ мѣстъ нахождения резервуаровъ воды, отъ степени достаточности верблюжьихъ кормовъ вокругъ бивака и по многимъ инымъ мѣстнымъ причинамъ и условіямъ, часто приходилось дѣлать довольно большіе переходы, иногда не смотря даже на то, что съ каждымъ шагомъ нога погружалась по колѣно въ сыпучій песокъ. Прийдя на мѣсто, человѣку нельзя было немедленно предаться отдохновенію. Ему еще предстояло развьючить верблюда и зорко охранять его пастбищное поле. Наконецъ, даже и во время дневокъ, почти всѣ люди поголовно шли наливать водоносные сосуды для пополненія или освѣженія запаса воды, что въ тѣхъ случаяхъ, когда колодцы были глубоки или когда ихъ было мало, доставляло работы на цѣлыя сутки. Часто случалось очищать колодцы и нерѣдко приходилось искать воду съ лопатою въ рукахъ. Когда вода бывала извлечена въ достаточномъ количествѣ, верблюды напоены и сосуды наполнены, оставалось еще обтянуть эти сосуды войлокомъ и хорошенько смочить послѣдній, чтобы этимъ средствомъ хотя отчасти устранить быстрое испареніе воды. Все это дѣлалось въ климатѣ крайностей, — невыносимо знойнаго лѣта и нестерпимо холодной зимы, въ странѣ, лежащей ниже уровня океана, почти совершенно не имѣющей растительности, съ поверхностью, способною страшно нагрѣваться, съ температурою, колеблющеюся между + 52 и — 37 градусами по Р. Притомъ, какъ извѣстно, тамъ нѣтъ ни весны, ни осени, а переходы отъ высокой температуры къ низкой и обратно, въ особенности же губительные для здоровья человѣка возвратные и случайные холода среди теплой поры или внезапные жары послѣ наступленія періода холоднаго времени, составляютъ совершенно привычное явленіе. Всѣ эти климатическія невзгоды усиливаются тамъ необыкновенною сухостью воздуха и господствующимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ съ его знаменитыми буранами зимою и теббедами ⁽¹⁾ лѣтомъ. Для того, чтобы при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ пѣхотѣ исходить нѣсколько тысячъ верстъ, какъ это сдѣлалъ красноводскій отрядъ, конечно, требовалось не мало времени. И все это время люди, само собою разумѣется, жили подъ открытымъ небомъ, слегка прикрываясь полотнищами *tente d'abri*, то подвѣшенными къ палочкамъ въ защиту отъ солнца, то наложенными непосредственно на себя въ защиту отъ пронизывающаго холода. При такихъ нечеловѣческихъ требованіяхъ отъ человѣка необходимо было по крайней мѣрѣ до возмож-

---

(1) Песчаная буря.

ныхъ предѣловъ сокращать расходование людей на сторожевую службу въ ночное время, когда все, требующее охраны, втискивалось въ четырехугольникъ, представляющій изъ себя какую то точку среди необъятной площади, съ которой видимый горизонтъ всегда казался глазу безграничнымъ. Благо такое сбереженіе силъ было возможно. Такъ какъ на безводныхъ пространствахъ выборъ бивачнаго мѣста для ночлега вполне зависитъ отъ начальника, который въ этомъ случаѣ ничѣмъ не былъ стѣсненъ, то колонна всегда избирала пески, окруженные сухими солончаками, или центры значительныхъ солончаковыхъ площадей. Здѣсь кстати будетъ сказать, что по всему Закаспійскому краю, начиная отъ южныхъ чинковъ Усть-Урта, поверхность котораго большею частью покрыта плотнымъ слоемъ кремнезема, и до береговъ Гюргена и Кара-Су, а вглубь до Арала и Оксука, солончаки постепенно перемежаются съ сыпуче-песчаными пространствами. Последнія представляютъ сравнительно болѣе отрадную поверхность, такъ какъ въ пескахъ попадается въ большемъ или меньшемъ количествѣ та скудная растительность, которая составляетъ жалкую флору пустыни. Тамъ можно встрѣтить джиду, гребенщикъ, еще нѣсколько видовъ какихъ то бесполезныхъ травъ съ туземными названіями, а главное, — саксаулъ, этотъ хотя и грубый, но единственный въ своемъ родѣ продуктъ, составляющій кормъ верблюда и овцы, равно какъ и исключительное топливо. Кромѣ того, опытные туземцы иногда отыскиваютъ такія мѣста, гдѣ неглубоко подъ пескомъ лежитъ пластъ какой-либо породы, не пропускающей влаги, и тогда достаточно бываетъ сдѣлать небольшую копанку, чтобы извлечь нѣкоторое количество воды. Само собою разумѣется, что при этомъ нужна и большая удача, такъ какъ иначе трудъ пропадаетъ совершенно непроизводительно. Солончаки, происхождение которыхъ обыкновенно объясняютъ отступленіемъ моря, бывають сухіе и мокрые. Верхній пластъ солонцовъ состоитъ изъ сѣровато-соленого ила и иногда бываетъ чрезвычайно толстъ. Мокрые солонцы часто представляютъ совершенно студнеобразныя болота, до того опасныя, что, по увѣреніямъ туземцевъ, бывали случаи, когда засасывало цѣлыя караваны, забревшіе въ солончакъ въ ночную пору. Что касается солончаквъ сухихъ, то поверхность ихъ до того плотна, что когда случалось выбирать дождевую воду, болѣе недѣли продержавшуюся въ углубленіяхъ, мы удостовѣрились, что влага не проникла въ почву даже и на полъ-дюйма. Само собою разумѣется, что подкова лошади не оставляетъ на поверхности солончака ни малѣйшаго слѣда. За то, не говоря уже о возможности даже ночью до нѣкоторой степени замѣчать издали

на солончакѣ всякое двигающееся крупное тѣло, напримѣръ, всадника, караулить подходы можно и ухомъ, ибо каждый конскій шагъ слышится довольно далеко. Благодаря всему этому, располагаясь на солончакахъ, мы выставляли на ночь, шагахъ въ 50—100, отъ угловъ каре, по продолженіямъ діагоналей, по одному посту на каждый конецъ. Кромѣ того, по самой передней линейкѣ, смотря по длинѣ ея, расхаживало по два или по четыре дневальныхъ на все каре. Если песчаная площадь, на которой остановилась колонна, была обширна и до окраинъ примыкающаго солончака было далеко, мы выставляли къ нимъ конные казачьи посты, съ которыми на половину дѣлили эту службу и конные наши туркмены, число коихъ въ отрядѣ, съ присоединеніемъ въ Гезли-Ата Иль-Гельды-хана съ двѣнадцатью его всадниками, считая и самого хана, возросло до 19-ти человекъ. Конные посты обыкновенно снабжались фальш-феерами, которые зажигались въ случаѣ надобности для извѣщенія дежурной части. Выстрѣлъ-же на аванпостѣ долженъ былъ поднимать всѣхъ людей въ колоннѣ, а потому его дозволено было дѣлать лишь въ случаяхъ несомнѣнной надобности въ готовности всей боевой силы. Такимъ образомъ, слѣдовательно, расположеніе ночлежнаго бивака въ пескахъ требовало нѣкотораго усиленія расхода людей на сторожевую службу ночью, но за то въ этомъ случаѣ облегчалась таковая-же служба до наступленія темноты, ибо граница песковъ съ солончаковою полосою вмѣстѣ съ тѣмъ была предѣломъ, далѣе котораго не брелъ пасущійся верблюды. Понятно, разумѣется, что въ случаяхъ бивакированія среди солончака, если послѣдній былъ не очень большихъ размѣровъ и вѣроятно было предположеніе, что отъ времени появленія на его окраинѣ какой-либо партіи злоумышляющихъ противъ насъ и до подхода партіи этой къ нашему биваку мы безъ суеты не успѣемъ стать въ ружье, то и въ этомъ случаѣ колонна тоже выставляла по окрестнымъ пескамъ конные же сторожевые посты.

16-го сентября начальникъ отряда съ первымъ эшелонѣмъ выступилъ изъ Гезли-Ата. Первоначально предполагалось идти къ колодцамъ Туаръ, но развѣдчики наши привезли намъ самыя неутѣшительныя вѣсти о состояніи тѣхъ колодцевъ. Поэтому отрядъ направился къ колодцамъ Огламышъ, до которыхъ отъ Гезли-Ата 71¹/₄ верста. Прибывъ туда 20-го сентября, мы удостовѣрились, что и огламышская вода въ томъ состояніи, въ которомъ мы ее нашли, совершенно не могла быть разрѣшена къ употребленію. Она до того была затхлая, вонючая и противная, что не только люди и

лошади, но и верблюды, совершенно уже на этотъ счетъ неприхотливые, пить ея не могли. Обстоятельство это очень было насъ опечалило, тѣмъ болѣе, что на пути изъ Гезли-Ата у насъ полопалось довольно много бурдюковъ, которые вообще оказались несравненно менѣе пригодными для похода, чѣмъ деревянная посуда. Впослѣдствіи опытъ научилъ насъ не приходить въ отчаяніе отъ затхлости воды въ колодцѣ, такъ какъ это часто происходитъ вовсе не отъ негодности ея, а отъ того, что она долго не освѣжается по неупотребленію. Но если нѣсколько разъ вычерпать всю воду и хорошенько очистить колодезь, то затхлость пропадаетъ и вода часто оказывается относительно очень недурною. Гораздо хуже, когда попадаютъ колодцы, содержащіе солоноватую или горьковатую воду. Хотя и та, и другая отъ продолжительнаго вычерпыванія тоже значительно выигрываютъ, но все же до конца не перестаютъ оказывать весьма дурное вліяніе на здоровье человѣка. При такомъ положеніи, въ которомъ отрядъ нашелся въ Огламышѣ, мы прибѣгли къ имѣвшимся у насъ переноснымъ колодцамъ. Мы пробовали забивать ихъ и раньше, но всегда, какъ и теперь, дѣлали это совершенно безуспѣшно. То копые уткнется въ камень, то насосъ не тянетъ, то вода слишкомъ далеко, то, наконецъ, забились отверстия въ трубѣ, либо сама она погнулась. Такъ какъ въ огламышскихъ колодцахъ отъ поверхности до горизонта воды почти 65 футъ, то, конечно, нельзя было употребить наши переносные колодцы даже и въ качествѣ простыхъ насосовъ, чтобы выкачать воду; а потому мы рѣшились было приступить къ очисткѣ этихъ колодцевъ самымъ первобытнымъ способомъ, — разумѣется, нѣсколько медленнымъ, но за то вѣрнымъ; въ ожиданіи же, пока очистятъ хотя одинъ колодезь, оставалось вооружиться терпѣніемъ и стойко переносить жажду. Надобно сказать, что въ предвидѣніи подобнаго случая съ колодцами при отрядѣ слѣдовали два перса, мастера дѣлать колодезные. Они были наняты въ Баку и въ то время находились на лицо при первомъ эшелонѣ. У насъ былъ также канатъ и прочія принадлежности. Все уже было налажено, когда нѣсколько человѣкъ казаковъ и туркменъ прискакали съ извѣстіемъ, что въ колодцахъ Чагылъ, находящихся всего въ одномъ переходѣ отъ Огламыша, есть чистая и хорошая вода. Поэтому немедленно приказано было готовиться къ дальнѣйшему маршу. Въ тотъ-же самый день, т. е. 20-го сентября, первый эшелонъ снялся съ бивака и прибылъ въ Чагылъ къ 8¹/₂ часамъ вечера. Рассказывая объ этомъ днѣ, нельзя обойти молчаніемъ одинъ маленькій

эпизодъ, соединенный съ воспоминаніемъ о 20-мъ сентябрѣ. Такъ какъ дни, предшествовавшіе этому числу, были исключительно жарки, то маршъ нашъ между Гезли-Ата и Огламышемъ нѣсколько замедлился. Мы не успѣли, какъ то предполагалось, придти въ послѣдній изъ названныхъ пунктовъ 19-го сентябрю и съ 19-го на 20-е переночевали въ 7-ми верстахъ не доходя до Огламышя. Ночь была неимоვნно душная, и мы въ теченіе ея истребили почти весь оставшійся у насъ запасъ воды. Поэтому, когда на слѣдующій день прошли оставшійся путь и надежда наша на огламышскіе колодцы не оправдалась, положеніе стало критическимъ. Какъ на зло, солнце неимоვნно жгло насъ съ самаго ранняго утра, а между тѣмъ, какъ уже было сказано, пришлось идти дальше. Потерявъ нѣсколько утреннихъ часовъ въ бесполезныхъ хлопотахъ при колодцахъ, мы стали вычистить верблюдовъ и колонна изготавилась къ маршу лишь къ часу пополудни, слѣдовательно въ пору наибольшаго зноя. Томленіе отъ тепла и жажды замѣтно напрягло нервную систему въ каждомъ. Люди нервно переминались, а между тѣмъ предстоялъ, какъ потомъ оказалось, переходъ въ 21^{1/2} версту. Въ это время одинъ солдатикъ сталъ громко стонать, повторяя: «батюшки, мы пропадемъ!» Лица многихъ другихъ выражали почти то же, что выкрикивалъ ихъ товарищъ. Какъ ни мало можетъ, по видимому, значить приведенное восклицаніе, но кто знаетъ характеръ пустыни и видѣлъ бѣдствующаго въ ней человѣка, тотъ навѣрное согласится, что уныніе и упадокъ духа скоро овладѣваютъ тамъ людьми. Для этого въ пустынѣ иногда достаточно самыхъ ничтожныхъ поводовъ. А между тѣмъ, при извѣстныхъ условіяхъ, только нравственная сила способна до нѣкоторой степени поддерживать тамъ бодрость скоро истомляющагося тѣла. Поэтому въ пустынѣ въ особенности необходимо энергично и всѣми мѣрами устранять неблагопріятно дѣйствующія причины, какими бы ни казались онѣ мелочными. Уныніе тамъ очень заразительно и, не найдись случайно услышавшій стонъ солдата старшій изъ штабъ-офицеровъ въ нашемъ отрядѣ, не дойти бы намъ въ тотъ день до Чагыла. Едва донеслось до него слово «погибаемъ», штабъ-офицеръ этотъ подѣхалъ къ стонущему, сошелъ съ коня и, обратясь къ ротѣ, сказалъ ей, указывая на закричавшаго солдата: «братцы, онъ должно быть болѣнъ! Сажай его на мою лошадь, а мнѣ давай его ружье и снаряженіе,—я понесу за него все это!» Солдатика посадили верхомъ. Ружье и вещи понесъ штабъ-офицеръ. Увидавъ это, вся команда нашихъ превосходныхъ казаковъ тоже спѣшилась и

стала предлагать своихъ коней тѣмъ изъ пѣхотинцевъ, кто еще считаетъ себя больнымъ. Такъ какъ предложеніе это дѣлалось не безъ нѣкоторой ироніи по адресу пѣхоты, то желающихъ воспользоваться предложеніемъ не нашлось. Солдатикъ, усаженный на лошадь, какъ нарочно, оказался совсѣмъ неумѣющимъ ѣздить и это вызвало остроты со стороны казаковъ. Пѣхотинцы огрызались. Пошелъ по колоннѣ смѣхъ и оживленный говоръ. Такъ благополучно дошли мы до Чагыла, сдѣлавъ всего одинъ только привалъ. 22-го сентября туда-же пришелъ и послѣдній эшелонъ. Вода въ восьми колодцахъ, найденныхъ въ Чагылѣ, оказалась дѣйствительно прѣсною и вкусною, а глубина колодцевъ была не болѣе 17-ти футовъ. Правда, столбъ воды въ колодцахъ былъ не выше фута, но она набиралась довольно скоро. По всему этому Чагыль сталъ вторымъ этапомъ на нашемъ пути. 22-го-же числа закипѣла работа по устройству укрѣпленія и по приспособленію его для возможно лучшаго помѣщенія гарнизона и складываемыхъ тамъ грузовъ. Помѣстивъ въ Чагылѣ полуроту съ двумя горными орудіями, остальные части отряда пошли дальше по направленію къ колодцамъ Кумъ-Себшенъ, выступивъ съ мѣста частью 23-го, частью-же 24-го сентября. По пути топографы наши, конвоируемые кавалеріею отряда, съѣздили осмотрѣть колодцы Секизь-ханъ. Они сообщили, что одинъ изъ имѣющихся тамъ трехъ колодцевъ совершенно высохъ, остальные же два могутъ дать отряду суточную пропорцію воды, необходимую собственно людямъ. Тѣмъ не менѣе отрядъ миновалъ Секизь-ханъ и прошелъ прямо ближайшимъ путемъ, такъ какъ въ день выступленія изъ Чагыла мы не истратили ни капли запаса воды, а воспользовались дождевою водою, отысканною на пути слѣдованія. Отъ Чагыла до Кумъ-Себшена всего 64¹/₂ версты, а потому всѣ, выступившіе изъ перваго пункта, собрались во второй 26-го сентября довольно рано. Благодаря дружной работѣ, къ вечеру 27-го числа былъ уже готовъ и третій нашъ этапъ въ пустынь. Кумъ-Себшенъ лежитъ въ песчаной котловинѣ, образуемой бегенджалькирскимъ и капланкирскимъ чинками Усть-Урта. Водою Кумъ-Себшенъ весьма богатъ и вода тамъ не дурна. Кромѣ двухъ довольно глубокихъ колодцевъ, въ немъ есть еще въ пескахъ много копанокъ и число ихъ всегда могло быть увеличено. Дальнѣйшій-же нашъ путь пролегалъ по совершенно безводной мѣстности, а затѣмъ на нашемъ пути находился одинъ только значительный по глубинѣ Узунъ-Куюнскій колодезь, который, по близости его къ Хивинскому оазису, мы, чего добраго, могли застать засыпаннымъ или отравлен-

нымъ. Поэтому рѣшено было выступить изъ Кумъ-Сибшена; для дальнѣйшаго похода, съ самымъ ограниченнымъ числомъ коней и вообще всякихъ животныхъ. Тѣмъ временемъ, какъ пѣхота 27-го сентября достраивала 3-й нашъ редутъ, начальникъ отряда со всѣми казаками и конными туркменами обрекогносцировалъ дорогу до колодцевъ Дѣпмэ и Диринъ. Колодцы эти, находившіеся совершенно въ сторонѣ отъ направленія нашего движенія, — первый въ 29-ти верстахъ отъ Кумъ-Сибшена, а второй еще въ 4¹/₂ верстахъ отъ Дѣпмэ, — имѣли для насъ тотъ интересъ, что были нѣкогда осмотрѣны Муравьевымъ, а связь нашего пути съ путемъ Муравьева могла быть весьма полезна. Кромѣ того, колодезь Дѣпмэ находится въ области туркменскихъ кочевокъ, а Диринъ входитъ въ область, по которой кочуютъ киргизы, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи знакомство съ ними представлялось весьма любопытнымъ. Для измѣренія разстоянія, на эту рекогносцировку взяли съ собою одно горное орудіе, къ колесу котораго подвязали одометръ и, чтобы оно не отставало, запрягли его лошадыю изъ подъ полеваго орудія.

Когда рекогносцировка этихъ колодцевъ была окончена, то отрядъ 28-го сентября, послѣ ранняго обѣда, пошелъ дальше. При выступленіи изъ Кумъ-Сибшена, кромѣ верблюдовожатыхъ, въ составѣ двигавшейся колонны находилось около 240 штыковъ, два горныхъ орудія съ 20-ю человекъ артилерійской прислуги, 16 пѣшихъ казаковъ и два конныхъ туркмена. Все остальное вошло въ составъ кумъ-сибшенскаго гарнизона или осталось при немъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Кромѣ двухъ туркменскихъ коней, при колоннѣ не было ни одной лошади. Господа офицеры, не исключая начальника отряда и врача, шли пѣшкомъ, съ правомъ, въ случаѣ утомленія, присаживаться на верблюдовъ, которыхъ съ нами пошло 220 головъ. 48 верблюдовъ исключительно везли воду; послѣдней было съ нами до 400 ведеръ. Больше взять было невозможно, такъ какъ водоносная наша посуда сильно поистрепалась, а потому поручено было кумъ-сибшенскому гарнизону привести на свободѣ остальную посуду въ возможный порядокъ, для чего тамъ оставлены всѣ люди, имѣющіе понятіе о шорномъ и бондарномъ искусствахъ. Предъ выступленіемъ съ математическою точностью опредѣлили возможный суточный расходъ воды, принимая при этомъ въ расчетъ вѣроятность необходимости семидневнаго существованія исключительно запасомъ, взятымъ съ собою. Предполагалось тратить не свыше 60-ти ведеръ въ день, дабы не только обезпе-

чить движеніе впередъ до Узунъ-Кую, но и обратный путь до Кумъ-Себшена въ случаѣ, еслибы мы нашли единственный узунъ-куюнскій колодезь засыпаннымъ или отравленнымъ, такъ какъ о вѣроятности того и другаго поговаривали наши туркмены. Хотя при колоннѣ погнали 50 штукъ барановъ, но варить горячую пищу не предполагалось, въ надеждѣ обходиться чаемъ. Впрочемъ, всѣ были увѣрены, что голодать не придется. Баранину можно было жарить на вертелахъ. Къ тому же въ Кумъ-Себшенѣ было сварено много гречневой каши, которую затѣмъ процѣдили и, высушивъ на солнцѣ, везли въ мѣшкахъ на выюкахъ. Такую пищу люди употребляли и раньше, причемъ на порцію вареныхъ крупъ обыкновенно вливалась въ котелокъ одна — двѣ чарки кипяченой воды и все это на огнѣ смѣшивалось въ котелкѣ съ кусочкомъ сала или масла. Люди находили пищу эту недурною. Они ее прозвали оюклинкою, по имени колодцевъ Оюклю, у которыхъ имъ въ первый разъ дана была она для пробы. Конечно кумъ-себшенскій гарнизонъ получилъ приказаніе имѣть готовый транспортъ съ водою для того, чтобы вывезти его на встрѣчу узунъ-куюнской колоннѣ въ случаѣ, еслибы это потребовалось; но вся эта предосторожность казалась излишнею. Благодаря счастливой случайности, а именно обильному дождю, выпавшему 29-го числа, къ удивленію всѣхъ туркменъ мы отчасти даже воспользовались водою единственнаго попутнаго колодца Казахли, изъ котораго обыкновенно не пьютъ не только люди и лошади, но и верблюды. Дождь опрѣснилъ и освѣжилъ воду этого колодца настолько, что лошади и овцы, а частью и верблюды мимоходомъ были напоены. Но особенно благоприятнымъ для насъ случаемъ было то обстоятельство, что въ полтора верстахъ отъ Казахли, въ углубленіи солончака, туркмены наши отыскали скопившуюся дождевую воду, которую мы вычерпали до дна, совершенно неожиданно полакомившись, благодаря этому, прекрасною горячею пищею. 1-го октября колонна благополучно достигла Узунъ-Кую, до котораго отъ Кумъ-Себшена мы намѣрили ровно 87¹/₂ версть. Однако-же нельзя не упомянуть, что на пути этомъ впервые пришлось намъ испытывать и сильную жару, и нѣкоторыя ея послѣдствія. Обстоятельство это было тѣмъ страннѣе, что до той поры по ночамъ иногда приходилось намъ надѣвать и полушубки, а тутъ еще вдобавокъ мы поднялись на возвышенность Усть-Урта, по окраинѣ котораго преимущественно пролегла наша дорога въ послѣдніе дни. Нѣкоторое исключительное томленіе и людямъ, и животнымъ доставили также крутые спуски и подъемы, которыхъ здѣсь

встрѣчается весьма много. Въ особенности плохо ходить верблюды по косогорамъ, а потому ежеминутно приходилось поправлять вьюки и даже заново перевьючивать, что очень задерживало движеніе. За то верстахъ въ десяти за Кумъ-Сибшеномъ сыпучіе пески совершенно исчезаютъ и вновь появляются только восточнѣе Узунъ-Кую, довольно далеко отъ этихъ колодезевъ. Какъ бы то ни было, но мы не только успѣшно преодолѣли встрѣченные нами неудобства и прошли предположенное пространство, но, отдохнувъ и справившись съ дѣлами, пошли и дальше. Узунъ-Куюнскій колодезь, единственный въ томъ мѣстѣ, найденъ былъ нами въ хорошемъ состояніи, а вода въ немъ весьма вкусною. Правда, глубина до воды достигаетъ въ немъ безъ малаго до 15-ти сажень, но за то высота водянаго столба въ колодезѣ равна 4-мъ сажнямъ. Слѣдовательно, недостатка воды бояться было нечего. Поэтому немедленно было послано въ Кумъ-Сибшенъ приказаніе прибыть въ Узунъ-Кую всѣмъ коннымъ казакамъ и полевому орудію, посадивъ артилерійскую прислугу на казачьихъ лошадей, отданныхъ на время похода подъ верхъ пѣхотнымъ офицерамъ. Одновременно должны были прибыть туда же и нѣсколько человѣкъ конныхъ туркменъ. Тѣмъ временемъ, какъ приказаніе это приводилось въ исполненіе, въ Узунъ-Кую построили четвертое укрѣпленіе. На разсвѣтѣ 3-го октября, 35 нашихъ прекрасныхъ гребенскихъ казаковъ со своимъ молодцомъ-офицеромъ, съ 15-ю офицерскими конями и полевымъ орудіемъ, подъ общимъ начальствомъ весьма извѣстнаго своею выдающеюся службою въ красноводскомъ отрядѣ артилеріи штабсъ-капитана Витцеля, присоединились къ передовой колоннѣ. На каждомъ конѣ пришло по 6-ти гарнцевъ ячменя, да еще съ мѣста почти къ каждому сѣдлу приторочено было по небольшому бурдюку съ водою. Оставивъ гарнизонъ въ Узунъ-Кую и давъ людямъ пообѣдать, въ часъ ночи съ 3-го на 4-е число начальникъ отряда повелъ колонну дальше, по направленію къ Сары-Камышу. Въ составъ колонны вошли двѣ съ половиной роты пѣхоты, одно полевое и одно горное орудіе и нѣсколько человѣкъ конныхъ туркменъ. Говоря о послѣднихъ, кстати будетъ сказать, что пребываніе наше въ Узунъ-Кую, между прочимъ, отмѣтилось сокращеніемъ команды Иль-Гельды-хана на два человѣка. Туркмены Ана-Таганъ и Курбанъ-Назаръ отпросились у начальника отряда и уѣхали впередъ съ цѣлью украсть обратно своихъ верблюдовъ, недавно ограбленныхъ у нихъ бандою, высланною изъ Хивы. Люди эти обѣщали вскорѣ возвратиться, но не воз-

вратились къ отряду вове. Потомъ узнали мы отъ освобожденныхъ нами въ Топьетанѣ плѣнныхъ персовъ, что оба они были пойманы хивинцами и, по приказанію хана, обезглавлены.

Къ вечеру 4-го октября мы отошли отъ Узунъ-Кую 35 верстъ, сдѣлавъ при этомъ шести-часовой приваль среди дня. 5-го числа мы ушли впередъ еще на 32¹/₂ версты, а остальные 30 верстъ до Сары-Камыша пройдены были нами къ двумъ часамъ пополудни 6-го октября. Нужно сказать, что столь крупные переходы нисколько никого не утомляли. Солдатики хотя и шли съ мѣшками, замѣнявшими имъ ранцы, но мѣшки тѣ были въ Узунъ-Кую еще разъ внимательно пересмотрѣны офицерами и въ нихъ неслись лишь самыя насущно необходимыя вещи. Притомъ же съ нами было три десятка свободныхъ верблюдовъ, на которыхъ присаживались изнурившіеся люди, по два на каждого верблюда. Воды везли мы съ собою достаточно. Даже и горячую пищу варили ежедневно. Эта роскошь была допущена въ виду, того во-первыхъ, что жара сильно спала, а потому во время дня воды требовалось уже несравненно меньше; во-вторыхъ, потому, что въ 17-ти верстахъ отъ Узунъ-Кую, во время привала намъ опять удалось напасть на яму съ дождевою водою, а, наконецъ, въ-третьихъ, и самое главное, мы не стѣснялись въ расходованіи воды потому, что Сары-Камышъ, о которомъ такъ много говорилось во всѣхъ записанныхъ раньше распросныхъ свѣдѣніяхъ, представлялся нашему воображенію какимъ то громаднѣйшимъ резервуаромъ воды. Всѣ были увѣрены, что въ Сары-Камышѣ, гдѣ ни копни, обильно польется вода точно такъ, какъ это нѣкогда случилось въ пустынѣ отъ прикосновенія жезла Моисеева къ камню. Тѣмъ не менѣе надежды наши на обиліе воды въ Сары-Камышѣ были совершенно обмануты. Мѣсто это находится въ пунктѣ пересѣченія сѣвернаго пути изъ Красноводска въ Хиву съ Узбоемъ, т. е. съ предполагаемымъ старымъ русломъ Аму-Дарьи. Тамъ нашли мы всего одинъ маленькій колодезь, съ весьма скуднымъ содержаніемъ воды, далеко не могущимъ удовлетворять даже, такъ сказать, текущую нужду даже столь меньшаго числа людей и лошадей, которое туда было приведено. Между тѣмъ, по заранѣе отданному приказанію въ ночь на 7-е октября, къ намъ должно было прибыть и дѣйствительно прибыло 50 конныхъ казаковъ. Опять попробовали забить нортоновскій колодезь и, конечно, опять безуспѣшно. Послѣ всего этого намъ оставалось одно изъ двухъ: либо немедленно и форсированно скоро возвращаться, либо идти

впередъ на одинъ кочевой мензиль (1), къ родникамъ Декча. Правда, въ тылу нашемъ, верстахъ въ 25-ти, мы могли рассчитывать на воду изъ копанокъ, сдѣланныхъ по берегу Бетендаль-гельскаго озера, да еще, пожалуй, на остатки дождевой воды въ ямѣ, изъ которой мы пользовались, идя впередъ. Но въ копанкахъ вода, просочившаяся изъ вышеупомянутаго озера, была чрезвычайно плоха. Ею развѣ можно было воспользоваться лишь въ случаѣ особенной нужды, а на дождевую воду рассчитывать было неосторожно, такъ какъ ея осталось такъ мало, что къ нашему возвращенію она вся могла испариться. Поэтому рѣшено было идти за водою въ Декча. Съ этою цѣлью утромъ 7-го октября начальникъ отряда лично повелъ въ названный пунктъ 60 человекъ пѣхотинцевъ, посаженныхъ на верблюдовъ, одно горное орудіе, запряженное также верблюдами, и всю кавалерію. Колонна эта погнала съ собою также и всѣхъ верблюдовъ, пришедшихъ съ нами въ Сары-Камышъ. Животныя эти давно уже не были поены и очень въ томъ нуждались. По дорогѣ пришлось пересѣчь Узбой и подняться на противоположный, весьма крутой его берегъ. Дальнѣйшій путь лежалъ по хордѣ дуги Узбая, имѣя эту дугу влѣво. Во время пути въ той-же сторонѣ видѣлись постоянно крутые обрывы Бешъ-Дешика, одного изъ чинковъ Усть-Урта, вплотную подошедшіе къ старому руслу и нѣкогда составлявшіе правый его берегъ. Конечно, вопросъ о томъ, заполняли ли воды Аму-Дарьи когда-либо въ дѣйствительности это корыто, или преданіе, повѣствующее объ этомъ, есть не болѣе какъ плодъ воображенія, пока еще остается вопросомъ, никѣмъ достаточно не разрѣшеннымъ, но на всякаго поверхностнаго наблюдателя Узбой не можетъ не оставить впечатлѣнія въ томъ смыслѣ, что это углубленіе есть несомнѣнное русло великой рѣки, естественно или искусственно измѣнившей свое теченіе. Красноводскій отрядъ въ продолженіе трехлѣтнихъ своихъ рекогносцировокъ видѣлъ Узбой, хотя и съ большими перерывами, на протяженіи, по крайней мѣрѣ, 350 верстъ, но нигдѣ и никому изъ служившихъ въ томъ отрядѣ не приходило въ голову, чтобы желобъ этотъ былъ простою игрою природы. Узбой, какимъ мы его видѣли, вездѣ

---

(1) «Мензиль» собственно есть протяженіе, равняющееся приблизительно одной географической милѣ. Мѣра эта персидская, перешедшая оттуда отчасти и къ туркменамъ. Но послѣдніе подъ этимъ именемъ преимущественно принимаютъ величину средняго перехода во время перекочевокъ, замѣняя слово мензиль въ смыслѣ мили словомъ «таштъ», которое въ букввальномъ переводѣ значить камень.

имѣетъ совершенно ясно обозначенные берега, причѣмъ лѣвый его берегъ почти на всемъ протяженіи состоитъ изъ песчаныхъ скатовъ, болѣе пологихъ, чѣмъ берегъ противоположный. Этотъ послѣдній, напротивъ того, большею частью состоитъ изъ глиняныхъ обрывовъ отъ 3-хъ до 8-ми сажень высоты. По правобережному обрыву легко замѣтить горизонтальное наслоеніе какой-то мягкой бурой глины. Во многихъ мѣстахъ глинистые берега изрыты глубокими поперечными промоинами, развитію которыхъ видимо помѣшали сыпучіе пески, подступившіе почти къ самому гребню щеки рѣчнаго русла. Дно Узбоя преимущественно состоитъ изъ иловатой глины или сыпучихъ песковъ, которые въ иныхъ мѣстахъ выросли въ цѣлые особнякомъ стоящіе курганы, въ другихъ образовали цѣпи, расположившіяся то въ видѣ барьеровъ поперекъ русла, то вдоль его. Не смотря на господство песковъ по дну русла, они не успѣли еще засыпать массы резервуаровъ частью соленой, частью даже прѣсной воды. Чрезвычайно часты также въ руслѣ темно-солонцеватая топи съ осадочною солью по краямъ. По дну же Узбоя обильно произрастаютъ всякаго рода растенія, встрѣчающіяся въ туркменскихъ степяхъ, причѣмъ даже и самыя размѣры этихъ растеній тутъ несравненно крупнѣе. Между прочимъ, въ руслѣ, о которомъ идетъ рѣчь, можно найти значительныя площади, сплошь заросшія густымъ и высокимъ камышомъ и даже можжевельнымъ кустарникомъ, почти достигающимъ размѣровъ дерева. Растенія эти и влага, въ свою очередь, способствуютъ размноженію зайцевъ, кабановъ и дикихъ ословъ, по туземному—кулановъ, мясо которыхъ совершенно справедливо считается лакомымъ кушаньемъ. Ближе къ морю, въ этомъ руслѣ гнѣздятся массы дикихъ гусей и утокъ. И все это въ странѣ, въ которой на цѣлыхъ тысячахъ квадратныхъ миль не встрѣтишь ни звѣря, ни птицы, въ которой только одни пресмыкающіяся обращаютъ на себя вниманіе какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Понятно поэтому, что Узбой долженъ представлять и, дѣйствительно, представляетъ для туркмена явленіе самое отрадное, и онъ, совершая свой обычный кочевой путь по песчанымъ буграмъ безводныхъ и безжизненнымъ степей, старается приурочиться къ Узбою по возможности на болѣе продолжительное время. Остается сказать еще, что среднюю ширину Узбоя можно принимать въ 125—150 сажень. Говоря объ этомъ руслѣ, нельзя не упомянуть также, что между туземцами не существуетъ сомнѣнія въ томъ, что Аму-Дарья

нѣкогда текла въ Каспійское море. Вслушиваясь, однако-же, въ ихъ разсужденія по этому вопросу, становится очевиднымъ, что въ понятіяхъ туркменъ фантазія сдѣлала чрезвычайно обширныя завоеванія, ибо они увѣрены, напримѣръ, что Оксусъ протекалъ около самыхъ стѣнъ Мешеди-Мизріана, который будто-бы былъ предназначенъ Аллахомъ быть мѣстомъ нахождения ке'эбе, но что это дѣло испортилъ нѣкто Геклень, родоначальникъ весьма извѣстнаго туркменскаго племени гекленовъ. Человѣкъ этотъ разрушилъ названный городъ, и Богъ во гнѣвѣ своемъ къ туркменамъ постановилъ быть ке'эбе въ Аравіи. Между тѣмъ, развалины Мешеди-Мизріана, исторія котораго вообще очень темна, находятся нѣсколько юго-восточнѣе колодцевъ Бугдаили, гдѣ рѣшительно нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ узбоя и гдѣ, какъ кажется, никогда не могла протекать никакая рѣка. Что касается точки поворота Аму-Дарьи въ Каспій, то и на этотъ счетъ преданія туркменъ чрезвычайно разнорѣчивы. Одни говорятъ, что рѣка поворачивала отъ города Куня-Ургенча, и это немного правдоподобно, ибо, говорятъ, и нынѣ, во время исключительно высокаго стоянія воды въ рѣкѣ, образующійся протокъ сливается Аму-Дарью съ озеромъ Бетендаль-гель (Сарыкамышскимъ), а оттуда слѣды чего-то въ родѣ стараго рѣчнаго русла обозначаются вплоть до самой вершины Балханскаго залива. Другое-же преданіе гласитъ, что поворотъ Аму-Дарьи начался въ Чарджуѣ. Послѣдователи этого мнѣнія прибавляютъ, что, когда рѣка эта текла къ западу, въ нее вливались слѣва рѣки Мургабъ и Тедженъ, а когда враги туркменъ, бухарцы, загородили естественный путь Аму-Дарьи, то Богъ надвинулъ съ сѣвера пески, которые и засыпали устья двухъ вышеназванныхъ притоковъ, равно какъ и ближайшую къ Чарджую часть самаго русла Аму-Дарьи. Нельзя безусловно утверждать, что и это преданіе ни на чемъ не основано. Красноводскій отрядъ въ тѣхъ мѣстахъ не былъ, но на лучшихъ новѣйшихъ нашихъ картахъ Средней Азіи, вѣроятно не безъ основанія, въ указанномъ направленіи обозначается всегда какой-то слѣдъ, который называютъ старымъ русломъ Унгузъ. Что касается рѣкъ Мургаба и Теджена, то устья ихъ, какъ извѣстно, дѣйствительно теряются въ пескахъ. Извѣстно также, что по всей Арало-Каспійской впадинѣ пески надвигаются со стороны с.-сѣверо-востока, что наглядно свидѣтельствуется формою песчаныхъ волнъ, крупно обрывающихся къ ю.-юго-западу и весьма отлогихъ къ сторонѣ противоположной. Наконецъ, можно допустить,

что Аму-Дарья нѣкогда раздѣлялась въ Чарджуѣ на два рукава, изъ коихъ одинъ, сохраняя общее направленіе рѣки, достигалъ Аральскаго моря, тогда какъ другой круто поворачивалъ на западъ и, питаясь водами Мургаба и Тенджена, изливался въ Каспійское море. Вообще-же на всякія измѣненія въ направленіяхъ теченія рѣки возможно допустить вліяніе и геологическихъ переворотовъ, и человѣческой воли, ибо извѣстно, что древніе азіатцы съ гидротехникой справлялись недурно.

Обращаясь къ прерванному разсказу о рекогносцировкѣ, нужно сказать, что колонна, выступившая въ Декча, совершенно спокойно достигла этого пункта. Она до-сыта напоила тамъ животныхъ, наполнила водоносные сосуды и, пообедавъ, пошла обратно въ Сары-Камышъ, до котораго, по показанію одометра, изъ Декча ровно 18 верстъ. На другой день, т. е. 8-го октября, слѣдовательно ровно черезъ мѣсяць со дня выступленія перваго нашего эшелона изъ Мулла-Кари, началось общее обратное движеніе отряда. Дальше идти было незачѣмъ. Достаточно было добраться до Декча, чтобы удостовѣрить Хиву въ томъ, что путь по пустынѣ между Красноводскомъ и Хивинскимъ оазисомъ русскими проложенъ. Когда мы уже выступили изъ Декча, туркмены наши замѣтили какой то конный разъѣздъ, слѣдившій за нами, и погнались за нимъ. Разъѣздъ сталъ уходить, но такъ плохо выбралъ для этого свое направленіе, что человѣкъ десять нашихъ казаковъ пошли ему на перерѣзъ и безъ выстрѣла сшибли съ коней двухъ узбековъ, какъ оказалось потомъ изъ ихъ распросовъ, высланныхъ въ числѣ прочихъ на развѣдки о насъ вслѣдствіе распространившейся уже въ Хивѣ тревоги. Узбековъ этихъ мы довели до Узунъ-Кую, откуда выпустили ихъ на свободу. Въ послѣднюю ночь нашего пребыванія въ Сары-Камышѣ ртутный столбъ въ термометрѣ Реомюра упалъ до 9° ниже нуля, и хотя къ восьми часамъ утра онъ поднялся до 4°, но холодъ казался очень чувствительнымъ, благодаря сильному, порывистому сѣверо-восточному вѣтру, который, впрочемъ, былъ попутенъ, ибо дулъ намъ все время въ спину и тѣмъ отчасти облегчалъ и ускорялъ ходъ колонны. Подходя къ Узунъ-Кую, впервые можно было оцѣнить значеніе вполне обезпеченнаго пункта въ пустынѣ. Хотя вообще всѣ ходили вездѣ бодро и весело, но тутъ, кромѣ того, въ каждомъ просвѣчивалось ожиданіе чего то особенно пріятнаго, успокаивающаго. Всѣ шли точно домой, хорошо зная, что съ приходомъ на мѣсто ихъ встрѣтятъ свои люди, что воду получать они не по пор-

щамъ, но можно будетъ даже умыться, что и накормятъ въ Узунь-Кую не консервами и либиховскимъ бульономъ, а настоящимъ супомъ съ бараниною. Больныхъ у насъ не было, если не считать одного офицера, прихворнувшего простудною лихорадкою. Правда, нельзя при этомъ не принять въ расчетъ, что въ походъ былъ взятъ народъ отборный и что отъ всего хилаго и неспособнаго переносить климатъ, труды и лишения отрядъ освободился еще въ іюль мѣсяцѣ.

Старый красноводець.

(Продолженіе будетъ).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173741/1.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТОМЪ СЛХХХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, д. № 36.

1889

305
480

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Статья третья) (1).

10-го октября части, ходившія дальше Узунь-Кую, возвратились обратно въ это мѣсто. Послѣдующія движенія рѣшено было производить такъ, чтобы рекогносцировка охватила возможно большую площадь пустыни. Широкое выполненіе такой задачи, можно сказать не преувеличивая, стало какимъ то предметомъ судорожнаго желанія cadaго участника экспедиціи, начиная отъ начальника до послѣдняго солдата въ отрядѣ. Поэтому задались мыслью, во-первыхъ, приблизиться къ Красноводску, идя по возможности новыми путями, во-вторыхъ, осмотрѣть всѣ колодцы, не только лежащіе по пути общаго направленія нашего движенія, но и нѣсколько отъ него удаленные, и, въ-третьихъ, подойти непременно къ берегу Карабугазскаго залива. Само собою разумѣется, выполнить эту програму, двигаясь всѣми рекогносцирующими силами вмѣстѣ, было немислимо, а потому рѣшено было не останавливаться передъ необходимою дробленіемъ отряда съ тѣмъ, чтобы одни осмотрѣли одно, другіе — другое. По рассказамъ нашихъ туркменъ, изъ ближайшихъ къ Узунь-Кую колодцевъ, могущихъ быть включенными въ сферу нашего осмотра, наибольшій интересъ представляли колодцы Дахлы. Они, судя по тѣмъ-же свѣдѣніямъ, лежали въ узлѣ нѣсколькихъ караванныхъ путей, а потому, естественно, необходимо было нанести эти колодцы на нашу карту. Сообразно съ этимъ капитанъ Витцель получилъ приказаніе отправиться съ 50-ю казаками въ Кумь-Себшенъ и перевести въ Дахлы гарнизонъ этого укрѣпленія, а также и всѣ грузы, находившіеся въ немъ. Исполняя это приказаніе, на-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1889 г., № 8-й.

званный офицеръ выступилъ по назначенію 11-го октября. Всѣ прочіе въ этотъ день оставались на дневкѣ въ Узунъ-Кую, изъ котораго двинулись только на слѣдующій день, т. е. 12-го октября. Отъ Узунъ-Кую до Дахлы оказалось $57\frac{3}{4}$ версты. Разстояніе это пройдено было въ два перехода. На пути нигдѣ колодезь не найдено и, слѣдовательно, ночлегъ съ 12-го на 13-е число былъ безводный, но это, разумѣется, давно стало уже дѣломъ вполне привычнымъ. Къ тому же, какъ ни тяжело было черпать воду изъ Узунъ-Куюнскаго колодца, мы все-таки повезли ее оттуда въ количествѣ, болѣе или менѣе достаточномъ. Колодцы Дахлы, коихъ всего два, не глубоки, но столбъ воды въ нихъ не выше шести дюймовъ, а потому понятно, что хотя они и дѣйствительно лежатъ въ узлѣ путей, но во всякомъ случаѣ, нужно думать, караванъ-баши, т. е. водители каравановъ, конечно, не держатъ ихъ долго въ Дахлы. Собственно говоря, нѣтъ повода думать, чтобы караванамъ была и нужда ходить черезъ Дахлы. Пунктъ этотъ, какъ кажется, лежитъ въ сторонѣ отъ тѣхъ направленій, по которымъ вѣроятно движеніе каравановъ. Дахлы правильнѣе признать центральнымъ пунктомъ среди группъ наиболѣе извѣстныхъ въ пустынѣ колодцевъ, вокругъ которыхъ въ извѣстную пору года собираются кочевки туркменъ. Къ числу такихъ именно принадлежатъ слѣдующіе колодцы: Узунъ-Кую, Кумъ-Себшенъ, Чагылъ, Карайманъ, Чарышлы и Гокланъ-Куюсы. Нѣкоторыхъ изъ этихъ колодцевъ мы не видѣли; но наши туркмены рассказывали много хорошаго особенно о Гокланъ-Куюсы. По увѣренію Иль-Гельды-хана, до него отъ Дахлы былъ одинъ небольшой мензиль, а потому не посмотрѣть Гокланъ-Куюсы казалось просто невозможно. Эта рекогносцировка была поручена генеральнаго штаба штабсъ-капитану Маламъ, который выступилъ по назначенію на разсвѣтъ 14-го октября съ тѣмъ, чтобы успѣть въ тотъ же день вернуться назадъ. Колонну эту составила полурота, бывшая въ гарнизонѣ узунъ-куюнскомъ, съ однимъ горнымъ орудіемъ. Въ этотъ же день наиболѣе свободные изъ находившихся при отрядѣ топографовъ и знакомыхъ съ дѣломъ офицеровъ усердно рекогносцировали пути изъ Дахлы на Казахлы, Чарышлы и Карайманъ. Само собою разумѣется, что, находясь въ зависимости отъ соображеній по продовольствію, прослѣдить эти пути до конечныхъ пунктовъ отряду не достало бы времени, а потому обрекогносцировали ихъ на столько, на сколько было возможно. 14-го же числа прибылъ въ Дахлы капитанъ Витцель, со всѣми сидѣвшими въ Кумъ-Себшенѣ, но колонна штабсъ-капитана Маламы не успѣла возвратитъ-

ся въ этотъ день: она пришла послѣ полуночи. До Гокланъ-Жуюсы оказалось 23 версты; но главною причиною замедленія было то, что проводники сбились съ дороги. Это былъ первый и даже единственный подобный случай въ нашемъ отрядѣ. О путяхъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, разумѣется, тогда и помина не было. Дорога не обозначалась ничѣмъ, кромѣ костей животныхъ, погибающихъ въ пустынѣ, которыя каждый благочестивый путешественникъ, находя на своемъ пути, всегда собираетъ въ кучу, по освященному законами обычаю. Еще въ пескахъ, по линіямъ наибольшаго движенія, до первой песчаной бури остается слѣдъ верблюжьихъ ступней или даже убитой тропы, но въ солончакахъ обыкновенно исчезаютъ и эти признаки. Правда, кое-гдѣ стоитъ тычкомъ одинокій надмогильный камень, или холмикъ, насыпанный надъ схороненнымъ особенно-чтимымъ человѣкомъ; но никакихъ ориентировочныхъ предметовъ не встрѣчается иногда на цѣлыя сотни верстъ. Не смотря на это, туркмень умѣетъ брать и сохранять должное направленіе съ поражающею точностью не только днемъ, но и ночью.

Выступивъ изъ Дахлы послѣ ранняго солдатскаго обѣда 15-го октября и помогая скорости нашего движенія всеми освободившимися изъ подъ выюковъ верблюдами, къ ночи 17-го числа всѣ мы собрались въ Чагыль, сдѣлавъ за это время $85\frac{1}{2}$ верстъ. На пути между Дахлы и Чагыломъ вода нигдѣ рѣшительно не встрѣчалась, исключая развѣ только маленькаго горько-соленого родничка Доунгра, находящагося въ шести съ половиною верстахъ не доходя Чагыла. Слѣдуя къ сему послѣднему пункту, начальникъ отряда послалъ туда приказаніе быть всему гарнизону совершенно готовымъ къ немедленному движенію. 18-го числа движеніе это началось. Колонна направлена въ Туаръ, причемъ начальнику ея, капитану Витцелю, приказано было, дойдя до этихъ колодцевъ, сейчасъ же распорядиться очистить хотя бы одинъ изъ нихъ, а на слѣдующій день, т. е. 19-го числа, продвинуться, по крайней мѣрѣ, верстъ на 25 отъ Туара по направленію къ Кульмугиру, что на берегу Карабугазскаго залива. Согласно данной инструкціи, которую удалось совершенно точно выполнить на мѣстѣ, указанномъ для ночлега съ 19-го на 20-е октября, полурота должна была остановиться, а самъ капитанъ Витцель и топографы, конвоируемые 20-ю солдатами, посаженными на верблюдовъ, и гдѣ при себѣ хорошихъ проводниковъ, обязывались обрекогносцировать остальщій путь до Кульмугира, а затѣмъ присоединиться къ колоннѣ, буде возможно, не тѣмъ путемъ, кото-

рымъ пойдуть впередъ, а другою дорогою. 21-го октября весь бывшій гарнизонъ Чагыла долженъ былъ прибыть и прибылъ обратно въ Туаръ, куда въ тотъ же день перешель и начальникъ отряда изъ Чагыла, совершенно оставивъ это укрѣпленіе. Кульмугирь имѣлъ то значеніе, что былъ нанесенъ на карту съемочною экспедиціею полковника Дандевила. Берегъ Карабугазскаго залива у вышеназваннаго пункта оказался почти одного характера съ восточнымъ берегомъ Михайловскаго залива, а потому начальникъ красноводскаго отряда тогда же началъ усиленно ходатайствовать о томъ, чтобы сдѣлали промѣры пролива, соединяющаго первый изъ вышеназванныхъ заливовъ съ моремъ, равно какъ и по самому Карабугазскому заливу. Ходатайство это было энергически поддержано кавказскимъ окружнымъ штабомъ, но, къ большому сожалѣнію, изъ этого ничего не вышло, такъ какъ у каспійскихъ моряковъ не хватило необходимыхъ средствъ. Если-бы вопросъ этотъ былъ тогда же разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ, сухой путь въ Хиву сократился бы почти на цѣлыхъ 200 верстъ.

Одновременно съ выступленіемъ колонны капитана Витцеля изъ Чагыла, т. е. 18-го октября, оттуда же, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Маламы, выступила другая колонна, въ составъ которой вошли: стрѣлковая рота Дагестанскаго пѣхотнаго полка, одно горное орудіе и всѣ излишніе верблюды. Начальнику этой колонны приказано было вести ее прямо въ Мулла-Кари и, проходя чрезъ Гезли-Ата, взять оттуда съ собою находившееся тамъ полевое орудіе, оставивъ вмѣсто него горное. Доведя все это къ пункту назначенія, штабсъ-капитанъ Малама долженъ былъ немедленно же слѣдовать обратно въ Гезли-Ата, со всѣми остававшимися въ Мулла-Кари казаками.

Дагестанскіе стрѣлки всѣ пошли на верблюдахъ. Ихъ предполагалось вести въ походъ къ берегу Атрека, а потому роту эту отправили впередъ, чтобы дать время хорошенько оправиться въ Мулла-Кари.

Достаточно отдохнувъ въ Туарѣ, 22-го октября отрядъ выступилъ въ Портокупъ, находящійся въ 28-ми верстахъ къ западу отъ Туара. Мѣсто это ровно ничего не представляетъ, кромѣ развѣ того, что тамъ есть довольно обширная яма съ горько-соленою, никогда не высыхающею водою. Но тамъ же раздѣлѣются дороги. Одна идетъ въ Красноводскъ, другая—въ Гезли-Ата. Отромъ 23-го числа и отрядъ раздѣлился на двое. Одна часть, состоящая изъ полуроты и полеваго орудія, подъ командою капитана Витцеля, направлена

была въ Красноводскъ. Въ составъ другой поступили всѣ остальные наличныя части отряда, а именно: двѣ роты, три горныхъ орудія и казаки. Эту послѣднюю колонну повелъ въ Гезли-Ата лично начальникъ отряда, который прибылъ съ нею къ мѣсту слѣдованія 24-го октября. Шедшіе въ Гезли-Ата на пути своемъ нигдѣ не нашли воды; колонна же капитана Витцеля, согласно даннаго ей указанія, прослѣдовала на колодцы Ерь-Ульянъ, Языгишемъ, Ушакъ и Бурнакъ, само собою разумѣется, занимаясь, насколько это было возможно, подробнымъ изслѣдованіемъ пути и его съемкою. 26-го октября въ Гезли-Ата прибылъ изъ Мулла-Кари штабсъ-капитанъ Малама со всѣми остальными казаками красноводскаго отряда, а на слѣдующій день, вслѣдствіе заранѣ посланнаго приказанія, туда же и оттуда же пришелъ командиръ 2-го баталіона 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка маіоръ Мадчаваріани, съ послѣднею полурою своего баталіона, еще не принимавшею участія въ рекогносцировкѣ, и съ новыми запасами всякихъ необходимыхъ продовольственныхъ припасовъ.

Такъ какъ, кромѣ пути, по которому былъ отправленъ капитанъ Витцель, въ Красноводскъ была дорога и изъ Гезли-Ата, то признавалось весьма полезнымъ изслѣдовать и сію послѣднюю. Кстати къ этому представлялся случай, такъ какъ лошади казаковъ, которыя все время ходили съ нами, порядочно поизнурились, и было вовсе не лишнимъ дать имъ возможность хорошенько отдохнуть и оправиться. Кратчайшая дорога изъ Гезли-Ата въ Красноводскъ идетъ на колодцы: Кошаба, Скуйли-Касынъ, Янгуджа и Куртъ-Куюсы. Штабсъ-капитану Маламѣ приказано было пройти этимъ путемъ въ Красноводскъ и тамъ, гдѣ по указанію проводниковъ окажется это возможнымъ, связать съемкою свой путь съ путемъ капитана Витцеля. Въ прикрытіе рекогносцировки пошли всѣ казаки—хозяева лошадей, доходившихъ до Декча, да еще съ полсотни другихъ изъ числа только что прибывшихъ. Казаковъ все равно надо было перевести въ Красноводскъ, что очень затруднительно было сдѣлать моремъ. Для удобнѣйшаго измѣренія проходимаго разстоянія послано было одно горное орудіе, запряженное лошадыю. Благодаря вниманію къ дѣлу и испытанной распорядительности офицеровъ, которымъ были поручены рекогносцировки въ Красноводскъ, онѣ были выполнены совершенно хорошо, причемъ оказалось, что до названнаго пункта отъ Гезли-Ата 148 верстъ, а отъ Туара — $243\frac{3}{4}$ версты. Впрочемъ, въ первое изъ этихъ чиселъ включены $9\frac{1}{4}$ верстъ, сдѣланныхъ для связи съ путемъ Туаръ—Красноводскъ, а

во второе—тоже около 10-ти верстъ, сдѣланныхъ въ сторону, а именно къ соленому роднику Янгису, находящемуся у самаго берега Карабугазскаго залива. Отъ Туара до Гезли-Ата, чрезъ Портокупъ, 83¹/₄ версты.

Сопровождавшіе отрядъ туркмены, Иль-Гельды-ханъ съ его нукерами, служили вообще старательно и видимо искали случая быть намъ полезными, хотя дѣла у нихъ было немного. Усердіе всей этой туркменской колонны, можно сказать, видимо росло съ каждымъ днемъ, но съ тѣми, которые обращались съ нимъ съ различными вопросами, туркмены разговаривали неохотно и всегда давали уклончивые отвѣты. Особенною молчаливостью отличался ихъ начальникъ. Отъ него за все время никто не могъ выпытать, что думаетъ онъ насчетъ русскихъ вообще и дѣлъ нашего отряда въ особенности. Даже нашъ отрядный переводчикъ, весьма хитрый армянинъ, при всемъ любопытствѣ не могъ узнать образа мыслей Иль-Гельды-хана, хотя очень часто проводилъ время въ обществѣ его и его товарищей. Напротивъ того, они какъ-то еще болѣе остерегались его. Такая таинственность продолжалась, однако-же, не далѣе времени возвращенія нашего въ Гезли-Ата, въ которомъ именно эти туркмены присоединились къ намъ, когда мы шли впередъ. Но здѣсь они больше выдержать не могли и чрезъ маіора Маджаваріани, котораго особенно уважали, обратились къ начальнику отряда съ просьбою—разрѣшить съѣздить двумъ изъ нихъ на Чемкенъ, чтобы, черезъ посредство жителей этого острова, послать на Атрекъ письмо. Они просили также, чтобы письмо это предварительно было прочитано и переведено начальнику отряда, и чтобы этотъ послѣдній приказалъ рассказать каждому солдату о томъ, что въ письмѣ написано. Письмо же то было такого содержанія: «Мы, печати которыхъ приложены на этой бумагѣ, просимъ кази (верховнаго судью) сообщить довѣряющимъ намъ атрекскимъ джафарбаямъ, атабаямъ и вообще всѣмъ юумдамъ, что ходимъ съ русскимъ войскомъ ровно мѣсяць. Теперь мы сами видѣли, что русскіе дѣйствительно сильны и милостивы. Какъ ходить ихъ войско, такъ ходятъ только звѣзды на небѣ. Они, никого не страшась, впередъ говорятъ, куда идутъ, и приходятъ туда, какъ сказали и даже когда обѣщали придти. Агъ-сакаловъ у нихъ нѣтъ. Какъ скажетъ старшій, такъ дѣлаютъ всѣ, и дѣлаютъ безъ маслаатовъ (разсужденій). Этого старшаго слушаютъ и тѣ, которые въ Красноводскѣ, и тѣ, что въ Балханахъ, и тѣ, которые здѣсь. Каждый солдатъ не хуже любого нашего батыря. Мы слышали и вполне вѣримъ, что такихъ солдатъ у каждаго пол-

ковника 1,500, а всѣхъ полковниковъ у Агъ-Падишаха (Бѣлаго Царя) больше 1000. Какъ же велика послѣ этого Его сила и хватить ли силы у Его враговъ противиться Его волѣ! Русскіе при всемъ этомъ никому ничего дурнаго не дѣлають, пока не сдѣлають зла имъ самимъ. Взяли въ Сары-Камышѣ въ плѣнъ двухъ узбековъ и не только не обратили ихъ въ куловъ (рабовъ—невольниковъ), но даже отпустили ихъ. Мы совѣтуемъ нашимъ сидѣть на Гюргенѣ и Атрекѣ спокойно и не разбѣгаться, когда русскіе придуть туда. А они непременно туда придуть, потому что объ этомъ сказалъ полковникъ».

Кто разсказалъ нашимъ туркменамъ о 1000 полковниковъ въ Россіи,—не солдаты-ли мусульмане, которыхъ во 2-мъ баталіонѣ Дагестанскаго пѣхотнаго полка было по нѣскольку въ каждой ротѣ,—до этого мы, конечно, не доискивались. Письмо, само собою разумѣется, послать было разрѣшено, и всѣ вѣрили въ совершенную искренность чувствъ и убѣжденій писавшихъ, но никто не придавалъ этому документу значенія, ибо всѣ уже знали хорошо, что въ Азіи каждый туземецъ вѣритъ лишь тому, что самъ видитъ своими глазами, и признаетъ значеніе лишь той силы, въ желѣзныхъ тискахъ которой лично побывалъ. Азіятца вообще, а азіятца-магометанина въ особенности, болѣе чѣмъ трудно въ чемъ либо убѣдить; но столь-же, если еще не труднѣе, заставить его разувериться въ томъ, чему ужъ разъ онъ повѣрилъ.

Предположенія начальника отряда относительно выбора путей и мѣстности, подлежащихъ обрекогносцированію въ послѣдующемъ, были построены на томъ соображеніи, что, оставляя Балханскія горы послѣ довольно продолжительнаго нахождения нашихъ войскъ въ ихъ области, и оставляя ихъ, быть можетъ, на долго, было-бы непроситительно не осмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ. Такая рекогносцировка тѣмъ болѣе имѣла бы основанія, что вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была познакомить насъ съ частью одного весьма важнаго пути, ведущаго по Узбою въ глубь материка. Производя ее, мы не могли преминуть осмотрѣть весьма извѣстное въ томъ краѣ мѣсто, находящееся въ старомъ руслѣ Аму-Дарьи, называемое Топъетанъ. Судя по разсказамъ туземцевъ, пунктъ этотъ, вѣроятно, имѣлъ даже и нѣкоторое стратегическое значеніе. Содержаніе легенды о Топъетанѣ заключается въ томъ, что нѣкогда хивинскій ханъ, желая одновременно устрасить вышедшихъ изъ его повиновенія текинцевъ и юмудовъ, привезъ туда пушку. Отсюда и самое названіе мѣста «Топъ» — по туркменски, пушка; «етанъ» же, хотя въ букваль-

номъ переводѣ и значить «бывалый», но въ соединеніи съ приведеннымъ словомъ можетъ быть переведенъ цѣлымъ выраженіемъ: «мѣсто, на которомъ была пушка». Наконецъ по соображеніямъ, приведеннымъ въ началѣ настоящаго разсказа, столь-же необходимо было обрекогноспировать путь изъ Мулла-Кари къ берегу Атрека; но на счетъ возможности тогда же выполнить эту послѣднюю задачу являлось сильное сомнѣніе, причиною котораго было крайнее истощеніе и изнуреніе нашихъ верблюдовъ, падежъ которыхъ въ послѣднее время очень участился.

Начало выполненія только что приведенной программы положено было выступленіемъ отряда изъ Гезли-Ата въ Топьетань. Это было 28-го октября 1871 года. Колонну, отправившуюся туда, составили три роты Дагестанскаго полка, три горныхъ орудія, десятка съ два казаковъ и, конечно, наши туркмены. Весьма забавно, что съ тѣхъ поръ, какъ этимъ послѣднимъ стало извѣстно, куда идетъ отрядъ, любимую темою во время ихъ разговоровъ съ нами сдѣлалось разсужденіе о томъ, что теперь уже не одинъ Топьетань, но что Топьетановъ стало столь же много, сколько колодцевъ въ пустынѣ, ибо у каждаго колодца побывали уже русскіе топы. Мы пошли частью въ обходъ сыпучихъ песковъ весьма извѣстной площади, именуемой Чиль-Маметъ-кулюмъ, частью же по ней самой, направляясь на колодцы Кемаль, Алты-Куюрухъ и Ташдышенъ, и, сдѣлавъ 106½ верстъ, пришли въ Топьетань 1 ноября. Пунктъ этотъ дѣйствительно обращаетъ особенное вниманіе среди пустыни, его окружающей, главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ находится цѣпь мелкихъ прѣсноводныхъ озеръ, лежащихъ въ самомъ Узбоѣ. Придя туда, мы были удивлены тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ нашихъ туркменъ, какъ конныхъ, такъ и верблюдовожатыхъ, отправились на поиски чего то. Видно было, какъ они, послѣ непродолжительнаго совѣщанія между собою, усердно принялись раскапывать въ двухъ мѣстахъ песокъ, взявъ для сего, съ разрѣшенія маіора Мадчаваріани, наши лопаты. Наконецъ, дѣло объяснилось. Оказалось, что существуетъ преданіе, дополняющее вышерассказанную легенду, по которому ханъ Хивы, привезшій въ Топьетань свою пушку для остратки, не смогъ уже увезти ее обратно и потому приказалъ зарыть ее въ пескахъ, гдѣ будто-бы она покоится и по нынѣ. Туркмены вѣрятъ въ эту басню фанатически и, кромѣ того, убѣждены, что нашедшій орудіе и передавшій своему племени, тѣмъ самымъ сдѣлаетъ его великимъ и могущественнымъ. Происхожденіе такихъ надеждъ среди туркменскаго народа, какъ кажется, находитъ объясненіе въ томъ

обстоятельствѣ, что пушки, какъ чрезвычайно рѣдкія орудія войны въ Азіи, наводили, да и по нынѣ наводятъ на нихъ какой то панический страхъ. Естественно поэтому, что племя, которому бы удалось пріобрѣсти пушку, могло рассчитывать и на одновременное съ этимъ пріобрѣтеніе особеннаго значенія.

О Топьетанѣ намъ еще прежде рассказывали чрезвычайно много весьма заманчивыхъ вещей. Говорили между прочимъ и то, что его никогда не минуетъ ни одинъ текинскій, атабайскій или гюргено-атрекскій караванъ, идущій въ Хиву или изъ Хивы; но такимъ рассказамъ мы не очень довѣряли. Мы слышали много подобныхъ же рассказовъ и о Дахлы, а разочарованіе, испытанное тамъ нами, еще было свѣжо въ нашей памяти. Однако-же, скептицизмъ нашъ на-счетъ Топьетана, какъ оказалось, былъ напрасенъ. 2-го ноября, на разсвѣтѣ, къ сторожевому нашему посту сталъ приближаться хивинскій караванъ въ 350 верблюдовъ, навьюченныхъ частью товарами изъ этого ханства, частью же пшеницею и мелкимъ зеленымъ горошкомъ. Замѣтивъ присутствіе русскихъ, караванщики, изъ которыхъ многіе были на превосходныхъ лошадяхъ, хотѣли было уйти и стали отгонять верблюдовъ, но, по первому сигналу сторожившихъ нашъ бивакъ, казаки наши и конные туркмены понеслись на перерѣзъ каравану. Тогда прикрытіе каравана, состоявшее изъ 77-ми вооруженныхъ людей, положивъ верблюдовъ въ видѣ каре, засѣло за выюками и стало готовиться къ бою. Начались дальнія переклички между нашими туркменами и хивинскимъ конвоемъ, причѣмъ первые уговаривали послѣднихъ не сопротивляться, заявляя имъ, что тутъ же, въ глубинѣ Узбоя, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ каравана, находится большой русскій отрядъ. Хивинцы, однако-же, этому не вѣрили и уже начали было стрѣлять; но въ это время послышался одинъ орудійный выстрѣлъ, сдѣланный по приказанію начальника отряда внизу на днѣ Узбоя, холостымъ зарядомъ. Услыхавъ этотъ выстрѣлъ, караванщики бросили оружіе и казаки заворотили караванъ раньше даже, чѣмъ подошла туда дежурная рота.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какъ распорядился начальникъ отряда съ этой добычей, необходимо сказать, что въ то время чрезвычайно упорно держалось въ степи мнѣніе, что Нуръ-Верды, ханъ текинскій, весьма недавно получилъ отъ хана хивинскаго 5000 тумановъ, обязавшись за это напасть на русскихъ и непрестанно грабить сочувствующихъ намъ туркменъ. Кромѣ того, слѣдуетъ вспомнить сказанное раньше, а именно, что хивинцы вмѣстѣ съ текинцами и атабаями не очень еще давно угнали у нашей красновод-

ской чарвы множество скота и, между прочимъ, около 600 головъ верблюдовъ. Все это налагало на насъ какъ бы нѣкоторую обязанность постоять за отдавшихся намъ туземцевъ и притомъ выразить это покровительство въ формѣ между ними принятой, ибо иначе не могло послѣдовать удовлетворенія въ полной мѣрѣ. Къ приведеннымъ обстоятельствамъ присоединилось еще одно, требующее, по мѣстному праву, возмездія при первомъ удобномъ случаѣ. Плѣнные персы, купленные текинцами на хивинскомъ рынкѣ и шедшіе со своими новыми хозяевами при пойманномъ нами караванѣ, рассказали нашимъ туркменамъ, что предъ ихъ выходомъ казнили въ Хивѣ двухъ юношей съ Атрека: Курбанъ-Назара и Ана-Тагана. Это были именно тѣ наши всадники, которыхъ уволилъ начальникъ отряда въ отпускъ изъ Узунъ-Кую. Узнавъ объ этомъ, отецъ перваго и брата втораго, находившіеся съ нами въ качествѣ верблюдовожатыхъ, затянули свое погребальное завываніе и зывали о мести. Къ ихъ возгласамъ присоединялись усердныя просьбы остальныхъ нашихъ туркменъ о томъ же самомъ. Чтобы выйти изъ столь затруднительнаго положенія съ возможно меньшимъ вредомъ для персонала, составлявшаго караванъ, и въ то же время сдѣлать побольше шума, начальникъ отряда распорядился слѣдующимъ образомъ. Прежде всего были сняты ручные кандалы и иныя оковы съ плѣнныхъ персовъ ⁽¹⁾ и имъ объявлена полная свобода. вмѣстѣ съ тѣмъ людямъ этимъ позволено взять все, что, по ихъ собственному показанію, принадлежало имъ въ караванѣ. Затѣмъ, послѣдовало приказаніе стать въ отдѣльныя группы хивинцамъ, атабаямъ и атрекскимъ джафарбаямъ, съ предупрежденіемъ, что послѣднихъ, какъ имѣющихъ своихъ представителей въ нашемъ отрядѣ, мы считаемъ своимъ народомъ, и потому съ ними не будетъ такой ужасной расправы, какъ съ двумя первыми группами. Нечего и говорить, что послѣ этого въ кучкахъ атабайской и хивинской остались лишь весьма немногіе и что, наоборотъ, мгновенно увеличилась кучка джафарбайская. Всякій хивинецъ или атабай, который имѣлъ какого либо родственника или пріятеля между джафарбаями, сейчасъ же пристраивался къ нимъ и на это не обращалось никакого вниманія, не смотря на улики нашихъ туркменъ, указывавшихъ намъ на то, что тотъ или другой во-все не джафарбай. Послѣ такой сортировки оказалось только во-

---

(1) Плѣнныхъ персовъ было 13 человекъ. Ихъ затѣмъ доставили въ Михайловскій постъ, а оттуда, при первомъ же случаѣ, отправили на Ашуръ для передачи астрабадскому губернатору.

семь хивинцевъ и 12 атабаевъ, въ числѣ которыхъ дѣйствительно находилось нѣсколько лично участвовавшихъ въ угонѣ верблюдовъ у нашей чарвы и даже одинъ изъ предводителей грабнвшей шайки, нѣкто атабай Ата-Муратъ-ханъ ⁽¹⁾, агентъ хивинскаго хана. У этихъ 20-ти человекъ, по собственному ихъ показанію, конечно весьма мало правдоподобному, въ караванѣ всего было 44 верблюда. Изъ этого числа приказано было отдать отцу Курбанъ-Назара и братьямъ Апа-Тагана по 10 лучшихъ верблюдовъ, равно какъ и всѣ халаты и деньги атабаевъ и хивинцевъ, въ цѣну крови сына и брата. Всѣ вьюки съ 44-хъ верблюдовъ и остальные 24 верблюда были доставлены въ Мулла-Кари, гдѣ и розданы бѣднѣйшимъ и наиболѣе потерпѣвшимъ отъ угона верблюдовъ нашимъ туркменамъ. Что касается хивинцевъ и атабаевъ, то изъ нихъ заарестованъ былъ при отрядѣ одинъ лишь атабай Ата-Мурадъ-ханъ, остальнымъ же выдали 10-ти-дневную провизію и немедленно выпустили. При этомъ имъ очень торжественно совѣтовалось, чтобы они предупредили своихъ одноплеменниковъ, что еще не то будетъ съ тѣми, которые не перестанутъ стараться дѣлать намъ непріятности, и прочее въ этомъ же родѣ. Съ высылкою этихъ несчастныхъ изъ Топьетана въ особенности спѣшили мы съ тою цѣлью, чтобы они въ-время успѣли предупредить шедшій, по ихъ показаніямъ, въ одномъ мензилѣ за ними другой текинскій караванъ въ 500 верблюдовъ, что мы находимся въ Топьетанѣ, дабы такимъ образомъ избѣжать встрѣчи и повторенія только что происходившихъ тяжелыхъ сценъ.

Для дополненія характеристики пункта, въ которомъ находился отрядъ, остается сказать, что чрезъ Топьетанъ наканунѣ прошелъ въ Хиву еще одинъ атабайскій караванъ въ 400 верблюдовъ.

Окончивъ всѣ расчеты съ хивинцами и атабаями и болѣе или менѣе удовлетворивъ своихъ туркменъ, необходимо было принять какое-либо рѣшеніе на счетъ Ата-Мурадъ-хана и остальныхъ караванщиковъ, все еще тревожившихся за свою участь. Что касается перваго, то обыскъ, сдѣланный въ его вещахъ, подтвердилъ исключительность враждебнаго его отношенія къ намъ. У него была найдена грамота хивинскаго хана, уполномочивавшая его на пропаганду и самыя энергичныя дѣйствія, съ обращеніемъ къ нему, какъ къ человеку, испытанно-преданному хану и заклятому ненавистнику

---

(1) Этого Ата-Мурадъ-хана не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, его одноименникомъ, человекомъ, чрезвычайно намъ преданнымъ и всегда ходившимъ со всею своею кибиткою при красноводскомъ отрядѣ.

русскихъ (1). По всему этому Ата-Мурада атабайскаго подь строгимъ карауломъ повели съ собою и впослѣдствіи передали на Ашурь-Аде, гдѣ, по распоряженію власти, онъ былъ вымѣненъ у атабаевъ на девять человекъ персовъ, томившихся въ неволѣ. Въ отношеніи же джафарбаевъ рѣшено было въ томъ смыслѣ, что такъ какъ мы признаемъ ихъ народомъ, не относящимся къ намъ враждебно, то не только сохраняемъ имъ свободу, но и оставляемъ неприкосновеннымъ ихъ имущество. Такъ какъ, однако-же, справедливость требуетъ, чтобы они, т. е. атрексіе джафарбаи, послужили намъ подобно тому, какъ служатъ ихъ соплеменники джафарбаи балханскіе, то мы оставляемъ при отрядѣ 130 лучшихъ верблюдовъ изъ числа имъ принадлежащихъ, предоставляя хозяевамъ право получить животныхъ своихъ обратно, по прибытіи нашемъ на Атрекъ. Рѣшеніе это принято было джафарбаями съ восторгомъ. Они немедленно навьючили грузъ съ верблюдовъ, отобранныхъ у нихъ, на верблюдовъ, оставшихся въ ихъ распоряженіи, и вывели его изъ мѣста бивакированія отряда. Къ утру слѣдующаго дня они вернулись въ Топъетанъ, зарывъ ночью, гдѣ-то въ окрестныхъ пескахъ, 130 вьюковъ, и забрали остальное свое добро. Свѣжіе верблюды немедленно были розданы войскамъ, по 40 головъ въ каждую роту и 10 въ артилерію. При своихъ верблюдахъ атрексіе джафарбаи оставили нѣсколько конныхъ всадниковъ и 20 пѣшихъ верблюдо-возжатыхъ. Такимъ образомъ, мы получили полную возможность окончить нашу рекогносцировку 1871 года, какъ первоначально предполагали, на берегахъ пограничнаго Атрека.

4-го ноября отрядъ выступилъ въ Мулла-Кари. Къ вечеру слѣдующаго дня, идя все по Узбою, мы отошли отъ Топъетана 48 верстъ и находились у колодцевъ Буураджи. Отсюда къ мѣсту нашего слѣдованія вели двѣ дороги. Одна, продолжаясь по Узбою, огибала Большой Балханъ съ юга; другая шла въ обходъ этихъ горъ съ сѣвера. Желая изслѣдовать и ту, и другую, отрядъ въ Буураджи раздѣлился, послѣ чего одна часть, подь командою маіора Мадчавариани, послана была путемъ сѣвернымъ, другую же начальникъ отряда повелъ по продолженію Узбоя. 8-го ноября всѣ рекогносцировавшіе собрались въ Мулла-Кари, гдѣ уже почти ничего не оставалось и гдѣ насъ ожидали вполнѣ отдохнувшіе дагестанскіе стрѣлки и двѣ роты Кабардинскаго полка, перевезенныя туда изъ Крас-

(1) Грамата эта, конечно, была отобрана и отправлена въ штабъ Кавказскаго округа.

новодска, куда прибыла на смѣну имъ рота Дагестанскаго полка, та самая, которую повелъ капитанъ Витцель изъ Портокупа.

13-го ноября окончательно оставили мы Мулла-Кари, а 27-го числа отчалила послѣдняя баржа и отъ пристани въ Михайловскѣ. Съ нею уплыло въ Красноводскъ все то, что оставалось еще нашего въ области Балханъ, сверхъ трехъ ротъ (двухъ кабардинскихъ и одной дагестанской), трехъ горныхъ орудій и 15-ти человекъ кизлярско-гребенскихъ казаковъ. Таковъ именно былъ составъ силъ, съ которыми начальникъ отряда предпринялъ движеніе въ Чекишляръ. Пройдя отъ Мулла-Кари $248^{\circ}/_4$ версты въ 11 сутокъ, 24-го ноября мы дошли до названнаго мѣста. На Чекишлярскомъ рейдѣ насъ ожидалъ начальникъ нашей морской Астрабадской станціи, капитанъ 2-го ранга Петриченко, заранѣе извѣщенный о времени, къ которому долженъ былъ прибыть сухопутный отрядъ. На рейдѣ же спокойно покачивалось громаднѣйшее казенное парусное судно «Аистъ», доставившее намъ изъ Красноводска одно горное орудіе, палаточный лагерь и разные продовольственные запасы, къ разгрузкѣ которыхъ мы приступили со слѣдующаго же дня, пользуясь при этомъ дружною помощію нашихъ моряковъ. Наступившая ночь, не смотря на установленный бдительный надзоръ за спокойствіемъ нашего ночлежнаго бивака, не прошла, однако-же, безъ тревоги. Около 11-ти часовъ ночи, три туркменскія пули просвистѣли межъ насъ, и одна изъ нихъ пронизала руку солдатику Кабардинскаго полка, находившемуся на часахъ у палатки начальника отряда. Немедленно усилили мы свою сторожевую цѣпь и изготовились къ встрѣчѣ ночнаго нападенія; но дальнѣйшее наше спокойствіе въ ту ночь ничѣмъ болѣе нарушено не было. Вслѣдствіе описаннаго не-приятнаго случая, 25-го числа съ разсвѣтомъ всѣ служащіе у насъ ханы отправлены были за Атрекъ и къ Серебряному Бугру, въ окрестностяхъ котораго въ то время сосредоточено было до 10,000 туркменскихъ кибитокъ, съ приказаніемъ—не позже трехъ сутокъ доставить, одновременно на Ашуръ-Аде и въ Чекишляръ, самыя точныя свѣдѣнія о томъ, кто именно были стрѣлявшіе въ лагерь. Ханы и вообще всѣ туркмены, бывшіе при отрядѣ, рѣшительно и искренно не сочувствуя выходкѣ своихъ соплеменниковъ, съ большою готовностію взялись исполнить приказаніе и къ утру 27-го ноября сообщили, куда было имъ указано, имена стрѣлявшихъ. Оказалось, что это были атрекскіе каракчи, т. е. разбойники изъ кочевой части племени кельте. При этомъ ханы и кази принесли письменное завѣреніе, что случай, возбуждающій неудовольствіе на-

чальника отряда и такъ компрометирующій мѣстную чарву, очень тревожить весь народъ. Къ этому они присоединили просьбу о разрѣшеніи туркменскимъ старшинамъ немедленно явиться съ повинною и выслушать рѣшеніе начальника. Но одновременно съ этимъ въ отрядѣ получено было письмо капитана 2-го ранга Петриченко изъ Ашуръ-Аде, въ которомъ онъ извѣщалъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, значительная часть заатрекской чарвы вовсе не раздѣляетъ скромныхъ желаній преданныхъ намъ хановъ, и, по его личному мнѣнію, основанному на 20-ти-лѣтнемъ служебномъ опытѣ въ этомъ краѣ, было бы весьма полезно подойти къ самому берегу Атрека и даже, перейдя чрезъ эту рѣку, походить немного по ея лѣвому берегу. Онъ прислалъ начальнику отряда экземпляръ чего-то въ родѣ воззванія какого то вліятельнаго атабая, которое оканчивалось восклицаніемъ: «не дадимъ русскимъ пить атрекской воды и повѣримъ, что они могутъ подойти къ Атреку не тогда, когда ухо наше будетъ это слышать, а когда то увидитъ нашъ глазъ!» Вслѣдствіе этого начальникъ отряда рѣшилъ идти къ Атреку безотлагательно. Чекишлярское укрѣпленіе къ тому времени уже было вполне готово. Въ немъ оставили одну роту Кабардинскаго полка и два горныхъ орудія. Все остальное въ нѣсколько часовъ было совершенно готово къ походу. Артилерійскихъ лошадей въ Чекишлярѣ не было, а потому орудія повезли на казачьихъ лошадяхъ. Послѣднія оказались столь же хорошими въ упряжи, какъ и подъ молодцами-хозяевами. 27-го ноября, въ четыре часа пополудни, мы выступили изъ чекишлярскаго бивака и, пройдя 30 верстъ, около полуночи подошли къ Атреку. Имѣлось въ виду захватить какой-нибудь кочевой аулъ племени кельте и сжечь съ полсотни кибитокъ, но обстоятельства помѣшали выполненію предположеннаго. Ни одного такого аула на правомъ берегу Атрека не оказалось, а переходить на лѣвый его берегъ было крайне затруднительно, не говоря уже о томъ, что за рѣкою начиналась воображаемая Персія. Конечно, мы могли поймать кельте, если-бы возможно было идти не останавливаясь; но Атрекъ, который почти въ теченіе круглаго года имѣетъ видъ какой то жалкой рѣчки, въ то время, какъ нарочно, былъ въ сильнѣйшемъ разливѣ, а потому переправа чрезъ него, въ особенности въ ночную пору и безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, казалась дѣломъ нѣсколько неосторожнымъ. Наконецъ, переправа чрезъ Атрекъ стала даже и бесполезною, такъ какъ мы не могли скрыть движенія своего отъ заатрекской чарвы, а туркменамъ вполне достаточно 10-ти минутъ, чтобы разобрать кибитки по

вьюкамъ и, вообще, взваливъ весь скарбъ на верблюдовъ, уйти цѣлымъ ауломъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря тому же разливу, отрядъ шель почти по-колѣно въ водѣ, начиная съ 20-й версты отъ Чекишляра. Ночь была довольно свѣжа и люди очень продрогли. Поэтому, подойдя ближе къ настоящему руслу и пользуясь густо и высоко растущими камышами, заслонявшими насъ со стороны лѣваго берега, мы, въ ожиданіи разсвѣта, развели маленькіе огоньки, чтобы немножко пообсушиться и согрѣться. Это-ли обстоятельство открыло мѣсто нашего ночлега, или инымъ какимъ-либо путемъ вслѣдидили насъ кочевники, но со свѣтомъ мы замѣтили на противоположномъ берегу такую суету, что устраивать переправу значило только напрасно тратить время. Поэтому отрядъ пошелъ внизъ по теченію рѣки съ цѣлю обрекогносцировать ея берегъ до гасанкулинскаго аула, находящагося у самаго залива Гасанъ-Кули, въ который изливается Атрекъ. Такимъ образомъ, задача наша изъ воинственной вновь пріобрѣла чисто мирный характеръ; но туркмены, видѣвшіе уже насъ на Атрекѣ собственнымъ глазомъ, потеряли самоувѣренность. Они предположили, что мы идемъ въ Гасанъ-Кули, чтобы воспользоваться лодками, принадлежащими аулу, переплыть въ нихъ черезъ заливъ и высадиться за Атрекомъ. Поэтому они поспѣшили выслать къ намъ депутацію съ новыми и торжественными завѣреніями о томъ, что рѣшительно не сочувствуютъ случаю, бывшему въ ночь съ 24-го на 25-е ноября, и просятъ наложить на нихъ какую угодно контрибуцію, но только не переходить на лѣвый берегъ Атрека. Имъ отвѣтили, что на этотъ разъ переправляться мы не будемъ, но не считаемъ предположеніе наше окончательно отмѣненнымъ, впредь до рѣшенія дѣла высшимъ начальствомъ, у котораго начальникъ отряда обѣщаль испросить приказаніе,—простить-ли кельте, или перейти Атрекъ для наказанія преступнаго племени. Между тѣмъ отрядъ продолжалъ движеніе въ Гасанъ-Кули. Жители этого аула приняли насъ весьма радушно и вдоволь угостили людей рыбою. На Гасанъ-Кулинскомъ рейдѣ мы насчитали 38 крупныхъ лодокъ, изъ коихъ шесть двухмачтовыхъ. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся на нашей Астрабадской морской станціи, въ то время во всей чомрѣ считалось до 500 лодокъ различныхъ размѣровъ и всѣ онѣ построены были исключительно въ Гасанъ-Кули.

Переночевавъ въ названномъ аулѣ, 29-го ноября отрядъ вернулся въ Чекишляръ. 1-го декабря красноводскій отрядъ осмотрѣлъ еще путь до Бѣлаго Бугра (Агъ-Патлаухъ) и этимъ совершенно за-

кончилъ свои рекогносцировки 1871 года, во время которыхъ онъ прошелъ, измѣрилъ и нанесъ на карту 2,007 верстъ, причемъ все это было выполнено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Чекишляръ мы заняли прочно. Въ гарнизонѣ его оставлены были двѣ роты Кабардинскаго пѣхотнаго полка и дивизионъ горной незапряженной артилеріи. Все остальное перевезено въ Красноводскъ на «Аистѣ», котораго повелъ на буксирѣ пароходъ «Кура». Что касается Красноводска, то и въ немъ признано было совершенно достаточнымъ оставить на зиму только лишь двѣ роты и незапряженные пушки, тамъ находившіяся, а именно: четыре горныхъ и восемь полевыхъ.

Люди захваченнаго въ Топьетанѣ каравана рассказали намъ, что о приближеніи красноводскаго отряда къ оазису въ Хивѣ узнали лишь тогда, когда мы пришли въ Узунъ-Кую. Это возможно допустить потому, что мы шли довольно быстро и всѣхъ людей, попадавшихся намъ въ пути, откуда бы они ни ѣхали, мы ловили и задерживали при отрядѣ до возвращенія къ четвертому нашему опорному пункту. Караванчики передавали еще, что въ то время, какъ вѣсть о приближеніи русскаго отряда дошла до Хивы, ханъ находился на охотѣ гдѣ то близъ Декча. Ему дано было знать объ этомъ съ нарочнымъ, и онъ поспѣшно возвратился въ свою столицу, въ которой происходилъ ужасный переполохъ. Немедленно собрана была большая конная дружина. Ее направили намъ на встрѣчу, но такъ какъ мы начали обратное движеніе прежде, чѣмъ хивинскіе ратники пришли въ Сары-Камышъ, то предводитель ихъ донесъ хану, что прогналъ русскій отрядъ. Все это мы узнали, какъ и сказано выше, исключительно лишь отъ туркменъ, а потому и не считали за достовѣрное. Достовѣрно же, что рекогносцировка наша до окраинъ оазиса, дѣйствительно, серьезно озаботила хана, и онъ немедленно отправилъ посольство для переговоровъ съ русскимъ начальникомъ, снабдивъ его письмомъ къ Его Высочеству Главнокомандующему Кавказскою арміею. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ задриванія, съ посланцами былъ отправленъ одинъ изъ томившихся въ Хивѣ русскихъ невольниковъ, котораго ханъ приказалъ намъ возвратити безвозмездно. Во главѣ посольства поставленъ былъ верховный ишанъ ханства, Магометъ-Аминъ. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Великій Императоръ, нашъ другъ, да продлится любовь Ваша къ намъ навсегда!

«Брату сильнаго, уважаемаго, могущественнаго Его Величества Россійскаго Самодержца, Государя, имѣющаго корону, сіяю-

щую подобно солнцу, Государя Исусова народа желаю много лѣтъ сидѣть на престолѣ и продолжать знакомство и дружескую переписку.

«Да будетъ Вашему дружескому сердцу извѣстно, что съ давняго времени между двумя нашими высокими правительствами существовало согласіе, отношенія между нами были откровенныя и основанія дружбы день-ото-дня укрѣплялись, какъ будто два правительства составляли одно и два народа—одинъ народъ.

«Но вотъ въ прошломъ году Ваши войска явились къ Челекеню на берегъ Хоразмскаго (Красноводскаго) залива, какъ мы слышали, для открытія торговли, и недавно небольшой отрядъ этихъ войскъ, приблизившись къ Сары-Камышу, который издавна находится подъ нашею властью, вернулся назадъ. Кромѣ того, со стороны Ташкента и Акъ-Мечети (¹) подходили войска Ваши къ колодцамъ Минъ-Булакъ, лежащимъ въ нашихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Намъ неизвѣстно, знаете-ли Вы объ этомъ или нѣтъ?»

«Между тѣмъ, съ нашей стороны не предпринималось никогда такихъ дѣйствій, которыя могли бы нарушить дружественныя съ Вами отношенія, и только однажды изъ племени казакъ (²), которое находится подъ нашею властью, пять или шесть хабрецовъ были посланы къ Вамъ; но они не переходили за нашу границу и, не сдѣлавъ Вамъ никакого вреда, возвратились обратно. Въ то же время нѣкоторыми людьми изъ этого же племени были захвачены четыре—пять Вашихъ людей, но мы отобрали ихъ и бережемъ у себя.

«Въ прошломъ году Темиръ-ханъ-шуринскій, заслуженный князь (³), сказалъ о насъ ишану (⁴): «если они наши друзья, то по какой причинѣ держать у себя людей нашихъ?» Узнавъ объ этомъ, мы поручили ему же отвести одного изъ этихъ людей къ Вамъ, другихъ же оставляемъ пока у себя.

«И если Вы, желая поддержать съ нами дружескія отношенія, заключите условіе, чтобы каждый изъ насъ довольствовался своей прежней границей, то мы въ то же время возвратимъ и остальныхъ Вашихъ друзей; но если плѣнные эти служатъ Вамъ лишь предлогомъ для открытія враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, съ цѣлью расширенія Вашихъ владѣній, то да будетъ на это опредѣленіе все-

(¹) Т. е. города Перовска.

(²) Т. е. изъ киргизовъ.

(³) Начальникъ Дагестанской области—князь Меликовъ.

(⁴) Высшее духовное лицо.

могущаго и свѣтлаго Бога, отъ исполненія воли котораго мы уклониться не можемъ.

«Поэтому написано это дружественное письмо въ мѣсяцѣ шавалла».

Къ письму была приложена печать Сеидь-Магометъ-Рахима, хана хивинскаго. Въ приведенномъ ханскомъ письмѣ между прочимъ выражено удивленіе по поводу посѣщенія нами Сары-Камыша и даже, какъ кажется, именно это обстоятельство навело хана на мысль обратиться къ намъ съ письмомъ въ заискивающемъ тонѣ. Такъ какъ громъ грянулъ со стороны Красноводска, а хивинцы въ то время врядъ-ли вѣрили, что всѣ русскіе отряды имѣютъ общность, то позволительно думать, что русскимъ начальникомъ, къ которому ханъ отправилъ пословъ, былъ именно начальникъ красноводскаго отряда, и у насъ пословъ этихъ поджидали. О томъ, что они будутъ непременно высланы, въ Красноводскѣ узнали изъ бумаги начальника мангишлакскаго отряда, который имѣлъ на этотъ счетъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, полученныя чрезъ киргизовъ. Въ бумагѣ, между прочимъ, выражена была просьба извѣстить о томъ, когда именно ждутъ въ Красноводскѣ хивинскихъ пословъ. Здѣсь надобно сказать, что красноводскій отрядъ подчинялся Главнокомандующему Кавказскою арміею чрезъ посредство начальника штаба округа, мангишлакскаго же направлялся въ своихъ дѣйствіяхъ начальникомъ Дагестанской области, коему онъ былъ непосредственно подчиненъ. Поэтому въ Красноводскѣ не могли быть извѣстны причины столь горячаго интереса со стороны начальника мангишлакскаго отряда ко времени прибытія хивинскихъ пословъ къ восточному берегу Каспійскаго моря. Какъ бы то ни было, но послы эти, проѣхавъ двѣ трети разстоянія по направленію къ Красноводску и, должно быть, случайно встрѣтившись съ людьми изъ Мангишлака, свернули съ ними въ фортъ Александровскій, куда и доставили письмо хана, а отсюда уже мѣстное начальство представило его Великому Князю Главнокомандующему на Кавказѣ. Слѣдствіемъ этого письма была завязка новыхъ переговоровъ съ Хивою, для которыхъ, сколько извѣстно, главною темою служилъ вопросъ о возвращеніи нашихъ плѣнныхъ, а также о гарантіяхъ въ томъ, что политика названнаго ханства будетъ далѣе направляема въ смыслѣ миролюбивомъ и желательномъ для Россіи. Между тѣмъ какъ шли эти переговоры, главный штабъ проектировалъ новую рекогносцировку, которую долженъ былъ выполнить красноводскій отрядъ. Рекогносцировку эту первоначально предполагали произвести

въ теченіе весны 1872 года, но лица, видѣвшія южную часть Закаспійскаго края и знакомыя съ климатическими особенностями страны, не могли признавать это время года особенно благопріятнымъ для какихъ-бы то ни было движеній войскъ по той пустынѣ. На то, что время выбрано для рекогносцировки неудачно, начальникъ красноводскаго отряда имѣлъ случай обратить вниманіе Главнокомандующаго Кавказскою арміею, который тогда изволилъ находиться въ С.-Петербургѣ, куда былъ вызванъ и начальникъ отряда, для личнаго доклада о подробностяхъ походовъ прошлаго года. Его Высочество отнесся къ доводамъ, ему представленнымъ, съ особенною заботливостью и тутъ же исходатайствовалъ, чтобы дальнѣйшія движенія красноводскаго отряда были произведены осенью, по примѣру прошлаго года.

Старый красноведецъ.

(Продолженіе будетъ).

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Статья четвертая) ⁽¹⁾.

Къ концу 1871 года въ предѣлахъ расположенія красноводскаго отряда все успокоилось. Войска, находившіяся въ гарнизонахъ Красноводска и Чекишляра, вполнѣ отдохнувъ отъ трудовъ, испытанныхъ во время минувшихъ рекогносцировокъ, обратились къ воинскимъ занятіямъ мирнаго времени. Сосѣдніе турмены, хотя и не дѣлали никакихъ шаговъ къ сближенію съ нами, но и ни разу не дерзнули нарушить наше спокойствіе. Начальникъ отряда, возвратившись изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ, обратился къ исполненію обязанностей по штатной своей должности начальника штаба дивизіи, занимаясь также и дѣлами отрядными, — понятно, только письменными. Такое положеніе вещей продолжалось до іюня 1872 года, когда стало почти ясно, что переговоры съ Хивою не приведутъ къ установленію желанныхъ отношеній съ нею. Тогда, въ іюнѣ же мѣсяцѣ, начальникъ красноводскаго отряда вновь прибылъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, съ приказаціями, обѣщавшими новое оживленіе нашей дѣятельности. Такъ какъ, однако-же, къ тому времени мосты для перехода Хивы на путь истинный не были еще совершенно разрушены, а долготерпѣніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ не успѣло еще истощиться въ конецъ, то и приказанія, съ которыми былъ присланъ начальникъ отряда, сколько извѣстно, не имѣли совершенно опредѣленныхъ формъ. Ему велѣно было произвести движеніе по направленію къ Хивѣ, возможно болѣе захватывая при этомъ старое русло Оксуса. Вообще же разсчитать свой маршъ такъ, чтобы не терять предварительно ни времени, ни

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1889 г., № 9-й.

усилій, имѣя въ виду вѣроятность полученія приказанія слѣдовать въ предѣлы ханства, для прекращенія самобытнаго его существованія. Если бы, однако-же, такого приказанія не послѣдовало во время имѣющей быть рекогносцировки, то ограничиться пріобрѣтеніемъ свѣдѣній о сколь возможно большемъ числѣ новыхъ, дотолѣ еще не посѣщенныхъ отрядомъ мѣстностей и дорогъ. Такая задача, конечно, не была легка. Правда, дѣло нѣсколько упрощалось тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣлся уже достаточный опытъ хожденія по пустынь; но, съ другой стороны, нѣкоторые приемы, успѣшно примѣнявшіеся во время рекогносцировокъ 1871 года, оказывались неприложимыми во время предстоявшаго тогда новаго похода. Такова была, на примѣръ, система тыловыхъ укрѣпленій. Чрезвычайно облегчая движеніе впередъ, система эта вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе ослабляла составъ отряда по мѣрѣ приближенія его къ противнику и, кромѣ того, заранѣе опредѣляла направленіе обратнаго движенія черезъ мѣста, уже разъ пройденныя. Между тѣмъ, по смыслу приведенныхъ указаній свѣше, намъ слѣдовало ходить такъ, чтобы до самаго возвращенія все было только впередъ и чтобы до полученія окончательныхъ приказаній не расточать нашихъ боевыхъ силъ. Не смотря на всѣ эти трудности, красноводскому отряду, какъ кажется, удалось, хотя и съ нѣкоторыми серьезными усиліями, разрѣшить задачу, указанную ему и на 1872 годъ.

Одновременно съ отправленіемъ начальника отряда на восточный берегъ Каспія, по приказанію главнокомандующаго, штабъ Кавказскаго округа сдѣлалъ распоряженіе о направленіи туда же еще 10 ротъ пѣхоты, четырехъ горныхъ орудій, одной сотни казаковъ и 18 артилерійскихъ лошадей для запряжки части полевыхъ пушекъ, остававшихся въ Красноводскѣ. Кромѣ того, нѣсколько позже туда же перевезли еще одну сотню казаковъ. Это сдѣлано было главнымъ образомъ для того, чтобы, въ случаѣ движенія въ Хиву, кавалерія отряда имѣла достаточную самостоятельность для быстрыхъ передвиженій отдѣльно отъ другихъ родовъ войскъ, отъ воды до воды.

На этотъ разъ, какъ и передъ первою рекогносцировкой, самымъ серьезнымъ вопросомъ опять таки являлся вопросъ о перевозочныхъ средствахъ, съ тою лишь только разницею, что теперь требовалось намъ несравненно большее число верблюдовъ. Между тѣмъ, полгода спокойной жизни, которой предавался сосѣдній съ нами туркменскій народъ, и совершенно безобидное, съ его точки зрѣнія, проявленіе нашего неудовольствія въ отношеніи тѣхъ, которые не повиновались нашей волѣ, неминуемо должно было настроить туземцевъ въ

духъ осторожности къ Хивѣ, гнѣвъ которой всегда чувствовался ими несравненно острѣе и больнѣе. Конечно, въ эти полгода не дремала и враждебная намъ пропаганда. При такихъ условіяхъ, въ связи съ запретомъ переходить Атрекъ, рассчитывать на то, что туркмены пригонятъ намъ верблюдовъ по первому нашему зову, было бы крайне ошибочно. Если передъ первымъ нашимъ походомъ пришлось прибѣгать къ различнаго рода насиліямъ, чтобы добыть какихъ-нибудь 500 верблюдовъ, то можно себѣ представить, какія трудности предстояли намъ въ 1872 году, когда необходимо было добыть этихъ животныхъ во столько разъ болѣе, во сколько грузъ 14-ти ротъ, двухъ сотенъ и 20-ти пушекъ былъ больше груза отряда, едва составляющаго одну треть перечисленныхъ силъ. Къ тому же, въ этотъ разъ условія самой задачи, конечно, требовали болѣе обеспеченнаго снабженія войскъ, такъ какъ вопросъ времени менѣе зависѣлъ отъ произвола начальника отряда. Однако-же, въ концѣ концовъ, красноводскій отрядъ добылъ таки себѣ необходимыхъ ему верблюдовъ, и этимъ прежде всего онъ былъ обязанъ тому обстоятельству, что сразу и безъ колебаній рѣшилъ дѣйствовать энергично и не останавливаться ни передъ какимъ насиліемъ, лишь бы не затормозить своевременнаго выступленія въ походъ. Ближайшіе дѣятели всѣ были проникнуты полнымъ убѣжденіемъ, что, дѣйствуя иначе, отряду не удастся сдвинуться съ мѣста. Впослѣдствіи методъ, нами принятый, находилъ многихъ порицателей, но, конечно, не среди близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ, къ числу которыхъ принадлежали всѣ служившіе въ отрядѣ. Какъ бы то ни было, но для вновь предстоявшихъ намъ движеній мы опять таки могли лишь безусловно рассчитывать на верблюдовъ красноводско-балханской чарвы. Правда, части отряда въ Балханахъ уже не стояли, но было хорошо извѣстно, что если бы даже не начемъ намъ было наступить кочевой аулъ, то стоило только попріжать осѣдлыхъ, чтобы тѣмъ самымъ заставить кочевниковъ помочь своимъ родичамъ. Добывъ этимъ путемъ съ сотню верблюдовъ, мы, въ крайнемъ случаѣ, могли уже погоняться за остальными. Имѣя, однако-же, въ виду, что въ такую жаркую пору года каждая лишняя верста, которую намъ пришлось бы при этомъ сдѣлать, могла дурно отразиться на здоровьи войскъ, мы, само собою разумѣется, предполагали прибѣгнуть къ такимъ маршамъ лишь въ случаѣ совершенной невозможности обойтись безъ нихъ. Поэтому, когда въ Красноводскъ прибыло человекъ тридцать красноводско-балханскихъ агъ-сакаловъ, для принесенія поздравленія начальнику отряда по случаю благополучнаго его

возвращенія изъ дальней поѣздки, а въ сущности, пользуясь случаемъ, за полученіемъ подарковъ, — имъ сдѣланъ весьма ласковый пріемъ: каждому поднесли по сукояному халату, угощали пилавомъ и другими любимыми ихъ яствами, но, подъ разными предлогами, изъ Красноводска не выпускали. Будучи старыми нашими знакомыми, они скоро поняли, въ чемъ заключается дѣло, хотя ихъ сперва и очень удивило наше несвоевременное гостепримство, такъ какъ они рассчитывали, что въ столь знойную пору мы еще не можемъ имѣть надобности въ ихъ услугахъ, къ осени же они надѣялись откочевать подальше отъ отряда. Волею-неволею помирившись со своимъ положеніемъ, они стали просить лишь о томъ, чтобы не приказывать ихъ аулу перекочевывать въ окрестности Красноводска, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ совсѣмъ почти не было верблюжьихъ кормовъ. На это тѣмъ охотнѣе дано было имъ полное согласіе, что, въ случаѣ переселенія аула къ Красноводску, ко времени выхода нашего въ походъ верблюды дѣйствительно находились бы въ самомъ жалкомъ видѣ и не въ состояніи были бы поднимать вьюки нормального вѣса. Мало того, понимая, насколько важно сохраненіе верблюжьихъ силъ до самой послѣдней минуты, тогда же рѣшили поискать способъ приблизить отрядные грузы къ мѣсту кочеванія аула. Съ этою цѣлью, 25-го іюля, приказано было развести пары на одномъ изъ баркасовъ, и, взявъ на буксиръ два туркменскихъ кулаза, начальникъ отряда предпринялъ изслѣдованіе Балханскаго залива и его береговъ. На эту рекогносцировку съ нимъ отправились также майоръ Мадчаваріани и командиры ротъ, находившихся въ Красноводскѣ. Въ прикрытіе взяли 15 человекъ нижнихъ чиновъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Балханскій заливъ чрезвычайно мелководенъ и суда наши до той поры не ходили по немъ далѣе острововъ Дагъ-Ада и Агъ-Ташъ; но капитанъ нашего пароваго баркаса оказался не изъ трусливыхъ моряковъ, и рекогносцирующіе, не переставая измѣрять глубину воды и обозначать вѣхами фарватеръ, дошли до высоты колодцевъ Белекъ. Къ самому берегу подойти, конечно, не могли даже и на кулазахъ, а потому, пройдя версты съ двѣ по отмели гѣшкомъ, вышли на сушу. Отдохнувъ немного, рекогносцирующіе направились къ названнымъ колодцамъ, до которыхъ, по сдѣланному измѣренію, отъ берега оказалось шесть верстъ. Колодцы Белекъ лежатъ въ 75-ти верстахъ отъ Красноводска. Вода въ нихъ горько-солоновата, но солдатики наши, не особенно избалованные вкусомъ красноводской воды, попробовавъ воду изъ колодцевъ Белека, нашли, что пить ее можно. На

другой день къ вечеру, т. е. 26-го юля, баркасъ привезъ насъ обратно въ Красноводскъ, а 27-го числа, помолясь Богу на общемъ молебнѣ, маіоръ Мадчаваріани повелъ въ Белекъ одну Дагестанскую роту, вслѣдъ за которою, по мѣрѣ готовности, туда же передвинуты были и остальные роты его баталіона. Штабъ-офицеру этому приказано было, сдѣлавъ тамъ всѣ возможные приспособленія для выгрузки и устройвъ склады всего, что должно было идти въ походъ чрезъ Белекъ, по-эшелонно подвигаться со своимъ баталіономъ впередъ, по направленію къ Топьетану. Баталіонъ маіора Мадчаваріани былъ сводный. Въ составъ его вошли двѣ Дагестанскія роты и двѣ роты (9-я и 10-я) 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка, только что прибывшія въ Красноводскъ. Осмотрѣвшись на Белекѣ, маіоръ Мадчаваріани потребовалъ изъ аула верблюдовъ и сталъ на нихъ потихоньку выдвигаться впередъ все дальше и дальше, перевоза запасъ будущаго продовольствія всѣхъ тѣхъ войсковыхъ частей, которымъ предрѣшено было начинать движеніе со стороны Красноводска. Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ составъ отряда между прочимъ поступили семь ротъ ширванцевъ, а именно 1-й баталіонъ въ полномъ составѣ, т. е. всѣ пять его ротъ и двѣ первыя роты 3-го баталіона. Кромѣ того, на восточный берегъ перевезли и три роты 2-го баталіона 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка.

За баталіономъ маіора Мадчаваріани долженъ былъ слѣдовать чрезъ Белекъ 1-й Ширванскій баталіонъ, командуемый полковникомъ Клугономъ, которому также даны были всѣ необходимыя указанія. Что касается кабардинскихъ ротъ, вновь поступившихъ въ составъ нашего отряда, то онѣ направлены были въ Чекишляръ, гдѣ, какъ это извѣстно изъ рассказаннаго выше, перезимовали и находились еще двѣ остальные роты того же полка и баталіона. Такимъ образомъ, слѣдовательно, масса тяжестей должна была быть перевезена исключительно на верблюдахъ красноводско-балханской чарвы. Такъ какъ всего разомъ поднять эти верблюды, разумѣется, не могли и имъ неизбѣжно приходилось по нѣскольку разъ возвращаться къ тыловымъ этапамъ, то на долю ихъ выпадалъ трудъ чрезвычайно большой. Начальникъ отряда надѣялся однако-же, что за то ему удастся совершенно освободить этихъ животныхъ въ Топьетанѣ и далѣе передвигать наши тяжести на верблюдахъ, коихъ предполагалось привести съ береговъ Атрека, гдѣ рассчитывали достать ихъ сколько угодно. Вслѣдствіе такихъ соображеній и въ видахъ ихъ осуществленія, начальникъ отряда лично отправился въ Чекишляръ. Надежды его основывались на полной увѣренности начальника нашей

морской станціи, который утверждалъ, что наемъ верблюдовъ на Атрекѣ рѣшительно не встрѣтитъ затрудненій. Будучи въ началѣ 1872 года вызванъ въ Тифлисъ, штабъ-офицеръ этотъ бралъ на свою отвѣтственность, что если будетъ предупрежденъ за двѣ недѣли до дня, въ который могутъ потребоваться животныя, о которыхъ идетъ рѣчь, то онъ распорядится, чтобы въ Чекишлярѣ своевременно было пригнано изъ-за Атрека не менѣе 500 головъ. Если-бы предупрежденіе могло послѣдовать за мѣсяць, то, по его словамъ, отрядъ смѣло могъ рассчитывать на вдвое большее число верблюдовъ, а при срокѣ нѣсколько продолжительномъ—количество въючныхъ животныхъ, которымъ мы желали бы располагать, ставилось въ полную и исключительную зависимость только отъ одной лишь нашей воли. Опытность этого начальника, а равно и то, что онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ приморскими туркменами, въ связи съ тѣмъ обаяніемъ, которое, повидимому, должна была производить наша стоянка въ Чекишлярѣ, давали полное право предполагать, что его расчеты оправдаются. Обстоятельства не подтвердили, однако-же, этого. Вліяніе морской станціи безспорно было громадно, но оно распространялось только на тѣхъ туркменъ, которые для своихъ промысловъ нуждались въ морѣ. Эти люди знали очень хорошо, что было совершенно въ нашей власти во всякое время отобрать у нихъ лодки или потопить ихъ. Но чарва ко всему этому относилась равнодушно. Поясненіе столь грустнаго для насъ факта, между прочимъ, можно видѣть въ томъ, что населеніе самой южной части восточнаго берега Каспійскаго моря, съ которымъ преимущественно сносилась морская станція, составляютъ огруджалинцы, не признаваемые за чистокровныхъ туркменъ. Это народъ весьма предприимчивый, торговый и, вообще, болѣе другихъ туземцевъ того края способный къ воспріятію цивилизаціи, но не принадлежащій, однако-же, къ аборигенамъ страны.

Огруджалинцы произошли отъ выходцевъ изъ различныхъ далекихъ ханствъ Средней Азіи, а потому остальные туркмены признаютъ ихъ какимъ-то народомъ низшей расы. Такой взглядъ до того установился, что, напримѣръ, при расчетахъ за кровь, жизнь двухъ огруджалинцевъ цѣнится въ одну жизнь юмуда, а за каждую обиду, причиненную послѣднему, уплачивается вдвое противу положеннаго за удовлетвореніе обиды огруджалинца. Каждый огруджалинецъ обязанъ выбрать себѣ патрона изъ числа кровныхъ туркменъ и этотъ послѣдній, охраняя собственность и личность имъ опекаемаго, пользуется за это частью его достоянія. Въ случаѣ неудовольствія на свое-

го опекуна, огруджалинецъ вправѣ во всякое время замѣнить его другимъ, но таковой обязательно долженъ существовать. Отъ этихъ то людей или, по крайней мѣрѣ, съ ихъ помощью, начальникъ морской станціи думалъ добыть для насъ верблюдовъ; но, повторяемъ, ему это не удалось и скоро стало вполнѣ очевидно, что все должно было свестись къ одной лишь самопомощи. Красноводскому отряду нужно было идти въ походъ во что бы то ни стало и времени терять было нельзя. Находившіеся въ Чекишлярѣ кабардинцы повязали свои въюки и, вообще, совершенно изготовились къ движенію. Невозможно было оставить и ихъ. Они заслужили вполнѣ право участія въ предстоявшемъ походѣ. Въ виду всего этого казаки въ Красноводскѣ получили приказаніе немедленно командировать полусотню въ распоряженіе маіора Мадчаваріани, а сему послѣднему предписано было стеречь Узбой и добыть тамъ какія окажутся перевозочныя средства. Одновременно съ этимъ начальникъ отряда понасѣлъ на Гасанъ-Кули и даже вынудилъ этотъ ауль перекочевать въ Чекишляръ. Въ немъ тогда жило человекъ 50 юмудовъ, хотя и изъ чомры, но такихъ, которые имѣли богатыхъ родственниковъ въ заатрекской чарвѣ. Людей этихъ мы арестовали и стали учинять имъ извѣстнаго рода насиліе. Каждый энергическій приѣмъ доставлялъ отряду 8—10 верблюдовъ.

Между тѣмъ одинъ огруджалинецъ выдалъ по секрету, что въ Кизиль-Кумахъ кочуетъ довольно много чарвы, а потому немедленно былъ снаряженъ небольшой десантный отрядъ, который отплылъ изъ Чекишляра и совершилъ высадку въ Хивинскомъ заливѣ. Отрядъ этотъ, высадившись согласно приказанія, устроилъ облаву со стороны морскаго берега. Было бы лучше обойти съ востока, но на это требовалось много времени. Впослѣдствіи оказалось, что въ этомъ не было и большой бѣды, такъ какъ кочевники принадлежали къ племени нуръ-али, которое тогда имѣло какіе то счеты съ текинцами, а потому они не могли дерзнуть уходить на востокъ. Не могли они податься и къ сѣверу, ибо тогда по Узбою ходилъ уже маіоръ Мадчаваріани. Для прегражденія пути отступленія на югъ начальникъ красноводскаго отряда послалъ лично командира баталіона Кабардинскаго полка, маіора Козловскаго. Ему приказано было взять 80 человекъ отборныхъ людей своего баталіона и двухъ казаковъ и идти съ ними къ колодцамъ Бугдаили. По пути къ этому пункту маіоръ Козловскій долженъ былъ выдѣлить команду, человекъ въ 30 при офицерѣ, и оставить ее у колодцевъ Чухурукую, такъ какъ было вѣроятно, что если не

всѣ кочевники, то часть ихъ можетъ, минуя Бугдаили, слѣдовать за Атрекъ чрезъ названные колодцы. Поиски въ Кизиль-Кумахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, удались бы намъ вполнѣ, если-бы маіоръ Козловскій дошелъ по назначенію, но къ большому нашему горю онъ до Бугдаили дойти не могъ. Причиною неудачи маіора Козловскаго, конечно, только могла быть и была жаркая пора года и атмосферическое явленіе, исключительно ей свойственное въ тѣхъ мѣстахъ.

Пройдя всего лишь 25 верстъ отъ Чекишляра, команда кабардинцевъ достигнута была струею такого удушливаго вѣтра, что совершенно обезсиленные люди, потерявъ сознание, легли. Съ нѣкоторыми былъ солнечный ударъ, а одинъ солдатикъ отъ такого удара даже умеръ на мѣстѣ. Желая сдѣлать все возможное, маіоръ Козловскій пошелъ дальше лишь съ тѣми, которые могли еще волочить ноги. Такихъ нашлось только 15 человекъ, но и съ ними названный штабъ-офицеръ дошелъ лишь до колодцевъ Гамяджикъ. Всѣ прочіе остались при двухъ офицерахъ, парализованныхъ не менѣе нижнихъ чиновъ. Имъ приказано было, дождавшись вечера, возвратиться въ Чекишляръ, но ошеломленные люди разбрелись. Благодаря этому случаю, два большихъ аула, травимые кизилькумскимъ десантомъ, успѣли ускользнуть за Атрекъ. Развѣдчики ихъ, наткнувшись на нѣкоторыхъ изъ ослабленныхъ нашихъ солдатъ, увели съ собою двѣ казачьи лошади и утащили два солдатскихъ ружья. О происшествіи съ командою маіора Козловскаго сдѣлалось извѣстнымъ въ Чекишлярѣ только къ полудню слѣдующаго дня отъ одного унтеръ-офицера, съ трудомъ допоздшаго до нашего лагеря. Начальникъ отряда, справедливо опасаясь, что за-атрекскіе туркмены чего добраго захотятъ воспользоваться случаемъ, чтобы увести въ плѣнъ изнемогшихъ людей и забрать все ихъ оружіе и имущество, немедленно послалъ на Атрекъ двѣ роты, приказавъ имъ стеречь ближайшія переправы чрезъ названную рѣку и поугать за-атрекскихъ туркменъ. Одну изъ командированныхъ ротъ, для ускоренія, повезли въ Гасанъ-Кули на туркменскихъ плоскодонныхъ лодкахъ, взятыхъ на буксиръ паровымъ нашимъ баркасомъ, въ то время находившимся на Чекишлярскомъ рейдѣ. Само собою разумѣется, что одновременно съ этимъ приняты были мѣры и къ розысканію разбредшихся людей команды маіора Козловскаго. Кого нашли на половину закопавшимся въ песокъ, съ цѣлью найти прохладу и влагу въ нижнихъ его слояхъ, кого — такъ, просто валяющимся среди песковъ, и всѣхъ недостаточно опомнившимися и оправившимися. Человекъ съ тридцать отыскали у колодцевъ на

Бѣломъ-Бугрѣ. Почти всѣ люди растеряли свои шинели и все, что было у нихъ съ собою въ мѣшкахъ. Все это совпало со временемъ переселенія Гасанъ-Кулинскаго аула, о чемъ было упомянуто уже выше. Къ счастью, ишанъ, жившій въ этомъ аулѣ, оказался соплеменникомъ угнавшихъ двухъ казачьихъ лошадей за Атрекъ и увезшихъ туда наши ружья. Приказано было его арестовать и, не смотря на важный духовный санъ этого правовѣрнаго, ему объявили, что если чрезъ три дня не возвратятъ намъ лошадей и ружей, то онъ будетъ подвергаемъ ежедневной казачьей расправѣ, а затѣмъ отвѣтить намъ и своею головою. На третій день къ вечеру привели намъ одну лошадь и доставили одно ружье. Ишанъ сталъ получать обѣщанное до пятаго дня, въ который доставили намъ и остальную половину похищеннаго. Оказалось, что замедленіе произошло изъ-за того, что огруджалинцы, которымъ іомуды приказали выкупить добычу, по тамошнимъ понятіямъ законно принадлежащую похитителю, рассчитывая на русское заступничество, не захотѣли исполнить приказанія своихъ покровителей, которые, вслѣдствіе этого, нашлись вынужденными заплатить за выкупъ сами. Нужно думать, что съ уходомъ нашимъ изъ Чекишляра и послѣ того, какъ Гасанъ-Кулинскій аулъ былъ отпущенъ на волю, бѣдные огруджалинцы, конечно, крѣпко заплатились за свою дерзость.

Въ Кизиль-Кумахъ поймано было только 27 кибитокъ и въ Чекишлярѣ пригнали только до 200 верблюдовъ. Къ тому же времени отъ гасанкулинцевъ имѣлось у насъ 120 верблюдовъ и 40 мелкихъ киргизскихъ лошадей, на которыхъ мы повезли въ походъ горныя пушки и ящики отъ этихъ орудій. Само собою разумѣется, что съ такими скудными средствами нельзя было и думать вести весь кабардинскій баталіонъ, а потому взяли съ собою въ походъ лишь двѣ его роты. Такъ какъ, однако-же, предъ самымъ выступленіемъ изъ Чекишляра начальникъ отряда получилъ донесеніе маіора Мадчаваріани о томъ, что ему удалось поймать 500 верблюдовъ, то сдѣлано было распоряженіе о перевозкѣ моремъ изъ Чекишляра въ Красноводскъ 3-й кабардинской роты, а полковнику Клугену предписано было, если возможно, изыскать средства къ препровожденію этой роты въ Топъетанъ, что и было исполнено. Такимъ образомъ, въ походѣ 1872 года изъ кабардинскаго баталіона не участвовали только двѣ роты, которыя и оставлены были въ Чекишлярѣ.

13-го сентября, начальникъ отряда лично повелъ чекишлярскую

колонну въ степь. Пройдя 300 верстъ въ 12 сутокъ, 25-го числа колонна эта благополучно достигла Топьетана. На полпути она перехватила караванъ въ 220 верблюдовъ, шедшій изъ Хивы за Атрекъ. Верблюдовъ этихъ, конечно, присоединили къ своимъ и тѣмъ почти вдвое ускорили маршъ колонны. Въ Топьетанѣ начальнику отряда явился состоявшій при главнокомандующемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Озеровъ, прибывшій туда съ однимъ изъ эшелоновъ чрезъ Белекъ. Офицеръ этотъ привезъ окончательное приказаніе Его Императорскаго Высочества—въ Хиву не ходить. Вслѣдствіе этого обстоятельства тогда же, въ Топьетанѣ, составлена была окончательная программа дальнѣйшаго похода, которая сдѣлалась извѣстна всѣмъ изъ приказа № 127-го, даннаго отряду 26-го сентября 1872 года. Въ приказѣ томъ буквально было сказано слѣдующее:

«Въ случаѣ моей болѣзни или другихъ какихъ-либо обстоятельствъ, могущихъ лишить меня возможности лично распоряжаться управленіемъ ввѣреннаго мнѣ отряда во время настоящаго похода, впредь до назначенія, имѣющаго послѣдовать отъ высшаго начальства, въ командованіе красноводскимъ отрядомъ вступить 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка полковнику Клугену, какъ старшему по мнѣ штабъ-офицеру. При этомъ объявляю, что цѣль предпринятаго нами движенія заключается въ подробномъ обрекогносцированіи:

«а) Пути, ведущаго отъ берега Каспійскаго моря Узбоемъ, по направленію къ Хивѣ и сколько возможно далѣе.

«б) Одного изъ путей, соединяющихъ вышеуказанную дорогу съ текинскими владѣніями, а также и сихъ послѣднихъ, начиная отъ Кизиль-Арвата и далѣе по предгорьямъ Кюрендага, до возможныхъ предѣловъ, и

«в) Пути, ведущаго изъ Кизиль-Арвата мимо крѣпостей Каракала и Ходжа-кала, по Атреку въ Чекишляръ.

«Объявляется также для свѣдѣнія, что изъ 159,792 рублей, отпущенныхъ съ іюня мѣсяца 1871 года въ уплату продовольствующимъ отрядъ и на разныя нужды послѣдняго, частью уже израсходовано во время минувшихъ походовъ, а частью находится на рукахъ у различныхъ лицъ для текущихъ расходовъ 84,947 рублей. При слѣдующей въ походъ части отряда у насъ взято съ собою 14,845 рублей. Остальныя 60,000, вмѣстѣ съ наличными документами и копіями документовъ, уже представленныхъ при отчетѣ, хранятся запечатанными и подъ замкомъ въ денежномъ ящикѣ въ

Красноводскѣ, куда уложены въ присутствіи красноводскаго воинскаго начальника, исправляющаго должность отряднаго адъютанта штабсъ-капитана Семенова и старшаго интендантскаго чиновника надворнаго совѣтника Торозова».

Изъ приказа этого видно, что намѣренія наши не скрывались. Конечно, бывають положенія, когда програма военныхъ дѣйствій и движеній должна составлять непроницаемую тайну; но при условіяхъ, въ которыхъ нашъ отрядъ находился, это было совершенно излишнимъ. Среди служащихъ въ отрядѣ вкоренилось убѣжденіе въ томъ, что ничто живое, враждебное намъ, никоимъ образомъ не въ состояніи воспрепятствовать нашимъ начинаніямъ. Силу, съ которою мы считали себя обязанными бороться и сколько возможно боролись, мы видѣли исключительно только въ суровыхъ условіяхъ страны. При такомъ взглядѣ на положеніе дѣлъ, полная откровенность скорѣе была даже полезна, такъ какъ давала возможность всякому начальнику предусмотрѣть нужды своей части. Наконецъ, нельзя было упускать изъ вида вѣроятность того, что начальникъ отряда въ дѣйствительности могъ оказаться внѣ возможности лично довести начатое дѣло до конца. Въ послѣднемъ случаѣ, отряду, заброшенному въ пустыню, въ мѣста, въ которыя слово высшаго начальства могло достигнуть не ранѣе одного-двухъ мѣсяцевъ, никакихъ неясностей и ничего недосказаннаго не должно было оставаться. Постоянно давящая насъ нужда въ перевозочныхъ средствахъ была столь велика, что намъ неоднократно доводилось оставлять цѣлыя туркменскія семьи среди пустыни на произволъ судьбы, отбирая у нихъ до послѣдняго верблюда. Понять и простить такое зло можетъ лишь только тотъ, кто въ состояніи войти въ положеніе начальника, которому по нѣскольку разъ во время каждаго деннаго перехода приходилось рѣшать: разложить-ли вьюкъ съ павшаго или присталаго животнаго на плечи людей, шагающихъ по-колѣно въ пескѣ, или на спины остальныхъ животныхъ, на которыхъ и своихъ тяжестей болѣе чѣмъ нужно, или, наконецъ, бросить вьюкъ въ странѣ, гдѣ каждый сухарь на счету, гдѣ каждый боченокъ воды въ иныхъ случаяхъ можетъ спасти нѣсколько человѣческихъ жизней. Какъ бы то ни было, но такое зло творилось, а потому возможно было ожидать во всякое время единичной мести, которая, конечно, прежде всего должна была отразиться на начальникѣ отряда, котораго всякій обиженный туркмень могъ считать единственнымъ виновникомъ своего горя и своихъ бѣдъ. Поползно-

веніе къ этому нѣкоторые усматривали даже и въ тѣхъ выстрѣлахъ, которые ранили часоваго у палатки начальника отряда въ Чекишлярѣ. Подобный случай повторился еще наканунѣ выступленія нашего въ походъ 1872 года, въ Чекишлярѣ же. Часовъ въ 10 ночи въ цѣпи, окружавшей лагерь, послышался шумъ. Совершенная темнота мѣшала видѣть предметы, но часовой успѣлъ, однако-же, заслонить штыкомъ дорогу пытавшемуся проникнуть сквозь цѣпь. Штыкъ былъ отбитъ ловкимъ ударомъ ножа и кто-то бѣгомъ и съ крикомъ «полковникъ!» направился къ палаткѣ начальника отряда. Между тѣмъ, слышавъ суматоху, выскочилъ дежурный офицеръ. То былъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Анастасіенко. Бѣжавшій, думая, что это именно и есть начальникъ отряда, бросился на названнаго офицера, но, къ счастью, ножъ попалъ и пронизалъ лишь лѣвую руку. Тогда прапорщикъ Анастасіенко шашкою разрубилъ нападавшему руку, державшую ножъ. Оказалось, что это была женщина, мужъ которой находился въ числѣ арестованныхъ туркменъ. Вообще, отъ единичныхъ непріятныхъ случайностей уберечься не было ни малѣйшей возможности, такъ какъ въ нашъ лагерь приходилось, по разнымъ обстоятельствамъ, впускать и постороннихъ туркменъ, чего иначе и быть не могло, потому что отрядъ находился въ постоянномъ соприкосновеніи съ туземцами.

Перевозя грузы все впередъ и впередъ и для сего нерѣдко возвращая верблюдовъ къ заднимъ эшелонамъ, къ 30-му сентября красноводскій отрядъ почти весь сосредоточился въ Топъетанѣ. Хотя къ тому времени нѣкоторыя его части находились еще верстахъ въ 50-ти сзади, но за то двѣ дагестанскія роты уже были выдвинуты почти на такое же разстояніе впередъ, а именно къ Джамала. Находясь въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, начальникъ отряда получилъ донесеніе, что партія хивинцевъ, въ числѣ 600 всадниковъ, подкравшись къ пастбищу верблюдовъ аріергардной колонны, бросилась на нее съ гикомъ и угнала 150 верблюдовъ. Кавалеріи у насъ тамъ не было. Огромные песчаные бугры, мѣшающіе прикрытие обозрѣвать мѣстность на большое пространство, помѣшали ему, а также и ротамъ, выбѣжавшимъ по тревогѣ, преслѣдовать быстро уходившаго непріятели. Ружейный огонь, открытый противъ послѣдняго, уложилъ семь лошадей и двухъ людей, которыхъ мы подобрали. Наши туркмены утверждали послѣ этого случая, что непріятели понесъ гораздо болѣе чувствительную потерю, но что будто бы остальныхъ раненыхъ и убитыхъ онъ успѣлъ подобрать.

Зная, что увозъ своихъ раненыхъ и убитыхъ дѣйствительно въ нравахъ туземцевъ, убѣжденію туркменъ вполне можно было повѣрить, но все же хивинцамъ удалось угнать у насъ верблюдовъ. Поэтому начальникъ отряда приказалъ устроить въ Джамала укрѣпленіе, въ которомъ сложили всѣ наши запасы свыше 35-ти-дневныхъ, рассчитывая на дальнѣйшій путь взять съ собою только это послѣднее количество. Въ гарнизонъ Джамалинскаго укрѣпленія назначили одну роту 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка при двухъ орудіяхъ.

Нужно думать, что успѣхъ предпріятія хивинской шайки послужилъ соблазномъ и текинцамъ, все время не перестававшимъ слѣдить за головною нашею колонною. 8-го октября, человекъ до тысячи всадниковъ названнаго племени произвели одновременное нападеніе на наши бивакъ и пастбищное поле. Видно было по всему, что текинцы, очень хорошо понимая нашу слабую сторону, произвели нападеніе главнымъ образомъ изъ желанія угнать нашихъ верблюдовъ. Для этого они направили на нашъ бивакъ значительную часть своихъ силъ исключительно лишь для того, чтобы, занявъ насъ, дать время отогнать вьючныхъ животныхъ тѣмъ изъ своей партіи, которые съ этою цѣлью окружили табунъ. Но Джамалинскій бой стоилъ имъ не дешево и не принесъ имъ ни малѣйшихъ выгодъ.

Передовая наша колонна, на которую было сдѣлано нападеніе, бивакировала въ Узбоѣ, къ лѣвому, наименѣе возвышенному берегу котораго вплотную прилегали бугры сыпучихъ песковъ, по коимъ паслись наши верблюды. Для охраны пастбищнаго пространства, къ юго-западу отъ главнаго бивака, верстахъ въ двухъ съ половиной отъ послѣдняго, выставленъ былъ взводъ одной изъ ротъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, превосходно скрытый небольшимъ кольцомъ цѣпи песчаныхъ же возвышенностей. Когда часовой, стоявшій на одной изъ этихъ горокъ, далъ знать о приближеніи текинскихъ всадниковъ, командиръ взвода снялъ его съ поста и приказалъ всей своей части лечь, дабы, оставаясь какъ можно долѣе незамѣченной непріателемъ, дать ему время подойти поближе къ нашему биваку. Это была именно такая пора, когда казаки наши, пополудневавъ, садились на-конь, чтобы совершить обычный свой ежедневный объѣздъ пастбищнаго поля съ цѣлью скучить животныхъ, дабы, съ приближеніемъ ночи, отогнать ихъ къ мѣсту ночлега. Текинцы наступали со стороны колодцевъ Эмерли-Аджи. Едва миновали высоту мѣста нахожденія взвода, охранявшаго пастбище, какъ замѣтили

трехъ изъ нашихъ конныхъ туркменъ, которые стали, отстрѣливаясь, уходить къ нашему биваку отъ пущенной за ними погони. Одновременно съ этимъ непріятельская партія раздѣлилась на двѣ. Одна, человекъ въ 400, одѣпила верблюдовъ, другая, съ остальною частью, пошла къ гребню Узбоя и, спѣшившись здѣсь, открыла ружейный огонь. Еще раньше, чѣмъ это успѣли сдѣлать текинцы, команда гребенскихъ казаковъ, подъ начальствомъ лихаго своего сотника Астахова, уже вышла изъ Узбоя со стороны лѣваго непріятельскаго фланга и, оставивъ безъ вниманія непріятеля, занявшася нашимъ бивакомъ, сомкнуто и съ шашками на-голо, пошла вдоль текинской цѣпи, опоясавшей пастбищное поле и погнавшей верблюдовъ. Нигдѣ не успѣвая собраться въ скольконибудь значительномъ числѣ и вездѣ являясь слабѣе казаковъ, находившихся всего въ числѣ какихънибудь 50-ти человекъ, текинцы стали уходить въ рассыпную. Между тѣмъ, послѣ первыхъ же выстрѣловъ непріятеля по биваку, показалась наша пѣхотная цѣпь, поднимавшаяся на гребень лѣвой щеки стараго русла Аму-Дарьи со стороны колодцевъ Арватъ, и стала пулями пронизывать непріятеля съ праваго его фланга. Текинцы, не выждавъ атаки нашихъ сомкнутыхъ резервовъ, головы которыхъ тоже вскорѣ появились на горизонтѣ, моментально сѣли на коней и направились назадъ, придерживаясь пути, по которому пришли. Между тѣмъ, охранявшій пастбище взводъ дагестанцевъ уже стоялъ на пути отступленія непріятеля и встрѣтилъ его живымъ огнемъ своихъ ружей. Текинцы побѣжали безъ оглядки и только нѣкоторые смѣльчаки, большею частью изъ числа тѣхъ, подъ которыми были убиты лошади, сопротивлялись, выказывая иногда при этомъ, можно сказать, нечеловѣческую храбрость и обороняясь до послѣдней возможности. Потеря наша въ Джамалинскомъ бою относительно была не велика, но замѣчательно, что всѣ люди были убиты или ранены исключительно холоднымъ оружіемъ, тогда какъ непріятельскій огонь не сдѣлалъ намъ ни малѣйшаго урона, если не считать четырехъ убитыхъ и нѣсколькихъ раненыхъ пулями лошадей. У насъ убито четыре человекъ и ранено шесть, въ числѣ коихъ одинъ офицеръ. На полѣ встрѣчи съ непріятелемъ найдено было нами и схоронено 46 текинскихъ труповъ. Раненыхъ мы тамъ не нашли и таковыми оказались только три текинецъ, изъ числа 14 человекъ, взятыхъ нами въ плѣнъ. Много убитыхъ и раненыхъ лошадей изъ подъ текинцевъ валялось по полю и, конечно, было полное основаніе предполагать, что потери, понесенныя текинцами,

не ограничивались только тѣмъ, что мы видѣли и взяли, такъ какъ начальникъ нашего отряда велъ довольно упорное и продолжительное преслѣдованіе, чему особенно способствовали казаки. Они съ необыкновенною смѣлостью, даже, можно сказать, съ военнымъ нахальствомъ заскакивали передъ отступавшимъ непріателемъ и тѣмъ задерживали его движеніе, подвергая отступавшихъ дѣйствию огня нашей пѣхоты и одного горнаго орудія. Этому же, разумѣется, очень помогъ пѣшій взводъ, находившійся на охранѣ пастбища.

Старый красноводецъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173742/

X 1

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТОМЪ СЛХХХХ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, д. № 36.

1889

~~3(35)~~
~~480~~

I

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Статья пятая) (1).

13-го октября отрядъ пошелъ дальше и 16-го мы благополучно достигли Игды.

Дойдя до названныхъ колодцевъ, рекогносцирующей колоннѣ стало вполне очевидно, что пунктъ этотъ составляетъ предѣлъ для рекогносцировки въ томъ направленіи, по которому мы слѣдовали, и что первый шагъ за Игды вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ опредѣлить и образъ нашихъ дальнѣйшихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ отношеніи Хивы. Въ Игды окончательно раздваивается дорога. Одна идетъ въ предѣлы только-что названнаго ханства, другая же — въ земли текинскія. Поэтому, избравъ себѣ путь на Орта-Кую, мы тѣмъ самымъ показали бы ясно, что цѣль нашего движенія — Хива. Пойти по направленію къ Хивѣ и не покончить съ нею — было равносильно ослабленію нашего значенія въ глазахъ всей степи, а что еще и того важнѣе, мы могли бы стать въ совершенно безвыходное положеніе. Верблюды наши, въ послѣднее время дошедшіе до сильнѣйшаго изнуренія и десятками падавшіе на каждомъ переходѣ, хотя конечно могли еще дотянуть насъ до окрестностей вышеназваннаго города, но чрезвычайно затруднили бы наше обратное движеніе. А это было бы тѣмъ неприянѣе, что одновременно съ этимъ движеніемъ мы конечно по-

(1) См. «Воевннй Сборникъ» 1889 г., № 10-й.

ставлены были бы въ необходимость на каждомъ шагѣ отражать дерзкія попытки многочисленной хивинско-текинскои кавалеріи, которая, по свойственнымъ ей качествамъ, теряясь при всякомъ наступательномъ противъ нея движеніи, разумѣется выказала бы большое нахальство при нашемъ отступленіи, толкуя послѣднее невозможностью съ нашей стороны исполнить задуманное. Необходимо имѣть въ виду, что отрядъ нашъ, при движеніяхъ по сыпучимъ пескамъ, по формѣ своей мало походилъ тогда на боевую силу въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принято понимать это опредѣленіе. Онъ скорѣе уподоблялся каравану въ 1,300—1,400 верблюдовъ, тянущихся цѣпью, подъ прикрытіемъ такого же числа цыткочевъ, разбросанныхъ на протяженіи иногда 10-ти и болѣе верстъ, притомъ цѣпью не непрерывною, но съ большими промежутками, вследствие свойства путей и неизбежнаго, вѣчнаго паденія выюковъ. Конечно при такомъ положеніи дѣлъ намъ оставалось одно—идти впередъ и занять враждебное намъ ханство, что тогда для красноводскаго отряда было легко и удобно; но положительное приказаніе, воспрещавшее такого рода предпріятіе, исключало послѣдній исходъ рекогносцировки. Между тѣмъ въ Игды прибыли къ намъ текинскіе посланцы, съ просьбою возвратитъ имъ раненыхъ и плѣнныхъ, взятыхъ нами въ бою 8-го октября подъ Джамала, и съ извинительными письмами текинскихъ хановъ, въ которыхъ они приводили разныя обстоятельства, оправдывающія ихъ поведеніе, и, между прочимъ, то, что они напали на насъ, считая наши войска такъ же слабыми, какъ и персидскія. Такъ какъ плѣнные текинцы все равно были намъ въ тягость, то начальникъ отряда приказалъ отпустить ихъ. При этомъ текинскимъ посланцамъ было объявлено, что мы уступаемъ ихъ просьбамъ только въ виду клятвенныхъ обѣщаній доставитъ намъ въ Игды въ теченіе трехъ слѣдующихъ сутокъ не менѣе 400 хорошихъ верблюдовъ; если же клятва, данная ими, окажется не болѣе, какъ средствомъ выманить у насъ плѣнныхъ, то мы прямо изъ Игды пойдемъ въ ихъ земли и накажемъ текинцевъ очень чувствительно. Такой оборотъ дѣла при тогдашнемъ нашемъ положеніи приходился какъ нельзя болѣе кстати. Еслибы верблюды дѣйствительно были намъ доставлены, то отрядъ тѣмъ самымъ получилъ бы вѣрнѣйшій залогъ бездѣйствія текинцевъ противъ насъ, т. е. полнѣйшее обезпеченіе фланга, и вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ бы способъ довольно быстро двигаться впередъ, для дальнѣйшаго изслѣдованія пути на Хиву. Въ противномъ же случаѣ поворотъ

нашъ въ Теке не могъ быть истолкованъ степняками въ невыгодную для насъ сторону.

Вечеромъ 18-го октября окончился условленный трехсуточный срокъ, а 19-го на разсвѣтѣ мы потянулись въ Кизиль-Арватъ. Захвативъ на дорогѣ нѣсколько сотъ текинскихъ барановъ, равно какъ и два текинскихъ наблюдательныхъ пикета, мы благополучно прошли дески, отдѣляющіе Игды отъ Ахаль-текинскаго раздса, и къ полудню 25-го октября прибыли въ вышеназванную текинскую крѣпость. Забудетъ-ли кто изъ участниковъ этого движенія 94-хъ-верстный совершенно безводный путь между Игды и колодцами Динаръ, отъ которыхъ до Кизиль-Арвата остается только около 37 верстъ? Не видавъ этого пути, нѣтъ средствъ представить себѣ чего-либо, похожаго на тѣ пески, которые сплошь заполняютъ собою это пространство. Ни прежде, ни послѣ не доводилось отряду нашему видѣть такое море сыпучихъ песковъ, къ тому же еще чрезвычайно часто череплетенныхъ такими же песчаными дѣльями довольно крупныхъ возвышенностей. Какъ ни прекрасны были наши артиллерійскія упражныя лошади, какъ ни втянуты были онѣ въ дружную и трудную работу, но все же не въ силахъ были провезти полевыхъ пушекъ даже на самое ничтожное разстояніе. Колеса буквально утопали въ пескѣ отъ одной лишь тяжести передка и лафета, и можно сказать безъ преувеличенія, что во время почти всего пути люди несли орудія на рукахъ. Не будетъ неправды и въ томъ, что тотъ, кто не видалъ песковъ между Игды и Динаромъ, не видалъ ихъ вовсе, и кто не былъ застигнутъ бурей среди такого песчаного моря, какъ это случилось съ нами 22-го октября, тотъ не можетъ составить себѣ даже и слабаго представленія о томъ ужасномъ явленіи, которое туземцы зовутъ «теббедомъ». Этотъ средне-азиатскій самумъ отнимаетъ силу у всего живущаго и мгновенно сушитъ все прозябающее, въ мгновеніе ока насыпаетъ горы песку и хоронитъ иногда подъ ними цѣлыя сотни человѣческихъ жизней.

Завидя наше приближеніе, текинцы бѣжали изъ Кизиль-Арвата. Оставивъ въ крѣпости этой гарнизонъ, вечеромъ того же числа мы на-легкѣ пошли вдоль текинскаго оазиса, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Текинцы рѣшительно не вѣрили въ то, что русскіе могутъ пройти игды-кизиль-арватскій путь, и притомъ пройти столь быстро, а потому, когда это совершилось, между ними распространился какой-то чисто паническій страхъ. Они бросили лежація на пути нашемъ крѣпости Кодшъ, Зау, Кизиль-Чешме и Джамы, равно какъ и находившіяся нѣсколько въ сторонѣ, влѣво отъ нашей дороги, Кара-

Сенгиръ и Ниазъ, оставляя насъ полнѣйшими хозяевами этого ряда своихъ твердынь, неоднократно прославившихся при оборонахъ текинскихъ владѣній отъ нападеній гокланъ, юмудовъ и хивинцевъ. Къ вечеру 26-го октября отрядъ нашъ подступилъ къ крѣпости Ба-ми. Въ ней также мы не застали жителей, но послѣднiе бѣжали предъ самымъ нашимъ приходомъ, и бѣгство ихъ, какъ видно, было столь поспѣшно, что всѣ ихъ кибитки и вообще всякаго рода пожитки, съ дымящимися еще очагами, находились на мѣстахъ какъ внутри крѣпостныхъ стѣнъ, такъ и возлѣ нихъ. Такъ какъ отъ Кизиль-Арвата до Бами около 50-ти верстъ и пространство это мы прошли дѣлая лишь самые кратковременные привалы, то тутъ пришлось намъ остановиться, чтобы дать людямъ оправиться и сварить горячую пищу. Употребивъ на это нѣсколько часовъ и оставивъ въ Бами одну роту, отрядъ двинулся къ слѣдующей крѣпости, а именно къ Беурма, находящейся въ 12-ти верстахъ къ западу отъ Бами. Беурма всегда пользовалась особенною извѣстностью среди текинскихъ крѣпостей. Вокругъ нея обыкновенно группировалось несравненно большее число кибитокъ, чѣмъ вокругъ крѣпостей, уже пройденныхъ нами. Ко времени нашего прибытiя въ Беурму, тамъ оставалась еще нѣкоторая часть жителей, не успѣвшая покинуть своихъ жилищъ, а потому мы были встрѣчены ружейнымъ огнемъ, на который отвѣчали огнемъ своей артилерiи, стараясь въ то же время охватить крѣпость войсками по мѣрѣ того, какъ послѣднiя подтягивались къ стѣнамъ, за которыми засѣлъ непрiтель. Но все это дѣлалось нами, такъ сказать, ошупью, потому что, прежде чѣмъ подошли мы къ Беурмѣ, наступила быстро, безъ сумерекъ, какъ и подобаетъ тѣмъ широтамъ, совершенно темная осенняя ночь. Непрiтель тревожилъ насъ до самаго разсвѣта, появляясь то на нашихъ флангахъ, то въ тылу, и мы впервые употребили здѣсь имѣвшiеся при насъ свѣтящiеся снаряды и ракеты. Эффектъ, производимый на текинцевъ этимъ свѣтомъ, видимо былъ громаденъ и не было сомнѣнiя, что они принимали средство за самое орудiе. Едва, бывало, поднимется ракета или засвѣтится ядро, направленное нами въ сторону выстрѣловъ или шума галдѣющей непрiтельской толпы, послѣднiя мгновенно разсыпалась въ разныя стороны и, думать должно, этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что текинцы въ продолженiе ночи не предприняли ничего рѣшительнаго противъ насъ. Съ своей стороны, и мы, будучи лишены возможности ориентироваться, съ нетерпѣнiемъ ждали появленiя дня и въ теченiе ночи поддерживали лишь рѣдкiй огонь артилерiи по стѣнамъ крѣпости,

конечно принимая при этомъ возможные мѣры предосторожности на случай ночной атаки текинцевъ. Съ разсвѣтомъ текинцы отступили отъ Беурмы, изъ которой жители выбрались еще ночью, такъ какъ оказалось, что мы въ потемкахъ удачно загородили крѣпость со стороны песковъ, т. е. со стороны западной и сѣверо-восточной, но оставили свободнымъ выходъ изъ нея въ горы, со стороны юго-востока. Потери у насъ не было. Точно также трудно сказать, какъ велика была потеря, понесенная текинцами, такъ какъ, войдя въ крѣпость, мы нашли въ ней всего два трупа, должно быть не убранные и не увезенные по случаю темноты. Для преслѣдованія непріятеля, за совершеннымъ почти неимѣніемъ у насъ кавалеріи, посланы были двѣ роты, которыя, впрочемъ, скоро возвратились въ Беурму. Между тѣмъ, рота, оставленная въ Бами, согласно приказанія, приготовила и подожгла костры изъ брошенныхъ кибитокъ и всего текинскаго имущества, каковое было сожжено также и въ Беурмѣ. Всего предано огню 1,200 кибитокъ; захваченный же рогатый скотъ, въ количествѣ 80-ти головъ, былъ отданъ войскамъ. Ограничившись такою местию за дерзкія нападенія на Михайловскій постъ и въ особенности въ Джамала, отрядъ пошелъ обратно въ Кизиль-Арватъ. Набѣгъ нашъ, по доходившимъ тогда до насъ слухамъ, произвелъ ужасъ во всемъ Теке и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не прошелъ безслѣдно и въ Хивѣ. Что же касается юмудовъ, то они до невѣроятія были поражены описаннымъ событіемъ, такъ какъ это былъ первый въ ихъ памяти примѣръ неудачи текинцевъ, которые, по существовавшему во всей степи убѣжденію, до такой степени сильны и воинственны, что туркмены наши всѣми средствами старались предохранить насъ отъ какихъ-либо враждебныхъ предпріятій противъ Теке.

30-го октября, командиръ баталіона 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка, полковникъ Клуговъ, получилъ приказаніе выступить съ вѣренною ему частью, съ 35-ю казаками и однимъ орудіемъ, изъ Кизиль-Арвата въ Джамала. При этомъ ему предложено было, забравъ тяжести, оставшіяся въ названномъ укрѣпленіи, отойти со всѣмъ его гарнизономъ къ роднику Казанджикъ, что у западной оконечности Кюрендагскихъ горъ. Ширванцы должны были пройти въ Джамала прямымъ путемъ, черезъ колодцы Гяуръ и Эмерали-Аджи, оттуда же прослѣдовать чрезъ Топьетанъ и Эмерлю-Коджъ, по пути несравненно болѣе легкому, такъ какъ имъ приходилось везти съ собою изъ Джамала одно полевое орудіе, а опытъ научилъ насъ тому, съ какими неимоверными затрудненіями сопряжено было дѣло это въ пескахъ, на пространствѣ между Узбоемъ и текинскою ли-

нью. Отправленіе съ такимъ порученіемъ относительно крупной части, какъ цѣлый баталіонъ, вызывалось многими обстоятельствами и, прежде всего, разумѣется тѣмъ, что колонна эта вела съ собою почти всѣхъ нашихъ вьючныхъ животныхъ, охрана которыхъ требовала пропорціональной силы. Между тѣмъ, было очень вѣроятно предполагать, что полковникъ Клугенъ по пути будетъ атакованъ текинцами. При возвращеніи нашемъ изъ Беурмы въ Кизиль-Арватъ, массы текинской кавалеріи, можно сказать, почти не сходили съ нашего горизонта. Ничего рѣшительнаго противъ насъ не предпринимая, текинцы нерѣдко приближались къ нашей колоннѣ и на ружейный выстрѣлъ даже иногда открывали безвредный намъ огонь, на который мы изрѣдка отвѣчали одною, двумя гранатами, совершенно ихъ унимавшими. Но было видно однакоже, что страсти ихъ не улегались, но смирялись лишь увѣренностью въ невозможности справиться съ тѣмъ числомъ и составомъ, въ которомъ мы находились. Слѣдовательно, по всѣмъ вѣроятіямъ они не упустили бы случая напасть на высланную изъ Кизиль-Арвата часть, еслибы замѣтили, что сила не велика и колонна очень обременена верблюдами. Не видѣть же выступленія колонны полковника Клугена очевидно текинцы не могли, такъ какъ все время бродили вокругъ Кизиль-Арвата. Ко всему этому начальникъ отряда получилъ донесеніе изъ Джамала, что какая-то непріятельская партія, приблизительно около 500 человекъ, 26-го октября пыталась развѣдать о силахъ гарнизона названнаго укрѣпленія. Попытка эта, по словамъ доносившаго офицера, кончилась лишь тѣмъ, что стороны обмѣнялись нѣсколькими десятками ружейныхъ выстрѣловъ и атакующіе отошли послѣ того, какъ въ нихъ было пущено пять, шесть гранатъ. Начальникъ джамалинскаго гарнизона въ донесеніи своемъ, между прочимъ, высказывалъ мнѣніе, что посягавшіе на безопасность укрѣпленія были тѣ же самые хивинцы, которые 2-го октября угнали 150 верблюдовъ съ бивака кабардинцевъ въ Топьетанъ. Мнѣніе это сперва казалось нѣсколько неправдоподобнымъ, такъ какъ боевые набѣги туземцевъ въ пустынѣ обыкновенно имѣютъ характеръ какого-то вихря. Нападающая кавалерія, по самому свойству страны, ничего не производящей ни для человека, ни для лошади, должна сразу рѣшаться на свое дѣло и, въ случаѣ неуспѣха, уходить немедленно. Она не можетъ проводить цѣлые мѣсяцы въ пустынѣ, а потому хивинцы, угнавшіе часть нашихъ верблюдовъ 2-го октября, по видимому не могли оставаться въ тѣхъ мѣстахъ по 26-е октября. Съ другой стороны, промежутокъ времени между названными чи-

слами былъ столь продолжителенъ, что хивинцы, если это были они, дѣйствительно имѣли возможность дать отдохнуть своимъ конямъ и вообще, оправившись, возобновить враждебныя намъ попытки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ джамалинскій гарнизонъ могъ составить предметъ и дальнѣйшихъ дѣйствій шепріателя, чего нельзя было бы ожидать, еслибы нападавшіе на Джамала были текинцы; такъ какъ послѣдніе были тогда очень озабочены находженіемъ русскаго отряда въ предѣлахъ собственнаго ихъ оазиса. Впослѣдствіи оказалось, что предположеніе начальника джамалинскаго гарнизона дѣйствительно было основательно. Нападавшіе 26-го октября были хивинскіе туркмены, какъ извѣстно, кочующіе, а частью и осѣдло живущіе въ сѣверной части ханства, по лѣвому берегу Аму-Дары. Конницу эту ханъ выслалъ-было для того, чтобы затруднить наше движеніе въ предѣлы ханства, и мы, еслибы продолжали туда свое движеніе, должны были встрѣтить ее, пройдя колодцы Игды. Съ поворотомъ же нашимъ въ Теке, воинство это устроило свою базу у названныхъ колодцевъ и стало бродить вдоль Узбою. Тѣ же, которые угнали часть нашихъ верблюдовъ изъ Топьетана, вѣроятно принадлежали къ этому самому отряду и составляли часть его, высланную впередъ много раньше главныхъ силъ.

Замѣтивъ малочисленность гарнизона, хиво-туркменская кавалерія, какъ видно, задалась мыслью дѣйствовать противъ него рѣшительно. Съ этою цѣлью 5-го ноября непріятель подступилъ къ Джамала, примѣрно въ количествѣ около 2,000 съ небольшимъ всадниковъ, и сталъ издали скрытно обходить укрѣпленіе со стороны сѣвера и запада. Онъ желалъ загородить намъ отступленіе по Узбою на Топьетанъ и вѣроятно рассчитывалъ, что мы, увидавъ столь многочисленную вражью силу, бросимъ укрѣпленіе и станемъ скорѣе уходить въ пески, по направленію на Кизиль-Арватъ. Между тѣмъ, поздно-вечеромъ наканунѣ въ Джамала прибылъ полковникъ Клугенъ, о чемъ видимо непріятель ничего не зналъ. Назначивъ на 5-е ноября днюку, названный штабъ-офицеръ приказалъ своимъ туркменамъ и состоявшимъ при немъ для посылокъ казакамъ какъ можно раньше объѣхать ближайшія окрестности укрѣпленія и отыскать лучшія мѣста для пастбища верблюдовъ. Развѣздъ выѣхалъ до свѣта и при этомъ случайно открылъ непріятеля. Тогда полковникъ Клугенъ приказалъ не поднимать верблюдовъ и немедленно выслалъ двѣ роты, приказавъ имъ, пользуясь песчаными буграми и всякаго рода складками мѣстности, незамѣтно для туркменъ отойти нѣсколько по направленію на Кизиль-Арватъ, а затѣмъ, когда послышатся вы-

стрѣлы, зайти правымъ плечомъ къ колодцамъ Арватъ, у которыхъ и перегородить Узбой. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши залегли за брустверомъ укрѣпленія. Рано утромъ непріятель сталъ выставлять себя и открылъ рекогносцировочный огонь по Джамала. Не получая отвѣта, туркмены подошли ближе къ укрѣпленію и замѣтили, что мы изъ него уходимъ. Дѣйствительно, въ это время изъ горжи выходила рота, но это была уже третья рота, высланная полковникомъ Клугеномъ послѣ первыхъ же выстрѣловъ. Ей, напротивъ, приказано было показывать себя непріятелю сколь возможно больше и идти мелкими частями, заслоняясь лишь цѣпью стрѣлковъ со стороны Топъетана. Рота эта двигалась по направленію въ Кизиль-Арватъ. Увидѣвъ это, туркмены пошли въ промежутокъ между укрѣпленіемъ, которое они считали нами брошеннымъ, и отступающею ротою. Послѣдняя отходила отстрѣливаясь, и непріятель не очень на нее насѣдалъ, вѣроятно желая, чтобы она углубилась подалеже въ пески. Въ ожиданіи этого, туркмены захотѣли заглянуть въ укрѣпленіе, въ расчетѣ найти какую-либо поживу, такъ какъ они могли думать, что мы не въ состояніи были забрать съ собою всего нашего имущества. Къ большому сожалѣнію, нѣсколько преждевременно открытый противъ нихъ изъ-за бруствера огонь далъ имъ понять, что для нихъ приготовлена ловушка. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не могли конечно не замѣтить тутъ же, близъ укрѣпленія, лежащую массу верблюдовъ, а это еще болѣе должно было удостовѣрить ихъ въ томъ, что въ Джамала пришло сильное подкрѣпленіе гарнизона. Поэтому хиво-туркмены быстро прошли подъ перекрестнымъ огнемъ укрѣпленія и послѣдне-вышедшей изъ него роты, повернувшейся при этомъ кругомъ, и направились къ востоку, къ колодцамъ Арватъ. Возможно предполагать, что они намѣревались спуститься въ сухое русло Оксуса, по которому пролегалъ настоящій ихъ путь отступленія въ Игды, но изъ нашего пикета, выставленнаго для наблюдений на возвышенности лѣваго берега Узбой, былъ сдѣланъ выстрѣлъ, и непріятель предпочелъ уходить горою, хотя и по глубокимъ пескамъ. У насъ потеря этого дня состояла изъ одного раненаго нижняго чина. Что потерялъ непріятель, осталось намъ неизвѣстнымъ. Нашли всего 14 человѣческихъ труповъ и нѣсколько убитыхъ лошадей.

Хотя съ уходомъ полковника Клугена со своимъ баталіономъ въ Кизиль-Арватъ все еще оставались шесть ротъ, снабженныхъ мѣсяца на полтора всякаго рода продовольствіемъ и вообще всѣмъ необходимымъ, но это самое снабженіе дѣлало насъ тогда малопо-

движными. Для увода джамалинскаго гарнизона и вывоза оттуда всего, что тамъ находилось, потребовалось послать всѣхъ лучшихъ верблюдовъ, и при главной части рекогносцировочнаго отряда оставалось не болѣе 150 головъ этихъ животныхъ, къ тому же очень изнуренныхъ и слабыхъ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь невольною нашею задержкою въ Кизиль-Арватѣ, начальникъ отряда предполагалъ исподволь переходить черезъ Кюрендагскія горы, направляясь черезъ переваль, ближайшій къ мѣсту тогдашняго нашего нахождения, а именно черезъ тотъ, который ведетъ къ крѣпости Ходжамъ-кала, а затѣмъ и далѣе, къ крѣпости Кара-кала, что въ верховьяхъ Сумбара, праваго притока рѣки Атрекъ. Имѣлось въ виду, если окажется возможнымъ, туда же направить колонну полковника Клугена, предписавъ послѣдному, достигнувъ Казанджика, обогнуть Кюрендагъ со стороны западной его оконечности и идти на присоединеніе въ Кара-кала, вдоль южной подошвы названныхъ горъ. Но отъ всего этого пришлось отказаться, ибо такимъ образомъ нашъ путь удлинялся несоразмѣрно съ наличными перевозочными средствами. Кромѣ того, судя по донесеніямъ полковника Клугена, колонна его оказывалась очень тяжелою и настоятельно требовалось оказать ей помощь скорѣйшимъ отдѣленіемъ отъ нея части транспорта. Въ виду такой необходимости ширванцамъ послано было приказаніе, дойдя до Казанджика, повернуть вдоль сѣверной подошвы Кюрендага на Узунъ-су и Ушакъ, къ колодцамъ Ходженемъ-куюсы. Слѣдуя согласно данному ему маршруту, полковникъ Клугенъ прибылъ по назначенію только 2-го декабря. Находясь на ночлегѣ у колодцевъ Ушакъ, 29-го ноября, ширванцы были встрѣчены двумя нашими ротами. Ихъ выслалъ начальникъ отряда изъ Кизиль-Арвата для того, чтобы облегчить трудную службу людей колонны полковника Клугена при транспортѣ и помочь послѣдному при слѣдованіи въ гористой мѣстности. Почти одновременно съ этимъ, а именно 1-го декабря, мы совершенно очистили Кизиль-Арватъ и перешли къ колодцамъ Ходженемъ-куюсы, куда понемногу стали перебираться еще съ 22-го ноября. Такимъ образомъ, къ вечеру 2-го декабря вся рекогносцирующая часть красноводскаго отряда была сосредоточена у вышеназванныхъ колодцевъ.

20-го ноября, находясь еще въ Кизиль-Арватѣ, начальникъ нашего отряда получилъ предписаніе начальника штаба Кавказскаго округа, помѣченное 5-мъ числомъ того же мѣсяца, № 14. Въ немъ сообщалось, что, по соображеніи положенія дѣлъ въ красноводскомъ отрядѣ, Его Императорское Высочество Главнокомандующій

Кавказскаго арміею изволилъ допустить возможность слѣдующихъ предположеній:

«1) Что, не смотря на очевидную необходимость въ строжайшемъ наказаніи хивинцевъ, начальникъ отряда, изъ опасенія превысить полномочія, ему предоставленныя, можетъ счесть себя обязаннымъ воздержаться отъ такихъ дѣйствій противъ Хивинскаго ханства, которыя, при имѣющихся въ отрядѣ средствахъ и всей вообще обстановкѣ, будучи въ данную минуту весьма доступны и исполнимы, могутъ и поддержать вообще въ Средней Азій обаяніе нашей силы, и отвратить необходимость дальнѣйшихъ экспедицій противъ Хивы, или по крайней мѣрѣ значительно облегчить и удешевить подготовленіе таковыхъ въ будущемъ.

«2) Что рѣшеніе начать отступленіе, или хотя временно приостановить враждебныя дѣйствія противъ непріятеля въ то время, когда по здравой логикѣ военныхъ операцій нужно, напротивъ, энергическое веденіе оныхъ, можетъ даже затруднить положеніе самаго отряда при расположеніи его въ непріязненной странѣ или при отступленіи.

«3) Что еслибы, по обстоятельствамъ, начальникъ отряда дошелъ до самаго города Хивы или только вошелъ бы въ предѣлы ханства, то тогда уже не будетъ времени испросить приказаніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій, и что всякая попытка къ этому можетъ создать отряду только новыя затрудненія».

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Великій Князь Главнокомандующій нашель нужнымъ совершенно устранить тѣ ограниченія въ отношеніи дѣйствій противъ Хивы, которыя были поставлены данными до той поры предписаніями и всякаго рода приказаніями, и, предоставивъ начальнику отряда полную свободу дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, такъ сказать, вполнѣ развязать ему руки. Такимъ образомъ, согласно дальнѣйшему изложенію этого послѣдняго предписанія, если-бы хивинскій ханъ продолжалъ упорствовать въ своемъ ослѣпленіи и враждебныя противъ отряда дѣйствія самихъ-ли хивинцевъ, или, по ихъ подстрекательству, другихъ кочевыхъ племенъ продолжались, то начальникъ отряда уполномочивался наказывать непріятеля въ той мѣрѣ, въ какой, сообразно имѣющимся въ его распоряженіи средствамъ, это оказалось бы возможнымъ, не останавливаясь и предъ взятіемъ города Хивы, если-бы по обстоятельствамъ начальникъ отряда призналъ это безусловно необходимымъ и исполнимымъ. Съ другой стороны, Его Императорское Высочество изволилъ предложить — отнюдь не упускать изъ

вида, что, по соображеніямъ Высшаго начальства, вовсе не было особеннаго неудобства и въ томъ, если-бы красноводскому отряду пришлось возвратиться, не нанесъ хивинцамъ серьезнаго удара. Изъ разъяснившихся тогда обстоятельствъ, говорилось въ томъ предписаніи, «что оное становится очевиднымъ; что заслуженное хивинскимъ ханомъ наказаніе отъ него не уйдетъ, что оно во всякомъ случаѣ послѣдуетъ не позже 1873 года и, какъ для всѣхъ вообще непокорныхъ племенъ, будетъ тѣмъ строже, чѣмъ долѣе продлится ихъ враждебность къ Россіи». Поэтому начальнику красноводскаго отряда прежде всего вмѣнялось въ обязанность особенное попеченіе о здоровьи ввѣренныхъ его командованію войскъ и возможно большее обезпеченіе благополучнаго возвращенія отряда. Далѣе въ предписаніи было сказано, «что если-бы, вслѣдствіе-ли поздняго доставленія послѣдней бумаги, или вслѣдствіе полученія въ отрядѣ какихъ-либо свѣдѣній о появленіи въ Хивѣ повальныхъ болѣзней, или даже по другимъ обстоятельствамъ, красноводскій отрядъ былъ вынужденъ вернуться къ берегу Каспійскаго моря, не достигнувъ никакихъ особенно полезныхъ результатовъ, то и такое возвращеніе отнюдь не предполагалось ставить въ вину начальнику отряда, такъ какъ Его Императорскимъ Высочествомъ слишкомъ хорошо были оцѣнены исключительно неблагоприятныя условія, въ которыя была поставлена рекогносцировка 1872 года, въ особенности по первоначальной неопредѣленности и растяжимости задачи, и такъ какъ Главнокомандующій изволилъ быть въ полнѣйшей увѣренности въ совершенной готовности всѣхъ безъ исключенія чиновъ отряда приложить всѣ способности ихъ и силы къ исполненію служебнаго долга». Вмѣстѣ съ тѣмъ, передавая милостивую благодарность Августѣйшаго Главнокомандующаго за все сдѣланное отрядомъ, а равно и пересылая 15 знаковъ Военнаго Ордена и пять медалей «за храбрость», для возложенія на нижнихъ чиновъ и туземцевъ, по усмотрѣнію начальника отряда, начальникъ штаба округа заканчивалъ свое предписаніе приказаніемъ, по которому, еслибы бумага № 14-й была получена нами на пути обратнаго слѣдованія отряда, то начальнику послѣдняго строго вобранялось возвращаться въ предѣлы Хивинскаго ханства, такъ какъ, сказано было въ бумагѣ, «взятіе нынѣ красноводскимъ отрядомъ Хивы отнюдь не составляетъ желанія правительства».

Вышеприведенное предписаніе, какъ уже объ этомъ было упомянуто, получено было 20-го ноября 1872 года. Въ этотъ день вой-

ска красноводскаго отряда, принимавшія участіе въ рекогносцировкѣ, находились въ слѣдующихъ пунктахъ:

а) Отрядный штабъ съ четырьмя ротами, пятью орудіями, 15-ю казаками и 10-ю конными туркменами въ Кизиль-Арватъ.

б) Двѣ роты, пять орудій, 15 казаковъ и 15 туркменъ—въ сѣверномъ устьи ущелья, въ Кюрендагскихъ горахъ, по пути къ верховью Сумбара.

в) Шесть ротъ, три орудія, 35 казаковъ и нѣсколько туркменскихъ всадниковъ—въ слѣдованіи изъ Эмерло-Кодшъ въ Ходженемъ-куюсы.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведеннаго расположенія войскъ отряда по мѣстамъ ихъ нахождения въ моментъ полученія предписанія № 14-го, мы уже не имѣли никакого права воспользоваться позволеніемъ предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ враждебнаго намъ ханства. Наконецъ, со дня поворота отряда изъ Игды въ Кизиль-Арватъ, т. е. съ 19-го октября, мы уже не имѣли къ тому и возможности. У насъ не доставало для этого перевозочныхъ средствъ. Еще 30-го октября начальникъ отряда подробно донесъ начальнику штаба Кавказскаго округа изъ Кизиль-Арвата о томъ, что онъ предпринялъ, дойдя до Игды, съ объясненіемъ причинъ своихъ дѣйствій, но, само собою разумѣется, это донесеніе не могло быть получено въ Тифлисѣ къ 5-му ноября, т. е. къ числу, которымъ было помѣчено предписаніе № 14-й. Донесеніе то, между прочимъ, заключало соображенія и предположенія начальника красноводскаго отряда по поводу полученнаго имъ предъ тѣмъ предписанія, къ которому приложена была копія письма военнаго министра къ Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Кавказскою арміею отъ 17-го августа, № 279-й. Изъ письма этого усматривалось, что нанесеніе Хивѣ рѣшительнаго удара сдѣлалось, наконецъ, дѣломъ почти предрѣшеннымъ и откладывалось лишь до весны слѣдующаго 1873 года, дабы въ предстоящую зиму подготовиться къ экспедиціи по общему плану, согласованному между начальниками трехъ военныхъ округовъ, а именно: Кавказскаго, Оренбургскаго и Туркестанскаго (1).

(1) Эти отряды, составляя въ сложности свыше 12,000 челов., должны были быть настолько сильны въ отдѣльности, чтобы, въ случай прибытія къ Хивѣ хотя бы одного изъ нихъ, онъ былъ въ состояніи положить предѣлъ самобытнаго существованія ханства. Всѣ три отряда должны были двигаться самостоятельно и, подойдя къ овиэу, поступить подъ командованіе начальника Туркестанскаго округа генераль-адъютанта Кауфмана, слѣдовавшаго со своими отрядами.

По поводу содержанія этого письма, начальникъ красноводскаго отряда счелъ своимъ долгомъ объяснить, что хотя весна, быть можетъ, и дѣйствительно наилучшая пора для покоренія ханства, но походъ туда для войскъ Кавказскаго округа будетъ еще возможенъ, по его мнѣнію, въ такомъ случаѣ, если начальники отрядовъ, направляющихся съ восточнаго берега Каспія, получать окончательныя приказанія не позже конца декабря, или, по крайней мѣрѣ, первыхъ чиселъ января, такъ какъ необходимо принять во вниманіе, что весна въ районѣ красноводскаго отряда обыкновенно далеко не совпадаетъ съ тѣмъ же временемъ года въ округахъ Туркестанскомъ и Оренбургскомъ, а тѣмъ болѣе съ весною Петербурга. Выразивъ эту мысль, начальникъ отряда продолжалъ свое донесеніе такъ: «Красноводскій отрядъ, на который, какъ мнѣ кажется, ближе всего, дешевле и удобнѣе возложить самую серьезную роль въ предстоящемъ походѣ, рѣшительно не можетъ выступить позже самыхъ первыхъ дней марта, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, жары помѣшаютъ ему исполнить его дѣло. Январь и февраль мѣсяцы необходимы будутъ отряду для изготовки матеріальной части, а главное для добычи верблюдовъ, что составляетъ единственно трудную и серьезную статью, не исключая взятія Хивы и окончательнаго покоренія ханства. Вслѣдствіе вышензложеннаго, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, ко времени возвращенія ввѣреннаго мнѣ отряда, т. е. приблизительно къ половинѣ декабря, приказать меня увѣдомить, дѣйствительно-ли можно ожидать, что наконецъ будутъ предприняты окончательныя дѣйствія противъ Хивы, а также—когда и какая именно обязанность падеть по общему плану, предварительно согласованному между тремя округами, на красноводскій отрядъ». Дабы не было неясностей и недоразумѣній въ будущемъ, говорилось далѣе въ донесеніи, «мнѣ остается присоветовать, что если послѣдуетъ окончательное приказаніе ввѣренному мнѣ отряду готовиться къ рѣшительному походу даже и къ опредѣленному мною времени, то и въ этомъ случаѣ придется для пріобрѣтенія верблюдовъ прибѣгнуть къ одному изъ двухъ средствъ, а именно: или пригнать ихъ изъ Мангишлака, который, говорятъ, обилуетъ названными животными, или расположить теперь же весь отрядъ кордономъ въ маленькихъ укрѣпленіяхъ по Атреку, съ цѣлью не пропускать на правый берегъ этой рѣки ни одной кочевки. Послѣдній способъ, за неимѣніемъ съ нашей стороны права переходить Атрекъ, можетъ намъ доставить верблюдовъ потому, что степняки къ зимѣ частью откочевываютъ къ Хивѣ, частью же втискиваются

въ полосу между Атрекомъ и Гюргеномъ, кормовыя средства которой едва способны поддерживать существованіе животныхъ до ранней весны, а потому съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней за-атрекскіе юмуды спѣшатъ переходить на нашу территорию. Слѣдовательно, если мы не позволимъ имъ исполнить ихъ желанія, то они волею-неволею должны будутъ отдать намъ часть своихъ верблюдовъ, чтобы спасти отъ голодной смерти остальныхъ. Само собою разумѣется, что животныя, которыхъ можно получить этимъ послѣднимъ способомъ, не особенно будутъ хороши. Притомъ же въ этомъ случаѣ необходимо будетъ не возвращать хозяевамъ тѣхъ верблюдовъ, которые работаютъ отряду и еще къ чему нибудь годны, такъ какъ на нихъ придется снабжать всѣмъ необходимымъ гарнизоны укрѣпленій на переиравахъ чрезъ Атрекъ. Сравнивая два предлагаемыхъ мною способа приобрѣтенія перевозочныхъ средствъ, доносилъ далѣе начальникъ отряда, невольно приходится отдать преимущество первому, такъ какъ Мангишлакскій полуостровъ, сколько извѣстно, находится въ полной зависимости отъ свободно дѣйствующей тамъ нашей администраціи. Чтобы покончить съ верблюжьимъ вопросомъ, нужно еще доложить вашему превосходительству, что, по указанію опыта, каждая рота, считая ее въ 120 штыковъ, для поднятія съ мѣста двухъ-мѣсячнаго довольствія, со своимъ лагеремъ, запасными патронами, аптекою и 4—5 дневныхъ запасомъ воды, потребуетъ по меньшей мѣрѣ отъ 100—105 верблюдовъ. Каждое орудіе, круглымъ счетомъ, — 10 верблюдовъ, а каждый всадникъ едва-едва можетъ обойтись четырьмя верблюдами, не считая воды, необходимой лошадямъ, такъ какъ для проведенія кавалеріи въ хивинскія владѣнія ее придется направить туда по особому маршруту, отдѣльно отъ пѣхоты, чтобы скорѣе пройти безводныя промежутки. Запасъ на третій мѣсяцъ увеличить потребное число верблюдовъ всего на одну треть и такая же еще надбавка потребуетъ, если приказано будетъ везти запасы продовольствія на четыре мѣсяца».

«Затѣмъ, продолжалъ свое донесеніе начальникъ красноводскаго отряда, если мнѣ позволено будетъ высказать свои мысли относительно будущаго Хивы, то я полагалъ бы, что такъ какъ несомнѣнное значеніе, которымъ пользуется это ханство въ Туркменской пустынѣ, направлено прямо во вредъ нашему тамъ значенію, такъ какъ стратегическое положеніе его несомнѣнно велико въ отношеніи остальныхъ нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, такъ какъ каждый лишній день, независимаго существованія ханства, все болѣе и болѣе протаптываетъ путь и устанавливаетъ внутреннюю

связь между Калькутой и Хивою (1), что, конечно, не ведетъ къ нашей пользѣ, и такъ какъ наконецъ, вслѣдствіе подобныхъ условий, сколько бы мы ни старались иначе рѣшить этотъ вопросъ, Хивѣ все равно суждено испытать участь ближайшихъ къ ней среднеазиатскихъ ханствъ, то, чѣмъ скорѣе будетъ выработанъ общій планъ дѣйствій противъ Хивы, предварительно согласованный между тремя военными округами, тѣмъ будетъ лучше. Однако-же можно съ основаніемъ опасаться, что выработка этого плана послѣдуетъ не такъ еще скоро и, вѣроятно, именно благодаря тому, что онъ, будучи самъ по себѣ весьма несложенъ, долженъ выработаться, или по крайней мѣрѣ начинать выработываться, въ трехъ округахъ, между которыми одно сношеніе требуетъ всего времени, остающагося до наступленія весны въ Чекишлярѣ и Красноводскѣ. Это тѣмъ болѣе жалко, что, значить, нельзя будетъ воспользоваться опытомъ, который достаточно указалъ, что дѣйствія противъ Хивы вполне возможно возложить на кавказскія войска, если только для сего будетъ выбрано вполне соответствующее время года, какъ, напримѣръ, осень. Я не хочу этимъ сказать, говорилось въ донесеніи, чтобы и дальнѣйшее вѣдѣніе ханствомъ, и охраненіе его должно было быть тоже дѣломъ Кавказа. Напротивъ того, по покореніи страны, войска кавказскаго отряда должны быть немедленно оттуда уведены, такъ какъ, не говоря уже о другихъ неудобствахъ, одно инспектированіе ихъ или осмотръ края какимъ либо начальникомъ каждый разъ потребуетъ формировація цѣлаго отряда для конвоировація по пустынѣ, между тѣмъ какъ хивинскій оазисъ сопредѣленъ съ Оренбургскимъ военнымъ округомъ и лежитъ на лучшемъ пути въ Туркестанъ».

Видѣвъ съ тѣмъ, начальникъ отряда донесъ, что онъ, дабы не терять времени, тогда же обратился къ начальнику мангишлякского отряда, полковнику Ломакину, съ просьбою донести прямо отъ себя начальнику штаба Кавказскаго округа, а также увѣдомить красноводскій отрядъ о томъ, возможно ли будетъ, если обстоятельства того потребуютъ, добыть въ предѣлахъ Мангишлякскаго полуострова, не позже февраля мѣсяца предстоявшаго 1873 года, до

(1) См. телеграмму изъ Калькуты отъ 6—18 сентября, помѣщенную въ 196 номеръ «Русскаго Инвалида» за 1872 годъ, въ которой сказано слѣдующее: хивинскій посланецъ вручилъ вице-королю письмо для передачи королевѣ Викторіи, въ которомъ хивинскій ханъ выражаетъ королевѣ чувства своего уваженія. Въ частной бесѣдѣ съ вице-королемъ, хивинскій посланецъ просилъ, чтобы Англія заступилась предъ Россіею за Хиву. Вице-король, отказавъ въ этой просьбѣ, подалъ посланцу совѣтъ выдать русскимъ пѣшнымъ и вступить въ дружественную переписку съ ташикентскимъ генералъ-губернаторомъ.

4,000 верблюдовъ для экспедиціи изъ Красноводска, и если это можно, то не отказать сообщить также, какимъ способомъ, по мнѣнію его, полковника Ломакина, было бы удобнѣе всего препроводить этихъ животныхъ въ Красноводскъ.

Между тѣмъ, слѣдуя обратно, красноводскій отрядъ сосредоточился у колодезь Ходженемъ-куюсы и 3-го декабря пошелъ чрезъ Кюрендагскій хребетъ На слѣдующій день, переваливъ по Уила-Кошлюкскому проходу, верхняя точка котораго оказалась на высотѣ 2,177 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, отрядъ переночевалъ на южномъ склонѣ названныхъ горъ и, продолжая путь, къ ночи 5-го декабря пришелъ въ Баиръ, что на Сумбарѣ. Съ этого мѣста и до самаго Каспійскаго моря дорога нашего отряда все время шла, можно сказать, въ виду береговъ проточныхъ водъ: сперва по берегу Сумбара, а отъ мѣстечка Чать, у котораго названная рѣчка изливается въ Атрекъ—берегомъ сего послѣдняго. Еще находясь въ Казиль-Арватѣ, мы осмотрѣли путь, ведущій въ Ходжамъ-Кала, верстъ на 20; слѣдуя же въ Чекишляръ и пользуясь всякою свободною минутою, часть отряда обрекогносцировала теченіе рѣчки Чандыръ, а другая колонна нанесла на карту путь къ ущелью Диванъ-дере. Затѣмъ, отъ Малага-Джанъ-Маметъ, что на Сумбарѣ, казаки наши съ однимъ изъ топографовъ ходили къ Ялынъ-якской переправѣ чрезъ Атрекъ и, въ заключеніе, отправивъ часть пѣхоты и всѣ наши тяжести отъ переправы Баятъ-Хаджи прямымъ путемъ въ Гасанъ-Кули, начальникъ отряда продолжалъ рекогносцировочное движеніе внизъ по Атреку, причемъ осмотрѣны были переправы Чельте, Агъ-Яйла, Кара-Ишъ и Бекюнь-Баши.

Благодаря крайней недостаточности числа верблюдовъ и вслѣдствіе постоянной необходимости возвращать ихъ за нашими тяжестями, мы едва только успѣли возвратиться въ Чекишляръ 18-го декабря, и этимъ днемъ окончилась рекогносцировка, произведенная красноводскимъ отрядомъ въ 1872 году. Въ это время всѣ единогласно признавали труды отряда, какъ въ названномъ году, такъ и въ предшествующемъ, вполне удовлетворительными во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ соглашались съ тѣмъ, что красноводцы сдѣлали все, что только возможно было сдѣлать. И дѣйствительно, благодаря походу 1872 года, на картѣ Закаспійскаго края явилось 1,600 верстъ, не виданныхъ до той поры еще никѣмъ изъ европейцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же было опредѣлено съ большою точностью географическое положеніе многихъ пунктовъ, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ вычислены также и абсолютныя высоты. Чтобы все это осмотрѣть

и сдѣлать, отряду пришлось исходить по пустынь свыше 3,000 верстъ, конечно считая въ этомъ числѣ не только то, что онъ прошелъ въ полномъ своемъ составѣ, но и то, что пройдено дробными его частями. Мы уже не говоримъ о цѣломъ рядѣ боевыхъ успѣховъ красноводскаго отряда, взятіи нѣсколькихъ текинскихъ крѣпостей и проч., такъ какъ на этотъ счетъ всѣ мы находились тогда въ полнѣйшемъ заблужденіи. Въ то время никто бы изъ насъ не повѣрилъ, что побѣды надъ народомъ, хотя и довольно храбрымъ, но вовсе не имѣющимъ артилеріи, понятія объ инженерномъ искусствѣ и представленія о дисциплинѣ, а также вооруженнымъ большею частью такимъ оружіемъ, образцы котораго въ Европѣ можно видѣть лишь въ музеяхъ, въ числѣ рѣдкихъ древностей, могли бы тоже во что-нибудь цѣниться.

Старый красноводецъ.

(Продолженіе будетъ).

173742/
12

I

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Статья шестая) (1).

Обращаясь къ прерванному разсказу, необходимо сказать, что еще до возвращенія нашего изъ похода 1872 года въ Чекишляръ, т. е. до 18-го декабря, начальнику красноводскаго отряда присла-
но было приказаніе при первой же возможности прибыть въ Тиф-
лись для личнаго доклада о ходѣ и результатахъ послѣднихъ дви-
женій, а также и для полученія дальнѣйшихъ инструкцій и личныхъ
приказаній. Не смотря на то, что, слѣдствіемъ приведеніемъ въ исполне-
ніе этого приказанія, начальникъ отряда отплылъ изъ Чекишляра
на второй же день послѣ своего прибытія, ему удалось прибыть въ
Тифлись не ранѣе 30-го декабря, благодаря крайне жалкому тогда
состоянію нашихъ морскихъ судовъ и большой потерѣ времени на
морѣ. Въ Тифлись онъ немедленно былъ ознакомленъ съ проектомъ
предстоявшаго движенія нашихъ войскъ въ предѣлы Хивинскаго
ханства, который былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія еще
10-го декабря. По поводу этого безповоротно уже рѣшеннаго во-
проса, начальникомъ красноводскаго отряда, въ свою очередь, былъ
представленъ докладъ, въ которомъ онъ высказалъ полное сомнѣніе
на счетъ возможности согласованія нашего похода съ походами про-
чихъ отрядовъ, предназначенныхъ для отправленія въ Хиву.

Сомнѣнія эти, прежде всего, основывались на томъ, что насъ ра-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1889 г., № 11-й.
Т. СЛXXX.—Отд. I.

305
480

зобщало съ ними громаднѣйшее пространство, по которому рѣшительно не было средствъ установить сколько нибудь надежныя и достаточно скорыя взаимныя сношенія. Независимо отъ этого, въ вышеупомянутомъ докладѣ начальника отряда обращено было вниманіе и еще на одну капитальную причину, которая неизбѣжно должна была помѣшать нашему прибытію въ оазисъ одновременно съ прочими отрядами. Чтобы быть въ предѣлахъ Хивы къ концу мая мѣсяца, какъ это требовалось по общему плану главнаго штаба, красноводскій отрядъ долженъ былъ выступить съ мѣста только въ концѣ второй половины апрѣля и, слѣдовательно, проходить безводныя мѣста въ пору года, завѣдомо для него исключительно трудную. Выйти раньше и гдѣ-либо по пути ждать наступленія времени общаго вторженія въ ханство, конечно, не имѣло смысла, такъ какъ это нисколько не устраняло вышеприведеннаго неудобства. Значить, намъ оставалось лишь одно—пройти какъ можно скорѣе и раньше весь пустынный промежутокъ, а затѣмъ выжидать время, стоя на окраинѣ непосредственныхъ предѣловъ ханства. Легко понять, что и этотъ способъ согласованія дѣйствій неминуемо долженъ былъ оказаться тяжелымъ для красноводскаго отряда. Такъ какъ, однакоже, забота о непріятелѣ, по водворившемуся среди насъ убѣжденію, всегда отступала на задній планъ, то насъ ничуть не тревожила мысль о вѣроятныхъ затрудненіяхъ, соединенныхъ съ обязательно пассивнымъ положеніемъ, въ которомъ мы должны были находиться въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсяца, на рубежѣ страны, населенной народомъ, враждебно настроеннымъ противъ насъ. Всѣ наши помышленія направлены были лишь къ тому, чтобы побороть природныя препятствія, силу которыхъ мы успѣли уже достаточно извѣдать. Мы рассчитывали на полный успѣхъ въ рѣшеніи возлагавшейся на насъ задачи лишь въ томъ только случаѣ, еслибы получили право и возможность выступить въ походъ не позже февраля мѣсяца.

При полномъ участіи и исключительномъ, безграничномъ вниманіи, всегда оказываемомъ высшимъ начальствомъ Кавказскаго округа красноводскому отряду, начальникъ сего послѣдняго не сомнѣвался въ томъ, что желаемое право будетъ дано ему; но онъ хорошо зналъ также и то, что пассивное пребываніе на окраинѣ Хивинскаго оазиса не вполне находилось во власти ближайше распоряжающихся нашими судьбами. Въ виду этого обстоятельства, начальникъ отряда просилъ главнокомандующаго арміею предписать ему идти въ Теке. Ходатайство это было сдѣлано не безъ осно-

ванія. Правда, существуетъ и всегда существовало мнѣніе, которое приписывало починъ многихъ нашихъ походовъ въ Азіи искательству дешевой славы нашими военачальниками; но такой взглядъ, по мнѣнію нашему, слѣдуетъ считать весьма одностороннимъ. Каждый, кто знакомъ, напримѣръ, съ ходомъ событій въ средней Азіи и съ характеромъ племенъ, съ которыми мы поставляемы были тамъ въ соприкосновеніе, племенъ, которымъ совершенно чуждо международное право въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимаютъ его народы сколько нибудь цивилизованные, безусловно согласится, что экспедиціи наши по непривѣтливымъ средне-азиатскимъ пустынямъ не только были неминуемы въ прошломъ, но, къ величайшему сожалѣнію, покуда неизбѣжны и въ будущемъ, и притомъ по причинамъ несравненно болѣе основательнымъ, чѣмъ искательство славы. Онѣ часто вынуждались и будутъ еще вынуждаемы впредь настоятельною необходимостью охраненія имущественной собственности, даже болѣе, собственной личности русскихъ подданныхъ, что, разумѣется, ближе граничить съ вопросомъ объ охраненіи государственнаго достоинства, чѣмъ съ личными интересами кого бы то ни было. Именно эти причины прежде всѣхъ остальныхъ всегда вынуждали насъ и будутъ вынуждать подчинять себѣ номадовъ, которые, дѣлаясь нашими сосѣдями, не въ состояніи отрѣшиться отъ вѣками установившагося у нихъ взгляда на чужую свободу и чужую собственность. Такъ пришлось намъ поступить съ киргизами, то же самое поставило насъ лицомъ къ лицу съ юмудами, хивинцами и ахаль-текинцами, привело насъ въ Мервъ и, можетъ быть, поведетъ даже и далѣе, до той черты, за которою уже не терпимо сажаніе въ ямы свободныхъ и честныхъ промышленниковъ, и гдѣ выкатываніе изъ мѣшковъ отрубленныхъ головъ глауровъ не производитъ никакого восторга.

Полоса между широтами Красноводска и устьями Гюргена всегда имѣла для насъ особенно важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Это пространство было, а частью остается и понынѣ непочатымъ уголкомъ причинъ, могущихъ вынуждать насъ расчѣкать его въ различныхъ направленіяхъ военными экспедиціями. Въ немъ и до сихъ поръ многое остается еще въ туманѣ и далеко не додѣланнымъ какъ въ отношеніи военномъ, такъ въ экономическомъ и политическомъ. Въ сказанной же полосѣ особенное вниманіе всякаго наблюдательнаго русскаго приковывало къ себѣ Теке. Было болѣе чѣмъ очевидно тогда же, что текинскій походъ во всякомъ случаѣ для насъ былъ неизбѣженъ, и притомъ если не

одновременно съ походомъ въ Хиву, то въ самомъ недалекомъ будущемъ. Кто не зналъ, на примѣръ, тогда, что вызывающее поведение враждебнаго намъ хивинскаго хана подогрѣвалось не увѣренностью его въ воинственности непосредственно подвластныхъ ему народовъ — узбековъ, сартовъ и иныхъ имъ подобныхъ, какъ извѣстно, совершенно не имѣющихъ никакихъ боевыхъ качествъ, а расчетами на помощь Теке? Всѣ хорошо знали также о существованіи договора между Хивою и текинцами, въ силу котораго послѣдніе обязывались, въ случаѣ нужды, направить въ предѣлы ханства до 40,000 лучшихъ своихъ всадниковъ. Такимъ образомъ, не говоря ни о чемъ иномъ, движеніе нашего отряда въ текинскій аркачъ ⁽¹⁾ удержало бы эти полчища на ихъ родныхъ пепелищахъ для собственной обороны, а изъ этого слѣдовало, что текинскій походъ, по результатамъ, которые можно было отъ него ожидать, былъ бы въ сущности тѣмъ же походомъ въ Хиву и, кромѣ того, могъ бы доставить намъ еще и другія выгоды.

Что касается самаго похода въ Теке, то онъ, по крайней мѣрѣ въ ту пору, могъ быть сдѣланъ безъ значительныхъ жертвъ и лишеній, безъ которыхъ, какъ извѣстно, дѣло впослѣдствіи не обошлось. Для него, какъ и для всякаго въ той странѣ похода, разумѣется, требовались верблюды; но животныхъ этихъ вообще тутъ нужно было несравненно меньше, такъ какъ не было надобности возить съ собою воду. Дорога по пространству 290 верстъ, отдѣляющему Чекишляръ отъ Текинскаго оазиса, пролегаетъ почти все время, а именно до Ходженемъ-Куюсы, берегомъ, вверхъ по теченію — сперва Атрека, а потомъ Сумбара. Только послѣднія 82 версты находятся въ области горной, по которой путь совершенно твердъ, а слѣдовательно и легко проходимъ. На этомъ послѣднемъ участкѣ также нигдѣ не ощущается особеннаго недостатка въ водѣ, иногда даже и родниковой. Приведенное разстояніе составляло лишь $\frac{3}{8}$ пути отъ того же Чекишляра до оазиса Хивинскаго. Наконецъ, если впослѣдствіи инженерное искусство развилось у текинцевъ и создало въ Теке такія твердыни, защитники которыхъ, не обладая средствами и знаніями, усиливающими оборону, могли съ большою честью для себя отстаивать ихъ отъ насъ, противниковъ, въ высокой степени обладающихъ всѣми недостающими текинцамъ способами и качествами, то тогда такіе искусники

(1) Такъ называютъ закаспійскіе туземцы культивируемую часть своихъ земель

еще не успѣли проникнуть въ Теке. Такимъ образомъ, результатъ этого выразился бы или совершенно легкимъ покореніемъ Хивы, послѣ безусловнаго подчиненія русской власти всего текинскаго народа, или одновременную раздѣлкою и съ Хивою, и съ Теке. Само собою разумѣется, что въ первомъ случаѣ выполненіе задачи могло совершиться въ одномъ и томъ же 1873 году, именно: покореніе Теке непременно весною, а Хивы—осенью. Если же былъ бы принятъ послѣдній способъ, то приведеніе его въ исполненіе, конечно, удобнѣе было отложить до осени. Не говоря уже о томъ, что указываемый порядокъ хода предстоявшаго намъ тогда дѣла не потребовалъ бы дѣлныхъ десятковъ миліоновъ, затраченныхъ впослѣдствіи на Теке, онъ, по мнѣнію нашему, былъ бы совершенно систематиченъ, ибо, само собою разумѣется, несравненно правильнѣе избирать предметомъ своихъ военныхъ дѣйствій сперва ближайшаго непріятеля и, только покончивъ съ нимъ, направлять ударъ на непріятеля дальнѣйшаго, чѣмъ дѣлать это наоборотъ. Въ данномъ случаѣ приведенная теорія имѣла тѣмъ большее основаніе, что, по значенію непріятельскихъ массъ, ближайшій къ намъ непріятель былъ сильнѣе дальнѣйшаго. Но при составленіи плана покоренія Хивы составители его не воспользовались результатами предшествовавшихъ походовъ отряда, которому удалось такъ много видѣть и такъ хорошо изучить Закаспійскій край. Такимъ образомъ, всѣ труды красноводскаго отряда остались совершенно безплодными и никто не въ состояніи былъ бы объяснить теперь, зачѣмъ именно былъ онъ высаженъ на восточный берегъ Каспійскаго моря и зачѣмъ ходилъ онъ по пустынь, начиная съ 1869 г. по 1872 г. включительно. Между тѣмъ, отрядъ нашъ все время усердно и толково выполнялъ инструкцію, ему данную, главнѣйшею статьею которой требовалось изученіе народа, страны и путей, по ней пролегающихъ. Инструкцію эту, повторимъ мы, красноводскій отрядъ приводилъ въ исполненіе столь согласно съ желаніями утвердившей ее власти, что тогда наши успѣхи казались всѣмъ превосходящими всякія ожиданія, причемъ каждый походъ нашъ удостоивался самой лестной оцѣнки не только всегда особенно благосклонно относившагося къ намъ высшаго кавказскаго начальства, но и лично покойнаго Государя Императора. Не смотря на это, походовъ этихъ для будущаго какъ бы вовсе не бывало. Даже и топографическія работы, произведенныя во время ихъ съ необыкновенною заботливостью и точностью, повидимому никому не пригодились. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» корреспондентъ этой газеты и личный

участникъ Ахаль-Текинской экспедиціи 1879 года, пріобрѣвшій значительную извѣстность обстоятельными сообщеніями о ходѣ этой экспедиціи, а именно А. В. Арскій, одиннадцатое свое письмо началъ такъ: «Сообщу читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, основанныя на распросахъ и дополненныя тѣмъ, что мы видѣли сами. Тѣмъ болѣе,—писалъ онъ,—считаю необходимымъ это сдѣлать, что сколько-нибудь удовлетворительной карты текинской земли не существуетъ до настоящаго времени, а о самой странѣ даже мы, участники похода, ничего не знали до вторженія въ ея предѣлы». Что должны чувствовать участники старыхъ походовъ по тѣмъ странамъ, читая эти и подобныя этимъ строки, и какъ объяснить себѣ такое сообщеніе? Вѣдь, какъ о томъ уже и было сказано въ своемъ мѣстѣ, красноводскій отрядъ, которымъ предводительствовалъ тогда полковникъ Столѣтовъ, былъ въ текинской крѣпости Кизиль-Арватѣ еще въ 1870 году. Позднѣе, а именно въ 1872 году, тотъ же красноводскій отрядъ не только занималъ названную крѣпость въ теченіе цѣлаго мѣсяца, но еще и побывалъ въ дальнѣйшихъ крѣпостяхъ того же текинскаго народа, а именно: въ Коджѣ, Зау, Кизиль-Чешме, Дженги, Бами, Беурмѣ и другихъ. Онъ ходилъ даже и далѣе Беурмы верстъ за 10, по направленію къ Арчману. Затѣмъ, на обратномъ пути въ Чекишляръ, какъ объ этомъ тоже было сказано, красноводскій отрядъ перевалилъ чрезъ Кюрендагскія горы, вышелъ къ верховью Сумбара и продолжалъ слѣдовать сперва по этой рѣчкѣ до Чата, а потомъ внизъ по Атреку до его устья. Куда же дѣвались свѣдѣнія о мѣстности, добытыя при этомъ, и почему ими не воспользовались впослѣдствіи отряды, вновь ходившіе буквально по этой же дорогѣ? А между тѣмъ свѣдѣнія эти, конечно, стоило принимать въ расчетъ, тѣмъ болѣе, что въ экспедиціи 1872 года лично участвовалъ полковникъ Стебницкій, начальникъ кавказскаго топографическаго отдѣла, человекъ столь извѣстный своими трудами не только въ русскомъ генеральномъ штабѣ, но и вообще въ ученomъ мѣрѣ. Топографы, состоявшіе при отрядѣ подъ личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ своего просвѣщеннаго прямаго главнаго начальника, дѣлали самыя обстоятельныя съемки пройденнаго пространства, которое тщательно измѣрялось, и одновременно съ этимъ снимались планы осмотрѣнныхъ и занимавшихся нами непріятельскихъ крѣпостей. Самъ полковникъ Стебницкій, неутомимо работая, опредѣлилъ географическое положеніе многихъ изъ наиболѣе интересныхъ пунктовъ и, со свойственною ему акуратностью, вычислилъ высоты большаго чи-

сла точекъ. И всѣми этими дорогими матеріалами, повидимому, не воспользовались надлежащимъ образомъ.

Какъ бы то ни было, но ко времени, въ которое начальникъ красноводскаго отряда имѣлъ счастье докладывать свои соображенія Августѣйшему Главнокомандующему, планъ главнаго штаба не подлежалъ уже передѣлкѣ, а, напротивъ того, требовались немедленныя и самыя энергическія распоряженія для того, чтобы сдѣлать съ своей стороны все, что только было возможно для выполненія того плана. Поэтому начальнику отряда было отвѣчено, что, не смотря на дѣйствительно очевидную необходимость экспедиціи въ Теке, дѣло это до времени должно быть отложено, тогда какъ непріятіе красноводскимъ отрядомъ, исходившимъ пустыню вдоль и поперекъ, участія въ движеніи, долженствовавшемъ положить конецъ враждебнымъ проискамъ Хивы противъ Россіи, можетъ оказаться упущеніемъ непоправимымъ, ибо, по прихотливости климата страны, жары въ начавшемся тогда году могли наступить значительно позже нормальнаго для наступленія ихъ времени. Нельзя было не признавать всей справедливости такого указанія и, конечно, еще менѣе можно было не принять его къ немедленному приведенію въ исполненіе, съ искреннею готовностью сдѣлать все, что было въ возможности нашего отряда и по его силамъ. Наконецъ, за исключеніемъ вышеприведеннаго упрека, самый планъ составленъ былъ въ высшей степени обдуманно и цѣлесообразно, чего нельзя было не признавать. Должно было также отдать полную справедливость его составителямъ въ томъ, что они старательно обдумали возможность всякаго рода случайностей, зависящихъ отъ природныхъ свойствъ страны, такъ какъ планъ, прежде всего, ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый изъ трехъ двигающихся къ Хивѣ отрядовъ былъ вполне достаточно силенъ для того, чтобы совершенно покончить съ ханствомъ, еслибы даже пришлось дойти туда лишь одному изъ нихъ. Такая постановка вопроса, не смотря на условія, очевидно неблагоприятныя для нашихъ надеждъ, до нѣкоторой степени развязывала руки распорядителямъ красноводскаго отряда. Поводы къ опасеніямъ, которые были вызваны назначеніемъ для нашего похода совершенно несоотвѣтственнаго времени, какъ бы отступали на дальнѣйшій планъ и начинали уступать мѣсто нашимъ завѣтнымъ мечтамъ, которыя, конечно, заключались въ томъ, чтобы увидать эту заколдованную Хиву и принять участіе въ ея завоеваніи. Мы чувствовали, что предшествовавшіе наши трехлѣтніе труды давали намъ неоспоримыя права на эту радость, и все

въ отрядѣ нашемъ оживилось. Наконецъ, даже и относительно срока выступленія, равно какъ и согласованія предстоявшихъ намъ дѣйствій съ дѣйствіями прочихъ отрядовъ, Августѣйшій нашъ Главнокомандующій обѣщаль исходатайствовать нѣкоторыя облегченія.

Въ этомъ духѣ приказаль онъ составить предварительную инструкцію, которую Его Высочество повезъ съ собою въ Петербургъ на утверженіе. И, дѣйствительно, едва Великій Князь изволилъ прибыть въ столицу, какъ телеграмою, отъ 18-го января 1883 года, на имя помощника своего, генераль-адъютанта князя Святополка-Мирскаго, сообщилъ слѣдующее: «Инструкція начальнику красноводскаго отряда утверждена. Вмѣняется лишь въ обязанность сдѣлать все возможное для соединенія, но, въ случаѣ затрудненія, разрѣшается дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Продовольствіе имѣть на 2 1/2 мѣсяца со дня выступленія и прибыть не раньше 1-го мая». Къ телеграмѣ этой прибавлено было, что подробности посылаются съ курьеромъ. Вмѣстѣ съ ожидавшимися подробностями курьеръ привезъ письмо начальника штаба Кавказскаго округа, сопровождавшаго Великаго Князя въ Петербургъ. Оно было адресовано одному изъ лицъ, долженствовавшихъ отправиться въ составъ красноводскаго отряда, и было помѣчено 24-мъ января. Въ немъ, между прочимъ, буквально было сказано: «Передайте полковнику Маркозову, что хотя въ посылаемомъ ему вмѣстѣ съ симъ предписаніи Его Высочества, заключающемъ въ себѣ полную инструкцію, и сказано, что онъ долженъ употребить всѣ зависящія мѣры, чтобы прибыть къ Измыхширу не раньше 1-го мая и, прежде всего, искать соединенія съ генераломъ Веревкинымъ (¹), но предвидится, однакоже, что всѣ его старанія могутъ не привести къ желаемой цѣли, и на этотъ случай предоставляется ему дѣйствовать самостоятельно. Великій князь увѣренъ, разумѣется, что онъ, какъ всегда, въ точности исполнитъ предписанное и постарается стремиться къ соединенію; но онъ не долженъ однакоже забывать, что все-таки поставить въ пустынѣ изъ нашего отряда лишнихъ 100 русскихъ могилъ было бы непроситительно. Поэтому, если для сбереженія здоровья отряда, или по условіямъ сбора верблюдовъ, пришлось бы выступить и раньше, чѣмъ назначено, и прибыть въ Измыхширъ раньше 1-го мая, то Его Высочество отнюдь не поставитъ этого въ вину начальнику отряда».

Изъ только что приведенныхъ документовъ можно видѣть, во-

(¹) Начальникъ оренбургскаго отряда.

первыхъ, какъ дорого цѣнило кавказское начальство жизнь каждого русскаго солдата, а, во-вторыхъ, что причиною быстрого нашего движенія во время похода 1873 года вовсе не было желанія стяжать себѣ всю предстоящую славу, отнявъ ее у другихъ отрядовъ, какъ въ томъ впослѣдствіи многіе совершенно ошибочно упрекали красноводскій отрядъ. Да, наконецъ, и самое движеніе въ 1873 году, какъ то мы постараемся доказать далѣе, сравнительно вовсе не было движеніемъ быстрымъ.

Обращаясь къ прерванной нити разсказа, мы должны сказать, что, по нашему мнѣнію, послѣ приведенныхъ категорическихъ приказаній Великаго Князя Главнокомандующаго, начальнику красноводскаго отряда оставалось только во время выступить, а для этого необходимы были верблюды. Чтобы судить, въ какомъ положеніи находился вопросъ объ этихъ животныхъ, мы приведемъ содержаніе нѣкоторыхъ бумагъ и телеграмъ, которыя, думаемъ мы, въ состояніи будутъ въ достаточной степени засвидѣтельствовать право красноводскаго начальства считать, что все возможное по этому поводу имъ сдѣлано и успѣхъ дѣла обезпеченъ.

Мы уже имѣли случай сказать, что въ рапортѣ начальника красноводскаго отряда, служившемъ отвѣтомъ на предписаніе, полученное имъ въ Кизиль-Арватѣ 20-го ноября, онъ между прочимъ донесъ, что, до крайности озабоченный вопросомъ о перевозочныхъ средствахъ для весенняго похода въ Хиву, о которомъ его тогда оповѣстили, онъ сдѣлалъ на этотъ счетъ сношеніе съ мангишласскимъ приставомъ. И, дѣйствительно, начальникъ нашего отряда просилъ сего послѣдняго не отказать сообщить ему, а также, въ видахъ выигранія времени, донести и непосредственно въ Тифлисъ, возможно-ли будетъ къ февралю мѣсяцу добыть въ предѣлахъ управляемаго имъ полуострова отъ 3,000 до 4,000 верблюдовъ и препроводить ихъ въ Красноводскъ. Исполняя эту просьбу, полковникъ Ломакинъ рапортовалъ (1) слѣдующее: «въ октябрѣ мѣсяцѣ, донося о произведенной мною рекогносцировкѣ къ колодцу Бишъ-Акты, я, между прочимъ, уже докладывалъ, что временнымъ занятіемъ его, въ особенности раннею весною предъ откочеваніемъ отсюда адаевцевъ на лѣтовки, съ довольно значительными стадами, обремененными молодымъ приплодомъ, мы ставимъ народъ этотъ въ совершенную невозможность уклоняться отъ исполненія нашихъ требованій, а тѣмъ болѣе такихъ (какъ требованіе отъ нихъ верблю-

(1) 9-го декабря 1872 г., № 173-й.

довъ), въ исполненіи которыхъ они, обязались подписками при изъявленіи покорности послѣ бывшихъ здѣсь весною 1870 года безпорядковъ. Между тѣмъ, еще прежде, и особенно предъ представленіемъ соображеній о предполагавшемся движеніи въ глубь степи весною прошлаго года, нами собраны были возможно точныя свѣдѣнія о количествѣ верблюдовъ, которое могутъ, въ случаѣ надобности, выставить здѣшніе адаевцы, причемъ оказалось, что здѣсь почти при каждой, даже бѣдной кибиткѣ, могущей платить подать, есть по одному и по два верблюда, большинство же имѣетъ ихъ по нѣсколько десятковъ, а у болѣе состоятельныхъ есть по нѣсколько сотъ. Такимъ образомъ, выставить отъ каждой податной кибитки даже по два верблюда здѣшніе кибитковладѣльцы могутъ безъ всякаго затрудненія. По взносу подати, какъ за этотъ, такъ и за прошлый годы, здѣсь считается и находится теперь на Мангишлакѣ до 5,000 кибитокъ адаевцевъ, безусловно кавказскаго вѣдомства (нижнихъ). Кромѣ того, на зиму прикочевала сюда почти половина и верхнихъ адаевцевъ. Поэтому добыть отъ всѣхъ этихъ адаевцевъ необходимое число верблюдовъ, какъ для красноводскаго, такъ и для мангишласскаго отрядовъ, весьма возможно и не представить особыхъ затрудненій. Но для этого необходимо только стать предварительно въ Бишъ-Актахъ. Хотя за все время управленія нами этимъ краемъ, въ теченіе почти трехъ лѣтъ, и не было ни одного случая, чтобы наши приказанія и требованія не выполнялись адаевцами въ точности и непрекословно, а за послѣднее время они немедленно выставили до 400 верблюдовъ, необходимыхъ какъ для движенія отряда въ степи, такъ и для перевозки каменнаго угля въ фортъ для надобностей войскъ, но, во всякомъ случаѣ, я считаю эту мѣру крайне необходимою какъ по важности этого дѣла, такъ и по количеству требуемыхъ заразъ верблюдовъ, а главное вслѣдствіе обнаруживаемаго въ послѣднее время особенно враждебнаго къ намъ настроенія въ Хивѣ, выражаемаго посылкою уже нѣсколькихъ партій къ Эмбѣ и одной къ намъ, чтобы грабить и разорять покорныхъ намъ людей, а также и воззваніемъ, разсланнымъ отъ хана нашимъ біямъ⁽¹⁾, чтобы они уплатили ему прежній зякетъ (подать) и вносили по барану съ кибитки, иначе онъ прикажетъ обобрать ихъ. Поэтому я и опасаюсь, что если мы потребуемъ отъ адаевцевъ верблюдовъ, не поставивъ ихъ предварительно въ невозможность уклоняться отъ исполненія этого требованія, то они, будучи под-

(1) Почетнымъ людямъ, людямъ высшаго сословія.

стрекаемы изъ Хивы, могутъ отогнать своихъ верблюдовъ на Усть-Уртъ, внѣ нашего вліянія и досягаемости отряда. Вслѣдствіе этого, и такъ какъ верблюды необходимы красноводскому отряду въ концѣ февраля, я полагаю занять Бишъ-Акты не позже половины февраля двумя сотнями кавалеріи, оставивъ роту стрѣлковъ въ Киндерли. Тогда только и можно будетъ надѣяться, что къ назначенному времени мы будемъ имѣть нужное число верблюдовъ, не смотря ни на какія подстрекательства и угрозы изъ Хивы; до того же необходимо держать это дѣло въ секретѣ.

Плата за верблюдовъ, съ необходимымъ числомъ жожаковъ, можетъ быть предложена та же, по которой обыкновенно съ вольнаго найма приобрѣтаются верблюды здѣшними торговцами, а также нанимались мною во время послѣдняго движенія въ степь и для перевозки каменнаго угля, т. е. по 10 рублей въ мѣсяцъ. Добытыхъ для красноводскаго отряда верблюдовъ можно будетъ доставить до пролива Карабугазъ, по прибрежной дорогѣ, на пятый день, подъ прикрытіемъ сначала сотни кавалеріи, а потомъ, съ половины пути, подъ прикрытіемъ высланной впередъ роты стрѣлковъ. Черезъ проливъ же верблюдовъ будутъ переправлять два дня на 40 или 50-ти большихъ туркменскихъ рыбацкихъ лодкахъ, постоянно тамъ находящихся, и тѣмъ самымъ способомъ, какъ обыкновенно они ихъ переправляютъ, но только необходимо, чтобы предъ тѣмъ у пролива сталъ пароходъ, дабы лодки эти не разошлись въ глубь моря или по сосѣднимъ бухтамъ. Впрочемъ, если продовольствіе, которое эти верблюды должны поднять для движенія отряда, не все еще доставлено въ Красноводскъ, то въ виду того, что изъ Мангишлака также предполагается отправить четыре сотни по направлению къ Сары-Камышу, если движеніе красноводскаго отряда тоже будетъ туда направлено, я полагаю, будетъ удобнѣе, чтобы не дѣлать верблюдамъ до 300 лишнихъ верстъ, доставить это продовольствіе къ концу февраля въ заливъ Киндерли съ тѣмъ, чтобы оттуда оно было доставлено красноводскому отряду въ Сары-Камышъ, подъ прикрытіемъ означенныхъ четырехъ сотенъ. Что же касается до движенія этихъ сотенъ отъ Бишъ-Акты къ Сары-Камышу, то движеніе это не только что очень возможно и удобно можетъ быть произведено, но, по многимъ причинамъ, оно будетъ весьма полезно и необходимо для здѣшняго края. Разстояніе отъ Бишъ-Актовъ до Сары-Камыша, отъ 350 до 400 верстъ, можетъ быть пройдено недѣли въ двѣ, по главному караванному пути изъ Мангишлака въ Хиву, на колодцы Сайкую, Ильтедже, Саръ-кую и дру-

гіе. Воды тутъ вездѣ довольно, но въ мартѣ тамъ еще будетъ много водоемовъ отъ дождей и снѣга. Топлива—кизяка, саксаула и корней травъ также достаточно. Для подножнаго корма это лучшее время года».

Къ этому рапорту полковникъ Ломакинъ добавлялъ, что «вмѣстѣ съ симъ» онъ препроводилъ копию приведенной бумаги начальнику красноводскаго отряда для соображеній, вслѣдствіе просьбы сего послѣдняго.

Начальникъ красноводскаго отряда познакомился съ цитированнымъ документомъ въ Тифлисѣ и, не будучи вовсе знакомъ съ Мангишлакскимъ полуостровомъ и истиннымъ положеніемъ въ немъ дѣль, долженъ былъ довѣрчиво отнестись къ содержанію этой бумаги. Одно только обстоятельство казалось ему въ немъ нѣсколько подозрительнымъ,—это именно та легкость, съ которою относились къ перевозкѣ верблюдовъ чрезъ Карабугазскій проливъ. Намъ, красноводцамъ, было извѣстно по опыту, что выгрузка и нагрузка крупныхъ животныхъ на суда до крайности трудна и медленна. Погрузка, напримѣръ, въ Чекишлярѣ какихъ нибудь 15 казачьихъ лошадей достаточно показала намъ, что дѣло это гораздо серьезнѣе, чѣмъ на него смотрѣли на Мангишлакѣ, а потому начальникъ красноводскаго отряда тогда же выразилъ на этотъ счетъ свои сомнѣнія. Притомъ же сему послѣднему казалось, что полученныя обѣщанія не освобождаютъ его отъ обязанности и непосредственно самому пытаться добыть перевозочныя средства для командуемаго имъ отряда. Достать ихъ въ окрестностяхъ Красноводска, послѣ двухъ сдѣланныхъ уже походовъ, было нечего и думать, а потому мы не были выведены изъ Чекишляра, чтобы имѣть возможность добыть верблюдовъ въ земляхъ, прилегающихъ къ Атреку.

Остановимся нѣсколько на этомъ и скажемъ, что штабъ Кавказскаго округа, получивъ донесеніе начальника отряда, въ которомъ онъ указывалъ на вѣроятность возможности снабженія насъ верблюдами изъ Мангишлага, энергично взялся за эту идею, считая ее наиболѣе удобною въ то время. Другой способъ, предложенный полковникомъ Маркозовымъ и, какъ извѣстно, заключавшійся въ томъ, чтобы ему разрѣшено было искать вьючныхъ животныхъ за Атрекомъ, не могъ быть допущенъ безъ предварительнаго истощенія всѣхъ усилій, такъ какъ имѣлись самыя убѣдительныя заявленія министерства иностранныхъ дѣлъ, которое смотрѣло на подобный шагъ какъ на нѣчто чрезвычайно нежелательное и опасное. Поэтому, еще 27-го ноября 1872 года, изъ Тифлиса была отправлена

депеша командующему войсками Дагестанской области, коему подчинялся Мангишлакъ, слѣдующаго содержанія: «Благоволите первымъ же отходящимъ пароходамъ потребовать отъ полковника Ломакина свѣдѣніе, можетъ-ли онъ въ февралѣ добыть на Мангишлакъ для красноводскаго отряда до 5,000 верблюдовъ и на какихъ условіяхъ, а также возможно-ли направить въ мартѣ до четырехъ сотенъ кавалеріи изъ Мангишлака, чрезъ Бишъ-Акты, къ Сары-Камышу. Если можно, то какимъ порядкомъ находить онъ удобнѣе совершить это движеніе?»

На приведенную депешу, сдѣлавъ, какъ это и требовалось, предварительное сношеніе съ полковникомъ Ломакинымъ, командующій войсками Дагестанской области, генераль-адъютантъ князь Меликовъ, 16-го декабря прислалъ изъ Шуры отвѣтъ совершенно тождественнаго содержанія съ рапортомъ изъ Мангишлака, № 173-й, съ добавленіемъ, что, въ случаѣ одобренія, Ломакинъ проситъ распоряженія обо всемъ этомъ, не позже половины января наступающаго 1873 года.

Получивъ такое подтвержденіе возможности обойтись безъ затрексаго похода, повидимому не оставляющее уже никакого сомнѣнія въ благонадежности дѣла, изъ Тифлиса немедленно же отвѣтили: «Шкуною, отходящею изъ Баку 2-го января, сообщите полковнику Ломакину, что предположеніе о занятіи Бишъ-Актовъ и Киндерли двумя мангишлакскими сотнями и стрѣлковою ротой одобрено. Интенданту поручено доставить въ Киндерли къ означенному времени довольствіе на мѣсяцъ. Остальные вопросы будутъ разрѣшены по соглашенію съ Маркозовымъ».

Далѣе, 5-го января, изъ Тифлиса телеграфировали въ Шуру:

«По приказанію командующаго арміею, прошу сообщить полковнику Ломакину, съ первою отходящею шкуною, чтобы озаботился теперь же приготовленіемъ красноводскому отряду 3,000 верблюдовъ и доставленіемъ ихъ къ 20-му февраля и никакъ не позже 1-го марта въ Красноводскъ, подъ конвоемъ находящихся въ Александровскомъ фортѣ терской и дагестанской сотенъ, которыя поступятъ въ составъ экспедиціоннаго отряда. Если въ присканіи верблюдовъ встрѣтится малѣйшее затрудненіе, то полковникъ Ломакинъ обязывается увѣдомить объ этомъ полковника Маркозова заранѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо запросить полковника Ломакина, къ какому именно сроку и при какихъ распоряженіяхъ нужно будетъ довольствіе къ Киндерли». На это князь Меликовъ въ тотъ же день отвѣтилъ, что телеграмма передана въ Баку, въ агентуру

общества «Кавказъ и Меркурій», для отправленія ея полковнику Ломакину на Мангишлакъ. Не смотря на это, придавая дѣлу подобающую ему важность и желая вести его съ полною акуратностью, штабъ Кавказскаго округа 9-го января просилъ генераль-адъютанта князя Меликова увѣдомить, «когда именно отправлена въ Баку депеша полковнику Ломакину о заготовленіи верблюдовъ красноводскому отряду и когда именно будетъ отослана она изъ Баку на Мангишлакъ». Одновременно съ этимъ телеграфировано было и командиру Бакинскаго порта, что «для передачи начальнику мангишлакскаго отряда весьма экстренной депеши необходимо командировать военную шкуну въ Тюбъ-Караганъ, а если встрѣтятся затрудненія, то хотя въ Александръ-Бай, откуда она будетъ доставлена въ фортъ выставленными у залива полковникомъ Ломакинымъ нарочными киргизами. Далѣе, просилось объ увѣдомленіи, имѣется ли такая шкуна въ готовности, и если нѣтъ, то когда именно можно будетъ ее отправить изъ Баку. Контръ-адмиралъ Свинкинъ, командовавшій тогда Бакинскимъ портомъ, отвѣтилъ 10-го января, что шкуны нѣтъ, но что пароходъ «Шахъ» къ плаванію готовъ, о чемъ штабъ Кавказскаго округа поспѣшилъ протелеграфировать въ Шуру, прося безотлагательно войти въ сношеніе съ бакинскимъ портовымъ начальствомъ и ускорить отходъ парохода съ депешою полковнику Ломакину.

Все это происходило въ первой половинѣ января мѣсяца 1873 года, когда начальникъ красноводскаго отряда, предъ тѣмъ вызванный въ Тифлисъ, находился еще тамъ, а потому, повидимому, онъ долженъ былъ совершенно утвердиться въ мысли, что доставленіе для насъ верблюдовъ изъ Мангишлака ставится внѣ всякаго сомнѣнія. И, дѣйствительно, обѣщанія ближайшихъ исполнителей были столь категоричны, всѣ указанная ими предупреждающія неуспѣхъ средства даны имъ были съ такою полнѣйшею готовностью и такъ настоятельно слѣдили въ Тифлисъ за ходомъ дѣлъ, что дальнѣйшія сомнѣнія, казалось, не находили уже оправданія. Такимъ образомъ, слѣдовательно, начальнику красноводскаго отряда оставалось немедленно же перевести экспедиціонныя войска изъ приатрексскихъ земель въ Красноводскъ, дабы приблизить ихъ къ пункту, изъ котораго ожидались перевозочныя средства; но этого, какъ уже и было сказано раньше, онъ не сдѣлалъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ разбору приведеннаго обстоятельства, имѣвшаго чрезвычайно серьезныя послѣдствія на нашу дальнѣйшую судьбу, скажемъ, между прочимъ, въ разъясненіе, что

посредство Бакинскаго порта вынуждалось прекращеніемъ въ зимній періодъ года, по случаю замерзанія сѣверной половины Каспійскаго моря, прямаго морскаго сообщенія Шуры съ восточнымъ берегомъ изъ Петровска. Такъ какъ, однако-же, ничто не мѣшало сношеніямъ начальника Прикаспійской области съ подчиненнымъ ему правителемъ Мангишлака чрезъ Баку, въ Тифлисѣ обратили вниманіе на то, что сношеніе по поводу будущихъ нуждъ красноводскаго отряда стало дѣлаться нѣсколько вяло. Приписывая причину этого обстоятельства неисправности судовъ нашей военной каспійской флотилии, штабъ округа 14-го января телеграфировалъ въ Баку возвращавшемуся уже изъ Тифлиса къ своему посту начальнику красноводскаго отряда, чтобы онъ посодѣйствовалъ скорѣйшему отправленію въ Мангишлакъ парохода «Шахъ», съ извѣстною депешою полковнику Ломакину о верблюдахъ. На это, послѣ свиданія съ адмираломъ, немедленно было отвѣчено, что пароходъ давно готовъ и ждетъ корреспонденціи. Вслѣдствіе этого, 16-го января, генераль-адъютантъ князь Меликовъ получилъ изъ Тифлиса такое сообщеніе: «Полковникъ Маркозовъ телеграфируетъ изъ Баку, что пароходъ «Шахъ» давно готовъ и ожидаетъ лишь бумаги Ломакину. Прошу скорѣйшаго по сему сношенія. Распоряженіе по заготовленію верблюдовъ можетъ запоздать». Это подвинуло дѣло, и 17-го числа получился изъ Шуры отвѣтъ, въ которомъ извѣщалось, что командиру парохода уже послано приказаніе немедленно отправиться по назначенію. Прочтя эту депешу, помощникъ Главнокомандующаго, генераль-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, написалъ на ней слѣдующее: «Было бы полезно и весьма желательно сообщить копію этой телеграммы полковнику Маркозову какъ можно скорѣе, дабы его утѣшить и развязать ему руки». Изъ этой маленькой, но характеристичной резолюціи столь знакомаго съ обстоятельствами начальника, какъ кажется, можно достаточно судить о томъ, какъ хорошо понимали въ Тифлисѣ, что связывало руки начальнику красноводскаго отряда.

Чтобы сохранить для будущаго времени возможно больше фактовъ, мы приведемъ, насколько это намъ извѣстно, и послѣдующую переписку, относящуюся до снабженія красноводскаго отряда необходимыми ему перевозочными средствами. Мы дѣлаемъ это потому, что въ ту пору въ вопросѣ о своевременной присылкѣ намъ верблюдовъ, по мнѣнію, прочно среди насъ установившемуся и ничѣмъ не поколебленному даже понынѣ, заключалось рѣшеніе главной нашей задачи, и успѣхъ его, несомнѣнно, долженъ былъ при-

вести насъ къ самому желанному результату. Начнемъ съ бумаги изъ Шуры, помѣченной 22-мъ числомъ января. Въ ней генераль-адъютантъ князь Меликовъ писалъ въ Тифлисъ слѣдующее: «Вчера получилъ я рапортъ полковника Ломакина отъ 9-го числа, доставленный рейсовою шкуною, отправленною на Мангишлакъ 2-го января и возвратившеюся 12-го. Онъ доноситъ, что въ декабрѣ явились на полуостровъ съ угрозами изъ Хивы четыре человѣка собирать закятъ для хана. Одинъ изъ нихъ, ускользнувшій отъ бдительности недовѣрившихъ товарищей, доставилъ въ фортъ письмо Колбина (1), который извѣщалъ Ломакина о грозящей адаевцамъ опасности, если они въ январѣ не внесутъ хану 4,000 рублей. 8-го же января Ломакинъ получилъ извѣстіе, что ханъ уже выслалъ партію въ 3,500 человѣкъ къ Сары-Камышу, съ цѣлью грабежа. Все это крайне встревожило и взволновало адаевцевъ. Старшины и бии явились къ Ломакину, прося указанія, какъ поступить имъ. Въмѣстѣ съ успокоительными совѣтами, Ломакинъ распорядился о поимкѣ агитаторовъ. Всѣ три оказались изъ числа шести главныхъ виновниковъ 1870 года, бѣжавшихъ въ Хиву. Двое изъ нихъ скрылись на Усть-Уртъ. Одинъ пойманъ и доставленъ въ фортъ Александровскій. Онъ подтвердилъ изложенное въ письмѣ Колбина. Враждебныя дѣйствія приведенной партіи ранѣе конца февраля начаться не могутъ. Поимка агитатора оказала благотворное вліяніе на успокоеніе Мангишлака, но, чтобы защитить адаевцевъ, которые, потерявъ на то надежду, вынуждены будутъ искать спасенія въ откочеваніи, Ломакинъ усиленно заявляетъ о необходимости рекогносцировки въ концѣ февраля, согласно прежняго предположенія, отъ Бишъ-Акты къ Сары-Камышу. Для этого Ломакинъ проситъ предварительнаго усиленія мангишлакскаго отряда двумя сотнями и двумя ротами съ тѣмъ, чтобы части эти прибыли въ Киндерли въ 20-хъ числахъ февраля, съ необходимымъ запасомъ продовольствія. Съ просимымъ усиленіемъ своего отряда Ломакинъ связываетъ успѣхъ заготовленія верблюдовъ красноводскому отряду».

24-го января телеграфировали изъ Шуры въ Тифлисъ же, что накануне, т. е. слѣдовательно, 23-го числа, прибылъ въ Петровскъ пароходъ «Шахъ», отправленный въ Мангишлакъ съ распоряженіемъ о сборѣ 3,000 верблюдовъ и о назначеніи затѣмъ мангишлакскихъ казачьихъ сотенъ въ составъ красноводскаго отряда. Телеграмма гласила далѣе, что, по донесенію Ломакина, изъ ближайшихъ

(1) Одинъ изъ вліятельныхъ киргизовъ.

ауловъ уже собрано 500 верблюдовъ за плату и безъ всякаго принужденія; что для дальнѣйшаго сбора этихъ животныхъ начальникъ мангишлаккаго отряда выступилъ 21-го января съ двумя сотнями, стрѣлковою ротою и двумя орудіями, обезпечивъ эти войска продовольствіемъ на 40 сутокъ; что сборъ требующихся верблюдовъ онъ разсчитываетъ окончить и доставить ихъ въ Красноводскъ въ первой половинѣ февраля, а въ Киндерли прибыть 8-го; что въ этомъ послѣднемъ пунктѣ оставить онъ одну роту и орудіе; что, по неимѣнію, однако-же, подножнаго корма, Ломакинъ просить доставить въ Киндерли 1,500 пудовъ сѣна, дабы не изнурить лошадей казачьихъ сотенъ, которымъ при сборѣ верблюдовъ предстоитъ сдѣлать 800 верстъ и которыя послѣ этого должны быть годны для службы въ красноводскомъ отрядѣ. Въ заключеніе, для переправы верблюдовъ чрезъ Карабугазскій проливъ, напоминалось о необходимости своевременнаго распоряженія по высылкѣ туда къ 15-му февраля шкуны, съ двумя паровыми баркасами, двумя плотами и канатами для буксированія плотовъ.

На приведенную телеграмму 25-го января отвѣтили изъ Тифлиса, что командующій арміею не нашель возможнымъ допустить производство рекогносцировки отъ Бишъ-Актовъ къ Сары-Камышу войсками мангишлаккаго отряда, но, въ предупрежденіе какихъ-либо случайностей, приказаль усилить войска полуострова одною ротою и двумя сотнями, вмѣсто отправляющихся въ Красноводскъ. По всему этому одновременно сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія о доставкѣ въ Киндерли 1,500 пудовъ сѣна, а также начальникъ Бакинскаго порта былъ увѣдомленъ телеграммой о необходимости направить къ 15-му февраля въ Карабугазъ суда и плоты для перевозки верблюдовъ. Обо всемъ этомъ, конечно, былъ тогда же извѣщенъ и командующій войсками въ Дагестанской области. На телеграмму начальнику Бакинскаго порта, контръ-адмиралу Свинкину, онъ 26-го января отвѣтилъ въ Тифлисъ депешкою же, что два плота съ канатами могутъ быть приготовлены и отправлены на шкунѣ къ 15-му февраля въ Карабугазъ для перевозки верблюдовъ; что паровыхъ баркасовъ при портѣ нѣтъ вовсе, но плоты будутъ устроены и приспособлены въ видѣ паромовъ и съ ними пойдетъ въ Карабугазъ особая команда моряковъ съ офицеромъ. Въ заключеніе, адмиралъ просилъ окончательнаго приказанія, заготовлять-ли плоты. Исполняя это послѣднее желаніе, изъ Тифлиса 26-го января телеграфировали контръ-адмиралу Свинкину, что для предстоящей перевозки верблюдовъ чрезъ Карабугазъ необходимо немедленно же

Т. СЛХХХ.—Отд. I.

заготовить плоты. Послѣ этой телеграммы послѣдовало сношеніе кавказскаго окружнаго штаба съ адмираломъ объ отправленіи плотовъ по назначенію, а затѣмъ 9-го февраля получился и отвѣтъ начальника Бакинскаго порта, который гласилъ, что требованіе, изложенное въ телеграммѣ отъ 7-го февраля, исполнено и плоты для перевозки верблюдовъ уже отправлены на мѣсто.

Изъ приведенной переписки видно, что только одно изъ предложеній начальника мангишлакскаго отряда не получило осуществленія. А именно, ему не было разрѣшено произвести войсками его отряда рекогносцировки отъ Бишъ-Актовъ къ Сары-Камышу, и въ этомъ запретѣ, по мнѣнію нашему, выразился глубочайшій опытъ помощника Главнокомандующаго, столь хорошо умѣвшаго отличать необходимое для дѣла отъ того, что клонилось лишь къ удовлетворенію частныхъ интересовъ и личныхъ стремленій отдѣльныхъ дѣятелей. Князь Святополкъ-Мирскій, конечно, прекрасно понималъ, что, допустивъ такую рекогносцировку, онъ тѣмъ самымъ допускалъ переходъ мангишлакскаго отряда въ сферу, въ которой нѣтъ уже мѣста для чужихъ нуждъ, и не оставалось сомнѣнія, что заботы о такихъ нуждахъ тогда же были бы вычеркнуты изъ программы мангишлакскаго отряда. Между тѣмъ, онъ доросъ до того состава, въ которомъ находился въ описываемый періодъ времени, исключительно лишь ради выполненія насущной потребности красноводскаго отряда. Конечно, впоследствии и даже очень скоро мангишлакскій отрядъ все равно пересталъ заботиться о Красноводскѣ; но въ тотъ разъ, о которомъ мы говоримъ, попытка къ началу самостоятельности не увѣнчалась успѣхомъ. За то, всѣ малѣйшія требованія, клонившіяся къ успѣшному собиранію верблюдовъ, исполнялись въ Тифлисѣ съ полнѣйшею предупредительностью. Такъ, на примѣръ, съ этою цѣлью Мангишлаку были отданы даже почти всѣ наличныя суда нашей военной каспійской флотиліи, не смотря на крайнія затрудненія, явившіяся по этому случаю для нашего отряда. Благодаря именно приведенному обстоятельству, красноводскій отрядъ сталъ ощущать невообразимый недостатокъ въ морскихъ перевозочныхъ средствахъ. Случались цѣлыя недѣли, въ теченіе которыхъ Чекишляру не на чемъ было сообщаться не только съ западнымъ берегомъ Каспія или съ Красноводскомъ, но даже и со столь близкимъ къ намъ островомъ, какъ Ашуръ-Аде, съ которымъ мы должны были быть въ непрерывномъ общеніи и по продовольственнымъ причинамъ, и по необходимости полученія топлива, а также и по инымъ, столь же существенно важнымъ причинамъ. Такое поло-

женіе дѣлъ вызывало просьбы о помощи и съ нашей стороны. Но между тѣмъ, какъ начальникъ красноводскаго отряда совершенно безплодно дѣлалъ попытки достать хотя бы одно судно, у насъ, въ Чекишлярѣ, чрезъ посредство персидскаго телеграфа и астрабадскаго нашего консульства, получена была вѣсть о томъ, что адмиралу приказано отправить въ Карабугазъ послѣдній остававшійся еще въ его распоряженіи пароходъ «Ураль» и что приказаніе это скоро будетъ исполнено. Мы знали раньше, что по настоятельнымъ просьбамъ полковника Ломакина всѣ остальные суда Бакинскаго порта предъ тѣмъ были отправлены туда же, а потому начальникъ красноводскаго отряда изобразилъ начальству округа тогдашнее наше положеніе и наши намѣренія слѣдующею телеграммою (¹) на имя начальника окружнаго штаба: «Продовольствіемъ запасаемся по 1-е іюня. Постараемся соединиться съ генераломъ Веревкинымъ. Выступивъ позже половины марта мѣсяца, рѣшительно рискуемъ не дойти. Дѣлаю все, чтобы мирнымъ путемъ обойтись безъ мангишлякскихъ верблюдовъ. 1,000 верстъ, раздѣляющихъ насъ отъ полуострова, неисправность морскихъ судовъ, а теперь даже и совершенное ихъ отсутствіе ставятъ насъ въ безвыходное положеніе и невозможность въ точности выполнить приказаніе помощника Главнокомандующаго о вступленіи въ сношеніе съ Ломакинымъ. Неприбытіе палатокъ, конечно, насъ не задержитъ: обойдемся и безъ нихъ; но 3,000 мангишлякскихъ верблюдовъ, по мнѣнію моему, не стоятъ такихъ неимовѣрныхъ и безконечныхъ требованій, — вообще такого шума. Если адмиралъ выдѣлитъ еще что нибудь Мангишляку и ничего не пришлетъ сюда, и притомъ сколь возможно скорѣе, красноводскій отрядъ не въ состояніи будетъ выступить вовсе. Мы очень бѣдствуемъ отъ недостатка судовъ. Повторяю, если такое состояніе продлится, придется отказаться отъ предстоящаго похода».

Въ телеграммѣ этой, какъ это легко и видѣтъ, многое, разумѣется, служить отвѣтомъ на вопросы изъ Тифлиса, не приводимые буквально въ настоящемъ разсказѣ; но и по разбираемому вопросу встрѣчаются въ немъ, какъ кажется, весьма категорическія заявленія. Въ этомъ разсказѣ между прочимъ прежде всего вниманіе невольно останавливается на томъ, что 3000 верблюдовъ изъ Мангишляка придано какъ бы ничтожное значеніе. Это находится въ

(¹) Телеграфомъ собственно пользовался красноводскій отрядъ отъ Баку, до этого же города депеша отправлялись со срочными или случайными рейсами судовъ.

совершенномъ противорѣчїи со всѣмъ тѣмъ, что до той поры всегда высказывалось тѣмъ же начальникомъ красноводскаго отряда по поводу этихъ животныхъ. Поэтому приведенное обстоятельство требуетъ подробнаго разъясненія, каковое и находится въ отвѣтѣ окружнаго кавказскаго штаба, прекрасно понявшаго смыслъ депеши. Но прежде, чѣмъ привести этотъ отвѣтъ, мы должны сказать, что одновременно съ цитированною телеграмою изъ Чекишляра въ томъ же кавказскомъ штабѣ получена была депеша адмирала Свинкина, въ которой онъ доносилъ, что начальникъ красноводскаго отряда проситъ повременить посылкою въ Карабугазъ парохода «Ураль» до полученія новаго приказанія, которое должно послѣдовать вслѣдствіе его обращенія съ просьбою въ Тифлисъ. Виѣсть съ тѣмъ, адмиралъ просилъ скорѣйшаго отвѣта, присовокупляя, что въ Карабугазъ, въ распоряженіе полковника Ломѣкина, только что предъ тѣмъ отправлена еще одна исправная шкуна.

По поводу этихъ телеграмъ окружной штабъ сдѣлалъ слѣдующія сношенія: 1) 15-го февраля. Въ Баку, адмиралу Свинкину. «Пароходъ «Ураль» съ баржею немедленно отправить въ Карабугазъ». 2) 25-го февраля. Въ Баку же, для отсылки въ Карабугазъ полковнику Ломѣкину: «Командующій арміею придаетъ очень важное значеніе обезпеченію предстоящей экспедиціи верблюдами изъ Мангишлака въ возможно большемъ числѣ. Съ особенными поэтому инструкціями посылается къ вамъ генеральнаго штаба подполковникъ Филиповъ, который вернется изъ Карабугаза въ Баку. Сообщите для передачи въ Тифлисъ, какъ совершилась переправа черезъ проливъ и въ какомъ числѣ добыты верблюды. 3) 25-го февраля. Въ Баку, для отсылки полковнику Маркозову: «Адмирала Свинкина, г. Дебура ⁽¹⁾ и подполковника Пожарова ⁽²⁾ просимъ употребить всѣ усилія, чтобы обезпечить отрядъ морскими перевозочными средствами. Командующій арміею разрѣшаетъ вамъ и Пожарову, при необходимости, не стѣсняться наймомъ частныхъ судовъ, а также и судовъ общества «Кавказъ и Меркурій». Вамъ хорошо извѣстно желаніе высшаго начальства не переходить Атрекъ безъ крайней и совершенно неотложной необходимости. Особенную въ этомъ смыслѣ записку къ вамъ окружнаго штаба, полученную изъ Петербурга съ курьеромъ, перешлю при первой возможности. Поэтому придаетъ важное и первостепенное значеніе обезпеченію отряда верблюдами

⁽¹⁾ Главный агентъ общества «Кавказъ и Меркурій».

⁽²⁾ Завѣдующій перевозкою войскъ на Каспійскомъ морѣ.

изъ Мангишлака. Чтобы полнѣе гарантировать успѣхъ этой операціи, командировается туда съ особыми полномочіями и инструкціями подполковникъ Филиповъ, которому затѣмъ предложено повидаться съ вами». Съ этою цѣлью задержанный въ Баку пароходъ «Ураль» предложено было отправить въ Карабугазъ. Въ особенной же запискѣ генераль-адъютанта Свистунова изъ Петербурга, о которой упомянуто въ предъидущемъ документѣ, было буквально сказано слѣдующее: «Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже вамъ лично отъ меня указаніямъ, считаю необходимымъ предупредить васъ, до какой степени дурно посмотрѣли бы здѣсь на переходъ вашъ, по какому-либо случаю, чрезъ Атрекъ. Переходъ этотъ создалъ бы намъ такія затрудненія и непріятности, что лучше рѣшиться заплатить сто тысячъ лишнихъ за верблюдовъ, чѣмъ употребить хотя самомалѣйшее насиліе, для полученія ихъ изъ-за-Атрека. Поэтому прошу васъ еще и еще разъ: постарайтесь избѣгнуть перехода чрезъ Атрекъ, насколько хватитъ вашихъ силъ и вашего умѣнья, каковыя бы ни представлялись повидимому благопріятныя для сего поводы.

Чтобы кончить съ дѣлами Мангишлака и обратиться къ продолженію разсказа о непосредственной служебной дѣятельности отряда красноводскаго, намъ остается еще привести выписки изъ двухъ рапортовъ полковника Ломакина, въ которыхъ самъ онъ описываетъ всѣ дальнѣйшія событія, происшедшія въ странѣ, имъ управляемой, со времени послѣднихъ его успокоительныхъ донесеній на счетъ верблюдовъ. Обойтись безъ этого, при самомъ искреннемъ нашемъ желаніи, мы рѣшительно не можемъ, ибо, хотъ въ документахъ тѣхъ описываются лишь неблагопріятныя событія, происшедшія въ предѣлахъ полуострова, но именно тѣ событія, которыя столь тяжело отразились на дальнѣйшемъ движеніи красноводскаго отряда и на которыхъ, наоборотъ, создалось желаемое положеніе на Мангишлакѣ, подтвердившее теорію, по которой счастье одного будто бы всегда основано на несчастіи другаго. Въ рапортѣ командирующему войсками Дагестанской области отъ 6-го февраля 1873 года, № 100, полковникъ Ломакинъ, между прочимъ, доносилъ: «Такъ какъ предположенія мои удостоились одобренія, то, по полученіи 20-го числа минувшаго мѣсяца телеграммы окружнаго штаба о приготовленіи для красноводскаго отряда трехъ тысячъ верблюдовъ и доставленіи ихъ въ Красноводскъ къ 20 февраля, я немедленно, на слѣдующій же день, выступилъ съ отрядомъ для исполненія этого предложенія. Вслѣдствіе чего я распорядился такимъ образомъ: по прибытіи въ Кара-Тау и къ колодцамъ Тарталы, когда большая часть ауловъ

Баимбетовскихъ. и Табушевскихъ остались уже въ тылу моего отряда, я счелъ возможнымъ тогда же объявить нашимъ сардарямъ (вожакамъ) и бѣямъ повелѣніе о доставкѣ еще 2,500 верблюдовъ къ доставленнымъ уже 500-мъ. Верблюды должны были быть собраны чрезъ 14 дней и доставлены въ Киндерли не позже 7-го февраля. Тогда только я имѣлъ возможность доставить ихъ къ сроку въ Красноводскъ. Начало этого дѣла не оставляло желать ничего лучшаго. Наши бѣи и сардари принялись за него съ большою ревностью, но тутъ случилось обстоятельство, которое менѣе всего можно было предвидѣть и которое поразило всѣхъ насъ неожиданностью. Киргизъ Кофаръ Караджигитовъ измѣнилъ намъ. Онъ рѣшился взволновать край, возстановить противъ насъ здѣшнихъ кочевниковъ и тѣмъ отвлечь наше вниманіе отъ Хивы. Кафаръ пользовался значительнымъ вліяніемъ и былъ правою моею рукою. 27-го числа, по приходѣ на ночлегъ къ колодцу Кара-Тау, киргизъ Бѣй-Кабакъ прискакалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что третьяго-дня ночью Кафаръ зажегъ призывные огни на священной горѣ Чопаль-Ата и объявилъ народу, что я только на первый разъ потребовалъ 3,000 верблюдовъ, но что имѣю въ виду потребовать еще 9,000 верблюдовъ, 9,000 лошадей, 6,000 барановъ и 1,000 молодыхъ людей, и что поэтому адаевцамъ ничего болѣе не остается, какъ бѣжать изъ Мангишлака и искать убѣжища у хивинскаго хана, покровителя всѣхъ правовѣрныхъ. Послѣ этого Кафаръ сообщилъ народу, что нечего опасаться нашего слабаго отряда, что одна сотня пошла на Бузачи, гдѣ будетъ на дняхъ уничтожена джеминѣевскимъ сардаремъ, другую же сотню и 80 человекъ солдатъ, которые идутъ со мною, онъ самъ уничтожитъ по приходѣ нашемъ въ Бишъ-Акты. Зная энергію и дѣятельность Кафара и то вліяніе, которымъ пользовался онъ въ своемъ народѣ, можно было опасаться весьма серьезныхъ послѣдствій отъ произведеннаго имъ волненія; но, къ счастью, онъ встрѣтилъ въ массѣ народа слишкомъ мало сочувствія своему дѣлу. Ему предалися только племянникъ его и большой другъ Самалькъ Томпиевъ, помощникъ жаровскаго сардаря, и старикъ Ермамбетъ Туровъ, управляющій джеминѣевскимъ отдѣленіемъ. Народъ же вообще оставался безучастнымъ къ дѣлу. По полученіи этихъ важныхъ свѣдѣній, мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ немедленно двинуться на Бузачи. Продолжая движеніе на Бишъ-Акты, я рисковалъ потерять свой транспортъ. Поэтому на слѣдующій же день, 28-го числа, я направился на Бузачи и ночевалъ у колодцевъ Куркурты. 29-го отрядъ выступилъ по направленію къ колодцамъ Азурпа.

По пути до Джингильдовъ мнѣ удалось успокоить и вернуть нѣсколько ауловъ джаровскихъ и джемнѣевскихъ, удалявшихся со всѣмъ скотомъ своимъ на Усть-Уртѣ, гдѣ, за наступившими сильными морозами, они рисковали потерять весь свой скотъ».

«На привалѣ въ Джингильдахъ мнѣ дали знать, что по берегу Кара-Кичу пробираются къ Усть-Урту множество ауловъ, скотъ которыхъ покрываетъ почти весь берегъ залива. Вслѣдствіе этого я приказалъ командиру терской сотни, сотнику Суцевскому-Ракусѣ, съ тремя взводами его сотни (до 70-ти человекъ), направиться къ этимъ ауламъ, чтобы успокоить и вернуть ихъ. Самъ же, съ остальнымъ взводомъ и нарѣзнымъ орудіемъ, двинулся вслѣдъ за нимъ, чтобы поддержать его въ случаѣ надобности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сохранить связь съ остальной колонною, направившеюся на ночлегъ въ Аузурпа. Сотникъ Ракуса достигъ эти аулы у могилы туркменъ, подлѣ горы Кара-Тюбе, остановился съ орудіемъ на ближайшихъ высотахъ, пройдя оврагъ Камысты. На встрѣчу терской сотни отъ ауловъ этихъ выѣхало отъ 300 до 400 всадниковъ, вооруженныхъ пиками, топорами и нѣсколькими ружьями, имѣя посреди, вмѣсто значка, привязанный на одной пикѣ большой красный платокъ. Ихъ такъ же, какъ прежде, встрѣченные аулы стали уговаривать, чтобы они успокоились, не вѣрили ложнымъ слухамъ, распущеннымъ злонамѣренными людьми, и вернулись на свои зимовки, иначе они, при теперешнихъ морозахъ, погубятъ на Усть-Уртѣ весь свой скотъ. Но въ отвѣтъ на эти увѣщанія они стали размахивать надъ головой топорами и стремительно, съ гикомъ и криками: «аламанъ!» «аламанъ!» бросились на терцевъ. Не доскакавъ нѣсколькихъ сажень до сотни, они бросили въ нее топоры и большія дубины, которыми продолжали размахивать во все время атаки, а затѣмъ ударили въ пики. Не смотря на всю стремительность атаки, а равно и на огромную разницу силъ (отъ 300 до 400 противъ 68-ми), храбрые терцы, состоящіе большею частью изъ молодыхъ казаковъ, вѣрные преданіямъ своихъ славныхъ предковъ, закаленныхъ въ кавказскихъ бояхъ, молодцами встрѣтили эту дикую атаку, во время которой, а также и въ послѣдовавшей рукопашной схваткѣ, ни на секунду не нарушили фронтъ и стойко поддерживали другъ друга. Схватка продолжалась не болѣе пяти минутъ. Увидѣвъ, что шашки плохо пробиваютъ киргизъ, одѣтыхъ, по обыкновенію, въ нѣсколько ватныхъ халатовъ, терцы выхватили кинжалы, но киргизы бросились уже бѣжать въ разныя стороны и, отскакавъ съ полверсты, снова начали собираться, продолжая призывные клики: «аламанъ!»

«аламанъ!» Но стоявшій по сосѣднимъ высотамъ во множествѣ народъ, человекъ до тысячи, не трогался съ мѣста. Терцы, чтобы не дать времени и возможности этой партіи собраться, едва успѣвъ зарядить свои винтовки и выхвативъ кинжалы, снова бросились на нихъ; но тѣ, не выдержавъ этой атаки, ринулись въ разные стороны и разсѣялись по ближайшимъ балкамъ и оврагамъ, оставивъ на мѣстѣ около 22-хъ тѣлъ.

«Пройдя Качакъ, я получилъ наконецъ извѣстіе, что вся мѣстность отъ мыса Мѣловаго, горь Кара-Тау и залива Качакъ, до самаго форта, осталась совершенно безучастною въ произведенномъ Кафаромъ волненіи и всѣ аулы на этомъ пространствѣ стаялись еще ближе къ форту.

«4-го февраля отрядъ вернулся въ фортъ, сдѣлавъ во время самой суровой зимы, при постоянныхъ морозахъ отъ 10 до 15 градусовъ, сопровождаемыхъ порывистыми восточными вѣтрами, въ 15 дней, слишкомъ 500 верстъ.

«Волненіе, произведенное Кафаромъ, не смотря на всю кажущуюся опасность онаго въ самомъ началѣ, едва-ли можно причислить, по его характеру и послѣдствіямъ, къ разряду обыкновенныхъ народныхъ волненій. Наказавъ примѣрно строго однихъ (дѣломъ терской сотни, вызваннымъ самими же виновниками въ происшедшихъ беспорядкахъ) и успокоивъ другихъ, намъ удалось прекратить это волненіе въ самомъ же началѣ.

«Извѣстный лично вашему сіятельству Табушева отдѣленія бій Калушъ Тюменбаевъ возвратилъ уже на свои зимовки почти всѣхъ табушевцевъ. Почетные бій Джарова отдѣленія, Омаръ Абуталихъ и Несембекъ, вышедшіе ко мнѣ на встрѣчу на Бузачахъ, а также и всадникъ этого отдѣленія Джангабулъ вернули на свои мѣста большую часть джаровцевъ; значительная часть джеминѣевцевъ оставалась все время на своихъ мѣстахъ. Всѣ аулы отъ разныхъ отдѣленій, кочевавшіе между Кара-Тау и фортомъ, также отказались послѣдовать примѣру прочихъ. Эти же послѣдніе, если и удалились изъ Мангшлака къ Усть-Урту на гибель своего скота въ такое суровое время, то единственно подъ влияніемъ паники, наведенной на нихъ угрозами Кафара. Народъ же вообще весьма мало сочувствовалъ ему, что видно изъ того: 1) что когда Кафару удалось удалить взволнованныхъ имъ людей на Усть-Уртъ, онъ потомъ три раза снова зажигалъ призывные огни на горѣ Чапанъ-Акта, чтобы собрать людей для нападенія на насъ и на тѣхъ людей, которые не исполнили его приказанія; но на огни эти никто уже не являлся, и Кафаръ, за все время не успѣвъ со-

братъ возлѣ себя и пяти человекъ, удалился въ Хиву. 2) Послѣ отбитія табуна у дагестанцевъ (1) Самалыкъ и Ермамбетъ въ теченіе двухъ недѣль тщательно собирали къ себѣ людей для новаго нападенія на эту сотню, но никто не шелъ къ нимъ. 3) Въ дѣлѣ терцевъ до 1,000 человекъ, хотя и вооруженныхъ пиками и топорами, оставались спокойными зрителями съ окрестныхъ высотъ того, какъ били ихъ одноплеменниковъ, и никто не двигался съ мѣста, не смотря на призывные ихъ крики: «аламанъ, аламанъ!» 4) Въ заливѣ Качакъ на зиму осталось нѣсколько поселянъ съ лодками, чтобы съ раннею весною, когда еще носить льды и выйти изъ форта нельзя, воспользоваться самымъ выгоднымъ ловомъ рыбы, и поселянъ этихъ не только никто не тронулъ, но даже сами киргизы, по просьбѣ ихъ, доставили ихъ въ фортъ, охраняя до сихъ поръ ихъ лодки и снасти.

«Всѣ эти факты я счелъ долгомъ представить на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства въ подтвержденіе моего убѣжденія, что народъ вообще не былъ сильно напуганъ угрозами Кафара и злонамѣренно распушенными имъ ложными слухами о нашихъ видахъ и намѣреніяхъ; но, не смотря на это, оставался все время совершенно безучастнымъ къ произведенной имъ агитаціи, а съ удаленіемъ причины, вызвавшей волненіе, т. е. съ бѣгствомъ Кафара въ Хиву, немедленно отрезвился и успокоился. Я убѣжденъ, что посланнымъ мною людямъ въ самомъ непродолжительномъ времени удастся успокоить и возвратить на свои мѣста и остальные аулы, для чего я задержалъ также въ фортѣ по нѣсколько человекъ изъ каждаго отдѣленія и под-отдѣленія, пользующихся значеніемъ между своими, всего до 60-ти человекъ, изъ которыхъ многіе приходятся родственниками главнымъ виновникамъ въ послѣднихъ беспорядкахъ—Кафару, Самалыку и Ермамбету, а также людямъ, принимавшимъ участіе въ нападеніи на дагестанскую сотню. Я убѣжденъ вполнѣ, что волненіе это, начатое по внушенію и подстрекательствамъ изъ Хивы, а также по подговору Колбина, было дѣломъ всего означенныхъ трехъ человекъ съ ихъ ближайшими родственниками, и только они одни и удалятся въ Хиву. Прочіе же, если и удалились теперь отсюда на Усть-Уртъ въ страшномъ испугѣ и переполохѣ, то не потому, что вѣрили Кафару, а потому, что хотѣли быть въ сторонѣ отъ производимыхъ ими беспорядковъ, подобно тому, какъ въ 1870 году съ такою же поспѣшностью бѣжали отсюда и верхніе адаевцы, просившіе даже о причисленіи ихъ къ Уральской обла-

(1) Это случилось съ сотнею нашего Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка

сти единственно изъ-за того, чтобы ихъ не смѣшали съ прочими адаевцами и не наложили на нихъ контрибуціи наравнѣ съ сими послѣдними».

«Изъ собранныхъ красноводскому отряду 522-хъ верблюдовъ всѣ благополучно доставлены отрядомъ въ фортъ и здѣсь пасутся; а такъ какъ они принадлежатъ отдѣленіямъ, удалившимся по внушеніямъ Кафара отъ насъ и уклонившимся отъ исполненія нашихъ приказаній, то я полагаю, что ихъ слѣдуетъ считать казеннымъ транспортомъ.

«Къ заготовленію остальнаго количества верблюдовъ, необходимыхъ красноводскому отряду, я, при настоящемъ положеніи края, нахожу до времени неудобнымъ приступить. Настаивая на доставкѣ этихъ верблюдовъ людьми, оставшимися теперь здѣсь, я хотя и могъ бы этимъ путемъ приобрести еще нѣсколько сотъ ихъ, но тѣмъ, вмѣсто успокоенія края, поддерживалъ бы въ немъ еще большее волненіе, вслѣдствіе чего, можетъ быть, удалились бы отсюда и еще многіе изъ оставшихся. Между тѣмъ, эта временная уступка, съ цѣлью дать народу опомниться и успокоиться, не можетъ быть сочтена выраженіемъ нашей слабости. Виновные, во всякомъ случаѣ, будутъ своевременно строго наказаны, — для чего мы и имѣемъ уже теперь въ рукахъ достаточно средствъ, а именно: у насъ задержано до 60-ти заложниковъ, мы не дадимъ виновнымъ возможности производить торговлю и сбытъ продуктовъ своего обширнаго скотоводства, пока они не явятся къ намъ. Мы не выдадимъ имъ свидѣтельствъ и не пропустимъ ихъ на лѣтовки на аркачъ, не говоря уже про то, что они и безъ того наказали сами себя, потерявъ на Усть-Уртѣ множество скота. Къ осени же можно будетъ приступить и къ другимъ мѣрамъ противъ тѣхъ изъ нихъ, которые не явятся до той поры съ изъявленіемъ полного раскаянія. Уйти имъ некуда. Въ Хиву же, я увѣренъ, удалятся съ Кафаромъ и Ермамбетомъ не болѣе 200—300 кибитокъ, такъ какъ безъ Мангишлака адаевцы жить не могутъ. Тѣмъ не менѣе, позвольте мнѣ при этомъ, ваше сіятельство, выразить полное убѣжденіе, что, пока не будутъ опредѣлены отношенія наши къ хивинскимъ владѣніямъ и не положенъ будетъ предѣлъ хивинскимъ проискамъ, подстрекательству и вліянію въ этомъ краѣ, всегда можно будетъ ожидать повторенія подобныхъ случайностей, и всѣ наши старанія и мѣры къ водворенію здѣсь порядка и спокойствія на твердыхъ основаніяхъ будутъ совершенно непрочны. Въ одномъ изъ донесеній генерала Крыжановскаго весьма вѣрно выражено, что, при подобныхъ отно-

шеніяхъ и при такомъ положеніи дѣль, держать киргизовъ прочно въ нашихъ рукахъ такъ же невозможно, какъ воду въ рѣшетѣ.

«Обращаясь затѣмъ къ доставкѣ имѣющихся у меня теперь верблюдовъ красноводскому отряду, я нахожу, что при настоящемъ положеніи края, не вполнѣ еще успокоившагося послѣ измѣны Кафара, при усиливающихся проискахъ и подстрекательствахъ Хивы и бродящихъ по окраинѣ Усть-Урта хивинскихъ партіяхъ, доставка верблюдовъ будетъ крайне затруднительна.

«Начальника красноводскаго отряда я съ симъ вмѣстѣ*извѣщаю, что, по положенію края, взволнованнаго измѣною и подстрекательствами Хивы, добыть болѣе 500 верблюдовъ къ началу марта пока невозможно, и что я нахожу въ такомъ положеніи удобнѣе доставить ихъ въ Красноводскъ моремъ».

Мы не станемъ входить въ подробный разборъ самыхъ событій, описанныхъ въ рапортѣ Ломакина; но по поводу только что приведеннаго документа можемъ сказать, что въ немъ замѣчаются чрезвычайныя противорѣчія и, не смотря на его обширные размѣры, онъ не даетъ положительныхъ и ясныхъ отвѣтовъ на многіе весьма интересные вопросы, невольно являющіеся по прочтеніи бумаги. Во-первыхъ, совершенно неясно, въ чемъ именно выражался тотъ успѣхъ въ началѣ дѣла, который не оставлялъ желать ничего лучшаго, если, въ концѣ концовъ, экспедиція вернулась съ чѣмъ пошла и если никто у насъ ничего не отнялъ. Во-вторыхъ, нельзя отдать себѣ точнаго отчета о томъ, какое вліяніе произвели въ дѣйствительности огни, зажженные киргизомъ Кафаромъ на священной горѣ. Съ одной стороны, они какъ бы сожгли все дѣло, а съ другой — народъ какъ бы оставался безучастнымъ къ этому зрѣлищу. Въ-третьихъ, непонятны причины, по которымъ прекращенъ былъ сборъ верблюдовъ. Мы вполнѣ готовы признать послѣдовательность дѣйствій, когда, въ устраненіе вѣроятнаго народнаго волненія, правитель этого народа не рѣшается вовсе приступить къ исполненію предпріятія, могущаго произвести волненіе; но въ данномъ случаѣ изъ рапорта усмотрѣть этого нельзя. Напротивъ, изъ него очевидно, что на Мангишлакѣ проникнуты были убѣжденіемъ, по которому, пока не будутъ опредѣлены отношенія наши къ хивинскимъ владѣніямъ и не положенъ будетъ предѣлъ хивинскимъ проискамъ, подстрекательству и вліянію, всегда можно ожидать непріятныхъ случайностей, до той же поры всѣ наши старанія и мѣры къ водворенію порядка и спокойствія не прочны. Не возникаетъ также сомнѣнія въ томъ, чтобы мангишлакскому начальству не ясно было, что сборъ верблюдовъ

именно былъ предназначенъ для дѣла, долженствовавшего положить предѣлъ тѣмъ неблагопріятнымъ для насъ подстрекательствамъ и проискамъ Хивы, о которыхъ упоминается въ рапортѣ. Наконецъ, все какъ бы свидѣтельствуешь, что при стремленіи къ достиженію предположенной цѣли заранѣе признавалась вѣроятность необходимости употребленія военной силы, ибо для гарантіи успѣха потребовано было усиленіе отряда войсками, что и было исполнено. Въ четвертыхъ, нѣтъ средствъ опредѣлить основаній для довѣрія, оказывавшагося предъ возстаніемъ киргизу Кафару, довѣрія, которое дало ему право на честь считаться правою рукою начальника мангишлякского отряда, бывшаго въ то же время мангишлякскимъ приставомъ, т. е. въ сущности правителемъ всей части киргизскаго народа, находившейся въ вѣдѣніи кавказской администраціи. Вообще рапортъ, вѣроятно, не предназначался для разъясненія истинныхъ причинъ неудачи, такъ какъ иначе онъ несомнѣнно получилъ бы иную редакцію. Что касается другаго документа, о которомъ мы упомянули выше, то это былъ также рапортъ начальника мангишлякского отряда начальнику Дагестанской области, отъ 28-го февраля 1873 года, № 233. Въ немъ, между прочимъ, полковникъ Ломакинъ доносилъ:

«Къ заготовленію верблюдовъ, необходимыхъ красноводскому отряду, я полагалъ возможнымъ приступить по предварительномъ занятіи Бишъ-Актовъ, чтобы преградить здѣшнимъ кочевникамъ выходъ изъ Мангишляка, въ случаѣ, если-бы они стали уклоняться отъ исполненія нашихъ приказаній. Но, къ несчастью, обстоятельства такъ сложились, что, ко времени выступленія моего съ отрядомъ въ степь для сбора верблюдовъ, это предварительное занятіе Бишъ-Актовъ, которымъ главнымъ образомъ обуславливался успѣхъ дѣла, оказался почти излишнимъ и бесполезнымъ.

«Въ этомъ году, до самаго моего выхода въ степь, зима стояла чрезвычайно теплая, какой старожилы не запомнятъ, поэтому, такъ какъ на Усть-Уртѣ и по спуску съ онаго былъ хорошій кормъ, то большая часть ауловъ мангишлякскихъ и бузачинскихъ продолжали кочевать впереди Бишъ-Актовъ. Впрочемъ, не смотря на столь неблагопріятныя обстоятельства, разрушившія въ самомъ началѣ всѣ наши предположенія и расчеты на занятіе Бишъ-Актовъ, начало этого дѣла, повидимому, ручалось за успѣхъ: первые 500 верблюдовъ, необходимые, чтобы поднять на 40 дней довольствіе и тяжести ввѣреннаго мнѣ отряда, были доставлены въ самый ко-

роткій срокъ и безъ всякихъ затрудненій. Всѣ наши наобы (1), сардари и бии утверждали, что адаевцы даже будутъ весьма довольны и рады найму у нихъ верблюдовъ, что этимъ они получаютъ до 100,000 рублей, что, обыкновенно, они отдаютъ въ наемъ верблюдовъ до Хивы и обратно за 7 тиллей (14 рублей), а тутъ имъ предлагаютъ по 10 рублей въ мѣсяцъ; что они увѣрены, что ихъ люди будутъ даже спорить другъ съ другомъ за доставку верблюдовъ, предлагая оныхъ на-перерывъ одинъ передъ другимъ, какъ было въ то время, когда сюда ходили изъ Хивы большіе караваны въ нѣсколько тысячъ верблюдовъ, такъ какъ это дѣло для нихъ очень выгодно, а верблюдовъ здѣсь такъ много, что они легко могутъ выставить и вдвое большее число ихъ, потому что ни одинъ самый бѣдный кибитковладѣлецъ не можетъ обойтись для обычныхъ перекочевокъ безъ двухъ-трехъ верблюдовъ, а многіе имѣютъ ихъ по нѣсколько десятковъ и даже сотенъ; всѣхъ же податныхъ кибитокъ здѣсь до 6,000, да, кромѣ того, пришло сюда много и верхнихъ адаевцевъ. Нужно было видѣть то воодушевленіе и то сочувствіе этому дѣлу, которое выказали эти наобы и сардари, когда я имъ объявилъ въ Тарталахъ повелѣніе о сборѣ верблюдовъ. Кафаръ первый при этомъ обратился къ народу и сказалъ: «адаевцы! это первая воля Государя Великаго Князя, обращенная къ намъ, и мы должны хоть умереть, но исполнить ее». «Зачѣмъ же мы будемъ умирать?» сказалъ на это другой сардаръ: «пусть лучше весь скотъ нашъ погибнетъ, но выполнимъ въ точности это приказаніе. Мы поставимъ свои кибитки, гдѣ есть топливо и кормъ, и отдадимъ всѣхъ нашихъ верблюдовъ, мы выставимъ гораздо больше, чѣмъ отъ насъ требуютъ, чтобы доказать, какъ мы охотно готовы всегда исполнять такіа приказанія». При этомъ они всѣ обратились ко мнѣ съ просьбою послать немедленно въ фортъ нарочнаго и доставить оттуда въ Киндерли и Карабугазъ, на двухъ лодкахъ, на ихъ счетъ, сколько можно собрать войлоковъ для вьючныхъ сѣделъ, а то они опасаются, что, доставивъ много верблюдовъ, не будутъ имѣть достаточнаго количества для нихъ сѣделъ и веревокъ. Вслѣдствіе чего, мною немедленно и были сдѣланы надлежащія распоряженія, и войлоки были отправлены изъ форта въ Киндерли и Карабугазъ. Затѣмъ послѣдовали печальныя событія, о которыхъ я уже докладывалъ вашему сіятельству въ рапортъ № 100. Если вообще и вездѣ народныя волненія вспыхиваютъ такъ быстро и такъ не-

---

(1) Управляющіе округомъ.

ожиданно, то можно-ли удивляться той неимоверной быстротѣ, съ которой отъ зажженныхъ Кафаромъ трехъ огней на священной горѣ Чопань-Ата вспыхнулъ и распространился повсюду пожаръ въ странѣ, не имѣющей границъ, среди дикихъ, свободныхъ кочевниковъ, только что начинающихъ привыкать къ нашей власти и управленію, и гдѣ еще такъ недавно власть эта официально признавалась номинальною? Это волненіе, возбужденное Кафаромъ и подстрекательствомъ изъ Хивы, какъ оказывается теперь, могло бы принять весьма серьезный оборотъ и имѣть весьма грустныя послѣдствія для всего здѣшняго отряда и края.

«Быстрое и совершенно неожиданное появленіе наше на Бузачахъ, когда всѣ ожидали насъ подлѣ Бишь-Актовъ, озадачило до крайности бузачинцевъ и разстроило всѣ планы Кафара.

«Волненіе и возстаніе на Бузачахъ, которое, въ случаѣ успѣха Ермамбета и Самалыка, неминуемо приняло бы огромные размѣры, такимъ образомъ было прекращено въ самомъ началѣ. Прочіе же адаевцы смотрѣли только на бузачинцевъ. Въ случаѣ удачи они, безъ сомнѣнія, присоединились бы къ нимъ; когда же увидѣли, что тѣ успокоились, успокоились и сами. Кафаръ, пославшій уже къ Колбину на четырехъ лошадяхъ Адила, съ просьбою немедленно выслать ему нѣсколько сотъ человекъ отъ Айбугира, чтобы поддержать адаевцевъ, для уничтоженія нашего отряда, узнавъ объ этомъ, немедленно бросился бѣжать къ Хивѣ одинъ, съ двумя, тремя аулами, но глубокіе снѣга на Усть-Уртѣ задержали ихъ у колодца Ильтедже.

«Такимъ образомъ, Господь, ниспославшій намъ великія испытанія, спасъ съ тѣмъ вмѣстѣ насъ и отъ великаго несчастія.

«Конвоировать верблюдовъ съ сотнею на утомленныхъ лошадяхъ и доставить ее въ Красноводскъ, для поступленія въ составъ красноводскаго отряда, нечего было и думать. Да и лошади Терской сотни начали тоже сильно приставать, вслѣдствіе усиленныхъ переходовъ, и едва-ли онѣ, по приходѣ въ Красноводскъ, сдѣлавъ уже до 800 верстъ, были бы способны къ дальнѣйшему большому походу. Прикрывать съ этими слабыми силами транспортъ въ 500 изнуренныхъ верблюдовъ въ край, находящемся въ большомъ волненіи и на такомъ большомъ разстояніи, когда можно было ожидать на каждомъ шагу, что Кафаръ, а также и изъ Хивы, воспользуются этимъ, чтобы отбить верблюдовъ, было слишкомъ рискованно. Съ другой стороны, и оставлять въ такомъ положеніи край и фортъ было невозможно. Поэтому, имѣя въ виду, что верблюды гораздо

скорѣе, удобнѣе и безъ всякаго изнуренія могутъ быть доставлены въ Красноводскъ моремъ, причеиъ излишнїй расходъ на это казны можетъ быть покрытъ конфискаціею значительной части этихъ верблюдовъ, принадлежащихъ людямъ, виновнымъ въ послѣднихъ безпорядкахъ, и за наемъ этихъ верблюдовъ уже не придется платить. Я и представляю на благоусмотрѣніе вашего сіятельства: не признаете-ли болѣе удобнымъ доставить этихъ верблюдовъ на компанейскихъ судахъ общества «Кавказъ и Меркурій» въ началъ марта.

«Я, съ своей стороны, послалъ бумаги въ каждое отдѣленіе объявить адаевцамъ, чтобы они не вѣрили ложнымъ слухамъ о нашихъ намѣреніяхъ, распущеннымъ людьми злонамѣренными, что эти люди, обманувшіе ихъ, еще болѣе обманули и меня, увѣряя, что адаевцы охотно добудутъ даже вдвое болѣе верблюдовъ.

«Результатомъ всего этого было то, что почти отъ всѣхъ отдѣленій я получилъ уже бумаги, за подписью ихъ почетныхъ биевъ, въ коихъ они заявляютъ, что ничего общаго съ Кафаромъ не имѣли и не имѣютъ, что ихъ простые люди, запуганные извѣстіемъ о произведенномъ Кафаромъ волненіи, бѣжали, чтобы быть въ сторонѣ отъ этого дѣла, которое произошло вовсе не отъ того, что они не желали дать верблюдовъ, а потому, что боялись быть разоренными Кафаромъ, при содѣйствіи хивинскихъ партій.

«Первое мое донесеніе о послѣднихъ событіяхъ на Мангишлакѣ, отъ 6-го февраля, № 100, я отправилъ вашему сіятельству въ четырехъ экземплярахъ: два моремъ, на кусовыхъ лодкахъ, въ Киндерли и Красноводскъ, третій—съ нарочнымъ всадникомъ, тоже въ Киндерли, на шкуну, четвертый—съ другимъ всадникомъ, посланнымъ въ Красноводскъ, къ полковнику Маркозову. Первую изъ лодокъ, посланныхъ съ этимъ донесеніемъ въ Киндерли, выбросило на берегъ въ Александръ-Баѣ, другую лодку выбросило подлѣ форта.

«Затѣмъ, имѣю честь доложить вашему сіятельству, что, по настоящему положенію края, въ усиленіи отряда двумя сотнями казаковъ, вновь прибывшими для этого въ Петровскъ, особенной надобности не имѣется».

Хотя мы цитировали наиболѣе существенныя выписки изъ рапорта № 233, написаннаго 22 дня спустя послѣ отправленія рапорта № 100, но должны признаться, что, по мнѣнію нашему, все неясное осталось столь же неяснымъ, какъ было до представленія по начальству послѣдней изъ приведенныхъ бумагъ. Вообще, какъ кажется, рапортъ № 233 не только не даетъ истиннаго освѣщенія мангишлакскимъ событіямъ, находившимся въ прямомъ соотноше-

ни съ послѣдующимъ ходомъ дѣль въ Красноводскѣ, но даже порождаетъ въ этомъ отношеніи новый рядъ сомнѣній и недоразумѣній. Такъ, напримѣръ, изъ него можно, пожалуй, заключить, что хотя первые 500 верблюдовъ и показывались въ отчетахъ собранными для красноводскаго отряда, но въ сущности они вовсе не предназначались для отправления въ этотъ отрядъ, а на нихъ смотрѣли исключительно какъ на средство для возки тяжестей и сорока-дневнаго продовольствія непосредственно мангишлакскому отряду. Само собою разумѣется, что, выступая въ походъ 19-го января и предполагая ходить сорокъ сутокъ, нельзя было въ то же время рассчитывать на возможность пересылки этихъ верблюдовъ въ Красноводскъ къ 1-му марта, не говоря уже о томъ, что верблюдъ, непрерывно въ теченіе сорока дней возившій вьюкъ, конечно, былъ бы непригоденъ для немедленнаго новаго труднаго и продолжительнаго похода. Затѣмъ, въ рапортѣ какъ-то замѣтно особенное стремленіе къ тому, чтобы доказать необыкновенное обиліе верблюдовъ у киргизовъ на Мангишлакѣ и освободить народъ отъ подозрѣній въ участіи его въ коварныхъ предпріятіяхъ Кафара. Повидимому, это послѣднее обстоятельство дѣйствительно находится внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ иначе, во-первыхъ, вѣроятны были бы потери и у 68-ми терскихъ казаковъ, положившихъ предѣлъ безпорядкамъ на полуостровѣ молодецкимъ боемъ 29-го января у горы Кара-Тюбе; во-вторыхъ, это подтверждается выдачею намъ 60-ти заложниковъ; въ-третьихъ, необыкновенно деликатнымъ отношеніемъ народа къ лодочникамъ въ заливѣ Качакъ и, вообще, всѣми тѣми безчисленными доказательствами, которыя приводятся въ рапортахъ самого же правителя мангишлакскаго народа, между прочимъ заявившаго о бесполезности дальнѣйшаго усиленія своего отряда казачьими сотнями изъ Петровска, согласно существовавшего тогда предположенія. Еще болѣе туманится пониманіе истиннаго положенія дѣль на полуостровѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ видно изъ рапорта, имѣвшіеся 500 верблюдовъ исключительно принадлежали тѣмъ именно киргизамъ, которые, сдавъ намъ этихъ животныхъ съ такою необыкновенною охотою, затѣмъ немедленно откочевали отъ насъ на вражью сторону, что очевидно странно, ибо имъ было несравненно выгоднѣе уйти со всѣмъ своимъ добромъ. Наконецъ, нельзя объяснить себѣ, чѣмъ мотивировалось представленіе на благоусмотрѣніе князя Меликова вопроса о томъ, чтобы перевезти верблюдовъ въ Красноводскъ моремъ. Бумага, заключающая это предложеніе, написана была 28-го февраля. По слу-

чаю льдовъ у береговъ полуострова, она должна была быть послана въ Шуру чрезъ Киндерли, а слѣдовательно прибыть по назначенію только лишь въ половинѣ марта. Отвѣтъ же на нее могъ быть полученъ не ранѣе конца этого мѣсяца. При всемъ этомъ на Мангишлакѣ, конечно, не могли не знать о плохомъ состояніи нашихъ морскихъ перевозочныхъ средствъ на Каспіи. Что же касается того, насколько компанейскія суда могли поспособствовать намъ въ данномъ случаѣ, можно всего лучше видѣть изъ телеграммы завѣдывавшаго перевозкою войскъ по Каспійскому морю, представленной имъ вслѣдствіе слѣдующей резолюціи командующаго арміею, положенной на рапортѣ № 233: «Какъ видно изъ донесенія, немедленной опасности на Мангишлакѣ нѣтъ и, какъ предполагалось, происшествія случились тамъ давно. Удивительно, какъ до сихъ поръ не было о томъ свѣдѣнія. Относительно отправления 500 верблюдовъ моремъ изъ Мангишлака къ Маркозову нужно бы знать, сколько для этого потребуется судовъ. Боюсь, что игра не будетъ стоить свѣчъ. Нужно спросить подполковника Пожарова». На это послѣдній отвѣтилъ такъ: «Шкуны, способныя поднять 75 верблюдовъ, могутъ заняться этимъ не ранѣе 20-го марта. Такихъ шкунъ три. Онѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ окончить перевозку не ранѣе 10-го апрѣля, и то лишь съ помощью четвертой шкуны для одного рейса. Перевозка обойдется до 25,000 руб. Опасаюсь, что не хватить имѣющихся въ фортѣ запасовъ топлива».

Хотя у входа въ Карабугазскій проливъ и въ иныхъ пунктахъ близъ береговъ Мангишлака бесплодно стояли на якоряхъ паровыя суда, хотя каждая утраченная минута была невознагражима для красноводскаго отряда, которому оставалось всего нѣсколько дней до срока, заранѣе признаннаго предѣльнымъ для начала движенія съ шансами на успѣшный походъ,—ко всеобщему нашему удивленію, копію рапорта № 100 привезла намъ простая туркменская лодка. Бумага эта прибыла въ Чекишляръ 24-го февраля, т. е. всего лишь за недѣлю до дня, къ которому должны были прибыть изъ Мангишлака верблюды и начаться наше движеніе. Узнавъ изъ нея о томъ, что всякая надежда на полученіе верблюдовъ изъ Мангишлака уже совершенно напрасна, начальникъ красноводскаго отряда рѣшилъ идти за Атрекъ, куда и выступилъ 27-го февраля, слѣдовательно на третій день по полученіи извѣстія о событіяхъ на полуостровѣ, несравненно болѣе печальныхъ для насъ, чѣмъ для самого Мангишлака. Раньше идти мы не могли. Намъ предстоялъ походъ не легкій и не было сомнѣнія въ томъ, что безъ боевыхъ

столкновений съ туркменами дѣло не обойдется. Значить, нужно было нѣсколько приготовиться. Къ тому же намъ было обязательно соблюденіе нѣкоторыхъ строго требовавшихся отъ насъ дипломатическихъ формъ для того, чтобы ублажить фиктивную власть Персіи въ полосѣ между дѣйствительными владѣніями этого государства и Атрекомъ, на что тоже пришлось потратить нѣсколько времени. По поводу положенія дѣлъ у насъ въ ту пору весьма будетъ кстати привести письмо начальника красноводскаго отряда, отправленное имъ помощнику главнокомандующаго 25-го февраля 1873 года. Письмо это носило совершенно частный характеръ, но такъ какъ генераль-адъютантъ князь Мирскій тогда же изволилъ передать копію съ него въ штабъ Кавказскаго военнаго округа, въ дѣлахъ котораго она находится, то документъ этотъ, конечно, можно уже признавать матеріаломъ, которымъ слѣдуетъ пользоваться для уясненія сравнительно давно прошедшихъ событій. Приведемъ буквальный текстъ этого письма:

«Ваше сіятельство, Дмитрій Ивановичъ! Письмо ваше, отъ 7-го февраля, я имѣлъ счастье получить. Мнѣ привезъ его вчера курьеръ, прибывшій съ почтовою шкуною на островъ Ашуръ-Аде, куда я выѣзжалъ именно для того, чтобы по возможности раньше прочесть всю адресованную мнѣ съ западнаго берега корреспонденцію. Приношу вашему сіятельству глубочайшую признательность за дорогое для меня вниманіе, оказанное тѣмъ письмомъ, и еще разъ общаю сдѣлать все на пользу вѣреннаго мнѣ дѣла, хотя оно, нужно сознаться, становится все труднѣе и труднѣе. Конечно, къ послѣднему выраженію, для поясненія его, слѣдовало бы прибавить: *такъ какъ надеждъ мирнымъ путемъ доставить верблюдовъ рѣшительно уже нѣтъ болѣе*. Я этого не сказалъ однакоже, такъ какъ вашему сіятельству извѣстно, что только въ этомъ одномъ и ни въ чемъ другомъ заключались всегда наши затрудненія. Одна изъ бумагъ, полученныхъ мною вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ, меня было порадовала. Смыслъ ея тотъ, что полковнику Ломакину удалось верблюжье дѣло превосходно, что потому ему приказано доставить въ Красноводскъ 3,000 верблюдовъ и, наконецъ, что все это онъ выполнить къ 1-му марта. Разсчитавъ, что мнѣ всего нужно 4,300 вьючныхъ животныхъ и что мы, такимъ образомъ, съ имѣющимися при отрядѣ 500 свѣжими верблюдами, почти обезпечены перевозочными средствами, я возвратился сегодня въ Чекишляръ совершенно счастливымъ, но здѣсь встрѣтила меня бумага полковника Ломакина, представляемая прямо въ Тифлисъ; не смотря на его

просьбу о томъ, чтобы переслать ее въ Шуру, тѣмъ не менѣе, не найдя времени снять копію съ этой бумаги, я сообщаю, однакоже, содержаніе ея генераль-адъютанту князю Меликову по телеграфу. Прочитавъ допесеніе полковника Ломакина, ваше сіятельство убѣдитесь, что единственно надежное мѣсто для добыванія верблюдовъ все же таки есть и всегда была полоса между Атрекомъ и Гюргеномъ, и что Чекишляръ имѣеть для насъ большое значеніе. Какъ бы то ни было, но теперь, видимо, настало то положеніе, которое въ официальныхъ бумагахъ именуется *крайне необходимымъ*, и мы, волею-неволею, изслѣдуемъ за-атрекскія страны. Отрядъ мой по составу прекрасенъ. Помощниками своими я по справедливости могу гордиться. Можетъ быть, Богъ дастъ, мы и не опоздаемъ придти въ Хиву къ назначенному сроку. Жаль только, что пропало производительно столько времени, труда и средствъ для Мангишлака и на Мангишлакѣ.

«Торопясь отправленіемъ настоящей почты, я не могу покуда дать официальныхъ отвѣтовъ на предложенные мнѣ штабомъ вопросы и прошу на этотъ счетъ меня извинить. Остальные ширванцы и самурцы прибыли сегодня. Артилерію жду сегодня же или завтра. Не жду лишь больше кавалеріи изъ Мангишлака, которая, какъ нужно думать, судя по положенію дѣлъ, сюда уже болѣе не придетъ».

Скажемъ теперь о томъ, что дѣлалось въ послѣднее время непосредственно въ районѣ нашего отряда до самаго дня полученія извѣстія отъ полковника Ломакина о постигшихъ его неудачахъ.

Задержанный нѣкоторыми служебными дѣлами въ Баку, начальникъ красноводскаго отряда возвратился изъ Тифлиса въ Красноводскъ только около 20-го января и немедленно приступилъ къ распоряженіямъ, которыя, по его мнѣнію, наилучшимъ образомъ отвѣчали условіямъ, въ коихъ тогда представлялось настоящее и будущее отряда. Приказано было, между прочимъ, чтобы гарнизонъ Красноводска безотлагательно приступилъ къ приготовленію вьюковъ изъ всѣхъ статей походнаго довольствія и на полный составъ войскъ, предназначенныхъ въ походъ, хотя все это дѣлалось и въ Чекишлярѣ самими частями, долженствовавшими принять участіе въ предстоявшемъ движеніи. У насъ предполагалось, когда исчезнетъ послѣднее сомнѣніе въ возможности не полученія верблюдовъ изъ Мангишлака, немедленно же и совершенно на-легкѣ перевезти моремъ экспедиціонныя войска на встрѣчу нашимъ перевозочнымъ средствамъ изъ Чекишляра въ Красноводскъ и начать изъ сего послѣдняго движеніе въ глубь материка. Для такой перевозки между

названными пунктами адмиралъ Свинкинъ обѣщалъ прислать въ Чекишляръ громаднѣйшее изъ казенныхъ судовъ на Каспіи, транспортъ «Аистъ», который только что около двадцатыхъ чиселъ января долженъ былъ быть снятъ съ элинга послѣ продолжительной починки. Кромѣ того, для этой же цѣли должна была служить вся масса судовъ, находившаяся въ Карабугазѣ со специальною цѣлью переправить верблюдовъ чрезъ проливъ. Этого было бы вполне достаточно для того, чтобы въ одинъ рейсъ, т. е. въ 35—40 часовъ времени, прибыть отъ устья Атрека къ берегу Балханскаго залива. Амбаркація наша у Чекишляра, конечно, была бы не легка; но при томъ условіи, что не имѣлось въ виду брать грузовъ и что съ нами не было кавалеріи, мы могли бы справиться съ этимъ въ сутки. Что же касается до высадки въ Красноводскѣ, то это не представляло никакого затрудненія, такъ какъ суда приставали тамъ къ пристани вплотную. Словомъ, по расчету нашему, въ случаѣ присылки верблюдовъ согласно обѣщанію изъ Мангишлака, чтобы прибыть экспедиціонному отряду изъ Чекишляра въ Красноводскъ, требовалось всего двумя сутками болѣе, чѣмъ нужно было времени для перегона верблюдовъ отъ южнаго берега Карабугазскаго пролива до того же Красноводска; но и эти дни все равно необходимы были для отдыха тѣхъ же животныхъ.

Благодаря отсутствію средствъ для безпрепятственнаго общенія между центрами нашего района, начальнику отряда, при всемъ его желаніи, удалось прибыть изъ Красноводска въ Чекишляръ не ранѣ послѣднихъ чиселъ января. Еще нѣсколько раньше этого намъ окончательно стало извѣстно, что отъ заботъ по добыванію себѣ верблюдовъ для предстоявшаго хивинскаго похода отрядъ нашъ освобожденъ и что все необходимое намъ количество ихъ приплотъ въ Красноводскъ не позже, какъ къ 1-му марта. Такимъ образомъ, повидимому, намъ оставалось перебраться изъ Чекишляра поближе къ Красноводску и спокойно выжидать. Но для передвиженія моремъ намъ нужны были суда, а чтобы идти сухопутьемъ,—необходимо было значительное количество верблюдовъ. Первые въ данное время находились у Карабугаза, слѣдовательно внѣ района красноводскаго отряда, а вторыхъ у насъ было чрезвычайно мало. Къ тому же, не смотря на положительныя обѣщанія Мангишлака, начальникъ красноводскаго отряда не переставалъ относиться къ нимъ скептически. Даже все время его мучили на этотъ счетъ какія-то непонятныя сомнѣнія и въ особенности заботила мысль о томъ, что наступало время, когда массы кочевниковъ,

по обыкновенію скученныхъ для зимовокъ въ полосѣ между Атрекомъ и Гюргеномъ, должны были начать свое движеніе къ сѣверу и сѣверо-востоку, совершаемое ими вмѣстѣ съ быстро распространяющимся по пустынѣ тепломъ. Нужно сказать, впрочемъ, что подобное же сомнѣніе отчасти проявлялось и въ Тифлисѣ, преимущественно среди людей, понимающихъ неполную благонадежность дѣла въ томъ случаѣ, когда исполненіе его, возложенное на одного, ставится въ зависимость отъ подготовки, ввѣренной другому. Такъ между прочимъ, письмо помощника главнокомандующаго начальнику красноводскаго отряда, помѣченное 7-мъ февраля, оканчивалось слѣдующими словами: «Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій, относящихся до сбора верблюдовъ на Мангишлакъ, въ этомъ сознаю главное затрудненіе и не увѣренъ, какъ оно уладится» (1). Поэтому начальникъ красноводскаго отряда рѣшилъ на всякій случай задержать туркменъ на лѣвомъ берегу Атрека, насколько это окажется возможнымъ.

18-го декабря нашъ отрядъ прошелъ послѣдніе два десятка верстъ изъ числа 4,000, пройденныхъ и вѣреныхъ имъ въ 1872 году по песчанымъ равнинамъ пустыни и по скаламъ области Кюрендага. Еще не всѣ люди, возвратившіеся изъ тяжелаго похода, успѣли даже по разу попариться въ бивачной чекишлярской банѣ и починить поизносившееся бѣлье и платье, какъ уже семь ротъ 84-го пѣхотнаго Ширванскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича полка съ четырьмя горными орудіями и самымъ ограниченнымъ числомъ саперъ и казаковъ, подъ общею командою майора Мадчаваріани, получили приказаніе выступить изъ Чекишляра. 31-го января колонна эта потянулась вверхъ по Атреку. Начальнику колонны приказано было, соразмѣряя скорость движенія съ силами отданныхъ ему подъ тяжести послѣднихъ нашихъ верблюдовъ, идти къ переправѣ Балътъ-Хаджи и,

(1) Кроме того, въ письмѣ этомъ генералъ-адъютантъ князь Мирскій, между прочимъ, писалъ: «Находясь съ выступленіемъ въ походъ, по мѣстнымъ условіямъ, отрѣзанными отъ высшей власти, вы должны поступать сообразно съ обстоятельствами, вполне самостоятельно, по вашему разумѣнію, безъ всякихъ колебаній, съ полнымъ сознаніемъ вашей власти и отвѣтственности за вашъ образъ дѣйствій, и, на этихъ основаніяхъ, стремиться къ наилучшему достиженію указанной вамъ цѣли, оберегая честь русскаго оружія. Вы единственный судья нашихъ дѣйствій на мѣстѣ, и никто не осудитъ васъ впоследствии, если исполните все то, что вашъ разумъ, честь и совѣсть укажутъ.

«Я увѣренъ, что въ настоящемъ письмѣ повторяю только то, что вы сами понимаете и чувствуете. Итакъ, въ добрый часъ. Да благословитъ васъ Господь».

устроивъ тамъ укрѣпленіе, высылать части своего отряда для патрулированія вверхъ и внизъ по рѣкѣ для загражденія туркменамъ путей изъ за-Атрека. Маюру Мадчаваріани поставлено было вмѣстѣ съ тѣмъ въ обязанность стараться въ то же время войти въ дружественныя сношенія съ племенемъ Гоклянь, для уничтоженія возможности уйти черезъ ихъ земли атабаямъ, съ которыми мы въ особенности собирались при случаѣ свести счеты.

Изъ Чекишляра до Баятъ-Хаджи всего лишь 95 верстъ, прямымъ же путемъ верстъ на 20 ближе, но еще ббльшее удаленіе высланной на Атрекъ колонны исключалось невозможностью снабженія ея продовольствіемъ и затруднительностью поддерживанія съ нею должнаго общенія и необходимой связи изъ Чекишляра. Даже и при такомъ удаленіи, не смотря на постоянное движеніе казачьихъ полусотенъ по линіи Чекишляръ—Баятъ-Хаджи, трудно, даже, правильнѣе сказать, невозможно было вполне устеречь этотъ промежутокъ отъ ухода по немъ кочевниковъ, которымъ, конечно, отлично были знакомы всѣ броды и тропинки черезъ рѣку и къ рѣкѣ, въ иное время года вовсе почти не содержащей воды.

Кстати будетъ сказать, что къ загражденію переходовъ черезъ Атрекъ побуждало начальника нашего отряда не одно лишь желаніе добыть верблюдовъ. Причина эта, разумѣется, была главнѣйшею, но былъ еще и другой поводъ, который также требовалъ серьезнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ распространился и упорно держался въ степи слухъ о рѣшеніи, принятомъ почти всѣми туркменскими племенами, а въ особенности племенемъ атабаевъ, откочевать въ предѣлы Хивинскаго ханства вмѣстѣ съ текинскими ратными людьми. Обстоятельство это, конечно, налагало на насъ весьма серьезную обязанность не допустить соединенія боевыхъ силъ враждебныхъ намъ народовъ. Само собою разумѣется, что съ присоединеніемъ какихъ нибудь атабайскихъ ратниковъ къ полчищамъ хана Хивы послѣднія не сдѣлались бы для насъ страшнѣе; но хотя Хива, какъ извѣстно, была грозна не сартами и узбеками, однакоже, идя и противъ нихъ, мы не вправѣ были пренебрегать мѣрами предусмотрительности и осторожности. Такъ-ли или иначе, но, какъ уже сказано выше, 31-го января часть нашего отряда, подъ начальствомъ маюра Мадчаваріани, выступила на Атрекъ, а нѣсколько ранѣе этого событія начальникъ нашего отряда получилъ письмо начальника астрабадской морской станціи, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что ему удалось вызвать на Ашуръ-Аде всѣхъ вліятельнѣйшихъ туркменскихъ стар-

шинъ, между которыми находится даже и главный іомудскій кази, пользовавшійся необыкновеннымъ вліяніемъ какъ въ чомрѣ, такъ и въ чарвѣ. Поэтому капитанъ 1-го ранга Петриченко настоятельно просилъ начальника красноводскаго отряда поспѣшить прїѣздомъ на Ашуръ, дабы, пользуясь случаемъ, заключить съ вызванными старшинами условіе о поставкѣ нашему отряду верблюдовъ. Хотя и не рассчитывая на успѣхъ какихъ бы то ни было переговоровъ безъ воинскихъ внушеній, начальникъ нашего отряда не счелъ однакоже себя вправѣ оставить случай этотъ безъ вниманія, а потому, проводивъ колонну маіора Мадчаваріани, онъ въ тотъ же день уѣхалъ изъ Чекишляра на Ашуръ.

Первая встрѣча его съ представителями за-атрекского народа и знакомство съ ними были какъ нельзя болѣе дружественны. Повидавшись съ кази и со всѣми старшинами у начальника морской станціи, начальникъ красноводскаго отряда пригласилъ ихъ къ себѣ и одарилъ каждого, соотвѣтственно его значенію. Разговоръ по дѣлу былъ назначенъ на слѣдующій день въ квартирѣ Дарья-Беги, какъ обыкновенно титуловали туркмены г. Петриченко. Когда съ этою дѣлю состоялось, наконецъ, собраніе, туркменамъ объявлено было торжественно, что начальникъ красноводскаго отряда именемъ Великаго Князя Намѣстника, въ случаѣ успѣха предпріятія, назначаетъ, съ своей стороны, 1,500 червонцевъ и подарокъ кази и его почтеннымъ сотоварищамъ, а затѣмъ предоставляетъ выработку всѣхъ остальныхъ статей соглашенія начальнику нашей морской станціи, такъ хорошо и давно извѣстному почти каждому изъ нихъ лично за челоуѣка вполнѣ правдиваго. Такую рѣчь держалъ начальникъ нашего отряда, само собою разумѣется — по предварительному уговору съ самимъ же г-мъ Петриченко и въ особенности съ его мирзою, т. е. секретаремъ и переводчикомъ, который издавна замѣнялъ на станціи дипломатическаго нашего чиновника во всѣхъ сношеніяхъ съ туркменами и чрезъ котораго именно удалось въ данномъ случаѣ вызвать знаменитаго кази на островъ Ашуръ-Аде. Кушъ, назначенный въ подарокъ, умильно подѣйствовалъ на тѣхъ, кому его сулили. Начался разговоръ о томъ, сколько именно нужно намъ верблюдовъ и верблюдовожатыхъ, а также и о томъ, сколько будемъ мы платить за каждого верблюда. По поводу этого послѣдняго вопроса опредѣлилось, что, по установившемуся у туркменъ обычаю, когда караваны идутъ въ Хиву, то нанимающіе платятъ за каждое вычное животное по 4 тумана, т. е. по 12 серебряныхъ рублей, причемъ

верблюды въ одинъ конецъ везеть цѣлый выюкъ, а въ другой—не болѣе полувыюка. Г. Петриченко предложилъ по 6 тумановъ и притомъ только до Хивы, слѣдовательно за одинъ лишь конецъ пути. Условились, что выюки не должны быть тяжелѣе 10—11 пудовъ, для чего съ большою точностью перевели вѣсъ этотъ на вѣсъ туземный и дополнили предложеніе тѣмъ, что, въ случаѣ, если мы по какой бы то ни было причинѣ свернемъ въ сторону, то за каждый день пути не по направленію къ Хивѣ платимъ сверхъ условленнаго еще по 3 крана за cadaго верблюда. Проводники должны были получать отъ насъ продовольствіе ежедневно въ размѣрѣ фунта риса и фунта пшеничной муки на cadaго человека и по фунту коровьяго масла—на трехъ. Деньги обязывались мы уплатить впередъ, немедленно по сдачѣ намъ верблюдовъ, причемъ одинъ очень богатый огруджалинецъ, по имени Мулла-Дурды, давно уже ведущій торговлю съ русскими и неоднократно бывавшій на нижегородской ярмаркѣ, предложилъ приложить и свою печать къ договору, въ качествѣ свидѣтеля-поручителя съ нашей стороны. Разговоры по всѣмъ этимъ вопросамъ продолжались четыре дня, и хотя главные основанія рѣшены были на первомъ же собраніи, но кази находилъ то одну, то другую мелочь, прося немедленныхъ и ясныхъ рѣшеній, чтобы имѣть возможность все передать народу въ формѣ, вполне опредѣленной и не оставляющей никакихъ сомнѣній. Въ концѣ концовъ верховный судья уѣхалъ на свой берегъ, вполне восхищенный пріемомъ, подарками и предложеніями, сдѣланными ему по предстоявшему найму туркменскихъ верблюдовъ. По словамъ его, было внѣ всякаго сомнѣнія, что агъ-сакалы, т. е. бѣлобородые, или старшины, которыхъ онъ соберетъ въ 4—5 дней и которымъ объявить о нашихъ предложеніяхъ, безотлагательно доставятъ намъ не только 4,000 верблюдовъ, но и гораздо болѣе. Кази былъ увѣренъ, между прочимъ, что народъ пойметъ, какъ ошибался онъ, удаляясь до сего времени отъ русскихъ.

Уже шестыя сутки качался паровой баркасъ нашъ у береговъ, близъ Ходжа-Нефесскаго аула, въ ожиданіи отвѣта кази, когда, наконецъ, отвѣтъ этотъ былъ доставленъ. «Слава Аллаху,—писалъ кази,—дѣла идутъ прекрасно: всѣ агъ-сакалы готовы служить русскимъ и отдать своихъ верблюдовъ, но просятъ только прислать имъ теперь же по одному суконному халату и немного чая и сахара». Барказъ, не прекращая паровъ, повезъ все просимое въ Ходжа-Нефесъ. На третій день послѣ того сдѣланъ былъ намъ запросъ: не заплатимъ-ли мы за инеровъ (лучшая и сильнѣйшая порода вер-

блюдовъ) по 7 тумановъ? Мы отвѣчали, что сдѣлаемъ это съ удовольствіемъ. Въ слѣдующій рейсъ барказъ привезъ посланіе, въ которомъ кази извѣщаль насъ, что персидскій астрабадскій губернаторъ разослалъ повсюду своихъ пословъ, которые отшатнули отъ него многихъ агъ-сакаловъ; но что дѣло еще не потеряно, если мы обѣщаемъ, дойдя въ Хиву и отправляя оттуда верблюдовъ обратно, дать 1,000 выюковъ пшеницы. Обѣщано было и это. Дальнѣйшія вѣсти отъ кази были менѣе и менѣе успокоительны и все разыгралось, наконецъ, тѣмъ, что дней чрезъ 25 въ Чекишляръ вышелъ самъ онъ съ какими нибудь 20-ю собственными своими верблюдами и съ проклятіями по адресу тѣхъ своихъ соплеменниковъ, которые рѣшительно отказываются служить Бѣлому Царю. 25-го же февраля, какъ уже сказано выше, начальнику красноводскаго отряда сдѣлалось вполне яснымъ, что верблюдовъ изъ Мангишлака ждать долѣе нечего. Оставалось ему, слѣдовательно, одно изъ двухъ: или отказаться отъ мысли идти въ Хиву и бездѣйствовать, или рискнуть перейти границу, чтобы за Атрекомъ добыть средства для поднятія отряда. Начальникъ отряда вполне хорошо сознавалъ, что въ послѣднемъ случаѣ все бралъ на свой страхъ и свою отвѣтственность, но, по убѣжденіямъ своимъ, всегда предпочиталъ быть судимымъ и осужденнымъ за превышеніе власти, чѣмъ, какъ говорится на официальномъ языкѣ, за бездѣйствіе власти, а потому, не колеблясь ни минуты, сдѣлалъ всѣ распоряженія къ тому, чтобы не позже, какъ чрезъ двое сутокъ, отрядъ былъ совершенно готовъ къ походу.

Старый красноведецъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

173743/1.

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ СЛХХХІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, д. № 36.

1890

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Статья седьмая) (¹).

Переходъ чрезъ границу былъ воспрещенъ не безусловно. По утвержденной Государемъ Императоромъ инструкціи, намъ предоставлялось право наказывать заатрекскихъ туркменъ въ ихъ предѣлахъ, въ случаяхъ доказаннаго грабежа или разбоевъ, ими производимыхъ на правомъ берегу Атрека, но съ тѣмъ, чтобы о предполагаемомъ переходѣ границы мы всегда своевременно и заранѣе извѣщали дипломатическихъ агентовъ нашихъ въ Персіи, а также и съ тѣмъ, чтобы, наказавъ туркменъ, войска наши немедленно же возвращались въ свои предѣлы. Между тѣмъ сосѣди наши, конечно, были не такого нрава, чтобы не давать намъ вполне законнаго повода громить ихъ жилища, а потому мы уже давно имѣли такое право. Ежедневныя тревоги на Атрекѣ, происходившія послѣ возвращенія нашего въ 1872 году въ Чекишляръ и кончавшіяся обыкновенно уводомъ въ плѣнъ цѣлыхъ семействъ служившихъ намъ туркменъ, въ особенности же огруджалинцевъ; угонъ за пограничную рѣку верблюдовъ у тѣхъ же туземцевъ, отдавшихся нашему покровительству; варварскій способъ лишенія насъ возможности пользоваться выючными животными, практиковавшійся атабаями и дьячи и заключающійся въ подсѣканіи ножныхъ мышцъ у тѣхъ верблюдовъ, которыхъ имъ не удавалось угнать, и прочія безчинства давнымъ-давно уже требовали отъ насъ принятія рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію такого порядка вещей. Но единственно дѣйствительнымъ для сего средствомъ, конечно, могло быть наказаніе туркменъ въ предѣлахъ ихъ зимовокъ, а послѣднія находились за Атрекомъ.

(¹) См. «Военный Сборникъ» 1889 г., № 12-й.

Мы уже говорили, что Атрекъ составляетъ, а тѣмъ болѣе составляетъ тогда, государственную границу не по праву, а благодаря бывшему недостаточному знакомству со страной и ея обитателями. Въ то время ни одинъ персъ не подходилъ къ его лѣвому берегу иначе, какъ закованнымъ въ цѣпи и по пути къ какому-либо изъ среднеазіатскихъ невольничьихъ рынковъ; но, тѣмъ не менѣе, переходить эту рѣку всегда значило возбудить столько толковъ и сомнѣній въ необходимости такой мѣры въ каждомъ данномъ случаѣ, а главное это соединялось съ такою длиною дипломатическою перепискою, что дѣлалось до крайности нежелательнымъ даже и для ближе терпѣвшихъ отъ туркменскаго безчинства. Находясь въ такомъ положеніи, начальникъ нашего отряда попробовалъ сдѣлать сношеніе чрезъ посредство консула нашего въ Астрабадѣ съ военнымъ губернаторомъ этой провинціи, Сулейманъ-ханъ-Ихтіаромъ. Онъ просилъ послѣдняго, чтобы тотъ распорядился придвинуть къ берегу Атрека персидскую пограничную стражу и, вообще, принялъ бы мѣры къ прекращенію и предупрежденію въ предѣлахъ нашихъ хищническихъ продѣлокъ со стороны, такъ сказать, персидско-подданныхъ туркменъ; но губернаторъ съ невѣроятною наивностью отвѣтилъ чрезъ того же астрабадскаго консула, г. Бакулина, что во всѣхъ государствахъ и между всѣми народами на землѣ бываютъ злоумышленники и что съ дѣяніями послѣднихъ слѣдуетъ примириться. Сановникъ этотъ справедливо считался однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего государства, но, во-первыхъ, прекратить безчинства туркменъ было рѣшительно не въ его силахъ, а во-вторыхъ, онъ хорошо понималъ, что для спокойствія цѣлой огромной провинціи, ввѣренной его управленію, прямой былъ расчетъ не только не прекращать этихъ разбоевъ, но даже усилить грабительскую дѣятельность туркменъ на нашей территоріи, чтобы тѣмъ отвлечь ее отъ своей, чему онъ и способствовалъ всѣми мѣрами. Такимъ образомъ, безуспѣшно испытавъ вышеприведенное средство, отрядъ самъ долженъ былъ позаботиться о спокойствіи на русской территоріи, прилегающей къ Атреку.

Обращаясь къ колоннѣ маіора Маджаваріани, нужно сказать, что она, пачиная съ самага дня выступленія изъ Чекишляра, была непрестанно наблюдаема непріателемъ. 4-го февраля, находясь на позиціи у Тенгли-Гудрю, по давно заведенному, хотя и вынужденному обыкновенію, отъ нея была выслана небольшая команда, которая должна была подогнать къ биваку приставшихъ на предыдущемъ переходѣ верблюдовъ и подвезти нѣкоторые изъ брошенныхъ съ ни-

ми вьюковъ. Но посланные люди, не найдя ни тѣхъ, ни другихъ, открыли партію изъ атабаевъ, дьячи и игдыръ, очевидно высматривавшую случай напасть на прикрытіе насшихся нашихъ верблюдовъ, съ цѣлью угнать ихъ за Атрекъ. При этомъ, однако-же, никакой схватки не произошло, такъ какъ туркмены, считая себя слабѣе, ушли въ предѣлы Персіи. За то, 8-го февраля, казачій нашъ разъѣздъ, подъ командою сотника Астахова, наткнувшись на непріятельскую партію, былъ встрѣченъ ею ружейнымъ огнемъ, который не былъ прекращенъ даже и тогда, когда казаки наши, смѣло бросившись на непріятеля, прогнали его за Атрекъ. Между тѣмъ, какъ это происходило, начальникъ колонны получилъ свѣдѣніе о появленіи значительной непріятельской партіи выше укрѣпленія Баятъ-Хаджи, считая по теченію рѣки. По нѣкоторымъ имѣвшимся у него даннымъ справедливо предположивъ, что замѣченная непріятельская сила должна быть боковымъ прикрытіемъ какой нибудь крупной кочевки, намѣревающейся переправиться на правый берегъ Атрека, маіоръ Мадчаваріани немедленно предпринялъ движеніе въ соотвѣтственномъ направленіи. Онъ взялъ съ собою 100 штыковъ, два горныхъ орудія и 120 казаковъ, которые только что прибыли изъ Чекишляра съ продовольственными продуктами для баятъ-хаджинскаго гарнизона и, за неимѣніемъ верблюдовъ, доставили эти продукты на своихъ коняхъ. Слѣды многочисленной кавалеріи, ясно видимые по пути движенія маіора Мадчаваріани, свидѣтельствовали о недалекомъ присутствіи непріятеля, а разъѣзды послѣдняго, постоянно показывавшіеся въ виду нашихъ войскъ, подтверждали это предположеніе. 9-го февраля, вечеромъ, въ погоню за однимъ изъ такихъ разъѣздовъ былъ пущенъ войсковой старшина Дзіовъ, съ 15-ю казаками. Туркменскіе всадники, гонимые названнымъ штабъ-офицеромъ, успѣли, однако-же, уйти за Атрекъ и, соединясь со значительною массою своихъ, открыли съ противоположнаго берега довольно живой ружейный огонь, который вывелъ у насъ изъ строя одного сильно раненаго казака и двухъ коней.

Получивъ отъ войсковаго старшины Дзіова извѣстіе о случившемся, маіоръ Мадчаваріани поспѣшно пошелъ впередъ со всею своею кавалеріею, точно указавъ остальной части своей колонны мѣсто на берегу Атрека, въ которомъ слѣдовало остановиться и ждать дальнѣйшихъ приказаній. На разсвѣтъ 10-го числа, находясь въ верстахъ 40 отъ Баятъ-Хаджи, казаки, по слѣдамъ одного изъ непріятельскихъ отстрѣливающихся разъѣздовъ, подошли къ мосту чрезъ пограничную рѣку и немедленно же чрезъ него переправились. Неподалеку отъ

моста, всего въ верстахъ 5—6, сотня наша настигла атабайскій ауль. Произошла схватка, въ которой, между прочимъ, одинъ изъ нашихъ казаковъ получилъ 16 шашечныхъ ранъ. Непрiятель оставилъ на мѣстѣ боя только двухъ людей убитыми и нѣсколько коней. Своихъ раненыхъ и остальные трупы онъ успѣлъ увезти съ собою, но главнѣйшимъ нашимъ трофеемъ были 430 головъ хорошихъ верблюдовъ, которыхъ казаки захватили на пастбищѣ, случайно находившемся на пути преслѣдованiя партiи атабаевъ. Кромѣ того, мы отбили у послѣднихъ одного закованнаго невольника-перса, котораго при первой же возможности отправили въ Астрабадъ мѣстному персидскому губернатору. Давъ немного отдохнуть своей конницѣ, маiоръ Мадчаварiани поспѣшилъ уйти изъ территорiи, признаваемой персидскою. Окончивъ обратную переправу чрезъ Атрекъ къ разсвѣту 11-го февраля и соединясь со своею артилерiею и пѣхотою, онъ посадилъ сiю послѣднюю на верблюдовъ и прошелъ далѣе, вверхъ по Атреку, еще версть съ 30, какъ для изслѣдованiя этого пространства, такъ и для внушенiя заатрекской чарвѣ, что мы слѣдимъ за нею и постараемся не допустить выхода ея на лѣтовки.

Возвратясь въ Баятъ - Хаджи, маiоръ Мадчаварiани, конечно, прежде всего озаботился отправленiемъ прибрѣтенныхъ верблюдовъ въ Чекишляръ за необходимою провизiею. Они были отправлены подъ прикрытiемъ казачьей сотни, которая, въ силу приведенныхъ обстоятельствъ, оставалась при баятъ-хаджинскомъ гарнизонѣ гораздо долѣе первоначально предполагавшагося времени, а потому значительно поистощила продовольственные запасы, находившіеся въ укрѣпленiи. Едва ушли изъ Баятъ-Хаджи казаки, какъ нахальство непрiятельскихъ разъѣздовъ стало проявляться вновь. Чтобы отогнать отъ укрѣпленiя одинъ изъ такихъ разъѣздовъ, маiоръ Мадчаварiани выслалъ всѣхъ оставшихся при немъ конныхъ, а именно шесть человекъ казаковъ и двухъ туркменъ. Всадники эти, исполняя данное имъ приказанiе, во время преслѣдованiя наткнулись на непрiятельскую засаду, человекъ въ 150, а потому приостановились. Тогда непрiятельскiй разъѣздъ, подкрѣпленный частью людей изъ засады, въ свою очередь погналъ нашихъ всадниковъ. Все это, конечно, сопровождалось обоюдною перестрѣлкою и даже дѣло доходило до холоднаго оружiя, причемъ одинъ изъ нашихъ казаковъ былъ сильно раненъ пикою, а лошадь другаго казака была убита. Нѣтъ сомнѣнiя, что дѣло этимъ бы не ограничилось, но одинъ изъ нашихъ пѣшихъ сторожевыхъ постовъ открылъ во-время огонь по непрiятелю, а вслѣдъ затѣмъ на горизонтѣ показался самъ маiоръ Мадчаварiани, во главѣ трехъ ротъ и двухъ орудiй.

Завидя нашу колонну, непріятель поспѣшно ушелъ за Атрекъ, но не отказался отъ поставленныхъ имъ себѣ цѣлей. Партія, надѣлавшая тревогу въ Баятъ-Хаджи, значительно подкрѣпленная новыми ратниками, около трехъ часовъ пополудни съ 20-го на 21-е февраля, опять подступила къ нашему укрѣпленію, внутреннее пространство котораго рассчитано было на одну лишь роту. Цѣпь, выставленная отъ ротъ, бивакировавшихъ вглубь укрѣпленія, замѣтила приближеніе непріятели и открыла по немъ огонь. Ей отвѣтили тѣмъ же. По тревогѣ, всѣ наши части заняли свои мѣста, но атабаи не унимались и продолжали подступать къ укрѣпленію. Тогда съ валовъ послѣдняго открыли картечный огонь. Пушки въ Средней Азіи всегда производили и долго еще будутъ производить особенный эффектъ, какъ оружіе, чрезвычайно рѣдкое среди туземцевъ, а потому, послѣ первыхъ же двухъ-трехъ выстрѣловъ, атабаи быстро ушли за Атрекъ. Тѣмъ не менѣе, какъ на другой день, такъ и во всѣ ближайшіе послѣдующіе дни, по временамъ на горизонтѣ нашемъ неоднократно показывались довольно крупныя непріятельскія партіи, а отдѣльные ихъ смѣльчаки подѣзжали къ укрѣпленію и довольно близко. Между тѣмъ, майоръ Мадчаваріани получилъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніе о томъ, что чарва туркменскихъ племенъ Панъ и Тумачъ двинулась отъ береговъ Гюргена и имѣетъ намѣреніе уйти въ пустыню, переправившись въ окрестностяхъ урочища Чать, что при слияніи Сумбара съ Атрекомъ. Вслѣдствіе этого, утромъ 25-го февраля, начальникъ нашей колонны выступилъ изъ Баятъ-Хаджи по большой пріатрекской дорогѣ, ведущей отъ берега Каспійскаго моря на Кизиль-Арватъ. Штабъ-офицеръ этотъ взялъ съ собою до 400 штыковъ и четыре горныхъ орудія, но около полудня 26-го числа въ составъ его колонны подступила еще цѣлая казачья сотня. Послѣдняя зашла было въ Баятъ-Хаджи, но, не заставъ тамъ начальника летучаго отряда, послѣ небольшого привала пошла догонять майора Мадчаваріани, чтобы скорѣе вручить ему привезенное ею изъ Чекишляра предписаніе начальника красноводскаго отряда и, согласно полученнаго приказанія, поступить въ его вѣдѣніе.

Повторимъ вкратцѣ, что 25-е февраля 1873 года было непріятнѣйшимъ днемъ въ жизни красноводскаго отряда. Какъ громомъ поразила всѣхъ вѣсть о томъ, что непредвидѣнныя обстоятельства уничтожили возможность присылки намъ верблюдовъ. А кто изъ красноводцевъ не зналъ, чтó значилъ тогда каждый верблюдъ для нашего дѣла? Много потеряно было уже времени и терять его болѣе не

приходилось (1). Все еще продолжавшіеся вокругъ Чекишляра разбои заатрекской чарвы и новѣйшія донесенія маіора Мадчаваріани о ежедневныхъ почти перестрѣлкахъ туркменъ съ войсками его колонны, бездѣйствіе сосѣднихъ персидскихъ властей и прочія условія не только давали намъ право, но даже обязывали насъ перейти Атрекъ. Отряду нужно было достать себѣ верблюдовъ, во что бы то ни стало. Ихъ надобно было отобрать у туркменъ хотя бы силою, такъ какъ рѣшительно не оказывалось никакой возможности сдѣлать это добромъ, тѣмъ болѣе, что и они не мало забрали этихъ животныхъ у шейхцевъ и другихъ своихъ же соплеменниковъ, служившихъ нашему дѣлу. Наконецъ, мы не могли равнодушно смотрѣть на вѣроятное усиленіе хивинской рати туркменами изъ прикаспійскихъ земель. Вслѣдствіе этого не позже, какъ чрезъ часъ послѣ распечатанія конверта изъ Мангишлака съ роковою для насъ вѣстью, наличныя части нашего отряда получили приказанія, относящіяся до совершенно рѣшеннаго уже тогда движенія за Атрекъ, а такое же приказаніе маіору Мадчаваріани повезла казачья сотня Астахова, о прибытіи которой по назначенію мы уже имѣли случай сказать выше.

Общій планъ, поставленный себѣ начальникомъ красноводскаго отряда предъ заатрексимъ походомъ въ 1873 году, состоялъ въ томъ, чтобы, загородивъ туркменамъ пути со стороны востока, гнать ихъ туда съ запада и, угрожая въ то же время отъ береговъ Атрека, заставить ихъ совершенно отказаться отъ мысли о возможности ускользнуть отъ насъ въ пустыню. Слѣдуетъ признаться, что планъ этотъ былъ не безупреченъ. Было бы несравненно раціональнѣе, усиливъ наблюденіе за берегами Атрека, повести облаву съ востока, такъ какъ въ этомъ случаѣ многіе аулы, скрывшіеся отъ насъ въ лѣсахъ горъ, составляющихъ продолженіе Эльбурсскаго хребта, по случаю неизбежной давки, не успѣли бы туда уйти, а потому неизбежно должны были бы продвинуться ближе къ морскому берегу, гдѣ намъ легче было бы ихъ захватить. Кромѣ того, гораздо удобнѣе было гнать добываемыхъ верблюдовъ по пути домой, чѣмъ въ сторону противоположную, къ предѣлу нашего заатрекскаго движе-

---

(1) На сколько дорого было время для красноводскаго отряда и какъ нежелательна была его потеря, свидѣтельствуетъ отзывъ Главнокомандующаго кавказскою арміею военному министру, отъ 28-го ноября 1872 года, № 4535-й, въ которомъ Его Императорское Высочество, между прочимъ, изволилъ выразить слѣдующее: «Отложить приготовленія кавказскаго отряда хотя бы только на одинъ мѣсяць—значило бы совершенно устранить кавказскія войска даже отъ всякаго содѣйствія прочимъ въ предполагаемой военной экспедиціи».

нія. Но составленный планъ былъ предпочтенъ остальнымъ—во-первыхъ, въ предположеніи, что мы успѣемъ добыть необходимое количество верблюдовъ, вовсе не забираясь слишкомъ далеко на востокъ; во-вторыхъ, имѣлось въ виду, что гонимые нами туркмены, находясь въ затрудненіи и не видя предъ собою свободнаго пространства, могутъ забраться въ предѣлы непосредственной Персіи и уйдуть такимъ образомъ отъ насъ, да еще, чего добраго, причинять какое-либо зло городу Астрабаду и астрабадской провинціи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ намъ, какъ извѣстно, угрожали бы великія дипломатическія затрудненія. При общемъ же скученіи туркменъ у восточнаго рубежа ихъ зимовокъ ничего подобнаго случиться не могло, такъ какъ тамъ, между непосредственными своими владѣніями и землями туркменъ, Персія поселила весьма воинственныхъ курдовъ. Да и гокланы не упустили бы случая ограбить инородную чарву.

Движеніе за Атрекъ отрядъ нашъ началъ четырьмя колоннами, переходъ которыхъ чрезъ границу, а также и дальнѣйшія ихъ дѣйствія, были по возможности согласованы. Первая и вторая колонны выступили изъ Чекишляра 27-го февраля подъ общимъ начальствомъ самого начальника отряда и направились къ переправѣ Бегень-Башъ. Къ утру 28-го февраля вся пѣхота, артилерія и казаки этихъ колоннъ были перевезены уже на лѣвый берегъ Атрека на плоту, устроенномъ изъ двухъ каучуковыхъ понтоновъ съ необходимою связью и настилкою. Что касается казачьихъ лошадей и лошадей вообще, то ихъ просто перегнали черезъ рѣку въ бродъ и вплавь, тутъ же, недалеко отъ мѣста движенія парома, нѣсколько ниже послѣдняго по теченію. Около полудня колонны эти разошлись. Колонна № 2-го, командуемая маіоромъ 76-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка Козловскимъ и состоявшая изъ пяти ротъ его баталіона, двухъ горныхъ орудій и 40 человекъ казаковъ, получила приказаніе направиться мимо Серебрянаго бугра къ берегу Гюргена и, завернувъ въ тѣхъ мѣстахъ правымъ плечомъ впередъ, идти правымъ берегомъ рѣки къ пункту, именуемому Кара-Киръ, на соединеніе съ колонною № 1-го, при которой оставался начальникъ отряда лично. Это приказаніе, разумѣется, было общее, частности же предоставлялись ближайшимъ водителямъ колоннъ, хорошо освѣдомленнымъ съ главнѣйшею нашею цѣлью. Поэтому, конечно, движенія и дѣйствія ихъ неизбѣжно становились въ зависимость отъ цѣлаго ряда случайностей, столь обильныхъ при всѣхъ военныхъ операціяхъ.

Двигаясь по назначенію, колонна № 2-го дошла до берега Гюргена и, увлекшись преслѣдованіемъ одного изъ наиболѣе разбойничь-

ихъ атабайскихъ ауловъ, перешла и названную рѣку въ бродъ. Погоня эта, послѣ небольшой перестрѣлки, доставила маіору Козловскому около 250 верблюдовъ, захваченныхъ за рѣчку Кара-су, въ полупереходѣ отъ города Астрабада. Но положеніе русскихъ, случайно столь далеко зашедшихъ, было чрезвычайно непріятно, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что всегда крайне подозрительные персы могли истолковать событіе это въ совершенно ложномъ свѣтѣ и, пожалуй, даже выставить его поползновеніемъ съ нашей стороны къ овладѣнію городомъ Астрабадомъ. Не было, конечно, сомнѣнія въ томъ, что Ихтиаръ, посредствомъ телеграфныхъ сношеній, успѣлъ уже произвести совершенную тревогу въ Тегеранъ и наше посольство тамъ осаждается вопросами персидскаго правительства, а каждый лишній часъ пребыванія нашего за Черною рѣкою (Кара-су) приводитъ все въ бѣдѣе и бѣдѣе отчаяніе представителя нашей дипломатической мисіи при его величествѣ шахъ и, быть можетъ, готовить намъ неимовѣрныя дипломатическія осложненія. Хорошо все это сознавая, маіоръ Козловскій, разумѣется, рѣшилъ какъ можно скорѣе увести свою колонну изъ предѣловъ непосредственной Персіи, а для того, чтобы исполнить это рѣшеніе, нужно было идти обратно путемъ кратчайшимъ, на который и указывалъ чиповникъ Ихтиара, высланный къ намъ изъ Астрабада. Но по пути этому вовсе не имѣлось сколько-нибудь сносныхъ бродовъ чрезъ Гюргенъ и въ особенности крайне трудно, почти невозможно было перегнать чрезъ рѣку верблюдовъ, которыхъ въ такомъ случаѣ приходилось, слѣдовательно, бросить. Намъ же не такъ легко было тогда добровольно отказаться отъ дорогой для насъ добычи. Точно также и идти кругомъ значило потерять такъ много времени, что затѣмъ кабардинцы могли вовсе не принять участія въ дальнѣйшихъ нашихъ поискахъ за Атрекомъ.

Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, маіоръ Козловскій рѣшился на шагъ весьма смѣлый. Онъ повелъ свою колонну путемъ еще болѣе короткимъ, чѣмъ тотъ, который ему указывали, но такимъ, который пролегалъ чрезъ персидское укрѣпленіе Агъ-Кала, служившее тетъ-де-пономъ мосту на Гюргенѣ. Принявъ такое рѣшеніе, командиръ баталіона Кабардинскаго полка отправилъ къ коменданту названнаго укрѣпленія парламентаря съ увѣреніями въ неимѣніи съ нашей стороны рѣшительно никакихъ враждебныхъ умысловъ противъ дружественныхъ намъ персовъ, но въ то же время съ настоятельною просьбою открыть для нашего прохожденія ворота укрѣпленія, ведущія къ мосту. Одновременно съ прибытіемъ этого парламентаря, съ праваго берега рѣки подъѣзжалъ къ Агъ-

Кала и другой. Это былъ нашъ офицеръ отъ колонны № 1-го, изъ состава которой начальникъ красноводскаго отряда выдѣлилъ три роты 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка, съ однимъ полевымъ орудіемъ, послѣшно пославъ ихъ, подъ командою маіора Панкратьева, въ помощь кабардинцамъ, едва только получилъ донесеніе маіора Козловскаго о положеніи дѣлъ въ его колоннѣ. Оба парламентарера были представлены коменданту укрѣпленія одновременно. Они уполномочены были въ самомъ рѣшительномъ тонѣ заявить и заявили, что хотя непредвидѣнныя обстоятельства, къ крайнему сожалѣнію, подвели насъ къ стѣнамъ Агъ-Калы, но разъ уже это такъ вышло, то мы ни въ какомъ случаѣ не отойдемъ отъ нея, еслибы даже намъ пришлось употребить силу для полученія права прохода по мосту чрезъ Гюргенъ. Между тѣмъ, какъ происходили переговоры, войска маіора Козловскаго подошли почти вплотную къ стѣнамъ укрѣпленія и направили на него дула снятыхъ съ передковъ нашихъ орудій. Въ то же время на противоположномъ берегу рѣки, къ самому мосту, стройно подтягивались самурцы, а на сосѣдней возвышенности снималась съ передка ихъ внушительная полевая пушка. Гарнизонъ Агъ-Калы едва состоялъ изъ 200 персидскихъ сарбазовъ ⁽¹⁾, спокойствіе которыхъ издавна никогда ничѣмъ не нарушалось. Комендантъ не нашель удобнымъ долго упорствовать, приказаль отпереть ворота, и въ стѣнахъ персидской крѣпостцы раздалась русская пѣсня кавказскаго солдата, беззаботно и весело проходившаго чрезъ нее съ пляскою. Перейдя по мосту на правый берегъ Гюргена и переправивъ своихъ верблюдовъ, кабардинцы соединились съ самурцами и, послѣ необходимаго отдыха, согласно имѣвшагося приказанія, вмѣстѣ пошли къ пункту, именуемому Кичикъ-Кара-Киръ, куда и прибыли къ полуночи съ 3-го на 4-е марта. Путь почти все время лежалъ вдоль развалинъ древней стѣны Кизиль-Аланъ, постройка которой приписывается Александру Македонскому ⁽²⁾.

На позиціи у Кичикъ-Кара-Кира въ то время находился уже начальникъ красноводскаго отряда. Онъ направился туда прямо отъ переправы Бегенъ-Башъ еще 28-го февраля, одновременно съ нача-

(1) Солдаты регулярныхъ войскъ.

(2) У туземцевъ существуетъ преданіе, что Великій Искондерь (Александръ) велель джинамъ (подземнымъ духамъ) построить эту стѣну для охраны персидскихъ владѣній отъ набѣговъ средне-азіятскихъ кочевниковъ. Нѣкогда въ этой стѣнѣ былъ найденъ глиняный горшокъ, съ чрезвычайно тонкими стѣнками, наполненный какимъ-то голубоватымъ пепломъ и золотыми монетами, а также и другими драгоценностями. Отсюда и самая стѣна получила названіе «Кивиль-Алянъ». т. е. содержащая золото.

ломъ движенія маіора Козловскаго вправо, т. е. къ западу, имѣя съ собою четыре роты, одно полевое орудіе и 20 человекъ казаковъ. При этой же колоннѣ слѣдоваль нашъ общій для всѣхъ перешедшихъ границу частей запасъ продовольствія и фуража. Не смотря на то, что запасы эти были до крайности ограничены, они все же сильно замедляли движеніе, а потому съ высотъ Инча, къ которымъ мы подошли на разсвѣтъ 1-го марта, начальникъ отряда пошелъ впередъ, взявъ съ собою двѣ роты, орудіе и казаковъ. Онъ имѣлъ намѣреніе обречегносцировать мѣстность и выбрать позицію, на которой было бы удобно выжидать соединенія съ маіоромъ Козловскимъ. Сопровоженіе вьюковъ поручено было старшему изъ командировъ двухъ оставшихся при нихъ ротъ, штабсъ-капитану Мадчаваріани, которому приказано слѣдовать за идущими впередъ частями, не спѣша. Едва успѣлъ начальникъ отряда подойти къ берегу Гюргена, какъ непріятель, въ числѣ, приблизительно, до 3,000 всадниковъ, неистово гикая, атаковалъ его два раза—одинъ вслѣдъ за другимъ. Разсыпавъ полуроту стрѣлковъ по развалинамъ Кизиль-Алана, наши встрѣтили туркменъ такимъ живымъ огнемъ, какого послѣдніе, вѣроятно, до того времени не видывали. Къ тому же и полевое наше орудіе, хотя не частыми, по поразительно мѣткими выстрѣлами не переставало напоминать непріятелю, что онъ въ этотъ разъ имѣеть дѣло далеко не со столь хорошо ему извѣстною персидскою ратью. Послѣ второй атаки на нѣкоторое время все поутихло, хотя туркмены, собравшіеся въ массы, не расходились. По всему видно было, что они намѣреваются еще насъ потревожить. И, дѣйствительно, часа чрезъ полтора, замѣтивъ приближавшійся нашъ транспортъ, они стали его обскакивать. Но и прикрытіе нашего каравана не дремало. Штабсъ-капитанъ Мадчаваріани, стянувъ верблюдовъ въ каре, собралъ вмѣстѣ съ тѣмъ свои роты и приказалъ встрѣтить нападающихъ залпами. А тутъ и въ передовой колоннѣ, которой все происходившее было видно, быстро запрягли орудіе и, посадивъ прислугу, выдвинулись впередъ до разстоянія хорошаго выстрѣла. Попавъ подъ перекрестный ружейный и артилерійскій огонь, непріятель вынужденъ былъ оставить насъ, наконецъ, въ покоѣ и, потерявъ 17 человекъ и 14 коней убитыми, 32 человекъ ранеными и одного плѣннаго, скрылся за Гюргень. Однакоже, едва туркмены становились внѣ опасности, къ нимъ немедленно возвращались и смѣлость, и задоръ. По крайней мѣрѣ въ ночь на 2-е марта, какъ и въ слѣдующую за нею ночь, они неоднократно подходили къ нашему биваку, при-

чемъ каждый разъ обмѣнивались съ нашею цѣлью нѣсколькими десятками выстрѣловъ, хотя ничего рѣшительнаго не предпринимали.

Въ составъ третьей колонны вошли четыре роты 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка, два горныхъ орудія и 15 человекъ казаковъ. Войска эти, подъ общимъ начальствомъ полковника того же Ширванскаго полка Араблинскаго, выступили изъ Чекишляра 25-го февраля вечеромъ. О колоннѣ этой 2-го марта въ Кичикъ-Кара-Кирѣ извѣстно было только, что она, переправясь чрезъ Атрекъ близъ Гудри, направилась затѣмъ прямо на югъ, къ берегу Гюргена. Зная хорошо энергію, осторожность и опытность названнаго штабъ-офицера, начальникъ отряда съ терпѣніемъ и спокойно выжидалъ бы, конечно, отъ него вѣстей; но, получивъ рапортъ маіора Козловскаго о рѣшеніи идти на Агъ-Калу, онъ, какъ уже и было сказано, въ видахъ предупрежденія непріятныхъ случайностей, призналъ необходимымъ отправить туда же нѣкоторое число войскъ и по правому берегу Гюргена. Съ другой стороны, невозможно было оставлять въ Кичикъ-Кара-Кирѣ наши продовольственные запасы безъ вполне обеспечивающей охраны, и вслѣдствіе этого возникла необходимость скорѣе узнать что-либо о положеніи дѣлъ въ сосѣдней съ главною, лѣвой колоннѣ. Въ особенности необходимы были свѣдѣнія о мѣстѣ ея нахождения въ данную минуту. Парашютныя сигнальныя ракеты, не разъ помогавшія намъ въ пустынѣ во многихъ подобныхъ случаяхъ, прекрасно выполнили свое назначеніе и теперь. Едва смерклось, послѣ двухъ орудійныхъ выстрѣловъ въ главной колоннѣ взвились, одна за другою, но съ нѣкоторыми промежутками, нѣсколько ракетъ. Въ колоннѣ полковника Араблинскаго, которая, какъ оказалось потомъ, стояла въ то время въ 18-ти верстахъ отъ насъ вверхъ по Гюргену, условный сигналъ этотъ былъ услышанъ и замѣченъ. Выстрѣлы наши обратили на себя должное вниманіе, а увидавъ затѣмъ яркія звѣзды ракетъ, третья колонна поспѣшила отвѣтить намъ тѣмъ же порядкомъ. Составивъ понятіе о приблизительномъ направленіи и таковомъ же разстояніи между биваками, начальникъ красноводскаго отряда послалъ полковнику Араблинскому съ нарочнымъ приказаніе поспѣшнѣ придвинуться къ Кичикъ-Кара-Кіру, если ко времени полученія записки не будетъ какихъ-либо причинъ, мѣшающихъ исполнить предложеніе, и если, по соображеніи на мѣстѣ, признано будетъ, что оно не можетъ дурно вліять на успѣхъ нашей облавы. Вслѣдствіе такого приказанія, колонна полковника Араблинскаго, въ два часа пополудни на 3-е марта, подошла къ Кичикъ-Кара-Кіру, а спустя полчаса ушелъ оттуда маіоръ Панкратьевъ, съ

тремя стрѣлковыми ротами Самурскаго полка и однимъ полевымъ орудіемъ, въ Агъ-Кала, на встрѣчу маіору Козловскому.

Надобно сказать, что соединенію колоннъ у Кичикъ-Кара-Кира чуть-чуть не предшествовала ужасная катастрофа. Въ тревожную и темную ночь со 2-го на 3-е марта, когда непріятель не вполне еще прекратилъ свой ружейный огонь по нашей бивачной цѣпи, изъ послѣдней дали знать, что приближается какая то густая живая масса. Араблинскаго у насъ, конечно, ждали; но, во-первыхъ, судя по времени, ему прибыть какъ будто было рано, а во-вторыхъ, мы ожидали также и рѣшительнаго нападенія непріятеля. Продолжительное сомнѣніе въ извѣстномъ случаѣ могло поставить насъ потомъ въ весьма затруднительное положеніе. Съ цѣлью выяснить дѣло, изъ Кичикъ-Кара-Кира стали подавать сигналы на рожкѣ, которые были услышаны въ колоннѣ Араблинскаго, но звуки отвѣтныхъ сигналовъ совершенно уносились вѣтромъ. Уже отдано было приказаніе дать орудійный выстрѣлъ, но, къ большому счастью, артиллерійскій офицеръ, командовавшій орудіемъ, испросилъ разрѣшеніе подпустить приближающуюся массу на разстояніе еще болѣе дѣйствительнаго картечнаго огня. Тѣмъ временемъ изъ цѣпи приближались сказать, что услышали команду: «съ передковъ, налѣво кругомъ!» Впослѣдствіи оказалось, что команда эта дѣйствительно была дана въ колоннѣ полковника Араблинскаго по той причинѣ, что въ нее начали попадать непріятельскія пули и начальникъ ея сталъ готовиться встрѣтить нападеніе, которое, какъ онъ замѣтилъ, готовили ему туркмены. При этомъ въ подхотившей къ Кичикъ-Кара-Киру колоннѣ были пулями кнутужены два офицера и ранена одна лошадь.

Часа черезъ 1½ мы опять были подняты на ноги въ Кичикъ-Кара-Кирѣ. Туркменамъ не терпѣлось. Они приблизились къ нашему бивачному каре и со всѣхъ сторонъ открыли по немъ ружейный огонь, поддерживая послѣдній въ теченіе всей ночи. Что касается насъ, то мы усилили лишь цѣпь, ея резервы и дежурную часть, но на огонь отвѣчали неохотно и изрѣдка, исключительно лишь для того, чтобы держать непріятеля въ убѣжденіи, что мы готовы его встрѣтить.

Было уже сказано, что колонна полковника Араблинскаго, выступивъ изъ Чекишляра 25-го февраля и переправившись чрезъ Атрекъ у Гудри 27-го числа утрою, въ тотъ же день пошла на югъ, къ правому берегу Гюргена. Прослѣдовавъ мимо высотъ Тенгли, колонна эта остановилась на ночлегѣ у пункта, именуемаго Шефлухъ. Едва хвостъ ея дотянулся до мѣста, какъ въ виду частей, не успѣв-

шихъ еще составить ружья, показалаcь непріятельская конница, которая, не теряя времени, завязала съ нами бой. Ширванцы выслали цѣпь и, конечно, прогнали туркменъ, но перестрѣлка съ нѣкоторыми перерывами продолжалась, однакоже-же, до наступленія совершенной темноты. На слѣдующій день, т. е. 28-го февраля, довольно рано утромъ, полковникъ Араблинскій подошелъ со своими войсками къ восточному продолженію стѣны Кизиль-Аланъ, у переправы Ахметляръ, и, оставивъ тутъ одну роту, съ остальными отправился рекогносцировать берегъ Гюргена, вверхъ по теченію рѣки. Давъ отдохнуть людямъ у Биби-Ширвана, онъ двинулся дальше, но на переправѣ Огланъ-Шихъ былъ внезапно атакованъ весьма многочисленною непріятельскою кавалеріею. Атака эта, конечно, имѣла участь всѣхъ подобныхъ же предпріятій нашего противника, и атакованіе, оставивъ на мѣстѣ не убранными нѣсколько убитыхъ и одного плѣннаго, удалились. Отъ этого плѣннаго полковникъ Араблинскій узналъ, что большіе атабайскіе аулы въ самомъ непродолжительномъ времени намѣреваются переправиться чрезъ Гюргенъ и, пробравшись далѣе къ Атреку, уйти затѣмъ въ пески.

Чтобы не задерживать переправы атабаевъ чрезъ Гюргенъ и расправиться съ ними на правомъ берегу названной рѣки, начальникъ колонны снялся съ занимаемой имъ позиціи и немедленно отошелъ отъ берега по направленію къ сѣверу, на высоты Бендуали, куда притянулъ также и ту роту, которая оставлена была имъ у Ахметляръ. Соединясь съ нею, полковникъ Араблинскій занялъ фланговое положеніе въ отношеніи вѣроятнаго пути слѣдованія ауловъ, а именно онъ расположилъ свои войска у Гумбетъ-Олума, извѣстнаго въ Туркменіи по нахожденію тамъ могилы весьма чтимаго туземцами святаго Хаашиша-Хаджи. Непріятель, однакоже, въ ловушку не дался и медлилъ переправою. Тогда, 1-го марта, полковникъ Араблинскій выслалъ изъ Гумбетъ-Олума одну стрѣлковую роту на обычную дневную рекогносцировку. Едва успѣли стрѣлки отойти версты съ три отъ общаго бивака, какъ туркмены обскакали ихъ, частью спѣшились и, засѣвъ за мѣстныя закрытія, открыли по ротѣ ружейный огонь. Ширванскіе стрѣлки, разумѣется, рассыпали цѣпь и отвѣчали. Услыхавъ выстрѣлы, полковникъ Араблинскій пошелъ на нихъ бѣгомъ, съ одною ротою и двумя орудіями. Не смотря на то, что непріятель скоро замѣтилъ идущихъ на выручку, онъ не оставилъ атакующей имъ роты, а усилилъ противъ нея огонь. Въ то же самое время конные туркмены поскакали на встрѣчу полковнику Араблинскому, дѣлая всѣ усилія, чтобы не допустить насъ соединиться. Про-

тивъ роты, вышедшей на подкрѣпленіе, туркмены тоже неоднократно устраивали засады, спѣшиваясь для этого, но орудійные выстрѣлы каждый разъ заставляли ихъ терять энергію сопротивленія, и они скоро уходили. Соединясь съ раньше атакованною ротою, полковникъ Араблинскій перешелъ въ наступленіе и отогналъ непріятеля. Но, зная нравъ послѣдняго и желая дать туркменамъ памятный урокъ, онъ скрытно уложилъ стрѣлковъ за подходящею складкою мѣстности, а затѣмъ сталъ медленно отступать въ направленіи, перпендикулярномъ къ линіи подготовленнаго имъ огня залегшей цѣпи. Два бывшихъ при немъ орудія, заранѣе заряженные картечью, катились за отступавшими на отвозахъ, по возможности скрываея ротными колоннами. Туркмены вполнѣ оправдали предположенія начальника колонны. Немного погодя, вся масса ихъ, съ ужаснымъ гикомъ, понеслась вслѣдъ за сомкнуто-отходящими частями; но эти послѣднія во-время открыли дула орудій, изъ которыхъ посыпалась картечь, сопровождавшаяся залпами ротъ. Цѣпь, предъ которою лежалъ путь бѣгства туркменъ, довершила дѣло, и дальнѣйшее отступленіе полковника Араблинскаго къ его резерву совершилось вполнѣ спокойно.

Между тѣмъ роты, оставшіяся въ Гумбетъ-Олумѣ, тоже не сидѣли праздно. Онѣ распорядились окопать свой бивакъ маленькими ложементами и понакопали ровики для стрѣлковъ, что очень скоро пригодилось. Наступила темная ночь. Вначалѣ вокругъ Гумбетъ-Олума совершенно все было спокойно, но въ 10 часовъ изъ наблюдательныхъ постовъ дали знать, что какія то массы — повидимому непріятель — начинаютъ издали подходить къ позиціи, а вскорѣ затѣмъ по послѣдней стали жужжать и пули. Приказано было занять боевыя мѣста, и цѣпь наша стала изрѣдка отвѣчать выстрѣлами на огонь. Такъ продолжалось до полуночи, послѣ которой все было успокоилось опять. Тишина эта, наступавшая какъ то неестественно вдругъ, вселила въ пачальникѣ колонны какое то сомнѣніе, а потому онъ, на всякій случай, приказалъ приготовить картечь и положилъ одну роту въ развернутомъ строю въ сторонѣ отъ орудій, которыя были выдвинуты нѣсколько впередъ. Во второмъ часу ночи вновь появившаяся на горизонтѣ густая толпа туркменъ стала приближаться къ биваку. Тогда цѣпь наша получила приказаніе, не привлекая подозрѣнія противника и какъ можно скрытнѣе, открыть фронтъ засады. Такъ какъ туркмены не остановили своего посползновенія во-время, то и дальнѣйшая програма дѣйствій была выполнена нами удачно. Не смотря на большія потери этого дня и полнѣйшія

каждый разъ неудачи, противникъ не ограничился, однако-же, сказанными попытками. Онъ упорно продолжалъ оставаться въ виду нашихъ окоповъ и до шести часовъ утра не прекращалъ по насъ стрѣльбы, хотя, нужно сознаться, пули его, всегда-таки изъ осторожности направляемыя въ насъ съ весьма почтенныхъ дистанцій, въ эту ночь летали еще болѣе издалека, а слѣдовательно вредили намъ еще менѣе обыкновеннаго. Тѣмъ не менѣе можно справедливо сказать, что войска третьей колонны, въ ночь съ 1-го на 2-е марта, простояли подъ ружьемъ и перестрѣливались съ непріателемъ въ теченіе восьми часовъ времени. Показанія о потеряхъ, понесенныхъ туркменами въ стычкахъ съ колонною полковника Араблинскаго, въ теченіе предшествовавшаго дня и вышеупомянутой ночи, полученныя нами чрезъ посредство преданныхъ намъ туземцевъ, были чрезвычайно разнообразны и доискаться правды въ ихъ баснословныхъ сообщеніяхъ было совершенно невозможно. Судя по всему, нужно думать, однако-же, что потери эти были весьма чувствительны. Наши потери этого дня, не считая нѣкотораго числа людей съ совершенно ничтожными огнестрѣльными ранами, не выведшими даже ихъ изъ строя, были не велики. Онѣ состояли изъ трехъ человекъ, двухъ лошадей и девяти верблюдовъ, причемъ убитыхъ людей не было вовсе. Въ приведенномъ же числѣ лошадей и верблюдовъ показаны только тѣ, которые были убиты или на столько искалѣчены, что мы должны были бросить ихъ, за негодностью для дальнѣйшей службы.

Въ объясненіе постоянной, рѣзко бьющей въ глаза разницы, между потерями у насъ и у бывшихъ нашихъ противниковъ, іомудовъ и текинцевъ, кстати будетъ сказать здѣсь, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло доходило до холоднаго оружія, собственно до шашекъ и пикъ, намъ доводилось видѣть поразительное умѣнье туземцевъ владѣть ими. Но, дѣйствуя противъ насъ огнемъ, названные номады не умѣли соразмѣрять дѣйствительности своего огня съ разстояніемъ до предмета пораженія. Дальнобойныхъ ружей у нихъ почти не было вовсе, и вооруженіе закаспійскихъ туземцевъ того времени вообще было весьма плохо и до чрезвычайности разнообразно. Они выѣзжали въ бой съ охотничьими двухъ и одностволками самыхъ низкихъ достоинствъ, преимущественно англійскаго производства чуть-ли не минувшаго столѣтія, а частью тульской и иной простой работы нашихъ кустарей. Трудно сказать, когда и какими путями получали они это оружіе, но оно, во всякомъ случаѣ, вполне удовлетворяло ихъ требованіямъ до начала борьбы съ нами, а затѣмъ, конечно, условія измѣнились. Пули туркмено-текинцевъ

обыкновенно рѣдко доносились до четырехсотъ или 500 шаговъ отъ мѣста выстрѣла, и очевидно, слѣдовательно, что къ намъ свинець ихъ большею частью долеталъ случайно и всегда обезсиленнымъ, а не прицѣльно и рассчитанно. Напротивъ того, ихъ совершенно ошеломлялъ нашъ болѣе чѣмъ вдвое далекій боевой ружейный огонь. Огню же артиллерійскому они никогда и не пытались даже противустоять. Наилучшія и наиболѣе далекаго боя ружья, имѣвшіяся у нѣкоторыхъ туркменъ, принадлежали производству сосѣдней персидской провинціи Хоросана и ханствъ Средней Азіи; но оружіе это было очень дорого, а потому и рѣдко. Кромѣ того, оно было необыкновенно тяжело, и для стрѣльбы изъ него требовалась сошка, что, конечно, давало возможность пользоваться этимъ оружіемъ только лишь спѣшившись. Наиболѣе-же воинственные народы Азіи, какъ это извѣстно, мало и неохотно дерутся пѣшкомъ. Наконецъ, говоря о вооруженіи туркмено-текинцевъ, нельзя не упомянуть о томъ, что у нихъ и до сихъ поръ нерѣдко встрѣчаются еще ружья съ фитильнымъ приспособленіемъ для воспламененія заряда. Что касается сравнительно большой утраты въ бояхъ животныхъ, почти всегда наблюдавшейся у насъ въ среднеазиатскихъ экспедиціяхъ, то это обстоятельство отчасти объясняется тѣмъ, что, напримѣръ, верблюды часто уходятъ съ мѣстъ, куда ихъ укладываютъ на ночлегъ, и, пасясь, удаляются отъ бивака и, такимъ образомъ, болѣе подвергаются непріятельскому огню.

Обращаясь къ прерванному разсказу о нашей за-Атрекской экспедиціи, нужно будетъ напомнить, что положеніе дѣль 2-го марта вызвало необходимость передвиженія колонны полковника Араблинскаго къ Биби-Ширвану и Ахметлярю, а оттуда, какъ уже было сказано, къ полуночи со 2-го на 3-е число, она была притянута къ Кичикъ-Кара-Киру.

На разсвѣтъ 4-го марта, соединенныя колонны 1-я, 2-я и 3-я двинулись далѣе, по направленію къ востоку. Всѣхъ добытыхъ до той поры верблюдовъ еще наканунѣ отправили кратчайшимъ путемъ въ Баятъ-хаджинское укрѣпленіе, давъ имъ въ прикрытіе двѣ роты и небольшую команду казаковъ. 5-го марта, въ виду развалинъ Джорджена, намъ удалось, наконецъ, догнать и окружить одинъ весьма большой атабайскій аулъ, который, послѣ непродолжительной перестрѣлки, сдалъ намъ все свое оружіе и 2,000 головъ верблюдовъ. Послѣ этого мы, не теряя уже времени, направились въ Баятъ-Хаджи, къ которому и подошли къ ночи 6-го марта. Такъ какъ, однако-же, за позднимъ временемъ и разлитіемъ Атрека мы

должны были отложить обратную переправу до слѣдующаго дня, то войска расположились на бивакѣ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Одновременно съ нашимъ приходомъ къ названному укрѣпленію, въ нѣсколькихъ верстахъ и тоже на лѣвомъ берегу Атрека, показалась также колонна № 4-го маіора Мадчаваріани. О ней мы имѣли случай сказать, что 26-го февраля, на пути ея слѣдованія къ мѣстечку Чагъ, къ ней присоединилась сотня казаковъ, привезшая начальнику колонны приказаніе перейти Атрекъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ маіору Мадчаваріани присланы были общій планъ предположенныхъ дѣйствій и указанія тѣхъ частностей въ предпринятой экспедиціи, исполненіе которыхъ возлагалось на колонну № 4-го. Нужно сказать, что одновременно съ предписаніемъ начальника красноводскаго отряда казаки привезли маіору Мадчаваріани рапортъ отъ воинскаго начальника Баята-Хаджи, штабсъ-капитана Славинскаго, переданный имъ во время прохожденія ихъ черезъ названное укрѣпленіе. Офицеръ этотъ доносилъ, что въ самый день выступленія начальника колонны, часовъ около 10 утра, партія туркменъ, въ количествѣ до 500 всадниковъ, сдѣлала нападеніе на наше пастбище, охранявшееся командою въ 60 человекъ пѣхотинцевъ при офицерѣ и разбѣдами въ 15 человекъ казаковъ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что по всему пространству близъ нашего укрѣпленія корма были уже сильно потравлены и что, благодаря этому, поневолѣ приходилось шире распускать верблюдовъ, туркмены стали было отгонять часть названныхъ животныхъ, но этому помѣшала другая команда, высланная изъ Баята-Хаджи, въ которомъ своевременно услышали первые выстрѣлы и неистовое гиканіе нападавшихъ. Офицеръ, посланный съ подкрѣпленіемъ, скрытно пробѣжалъ со своею командою песчано-волнистую мѣстность, отдѣлявшую пастбищное поле отъ укрѣпленія, и случайно, но весьма удачно вышелъ на бугоръ, предъ которымъ, шагахъ въ полтораста, стояла главная масса непріятеля, собравшагося для того, чтобы атаковать наше прикрытіе, задержать его и этимъ больше удалить отъ него гонимыхъ верблюдовъ. Быстро выстроивъ фронтъ, прибѣжавшіе въ помощь дали два хорошихъ залпа, которые поразили туркменъ какъ неожиданностью, такъ и дѣйствительностью огня. Между тѣмъ наши казаки успѣли заскочить нуть, по которому непріятель погналъ было верблюдовъ, а вскорѣ всѣ наши соединились и заставили нападавшихъ отказаться отъ своего намѣренія.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Баята-хаджинскаго укрѣпленія, едва изъ сего послѣдняго

удалилась команда, побѣжавшая на пастбищное поле, какъ къ лагерю нашему, разбитому у подошвы возвышенности, на которой стояло укрѣпленіе, съ сосѣднихъ высотъ стали сбѣгать пѣшіе туркмены. Въ то же самое время замѣчено было человекъ 300 туркменскихъ всадниковъ, быстро переправлявшихся чрезъ Атрекъ. Смѣлость, съ которою подвигался непріятель къ нашему лагерю, почти отсутствующему съ уходомъ маіора Мадчаваріани, удивила всѣхъ наблюдавшихъ изъ укрѣпленія. Поэтому, принимая малочисленность оставшихся въ ту минуту въ его непосредственномъ распоряженіи силъ ⁽¹⁾, штабсъ-капитанъ Славинскій приказалъ безотлагательно и одновременно открыть огонь изъ орудій какъ по пѣшимъ, такъ и по коннымъ туркменамъ. Мѣра эта, разумѣется, подѣйствовала, какъ всегда, и непріятель отошелъ тѣмъ поспѣшнѣе, что замѣтилъ присутствіе войскъ и въ самомъ укрѣпленіи, которыя могли обстрѣливать лагерь ружейнымъ огнемъ.

Въ минуту полученія приказанія начальника красноводскаго отряда о переходѣ чрезъ Атрекъ, маіоръ Мадчаваріани находился на берегу этой рѣки, въ 35-ти верстахъ отъ Баята-Хаджи. Чтобы не откладывать исполненія, онъ немедленно началъ переправу. Окончивъ ее, онъ направился со своею колонною по долину, именуемую Голджай, и вечеромъ 27-го февраля открылъ свѣжіе слѣды значительныхъ кочевковъ. Прослѣдивъ ихъ, онъ, однакоже, удостовѣрился, что кочевники, недавно тамъ бывшіе, къ большому сожалѣнію, успѣли уже ускользнуть за Атрекъ. 28-го февраля колонна маіора Мадчаваріани прослѣдовала вдоль хребта Гекча-Дагъ, а затѣмъ, переваливъ чрезъ него по Кара-Дагскому перевалу, спустилась въ долину Гюргена. Здѣсь начальнику колонны представились старшины племени гокланъ, которые привели съ собою 150 всадниковъ и предложили свои услуги. Получивъ разрѣшеніе маіора Мадчаваріани дѣйствовать съ нами совместно, гокланы тотчасъ же пошли на поиски и открыли слѣды довольно большаго атабайскаго аула, тоже уходившаго за Атрекъ, о чемъ они и дали знать немедленно. Не откладывая дѣла, маіоръ Мадчаваріани повелъ свою колонну во слѣдъ уходившихъ атабаевъ, но, благодаря природнымъ препятствіямъ, о которыхъ мы скажемъ дальше, названному штабъ-офицеру только 4-го марта удалось настичь у самой переправы одинъ лишь хвостъ кочевки, за которою онъ гнался, не смотря на то, что войска наши на-

(1) Съ выходомъ маіора Мадчаваріани въ Баятъ-Хаджи оставлено было 216 пштыковъ, 15 казаковъ и 2 горныхъ орудія.

ходились въ движеніи отъ 12-ти до 14-ти часовъ въ сутки. Вообще на долю колонны № 4-го выпали въ за-Атрекскомъ походѣ и въ періодъ, ему предшествовавшій, наиболѣе тяжелыя условія. Къ тому же на нее ежедневно нападали и перестрѣливались съ нею атабайскія шайки, которыя, конечно, были не въ силахъ остановить наше движеніе, но, тѣмъ не менѣе, очень его замедляли. Какъ бы то ни было, но, при содѣйствіи ревностно служившихъ намъ гокланъ, маіоръ Мадчаваріани отнялъ у атабаевъ 100 съ небольшимъ верблюдовъ, которыхъ мы взяли себѣ, и 3,000 головъ овецъ, которыхъ мы цѣликомъ отдали гокланамъ за ихъ службу и преданность, имѣя, кромѣ того, въ виду поселить нѣкоторую неприязнь между атабаями и гокланами. При этомъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ сопротивленія. Довольно многочисленное прикрытіе кочевки, спѣшившись по возвышенностямъ лѣваго берега Атрека, старалось прикрыть переправлявшихся и открыло по насъ весьма живой огонь. Разсыпавъ стрѣлковъ, мы отвѣчали имъ тѣмъ же самымъ, но, противъ обыкновенія, туркмены долго не уходили. Пришлось повести атаку, которую самые храбрые изъ атабаевъ вздумали-было встрѣтить съ пашками на-голо. Это, конечно, ни къ чему не повело, и непріятель, оставивъ на мѣстѣ 15 труповъ, ушелъ за Атрекъ, гдѣ опять сталъ готовить оборону переправы. Мы выкатили орудія и начали обстрѣливать свой, т. е. правый берегъ рѣки, но въ это время быстро наступила темная ночь. Къ разсвѣту же слѣдующаго дня насъ отдѣлялъ уже отъ атабаевъ цѣлый огромный переходъ и переправа чрезъ сильно вздутую отъ дождей рѣку. Въ этомъ мѣстѣ Атрекъ такъ переполнился водою и разлился, что маіоръ Мадчаваріани не рѣшился переправляться и на слѣдующій день, а предпочелъ идти внизъ по теченію лѣвымъ же берегомъ. Вечеромъ 6-го марта четвертая колонна подошла къ Баятъ-Хаджи, гдѣ и соединилась со всѣми остальными войсками, принимавшими участіе въ описываемой экспедиціи. 7-е и 8-е марта мы употребили на переправу чрезъ Атрекъ и только къ разсвѣту 9-го марта окончили ее совершенно. Дѣло это, повидимому, шло довольно медленно; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ нашемъ отрядѣ не имѣлось никакихъ искусственныхъ средствъ для облегченія переправы, что по берегамъ Атрека не было и нѣтъ буквально никакихъ матеріаловъ, могущихъ способствовать тому же, и, самое главное, что насъ болѣе всего должны были задерживать и задерживали верблюды, съ переправою которыхъ мы порядочно таки поизмучились. Но въ то время они составляли намъ кладъ, ради цѣлости котораго мы сдѣлали бы все. Говоря откровенно, не легко

быль нашъ за-Атрекскій походъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не легко достались намъ и верблюды, добытые нами въ періодъ времени съ 25-го февраля по 14-е марта, т. е. по день нашего возвращенія въ Чекишляръ изъ-за Атрека.

Вообще, крайне тяжелое время сталъ переживать красноводскій отрядъ, послѣ возвращенія своего изъ похода 1872 года. Трудно представить себѣ что-либо тревожнѣе и невыносимѣе того положенія, въ которомъ находились мы, напримѣръ, въ половинѣ февраля. Въ самыхъ первыхъ числахъ марта, слѣдовательно всего чрезъ нѣсколько дней, надобно уже выступать по направленію къ Хивѣ, а на чемъ пойдемъ, — не знаемъ. Сулятъ верблюдовъ изъ Мангишлака и говорятъ, что добываніе этихъ животныхъ идетъ тамъ успѣшно. Если такъ, то пора переходить въ Красноводскъ; но, во-первыхъ, на чемъ переплывемъ мы море, а, во-вторыхъ, что станемъ дѣлать, если, перейдя туда, узнаемъ, что надежды на Мангишлакъ были преувеличены и даже совершенно напрасны? Въ Чекишлярѣ мы все-таки ближе къ туркменамъ, у которыхъ, если они не уйдутъ, все же можно достать на чемъ поднять вьюки, а уже для этого, само собою разумѣется, себя мы не пожалѣемъ. Но если такой оборотъ предвидится, то давнымъ-давно пора переходить Атрекъ, потому что время уходитъ, а съ нимъ уходитъ и чарва изъ-за Атрека. Гоняйся потомъ за нею. Говорятъ, что верстахъ въ 60-ти отъ Чекишляра три большихъ атабайскихъ аула уже переправились и уходятъ въ степь. Догонять-ли ихъ? Пожалуй, погоня эта будетъ напрасна: изъ Мангишлака придутъ верблюды, а мы бесполезно измучимъ только себя и лошадей до того, что потребуется отдыхъ, для котораго лишняго времени не имѣется. А тутъ и дома работы по горло. Надобно многое готовить къ походу: надобно чиниться, — вѣдь мы только-что пришли изъ далекаго и тяжелаго похода; надобно дѣлать боченки и, вообще, готовить посуду для воды; надобно принимать походное продовольствіе и готовить вьюки; надобно выгружать суда, хотя это невообразимо тяжело и изнурительно ⁽¹⁾; надобно и отдохнуть, такъ какъ походъ предстоить не легкій. Компанейскія суда, вѣроятно, заняты, дровъ намъ не везуть, а холодъ въ изодравшихся палаткахъ просто одолеваетъ. Что еще и того хуже, такъ это то, что даже не всѣ еще войска, предназначенныя въ походъ въ составѣ нашего отря-

⁽¹⁾ Даже много поздѣе, а именно въ 1879 году, когда для облегченія выгрузки сдѣланы были многія искусственныя приспособленія и значительно расширены средства, генералъ Лазаревъ, съ удивленіемъ наблюдая эту работу, воскликнулъ: «здесь, въ Чекишлярѣ, настоящая школа терпѣнія!»

да. перевезены съ западнаго каспійскаго берега. Говорятъ, Петровскій портъ еще не вскрылся, и потому ни самурцы, ни артилерія еще не выходили въ море. Да и ширванскія роты только 16-го февраля пришли къ намъ изъ Баку. Наконецъ, 22-го февраля прибыли и самурскія стрѣлковыя роты. Еще не успѣли онѣ оправиться отъ трехдневной сильнѣйшей морской качки, какъ уже 27-го февраля пришлось идти за Атрекъ, искать верблюдовъ, на полученіе которыхъ изъ Мангишлака исчезла всякая надежда. Такъ какъ неудача одна никогда не ходитъ, то и грустное извѣстіе о томъ, что верблюдовъ не пришлютъ изъ Мангишлака, пришло къ намъ не въ добрую погоду. Уже съ половины февраля ливнемъ лилъ въ нашей полосѣ дождь и до того растворилъ солончаки по Атреку и за Атрекомъ, что тому, кто самъ не видѣлъ размокшихъ солончаковъ, трудно и почти невозможно представить себѣ тѣ ужасныя усилія, какія приходится испытывать при движеніи по нимъ даже одиночнымъ путникамъ, а тѣмъ болѣе тѣмъ мученія, которыя нужно было переносить, когда по растворенной почвѣ солончаковъ приходилось проходить тысячамъ человѣческихъ и верблюжьихъ ногъ. Палатокъ за Атрекъ мы не взяли буквально ни единой. Не везти же было намъ съ собою цѣлыя караваны! Въдъ намъ надобно было ходить скоро. Достаточно съ насъ было и тѣхъ грузовъ, безъ которыхъ нельзя было никакъ обойтись. Вдали за Гюргеномъ, въ лѣсахъ сѣвернаго склона восточнаго продолженія Эльбурскаго хребта, весьма живописно горѣли цѣлыя сотни огней—такъ же, какъ и на Мангишлакѣ, призывавшихъ правовѣрныхъ на ожесточенную брань съ гяурами, нарушающими ихъ спокойствіе; но, любуясь этими огнями, мы почти никогда не имѣли чѣмъ согрѣть себѣ чай или высушить свое бѣлье, постоянно мокрое отъ дождей. Скотъ массы кочующаго народа, обстоятельствами задержаннаго въ томъ году за Атрекомъ несравненно долѣе обыкновеннаго, еще до насъ успѣлъ совершенно уничтожить верблюжьи кормы, а потому служба по охранѣ верблюжьихъ пастбищъ, подъ которыя приходилось забирать огромнѣйшія пространства, поглощала насъ въ конецъ. Стрѣлять намъ пришлось много,—и силъ своихъ мы вообще не щадили. Въ ужаснѣйшіе туманы, до ниточки мокрехенькія, роты наши гонялись за аулами часовъ по 12—14 въ сутки и, по совершенной неизвѣстности страны, къ сожалѣнію, часто даже по пустому. При всемъ этомъ офицеры, въ буквальныйъ смыслѣ слова, дѣлили съ нижними чинами всѣ труды и лишения. Было совершенной перѣдкою ви-

дѣтъ, какъ многіе изъ нихъ, раздѣвшись до-гола, работали сами и распоряжались по устройству переправы, стоя по горло въ водѣ.

Не мало пришлось перенести за это время трудовъ и тѣмъ нашимъ товарищамъ, которые оставались дома въ Чекишлярѣ. Еще въ день выступленія за Атрекъ далеко на горизонтѣ замѣтили мы направлявшееся къ намъ судно. Потомъ оказалось, что это везлась въ Чекишляръ артилерія. Послѣдней пришлось проболтаться на рейдѣ четверо сутокъ. Сильнѣйшій вѣтеръ съ берега все не давалъ туркменскимъ лодкамъ возможности причаливать, а у казенныхъ маленькихъ паровыхъ баркасиковъ, вообще много работавшихъ и давно уже мало исправныхъ, потекли трубки до того, что буксировать они не могли. Когда, наконецъ, море поуспокоилось, чекишлярскій гарнизонъ приступилъ къ выгрузкѣ артилеріи, что, при тамошнихъ средствахъ и свойствахъ рейда, равнялось почти каторжному труду. Кромѣ того, остававшіеся люди дни и ночи дѣлали и вязали вьюки, чтобы восполнить то число послѣднихъ, которое пришлось намъ взять съ собою за Атрекъ изъ запаса, приготовленнаго для похода въ Хиву, а также они должны были принять изъ складовъ и повязать во вьюки все то, чего мы не успѣли получить до выступленія за Атрекъ. Эти же люди сколачивали для предстоявшаго большаго похода кеджевъ и носилки для больныхъ. Наконецъ, товарищи наши, не принявшіе участія въ за-Атрекскомъ походѣ, ходили также пасти верблюдовъ, оставленныхъ нами на ихъ попеченіе. Отбываніе этого послѣдняго рода службы сдѣлалось въ Чекишлярѣ въ особенности неимовѣрно тяжелымъ съ возвращеніемъ нашимъ туда изъ-за Атрека, такъ какъ масса верблюдовъ, собравшаяся у насъ, въ два дня окончательно вытравила весь, и безъ того скудный, кормъ, верстъ на 20 вокругъ нашей стоянки. Съ другой стороны, и отгонять верблюдовъ далеко отъ лагеря было совершенно невозможно, такъ какъ это вызывало бы необходимость усиленія охраны. Притомъ же, кромѣ пастбища, животныя нуждались, конечно, еще и въ питѣ. Воды же близъ Чекишляра нигдѣ не было. Да и той, которая имѣлась въ чекишлярскихъ копанкахъ, далеко не хватало для нашихъ нуждъ и водопоя. Пришлось ежедневно наряжать цѣлыя сотни людей, которые исключительно работали надъ устройствомъ новыхъ копанокъ и очисткою существовавшихъ, такъ какъ бури то и дѣло обваливали ихъ песчаная стѣны и засыпали воду. Все это, вмѣстѣ взятое, конечно, должно было истощать и порядочно истощило наши силы ко времени начала похода на Хиву.

Какъ бы то ни было, справедливо можно признать, что резуль-

таты нашего за-Атрекского похода выразились въ слѣдующемъ: во-первыхъ, отрядъ хотя и довольно поверхностно, но все же осмотрѣлъ болѣе 600 верстъ и нанесъ пройденные пути на карту, причѣмъ каждая часть среднимъ числомъ сдѣлала не менѣе 400 верстъ; во-вторыхъ, сортируя пригнанныхъ въ Чекишляръ верблюдовъ, мы все же насчитали изъ нихъ болѣе или менѣе годныхъ къ предстоявшему намъ походу около 2,200 головъ, а слѣдовательно съ тѣми, которыхъ майоръ Маджаваріани добылъ раньше, у насъ въ распоряженіи оказалось болѣе 2,600 штукъ этихъ животныхъ. Наконецъ, независимо отъ всего этого, по доходившимъ тогда до насъ и впоследствии исполнѣ подтвердившимся слухамъ, бѣльшая часть изъ кочевниковъ, рѣшившихся было идти въ Хиву, послѣ маршей нашихъ за Атрекомъ, отказалась отъ своего намѣренія, а нѣкоторые изъ чарвы стали даже добровольно приводить намъ своихъ верблюдовъ, такъ что ко дню окончательнаго выступленія нашего въ походъ мы имѣли уже въ своемъ распоряженіи свыше 3,100 головъ вьючныхъ животныхъ.

Какъ и было уже отчасти упомянуто, въ составъ красноводскаго отряда, кромѣ всего того, что было въ немъ во второй половинѣ 1872 года, приказано было включить и перевезти еще слѣдующія части: три ширванскихъ роты и столько же самурскихъ; два четырехъ-фунтовыхъ полевыхъ, съ казны заряжающихся, орудія съ усиленною упряжью; еще одинъ дивизионъ нарѣзныхъ трехъ-фунтовыхъ горныхъ, съ казны же заряжающихся, орудій; двѣ сотни казаковъ и сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Такимъ образомъ, еслибы послѣдующія обстоятельства сложились для красноводскаго отряда исполнѣ благоприятно и было бы на чемъ идти, то должны были бы выступить въ походъ 20 ротъ, 20 пушекъ (четыре полевыхъ и 16 горныхъ) и пять сотенъ кавалеріи. Предполагая водить послѣднюю всегда отдѣльно, начальникъ нашего отряда еще прежде поручилъ артилерійскимъ офицерамъ, на всякій случай, приучить 50 человекъ казаковъ къ обращенію съ боевыми ракетами, которыхъ намъ прислали въ отрядъ въ количествѣ 250 штукъ съ пятью станками и пятью же умѣвшими отлично владѣть ими ракетчиками. Для этихъ послѣднихъ, по распоряженію начальника отряда, куплены были въ Баку верховыя лошади, которыхъ перевезли въ Красноводскъ, равно какъ и двѣ казачьи сотни и сотню конно-мусульманъ. Все остальное было выгружено въ Чекишляръ.

(Продолженіе будетъ).

Старый красноведецъ.

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(*Статья восьмая*) (1).

Возвратясь изъ-за Атрека, намъ, разумѣется, нельзя было не видѣть, что имѣющихся подъемныхъ средствъ на весь составъ отряда все же было крайне недостаточно. Это мы хорошо знали 4-го марта, т. е. въ тотъ день, когда рѣшили прекратить нашу погоню за верблюдами, но тѣмъ не менѣе за позднимъ временемъ, крайнимъ изнуреніемъ и малыми шансами на успѣхъ дальнѣйшихъ поисковъ мы поспѣшили возвратиться въ Чекишляръ. Во всякомъ случаѣ было вполне ясно, что всѣ войска, входившія тогда въ составъ нашего отряда, въ зависимости отъ перевозочныхъ средствъ, не могутъ принять участія въ походѣ, а потому для сего начальникомъ отряда назначены были: лишь баталіонъ Кабардинскаго полка въ полномъ его составѣ, двѣ ширванскихъ, двѣ дагестанскихъ и три стрѣлковыхъ роты Самурскаго полка. Изъ артилеріи должны были идти съ нами четыре полевыхъ и двѣнадцать горныхъ орудій, а равно и всѣ ракетные станки. Кавалерію предполагалось взять всю, но только въ томъ случаѣ, если-бы оправдалась маленькая надежда, поданная начальнику нашего отряда захватившимъ въ Чекишляръ изъ Мангишлака генеральнаго штаба подполковникомъ Филиповымъ, который полагалъ, что изъ Киндерли во всякомъ случаѣ будетъ доставлена въ Красноводскъ, по крайней мѣрѣ, одна сотня вполне хорошихъ верблюдовъ. Если-бы это дѣйствительно устроилось, то на этихъ животныхъ, вмѣстѣ съ 50—60 верблюдами, которыхъ можно было найти въ окрестностяхъ самаго Красноводска, предполагалось поднять нѣкоторое количество фуража для первыхъ дней похода

(1) См. «Военный Сборникъ» 1890 г., № 1-й.

сотень, имѣющихъ двинуться изъ Красноводска, и тѣмъ сберечь запасы, которые должны были идти изъ Чекишляра.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если-бы мы пошли за Атрекъ хотя бы десятью днями раньше, когда проходы чрезъ границу были болѣе затруднены для кочевниковъ нашимъ наблюденіемъ, когда не наставала еще и привычная чарвѣ пора для ухода изъ-за Атрека къ сѣверу, а потому, слѣдовательно, верблюды не были еще ослаблены тамъ отъ безкормицы, когда, наконецъ, въ полосѣ зимняго пребыванія прикаспійскихъ туркменъ стояла несравненно лучшая и вполне благопріятствующая поискамъ погода, — намъ не пришлось бы отставлять отъ похода части, всѣ одинаково горячо его жаждашія; но въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ ничего другаго не оставалось, какъ сократить экспедиціонный отрядъ.

Какъ уже имѣли мы случай сказать раньше, войска, участвовавшія въ Заатрекомъ походѣ, собрались въ Чекишляръ къ 15-му числу марта очень утомленныя. Хотя рѣшено было, что, за позднимъ временемъ, на отдыхъ не будетъ потрачено ни одного дня, но, не смотря на то, мы не могли немедленно начать предстоявшаго движенія. Намъ необходимо было исполнить еще одну серьезную предварительную работу: нужно было изготвить весьма большое количество верблюжьихъ сѣделъ, такъ какъ ихъ не имѣла почти половина верблюдовъ, добытыхъ нами за Атрекомъ. За это то дѣло и принялись мы самымъ усерднѣйшимъ образомъ, не откладывая ни минуты. По мѣрѣ того, какъ подвигалась впередъ работа, войска наши начали движеніе въ глубь материка. Намъ безусловно и рѣшительно нельзя было мѣшкать ни единого дня — хотя бы уже по одному тому, что весь верблюжій кормъ былъ совершенно истощенъ верстъ на 40 вокругъ Чекишляра и наши вьючныя животныя теряли послѣднія силы не по днямъ, а по часамъ. Многія изъ нихъ стали отъ голода паршивѣть. Начался даже между ними замѣтный падежъ, который грозилъ принять обширные размѣры. Отъ разлагавшихся труповъ дохлыхъ верблюдовъ даже воздухъ въ Чекишлярѣ сдѣлался невозможнымъ для дыханія.

19-го марта выступилъ, наконецъ, нашъ первый эшелонъ. За нимъ слѣдовалъ второй 22-го и только 26-го удалось вывести изъ Чекишляра послѣднія пѣхотныя и артилерійскія части. Что касается кавалеріи, то въ видахъ сбереженія отправляемаго на вьюкахъ фуража, а также и въ соображеніяхъ на счетъ водопоевъ, ей назначено было выйти изъ Чекишляра 1-го апрѣля, а изъ Красноводска — 3-го числа

того же мѣсяца, причѣмъ слѣдующимъ изъ сего послѣдняго пункта приказано было соединиться съ нами въ Буюраджи.

Юра пріостановиться съ изложеніемъ дальнѣйшаго хода событій для того, чтобы немного заглянуть назадъ и рассказать про одно обстоятельство, имѣвшее большое значеніе въ организаціи хивинской экспедиціи 1873 года. Дѣло въ томъ, что еще 4-го марта утромъ, когда мы находились за Атрекомъ и предпріятію нашему ничто не обѣщало вѣрнаго успѣха, начальнику отряда представился вѣрнѣйшій случай донести въ Тифлисъ о положеніи, въ которомъ мы тогда находились. Такъ какъ положеніе это въ ту пору было далеко не блестяще, то понятно, что и правдивое о немъ сообщеніе не въ состояніи было принести никакого успокоенія высшему начальству (1). Между тѣмъ, одновременно съ этимъ командующій арміею получилъ донесеніе изъ Мангишлака, носившее совершенно противоположный характеръ. Въ депешѣ своей полковникъ Ломакинъ доносилъ о водворившемся въ предѣлахъ полуострова полномъ вождѣлѣннымъ

(1) Сообщеніе это было адресовано бакинскому губернатору, для передачи содержанія бумаги въ Тифлисъ. Буквальный текстъ его былъ таковъ: «Переправа Дегишъ. 4-го марта 1873 года. Мы едва имѣемъ до 1,000 верблюдовъ, тогда какъ для нашего движенія въ Хиву намъ нужно, по крайней мѣрѣ, 4,000. Кочевники, перестрѣливаясь съ нами, каждую ночь идутъ все дальше и дальше и попрятали верблюдовъ въ лѣсахъ, покрывающихъ восточное продолженіе Эльбурскаго хребта. Такимъ образомъ, они ушли въ предѣлы непосредственной Персіи, куда идти за ними считая невозможнымъ. Прошу объ этомъ дать знать командиру арміею телеграммою, а если можно, то помочь намъ верблюдами съ западнаго берега, такъ какъ въ противномъ случаѣ экспедиція въ Хиву не состоится и всѣ приготовленія и затраты пропадутъ. Хива это сообразила и повѣренные ея приняты заранѣе всѣ мѣры, чтобы удалить здѣшнее населеніе не только за Атрекъ, но и за Гюргенъ. Еще разъ прошу ваше превосходительство оказать намъ ваше содѣйствіе. Намъ нужно оттуда, по крайней мѣрѣ, 2,000 верблюдовъ и до 500 ословъ; иначе, повторю, дѣло можетъ лошнуть. Штукъ 200 бакинскихъ арбъ, запряженныхъ лошадьми, намъ тоже могутъ принести большую пользу. Все, что можете намъ прислать, должно быть въ Чеккишлярѣ не позже 25-го марта: иначе мы не придемъ въ Хиву и къ 10-му мая». Прочтя приведенное моленіе объ оказаніи помощи, командующій арміею, генералъ-адъютантъ князь Мирскій, въ письмѣ отъ 15-го марта, между прочимъ, высказалъ начальнику красноводскаго отряда слѣдующее: «Я чувствую, какъ вамъ должно быть прискорбно видѣть, что всѣ ваши расчеты и надежды относительно пріобрѣтенія верблюдовъ не оправдались, но вы не должны слишкомъ поддаваться огорченію, утѣшая себя тѣмъ, что все возможное было вами сдѣлано. Въ дѣлѣ войны неудачи неизбежны и успѣхъ не всегда соответствуетъ способностямъ, званію и трудамъ, употребленнымъ для его достиженія. Я увѣренъ, что Великій Князь, нашъ Августѣйшій Главнокомандующій, такъ же взглянетъ на это дѣло и что невольная ваша неудача не повредитъ вамъ во мнѣніи Его Императорскаго Высочества. Что же до меня касается, то опыты жизни давно меня научили судить о людяхъ и ихъ поступкахъ по ихъ побужденіямъ и сопровождавшимъ ихъ обстоятельствамъ, а не по ихъ послѣдствіямъ».

спокойствіи и порядкѣ. Поэтому, имѣя въ виду крайнюю затруднительность и уже совершенную несвоевременность перевозки верблюдовъ изъ Мангшлака въ Красноводскъ, генераль-адъютантъ князь Мирскій приказалъ немедленно приступить къ формированію отряда на полуостровѣ. Въ составъ этого отряда должны были войти нѣкоторыя части, для сего взятая съ западнаго берега Каспійскаго моря, а также и всѣ тѣ, для которыхъ не найдется возможности идти изъ Чекишляра и Красноводска. Для того же, чтобы видѣть на мѣстѣ, что и какъ будетъ лучше сдѣлать, командующій арміею командировалъ сперва въ Чекишляръ, а оттуда въ Мангшлакъ, за отсутствіемъ начальника окружнаго штаба, помощника его, генеральнаго штаба полковника Золотарева. Послѣдній прибылъ и высадился въ Чекишляръ 21-го марта, слѣдовательно наканунѣ дня выступленія въ походъ втораго нашего эшелона и тогда, когда первый эшелонъ давно былъ уже на маршѣ. Проводивъ вмѣстѣ съ начальникомъ красноводскаго отряда выступившихъ 22-го числа, полковникъ Золотаревъ рѣшилъ, что, въ виду вѣроятности самостоятельныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, сокращеніе нашего отряда, идущаго туда, можетъ быть допущено лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, коими онъ признаетъ въ отношеніи пѣхоты 12 ротъ, какъ это и было уже назначено начальникомъ нашего отряда, хотя и поневолѣ, но еще раньше. Вмѣстѣ съ этимъ Золотаревъ рѣшилъ, что, независимо отъ перевозки на Мангшлакъ оставшихся у насъ свободными 8 ротъ, туда же слѣдуетъ перевезти изъ Красноводска одну нашу сотню Конно-Мусульманскаго ирегулярнаго полка. Такимъ образомъ, слѣдовательно, когда въ послѣдствіи распоряженіе это было приведено въ исполненіе, въ Красноводскѣ изъ кавалеріи, привезенной туда съ западнаго Каспійскаго берега, остались двѣ казачьи сотни: одна Владикавказскаго, а другая Сунженскаго полка. Частямъ, уходящимъ отъ насъ на Мангшлакъ, было приказано готовиться къ немедленному выступленію и посадкѣ на суда, которыя къ этому времени прибыли на Чекишлярскій рейдъ, отпущенныя, наконецъ, послѣ долгаго непроизводительнаго пребыванія у береговъ Мангшлакскаго полуострова. Выступающимъ изъ состава нашего отряда поставлено было въ обязанность взять съ собою продовольствіе на четыре мѣсяца. Пошла опять новая кутерьма, какъ будто намъ не доставало своихъ собственныхъ заботъ и затрудненій. Однѣ роты сдаютъ остатки, другія ихъ принимаютъ. Всѣ заняты, а между тѣмъ какъ сдывать, такъ и принимать нужно акуратно, потому что части выбываютъ окончательно. Во время степныхъ походовъ у насъ.

въ виду постоянной необходимости дробленія и совершенной невозможности образовывать особенные интендантскіе караваны, каждая рота принимала на весь походъ все положенное ей отъ казны, а потому естественно, что каждому начальнику особенно важна была осторожность въ счетахъ. Иначе могла произойти путаница, а затѣмъ—личная отвѣтственность предъ контролемъ, которой, конечно, всѣ боялись больше всякихъ текинскихъ враговъ. Ко всему этому, до той поры мы только выгружали, тутъ же пошли одновременно и выгружать, и нагружать суда до которыхъ отъ берега дѣлныхъ двѣ морскихъ мили, а восточный вѣтеръ, какъ на грѣхъ, все свищеть, да свищеть.

Для большей отчетливости вспомнимъ, что въ концѣ концовъ въ составѣ красноводскаго отряда находились и приняли участіе въ послѣднемъ походѣ 1873 года слѣдующія части: пять ротъ Кабардинскаго, три Самурскаго, двѣ Дагестанскаго и двѣ Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ,—всего 12 ротъ; двѣ сотни Кизляро-Гребенскаго, одна Сунженскаго и одна Владикавказскаго казачьихъ полковъ,—всего четыре сотни; четыре полевыхъ и 12 горныхъ орудій,—всего 16 орудій. Кромѣ того, изъ числа казаковъ была сформирована ракетная команда. Всѣ эти части для движенія подѣлены были на эшелоны. Въ составѣ перваго эшелона, въѣреннаго начальствованію Кабардинскаго пѣхотнаго полка маіору Козловскому, назначены были всѣ пять ротъ его же баталіона и четыре горныхъ орудія. Второю эшелонъ составляли три самурскія роты и восемь горныхъ орудій, подъ начальствомъ Самурскаго полка маіора Панкратьева. Третьей эшелонъ, начальствуемый Ширванскаго полка полковникомъ Араблинскимъ, состоялъ изъ двухъ ротъ Ширванскаго, двухъ ротъ Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ и четырехъ полевыхъ орудій. Каждому изъ этихъ трехъ эшелоновъ придано было по нѣскольку человекъ саперъ и конныхъ казаковъ. Всѣ эти три эшелона, равно какъ и двѣ сотни Кизляро-Гребенскихъ казаковъ, должны были выступить и выступили изъ Чекишляра: 1-й эшелонъ—19-го марта, 2-й—21-го, 3-й—26-го и казаки—30-го того же мѣсяца; послѣдніе—подъ начальствомъ командира своего полка, подполковника князя Чавчавадзе. Остальныя двѣ казачьи сотни и ракетная команда, подъ общимъ начальствомъ командира Владикавказскаго полка, подполковника Левиса-офъ-Менара, получили приказаніе выступить изъ Красноводска 2-го апрѣля и слѣдовать на соединеніе съ кизляро-гребенцами къ колодцамъ Бууруджи, или Айдинъ.

Особыми маршрутами начальники эшелоновъ снабжены не были.

Предполагалось, что число эшелонѣвъ, а также и составъ ихъ. въ зависимости отъ различныхъ непредвидѣнныхъ условій, могущихъ проявиться во время самаго похода, могутъ быть и будутъ непостоянны. На это должны были вліять и близость непріятеля, и степень его предпріимчивости, и путевыя удобства, каковы, напримѣръ: количество воды въ колодцахъ, верблюжьи корма и прочее. Вышеназванные штабъ-офицеры получили отъ начальника отряда лишь указанія на счетъ пути, имъ избраннаго для движенія всѣхъ войскъ отряда. Само же движеніе предоставлялось имъ соразмѣрять съ силою людей, степень которой заранѣе опредѣлить для каждаго даннаго дня, конечно, было невозможно и которая во многомъ должна была зависѣть отъ состоянія погоды и иныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Въ инструкціи начальникамъ эшелонѣвъ рекомендовалось, однакоже, возможно скорое движеніе и возможно менѣе продолжительное стояніе на одномъ мѣстѣ, дабы, во-первыхъ, успѣть окончить походъ въ пустынѣ до наступленія жаровъ, а, во-вторыхъ, дабы верблюды переднихъ эшелонѣвъ не имѣли времени уничтожать кормовъ въ окрестностяхъ попутныхъ колодцевъ. Условіе это было важно потому, что въ противномъ случаѣ заднимъ пришлось бы далеко гонять своихъ вьючныхъ животныхъ на пастьбу, а слѣдовательно усиливать нарядъ въ прикрытіе и тѣмъ изнурять людей.

Выступая, какъ было назначено, красноводскій отрядъ встрѣтилъ Святую Пасху у колодца Айдинъ. Первые дни нашего марша были крайне тяжелы, главнымъ образомъ, потому, что въ теченіе этихъ дней падежъ верблюдовъ достигъ у насъ ужасающихъ размѣровъ. Въ особенности много потерпѣлъ въ этомъ отношеніи первый нашъ эшелонъ. Случилось такъ потому, что, желая какъ можно скорѣе услатъ изъ Чекишляра тѣхъ вьючныхъ животныхъ, которыхъ необходимо было послѣпнѣе перевести на лучшіе корма, кабардинцамъ дано было сравнительно болѣе слабыхъ верблюдовъ, чѣмъ войскамъ, выступившимъ въ походъ позднѣе ихъ. Нужно сказать, что вообще въ нашемъ отрядѣ издавна практиковался такой порядокъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эшелоны направлялись однимъ и тѣмъ же путемъ, идущіе впереди всегда получали слабѣйшія подъемныя силы. Это обыкновенно дѣлалось въ тѣхъ видахъ, что, во-первыхъ, если переднимъ приходилось бросать свои вьюки, то слѣдующимъ за ними иногда удавалось подобрать брошенное, а, во-вторыхъ, потому, что переднія войска къ извѣстному дню послѣ начала похода, разумѣется, болѣе потребляли продуктовъ продовольствія и, слѣдо-

вательно, раньше прочихъ получали возможность уменьшать тяжесть оставшихся вьюковъ, разлагая ихъ на обезвьюченныхъ верблюдовъ. Какъ бы то ни было, но на пространствѣ отъ Чекишляра до Айдина кабардинцы потеряли свыше 350 головъ вьючныхъ животныхъ. Слѣдовательно, на этомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ имъ пришлось оставить приблизительно такое же число и вьюковъ. По заведенному порядку, въ тѣхъ случаяхъ, когда ничего иного не оставалось сдѣлать, какъ оставить въ пустынѣ значительный грузъ, обыкновенно у насъ вырывали въ песокъ и близъ дороги соответствующихъ размѣровъ яму, въ которую укладывали оставляемое и засыпали его, образуя родъ кургана. Вокругъ послѣдняго сносили груды дохлыхъ животныхъ и всѣ верблюжьи кости, которыя находились по близости. Случалось, разумѣется, что признаки эти служили указаніемъ туземцамъ и что послѣдніе пользовались нашимъ добромъ, но бывали примѣры, что и мы сами откапывали зарытое не только въ томъ же самомъ году, но и въ послѣдующій годъ.

Что касается состоянія погоды, то въ первое время она намъ благопріятствовала и, во всякомъ случаѣ, нисколько не дѣлала намъ помѣхи. Такъ, напримѣръ, казаки подполковника Левиса, выступивъ изъ Красноводска, какъ это и предполагалось, 2-го апрѣля, безъ верблюдовъ, не смотря на то, что на каждомъ конѣ везли по четыре пуда ячменя и по 27 фунтовъ сухарей, сдѣлавъ около 200 верствъ, 7-го апрѣля вышли уже на главный нашъ путь у колодцевъ Бууруджи, вполне сохранивъ силы какъ всадниковъ, такъ и коней. Вообще всѣ радовались тому, что весеннее тепло какъ будто медлило своимъ приходомъ. Начальникъ отряда, довольно серьезно заболѣвшій было въ Заатрекомъ походѣ ⁽¹⁾ и, вслѣдствіе этого, по прибытіи въ Чекишляръ, просившій даже объ освобожденіи его отъ предстоящаго похода, тутъ какъ бы ожилъ и до того исполнился надеждъ, что 8-го апрѣля, въ день Святой Пасхи, написалъ красноводскому воинскому начальнику, полковнику Кругену, между прочимъ слѣдующее: «Что касается насъ, то Господь не лишаетъ странствующихъ своихъ щедротъ, и мы, благодаря Бога, зашагали опять по старому. Всѣ шероховатости, неизбѣжныя въ первые дни марша,

(1) Гродековъ въ «Хивинскомъ походѣ 1873 г.», на страницѣ 103-й, говоритъ слѣдующее: «Съ самаго возвращенія изъ-за Атрека, Маркозовъ былъ крайне утомленъ и разстроенъ. Припадки болѣзни доводили его еще въ Чекишляръ до того, что онъ заявлялъ полковнику Золотареву о желаніи быть освобожденнымъ отъ предстоящаго похода».

сократились вмѣстѣ съ ними. Вчера, напримѣръ, мы, безъ особеннаго утомленія сдѣлали 32 версты. Съ вашимъ нарочнымъ мы будемъ отправлять нашу корреспонденцію, а вы, въ свою очередь, будете имѣть свѣдѣніе о томъ, какъ мы побѣждаемъ Хиву, ибо побѣда надъ Хивой пропорціональна скорости нашего движенія».

До 9-го апрѣля люди шли въ шинеляхъ, и даже въ такомъ одѣяніи мы нерѣдко дрогли по ночамъ отъ стужи. Между 9-мъ и 12-мъ апрѣля, послѣ полудня, тепло стало уже достигать 30° R., но такъ какъ по ночамъ было свѣжо почти на столько же, какъ и прежде, то идти было недурно. Съ 13-го апрѣля произошла сильнѣйшая и чрезвычайно рѣзкая пере мѣна средней температуры воздуха. Солнце, которое до той поры согрѣвало лишь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стало печь невыносимо отъ самаго восхода и до самаго своего заката. Это вынудило насъ почти совершенно отказаться отъ марша въ часы дневные, и мы стали ходить, такъ сказать, въ два приѣма, а именно: отъ трехъ часовъ ночи до семи часовъ утра и отъ семи часовъ вечера до 10-ти—11-ти ночи. Въ теченіе первыхъ, вторыхъ сутокъ такое распредѣленіе времени движенія не представляло особенныхъ неудобствъ, но скоро ночь намъ стала казаться невыносимѣе дня, такъ какъ песокъ, чрезвычайно накалившійся солнечными лучами, сталъ поглощать влагу воздуха и удушливая теплота лишала насъ возможности свободного дыханія. Такъ какъ при этомъ ночныя движенія всегда и вездѣ медленнѣе и томительнѣе, то мы, конечно, охотно предпочли бы перейти къ маршамъ дневнымъ, но, къ сожалѣнію, этого сдѣлать уже было нельзя. Дѣло въ томъ, что въ ту пору мы уже находились въ сферѣ кочевковъ племени теке и за нами внимательно слѣдилъ непріятель. Было совершенно ясно, что еслибы мы стали ходить днями, а верблюдовъ пасти ночами, то не могли бы доставлять себѣ необходимаго отдыха, такъ какъ пришлось бы, по крайней мѣрѣ, учетверить нарядъ для охраны пастбищнаго поля, который и безъ того требовалъ не менѣе пятой части людей наличнаго состава. Иначе непріятель, конечно, не преминулъ бы воспользоваться случаемъ, чтобы угнать у насъ какъ можно болѣе верблюдовъ и тѣмъ лишить насъ подвижности. Вообще, съ 13-го апрѣля условія нашего движенія по пустынѣ сдѣлались немовѣрно тяжелыми. Число больныхъ, которыхъ въ осенніе походы предшествовавшихъ лѣтъ у насъ почти не бывало вовсе, начало съ каждымъ днемъ замѣтно приращаться. Благодаря этому, у насъ явилась новая статья массоваго расходованія вьючныхъ животныхъ не для прямаго ихъ назначенія и въ ущербъ взятымъ съ собою запа-

совъ продовольствія. Не смотря на то, мы все же кое-какъ подвигались впередъ. Колонна подполковника Левиса 12-го апрѣля догнала Кизляро-Гребенскія сотни у Топьетана, и съ этого времени казаки наши всѣ шли уже вмѣстѣ во главѣ нашего движенія, подъ общемою командою подполковника князя Чавчавадзе.

Къ этому же времени, а именно къ 11-му апрѣля, относится нѣкоторая перемѣна въ составѣ эшелоновъ и образованіе, такъ называвшейся, сборной роты. Послѣдняя являлась вслѣдствіе признанія, что кавалерія наша можетъ быть поставлена въ такое положеніе, когда ее необходимо будетъ скоро поддержать пѣхотою. Въ подобномъ случаѣ ускореніе движенія цѣлыхъ ротъ, привязанныхъ къ своему каравану и даже, можно сказать, составлявшихъ съ нимъ одно цѣлое, являлось невозможнымъ. Еслибы при подобныхъ обстоятельствахъ пришлось на-скоро сформировать хотя бы небольшую часть облегченной пѣхоты изъ ротъ передоваго эшелона, то это несомнѣнно страшно затруднило бы остающихся съ тяжестями. А потому приказано было образовать изъ вполне здоровыхъ и крѣпкихъ людей отдѣльную боевую единицу, назначивъ въ нее по 20 чловѣкъ рядовыхъ, при одномъ унтеръ-офицерѣ, отъ каждой изъ ротъ Дагестанскаго, Самурскаго и Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ. При ротѣ этой почти не было верблюдовъ и ношалодей, въ ней состоявшихъ, облегчена была до послѣдней возможности. Со дня сформированія этой, такъ сказать, ближайшей опоры нашей кавалеріи, она, вмѣстѣ съ присоединенными къ ней двумя горными орудіями, пошла впередъ всей нашей пѣхоты. Съ нею же слѣдовалъ и начальникъ отряда. Прочія же войска, начиная отъ Бууруджи и до прибытія въ Игды, были эшелонированы слѣдующимъ образомъ: 1) пять кабардинскихъ ротъ съ однимъ дивизиономъ горныхъ орудій; 2) двѣ дагестанскія роты съ двумя же орудіями; 3) двѣ ширванскія роты съ дивизиономъ полевыхъ пушекъ и, наконецъ, 4) три самурскія роты съ остальною артилеріею отряда, т. е. съ однимъ горнымъ дивизиономъ.

Таковъ былъ порядокъ нашего движенія, когда подполковникъ князь Чавчавадзе, находясь еще близъ колодцевъ Яндыжа, получилъ отъ проводниковъ своихъ свѣдѣніе о томъ, что у колодцевъ Игды находится значительная партія враждебныхъ намъ туркменъ. Провѣривъ это извѣстіе, названный штабъ-офицеръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы двѣ сотни казаковъ на лучшихъ лошадяхъ передали всѣ свои излишнія тяжести на сѣдлахъ остальнымъ двумъ сотнямъ, и послалъ облегченныя сотни съ ракетною командою впередъ, поручивъ команду надъ ними подполковнику Левису. Послѣдній, уско-

ривъ ходъ, пришелъ въ Игды около шести часовъ утра 16-го апрѣля, гдѣ непріятель встрѣтилъ его ружейнымъ огнемъ, но подполковникъ Левисъ скоро разсѣялъ вражескую шайку и занялъ колодцы. Часа чрезъ два послѣ Левиса пришелъ въ Игды и подполковникъ князь Чавчавадзе съ остальными нашими казаками. Облегчивъ тяжесть конскихъ выюковъ и усиливъ сотни Левиса, онъ приказалъ ему идти дальше и розыскать кочевки, о нахожденіи которыхъ, верстахъ приблизительно въ 15-ти отъ Игды, сдѣлалось извѣстно отъ туркмена, захваченнаго во время первой стычки. Подполковникъ Левисъ блистательно выполнилъ порученіе и часамъ къ тремъ дня 16-го апрѣля пригналъ въ Игды около 1,000 верблюдовъ, 5,000 барановъ, 267 вооруженныхъ туркменъ и болѣе 150 ихъ семействъ. Потеря непріятели при второмъ столкновеніи съ нимъ нашихъ казаковъ, не считая плѣнныхъ и животныхъ, состояла изъ 22-хъ убитыхъ и 21 раненаго. У насъ сильно былъ раненъ шашкою одинъ офицеръ и, кромѣ того, семь лошадей убито и 11 ранено. Донесеніе объ этомъ пріятномъ происшествіи нашло начальника нашего отряда близъ горько-соленыхъ колодцевъ Яндыжа. Въ этомъ донесеніи командиръ Кизляро-Гребенскаго полка, подполковникъ князь Чавчавадзе, описывая подробности дѣла, сообщилъ, между прочимъ, что хотя отбитые верблюды и оберегаются его казаками, но послѣднихъ остается съ нимъ въ Игды немного, такъ какъ, допросивъ плѣнныхъ, онъ удостовѣрился, что ему грозитъ нападеніе текинцевъ, и что потому онъ снарядилъ уже по 60 всадниковъ изъ каждой своей сотни для рекогносцировокъ въ стороны колодцевъ Куртышъ, Сансызъ, Агъ-Яйла и Кизиль-Арвата, отъ которыхъ можно ожидать нападенія на Игды. И, дѣйствительно, впослѣдствіи, а именно на разсвѣтѣ 17-го апрѣля, наши рекогносциры встрѣтились съ передовыми текинскими партіями и даже имѣли съ ними весьма оживленную перестрѣлку.

Къ сообщенію своему подполковникъ князь Чавчавадзе добавлялъ, что, при существующемъ положеніи дѣлъ, онъ не рискуетъ посылать отбитыхъ верблюдовъ на пастбище, и вообще просилъ какъ можно скорѣе поддержать его пѣхотою, чтобы надежище сохранить добычу. Послѣдняя была столь цѣнна, что начальникъ отряда, разумѣется, поспѣшилъ исполнить желаніе командира Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка. Находясь, какъ уже сказано, при сборной ротѣ, онъ приказалъ ей немедленно передать кабардинцамъ всю свою суконную одежду, получить у нихъ изъ запаса по полной маперкѣ воды и въ тотъ же день, т. е. 16-го апрѣля, лично повелъ

роту въ Игды. При этомъ отобрана была у кабардинцевъ и взята съ собою вся опорожнившаяся къ тому времени водовозная посуда. Люди сборной роты уже сдѣлали утренній переходъ въ 11 версть, но переходъ тотъ былъ совершенно оконченъ къ семи часамъ утра; съ этого же часа они находились на бивакѣ и отдыхали. Пройти до соединенія съ казаками предстояло всего 18 версть. Рота двинулась съ мѣста въ три часа пополудни. Не смотря на то, что при ней вовсе не было выюковъ съ грузомъ и что она шла совершенно налегкѣ, къ Игды притянулись мы едва къ часу пополудни, употребивъ, слѣдовательно, на 18-ти-верстный переходъ ровно 10 часовъ времени. Нельзя не упомянуть и о томъ, что не прошли мы еще и 13-ти версть, какъ уже обнаружилось съ полною очевидностью, что намъ безусловно необходимо было немедленно же остановиться на весьма продолжительный отдыхъ, такъ какъ безъ этого, или безъ какой-либо помощи, мы уже не въ состоянii были пройти нѣсколько версть, отдѣлявшихъ насъ отъ Игды. Сухой и горячій воздухъ ночи вмѣстѣ съ невообразимо удушливымъ вѣтромъ и нагрѣтый слой весьма глубокаго сыпучаго песка, покрывающаго окрестности названныхъ колодцевъ, довели насъ до полнѣйшаго истощенія физическихъ силъ. Манерки наши давнымъ-давно тоже были осушены. Видя такое состоянiе людей, начальникъ отряда рѣшилъ уѣхать впередъ и взять съ собою всѣхъ верблюдовъ, нагруженныхъ пустыми бурдюками. Прибывъ въ Игды, онъ успѣшилъ выслать оттуда съ казаками на встрѣчу ротѣ воду и около сотни верблюдовъ, для подвоза наиболѣе ослабѣвшихъ людей, изъ которыхъ многихъ пришлось не только отпаивать, но и отливать. Помогая ближайшимъ, разумѣется, нельзя было не подумать и о дальнѣйшихъ, а потому казакамъ приказано было сколь возможно скорѣе наполнять пустые бурдюки. Сдѣлать это, конечно, было не легко. Колодцы Игды, хотя относительно многочисленные и довольно обильные водою, тѣмъ не менѣе были уже порядочно повычерпаны. Изъ нихъ предъ тѣмъ только что напоены были всѣ казачьи лошади и отбитые верблюды, не говоря уже о людяхъ, которымъ, конечно, тоже нужна была вода. Однакоже набрали ее сколько могли, и во второмъ часу ночи около сотни гребенскихъ казаковъ выступили на встрѣчу первому эшелону, взявъ съ собою три сотни верблюдовъ подъ наиболѣе ослабѣвшихъ пѣхотинцевъ и 30 выюковъ воды. Мѣра эта была тѣмъ болѣе кстати и необходима, что на пути нашемъ въ колодцахъ Айдинъ воды не оказалось вовсе, въ колодцахъ же Халмаджи и въ особенности въ колодцахъ Яныджа, что въ 17-ти верстахъ не доходя Игды,

какъ уже было замѣчено выше, вода совершенно затхлая и горько-соленая, а потому послѣдній запасъ сносной и возможной для питья людей воды былъ сдѣланъ въ Джамала, отъ котораго до Игды 71 верста.

Къ восьми часамъ утра кабардинская колонна и всѣ казаки находились уже въ сборѣ въ Игды, и 17-го апрѣля рѣшено было днествовать. Въ этотъ высокаторжественный день, не смотря на всеобщее наше желаніе помолиться Богу, благодаря жесточайшей жарѣ, мы могли выйти къ молебну не ранѣе восьми часовъ вечера. Тѣмъ не менѣе, однако-же, даже и послѣ всего нами уже испытаннаго, бодрость духа насъ еще не оставляла и мы все еще надѣялись на то, что какъ-нибудь дотянемъ до желаннаго оазиса. Туркмены-проводники утверждали, что, по ихъ мнѣнію, можно скоро ожидать дождя, а уже одна мысль объ этой благодати насъ очень поддерживала. Верблюды, которыхъ казаки наши добыли въ Игды, должны были въ значительной степени облегчить дальнѣйшій нашъ походъ, въ послѣднее время до крайности затрудненный чрезвычайнымъ падениемъ животныхъ отъ путевой безкормицы и безводья, начиная съ самаго Джамала. Къ 17-му апрѣля, между прочимъ, относится одна изъ неосторожностей начальника красноводскаго отряда. Она выразилась въ отправленіи въ Тифлисъ телеграммы, въ которой говорилось, что если ничто особенное не помѣшаетъ, то, по его расчетамъ, отрядъ можетъ прибыть въ Измыхширь даже и къ 1-му числу мая. Въ телеграммѣ этой, наскоро составленной, какъ оно и видно, вовсе не было упомянуто, что мы уже страшно бѣдствуемъ отъ жары, что она-то именно и заставляетъ насъ ускорять движеніе, чтобы своевременно уйти отъ наступающаго еще большаго тепла и всѣхъ его ужаснѣйшихъ послѣдствій. Вообще въ донесеніи томъ не было пояснено, что обстоятельства, могущія мѣшать нашему движенію, уже заговорили громко и что сила ихъ легко можетъ разростись до того, что мы должны будемъ отказаться отъ нашего предпріятія. Необходимо сказать, что по приблизительному маршруту нашего движенія, представленному начальникомъ отряда въ Тифлисъ, по требованію штаба округа, много раньше выступленія въ послѣдній походъ, прибытіе наше въ Измыхширь предполагалось не прежде 9-го мая. Въ Игдахъ, по тому же самому маршруту, мы должны были быть только 24-го апрѣля. Между тѣмъ, случилось такъ, что въ дѣйствительности мы уже оказались въ этомъ послѣднемъ пунктѣ 17-го, а казаки наши даже 16-го апрѣля. Слѣдовательно, въ сущности, общая быть въ Измыхширь 1-го мая, начальникъ отряда тѣмъ самымъ

выражалъ только, что остающуюся часть пространства онъ предполагаетъ идти со скоростью первоначально предполагавшеюся, такъ какъ ко дню отправленія телеграммы отрядъ опередилъ маршрутъ на столько именно дней, на сколько раньше предполагалось дойти до Измыхшира. Но такъ какъ, надобно въ этомъ признаться, редакция телеграммы не была безукоризненна, то она оставила въ тѣхъ, кто ее прочиталъ, такое впечатлѣніе, что красноводскій отрядъ идетъ необыкновенно благополучно, какъ говорится — припѣваючи, и что даже прибываетъ къ окраинѣ оазиса восемью днями раньше, нежели рассчитывалъ. Очевидно, что, чѣмъ болѣе эффекта произвела эта депеша, тѣмъ болѣе въ худшемъ видѣ должно было быть принято въ послѣдствіи наше возвращеніе, а огонь этотъ и безъ того, конечно, вовсе не нуждался въ томъ, чтобы въ него подливать масло.

18-го апрѣля, еще задолго до разсвѣта, начальникъ отряда двинулся изъ Игды, по направленію на колодцы Орта-кую. Онъ повелъ съ собою пять кабардинскихъ ротъ, сборную роту, шесть горныхъ орудій, нѣсколько человѣкъ саперъ и 25 казаковъ. Остальнымъ частямъ отряда приказано двигаться вслѣдъ за первую колонною, пошелонно, на сутки разстоянія одинъ отъ другаго. Въ день выступленія изъ Игды, передній эшелонъ, хотя и съ величайшимъ напряженіемъ силъ и, относительно, со значительнымъ числомъ отсталыхъ людей, къ девяти часамъ вечера успѣлъ однако-же отойти 26 верстъ. Что касается кавалеріи съ ракетною командою, при ней состоявшею, то, въ виду сильнаго утомленія во время движеній и дѣйствій въ предшествующіе дни въ окрестностяхъ Игды, ей назначено было выступить лишь предъ самымъ наступленіемъ ночи съ 18-го на 19-е апрѣля. Предполагалось, что казаки достаточно отдохнутъ въ теченіе 17-го и 18-го чисель, а потому будутъ въ состояніи осилить предстоящій имъ большой переходъ и въ сутки, т. е. къ ночи съ 19-го на 20-е, дойдутъ до колодцевъ Орта-кую. Выступивъ вполнѣ согласно приказанія, казаки успѣли пройти къ полуночи около 20 верстъ, но такъ какъ ужаснѣйшая духота ночи сильно ихъ изнурила, то безъ большаго отдыха идти далѣе они не рѣшились и остановились на привалъ до четырехъ часовъ утра. 19-го апрѣля кавалерія продолжала движеніе и обогнала первый эшелонъ приблизительно въ 6 верстахъ отъ мѣста, въ которомъ послѣдній имѣлъ свой ночлегъ. Къ ней, т. е. къ кавалеріи, присоединился и начальникъ отряда, причемъ, по его приказанію, казаки взяли у пѣхоты лопаты, на случай, если-бы колодцы Орта-кую оказались засыпанными и ихъ пришлось бы разрывать. Предполагалось,

что, въ случаѣ нужды, казаки не только успѣютъ окончить эту работу, но съ ними можно будетъ даже посылать воду на встрѣчу подходящимъ къ Орта-кую пѣшимъ частямъ.

Жара и духота 19-го апрѣля, все болѣе и болѣе усиливаясь, превзошла, наконецъ, всякое вѣроятіе, и мы напрягали послѣднія силы, чтобы хотя понемногу подвигаться впередъ. Къ 11 часамъ дня начальникъ отряда, ведя казаковъ, успѣлъ отойти съ ними около 25-ти верстъ, считая отъ того мѣста, гдѣ они обогнали передній эшелонъ. Но справедливость требуетъ, однако-же, сказать, что къ этому времени и на такое разстояніе продвинулась едва лишь половина всадниковъ. Лошади насилу волокли ноги. Многіе казаки, видя совершенное изнеможеніе своихъ коней, слѣзли съ нихъ и, пока могли идти сами, вели ихъ въ поводу. Благодаря приведеннымъ обстоятельствамъ, сотни растянулись на такое протяженіе, что, въ сущности, ни въ какой части пути слѣдованія не представляли уже неуязвимой и солидной боевой силы. Пришлось остановить голову колонны, чтобы дать казакамъ сколько нибудь стянуться и вздохнуть, но удушливый зной и полнѣйшая неподвижность воздуха какъ будто росли все въ большей и большей степени. Лучи деннаго свѣтила буквально жгли и людей, и животныхъ, поражая многихъ изъ нихъ солнечнымъ ударомъ. Въ числѣ подвергшихся гибели этого рода, между прочими, были лошади командира Кизляро-Гребенскаго полка и начальника отряда. Послѣднюю не спасла и бѣлая масть шерсти: она упала подъ своимъ хозяиномъ, причинивъ ему ушибы, и стала конвульсивно метаться. Чтобы избавить бѣдное животное отъ ужаснѣйшихъ мученій, пришлось тутъ же пристрѣлить его. То же самое пришлось сдѣлать и со многими другими лошадьми, причемъ нельзя было не обратить вниманія на совершенное однообразіе симптомовъ, какъ результатовъ одной и той же причины. Какъ это ни странно, но всѣ пораженныя лошади одинаково разбивали переднія ноги подковами заднихъ, нанося себѣ ужаснѣйшіе удары между колѣномъ и щиколодкою.

До Орта-кую было еще очень далеко. Туркмены-проводники, видя положеніе дѣлъ, посовѣтовали было свернуть съ большой дороги и идти къ колодцамъ Бала-Ишемъ, однако начальникъ нашего отряда хотя сперва было къ этому и склонялся, но въ концѣ концовъ не рѣшился на это. О названныхъ колодцахъ хорошо было извѣстно, что они довольно глубоки, и такъ какъ на нихъ именно отошелъ побитый въ Игдахъ непріятель, то ничто не гарантировало, что мы не найдемъ колодцы эти засыпанными. Тратить время на

развѣдываніе было невозможно. Естественно, что намъ каждая минута была очень дорога. Притомъ же какого рода развѣдка могла быть признана достаточно надежною? Одиночный развѣдчикъ или одиночные развѣдчики могли быть захвачены, — и мы должны были бы долго оставаться въ томительномъ и бесплодномъ ожиданіи ихъ возвращенія. Къ тому же, если бы развѣдчикамъ и удалось привезти намъ утѣшительныя свѣдѣнія, то до полученія нами этихъ послѣднихъ и на прохожденіе 18—20 верстъ въ сторону потребовалось бы гораздо болѣе времени, чѣмъ было нужно для того, чтобы засыпать до верху шестисаженную надводную пустоту въ колодцахъ. Подобнаго рода развѣдки могли даже навести непріятеля на мысль сдѣлать съ нами именно эту продѣлку. Послать же для удержанія за нами колодцевъ такую силу, которая соотвѣтствовала бы задачѣ какъ числомъ посланныхъ, такъ и бодростью ихъ, было неразсчитливо потому, что еслибы такой силы у насъ тогда было много, то ее несравненно основательнѣе было бы вести впередъ, не удлиняя заходомъ въ Бала-Ишемъ общаго пути слѣдованія на 30 слишкомъ верстъ. Послѣднее рѣшеніе было бы тѣмъ логичнѣе, что еслибы колодцы Орта-кую оказались засыпанными, то ихъ легко и скоро можно было бы отрыть вслѣдствіе совершенно незначительной ихъ глубины.

Установивъ возможное наблюденіе за совершенно ослабленными, сдѣлавъ распоряженіе на счетъ призрѣнія ихъ и сбора всѣхъ отсталыхъ къ мѣсту привала, въ половинѣ пятаго часа пополудни начальникъ отряда повелъ казаковъ дальше. Нельзя не сказать, что время привала, не смотря на продолжительность послѣдняго, потрачено было почти безъ пользы, такъ какъ силъ никому не прибавилось. Въ такую пору дня и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находились, отдыхъ возможенъ вообще лишь при обиліи свѣжей, хорошей воды и въ прохладѣ тѣни; но подъ огнемъ сверху и на накаленномъ пескѣ силъ, конечно, не наберешься. Температура воздуха все время упорно оставалась постоянною и, во всякомъ случаѣ, нисколько не понижалась. Когда изрѣдка проносился вѣтерокъ, то онъ, если это было еще возможно, усугублялъ наши страданія. Не говоря уже о томъ, что вѣтеръ этотъ былъ горячъ и сухъ, онъ обыкновенно наполнялъ воздухъ тончайшею пылью, вздымавшеюся съ ближайшихъ известковыхъ площадей, которыми переполнены были окрестности нашей дороги. И пыль та, едва проносился порывъ вѣтра, какъ бы замирая въ воздухѣ, затѣмъ медленно осѣдала на насъ толстымъ слоемъ. Она, если можно такъ выразиться, бук-

важно заштопоривала всѣ поры тѣла и органы слуха, обонанія, вкуса и даже затемняла зрѣніе. Попадая въ полость рта, известка сушила языкъ, мѣшала глотать и вызывать слюну, доводя мученія жажды до невѣроятной степени. Разсудокъ переставалъ функционировать. При такихъ условіяхъ, какъ это и совершенно естественно, дальнѣйшее движеніе наше сдѣлалось до крайности вяло и автоматически. Лошади стали падать на каждомъ шагѣ и, разъ упавъ, съ величайшимъ трудомъ поднимались на ноги. Многіе изъ людей, окопчательно утративъ силы, валились съ сѣделъ на песокъ. Для такихъ людей часовъ въ восемь вечера устроены были второй этапъ. Остальные шли до 12-ти, т. е. до той поры, когда у главнаго нашего проводника, почтеннаго и всею душою преданнаго намъ Ата-Мурадъ-хана, зародилось сомнѣніе на счетъ правильности направленія нашего движенія. Онъ сообщилъ объ опасеніяхъ своихъ начальнику отряда, причемъ выразилъ мнѣніе, что если мы идемъ правильно, то колодцы Орта-кую должны быть уже недалеко. Ночь была темна до того, что въ нѣсколькихъ шагахъ не было средствъ что-либо различить. Пришлось остановиться. Отдавъ на этотъ счетъ приказанія, начальникъ отряда вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ самого Ата-Мурата съ однимъ расторопнымъ и хорошо знавшимъ туземный языкъ фейрверкеромъ и однимъ армяниномъ-маркитантомъ, поручивъ имъ развѣдать путь, разыскать колодцы и опредѣлить примѣрное до нихъ разстояніе. Посланнымъ внушено было, чтобы они исполнили данное приказаніе сколь возможно поспѣшнѣе. Въ мучительномъ ожиданіи возвращенія развѣдчиковъ, минуты намъ казались часами. Выступая изъ Игды, казаки имѣли съ собою запасъ воды, по три бутылки на человѣка. Легко судить каждому, въ какой степени освѣжительно способна была дѣйствовать на людей вода, которая болѣе сутокъ везлась при описанныхъ условіяхъ погоды. Тѣмъ не менѣе до поздняго вечера 19-го апрѣля еще имѣлось у насъ кой-какое количество жидкости, которую мы въ пустынѣ давно привыкли называть водою и которую въ странахъ, не обиженныхъ природою, разумѣется, никто бы не дерзнулъ назвать такимъ именемъ, чтобы не осквернять благодатной влаги, которой въ дѣйствительности присвоено это названіе. Но къ часу остановки колонны, т. е. къ тому времени, до котораго доведенъ нашъ разсказъ, у насъ уже не оставалось ни единой капли воды. Между тѣмъ прошло около трехъ часовъ времени, какъ уѣхалъ Ата-Мурадъ-ханъ и отправленные съ нимъ люди, а никто изъ нихъ не возвращался. За нами, хотя и довольно не близко, какъ извѣстно, шла цѣлая колонна пѣхоты, кото-

рой грозили тѣ же бѣдствія, коимъ мы уже пріобщились. Пора было подумать о спасеніи людей. Время не терпѣло: каждая потерянная минута могла сдѣлаться ничѣмъ невознаградивою. Очевидно стало, что необходимо какъ можно скорѣе приблизиться къ водѣ, спѣша воспользоваться часами, которые оставались до того, пока вновь загорить солнце на небѣ. Движеніе впередъ при условіяхъ, въ которыхъ мы находились, когда не было извѣстно съ точностью, сколько именно еще остается до колодцевъ, ни даже того, на прямомъ-ли мы пути къ Орта-кую, показалось начальнику отряда не имѣющимъ основанія. Возвращаясь, онъ рассчитывалъ на вѣрную встрѣчу съ первымъ эшелономъ, у котораго воды, конечно, еще было столько, что казакамъ могла быть оказана значительная поддержка. Поэтому онъ повелъ послѣднихъ обратно. Рѣшившись на это, онъ приказалъ выбрать нѣсколькихъ человекъ, наиболѣе собою владѣвшихъ и наиболѣе доброконныхъ, и, подъ начальствомъ подполковника Левиса-офъ-Менара, отправилъ команду эту съ приказаніемъ пріостановить передній эшелонъ и выслать отъ него воду на встрѣчу казакамъ. Выѣстъ съ тѣмъ подполковникъ Левисъ обязывался встрѣтить задніе эшелоны и передать ихъ начальникамъ приказаніе отойти въ Игды, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Съ величайшимъ трудомъ поднялись казаки съ мѣста и еще съ большимъ напряженіемъ силъ пошли въ обратный путь. Все то, что приходилось имъ испытать наканунѣ, въ еще болѣе степени испытано было ими и въ день 20-го апрѣля. Все тѣ же были и проявленія страданій. Съ какимъ то паническимъ страхомъ глядѣли всѣ мы на восходящее горячее солнце, а когда взопло оно, многіе люди стали сбрасывать съ себя одежду и обувь, нѣкоторые падали на песокъ навзничъ и, судорожно разгребая его, старались вдыхать воздухъ изъ нижнихъ, болѣе прохладныхъ песчаныхъ слоевъ. Иные автоматически брели въ стороны, какъ бы отыскивая воду.

Таково было положеніе дѣлъ, когда, наконецъ, около 10-ти часовъ утра, мы встрѣтили нашихъ туркменъ изъ перваго эшелона съ нѣсколькими вьюками воды, подвезенной намъ изъ Бала-Ишема. Можно представить себѣ, что случилось бы не только съ водою, но и водоносными сосудами, еслибы не были приняты самыя строгія мѣры къ тому, чтобы распредѣлить ее возможно правильнѣе. По приказанію начальника отряда, вьюки немедленно были оцѣплены часовыми, а затѣмъ самъ онъ лично занялся раздачею воды, причесть на каждого, не исключая и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, безъ различія чиновъ ихъ и положенія, выдано было по одной цѣлой мане-

рочной крышкѣ. Остальное пошло на приведеніе въ себя людей, совершенно обезсиленныхъ и окончательно утратившихъ сознание.

Остановимся пока на этомъ и скажемъ, что 19-го числа на денномъ привалѣ казаковъ, путемъ провѣрки нѣкоторыхъ существовавшихъ распросныхъ свѣдѣній на мѣстѣ, а также и новыхъ распросовъ, начальникъ отряда пришелъ къ полнѣйшему убѣжденію, что разстояніе между Игды и Орта-кую несравненно больше того, которое до того предполагалось. Подъ давленіемъ мысли о томъ, что пѣхотѣ, безъ посторонней помощи, пожалуй, не пройти этого промежутка, начальникъ отряда рѣшилъ сократить для нея безводный путь, хотя бы удлинивъ при этомъ общее протяженіе дороги. Кромѣ того, ему хотѣлось скорѣе довести кавалерію до Орта-кую, чтобы у этихъ колодцевъ организовать встрѣчную помощь пѣхотѣ изъ тѣхъ казаковъ, которые быстрѣ прочихъ успѣютъ оправиться и освѣжить своихъ коней. Въ видахъ приведенія въ исполненіе перваго своего рѣшенія начальникъ отряда послалъ съ нарочнымъ маіору Козловскому приказаніе, обязывавшее его свернуть на Бала-Ишемъ. Это приказаніе, впоследствии отмѣненное изъ опасенія найти названные колодцы засыпанными, получено было по назначенію тогда, когда голова колонны дотянулась уже до сороковой версты, считая отъ Игды, т. е. приблизительно до поворота въ Бала-Ишемъ. Начальникъ эшелона, маіоръ Козловскій, признавая необходимымъ дать въ этомъ мѣстѣ людямъ отдыхъ, только что остановилъ движеніе и, со свойственною ему всегдашней распорядительностью, принялъ самыя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы скорѣе стянуться и подобрать отсталыхъ. Нужно, кстати, замѣтить, что въ эшелонѣ этомъ дѣла вообще были сравнительно гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ у тѣхъ, которыя въ то время находились впереди. Хотя безъ сильныхъ и каждому памятныхъ страданій и тамъ, конечно, не обошлось, однако-же отсталыхъ, а тѣмъ болѣе обезсилѣвшихъ тамъ было несравненно меньше, что, конечно, несправедливо было бы объяснять только разностью количества отпускавшейся воды. Правда, послѣдней 18-го, на примѣръ, числа у маіора Козловскаго выдано было по три котелка на человѣка, тогда какъ казаки имѣли лишь по такому же числу бутылокъ, но вѣдь и потребность въ нитѣ всегда должна быть меньше у коннаго, чѣмъ у пѣшаго. Кромѣ того, при казакахъ не было вовсе верблюдовъ, тогда какъ пѣхота должна была утомляться, навьючивая и развьючивая этихъ животныхъ, а главное пая ихъ. Поэтому причину такой несообразности мы лично скорѣе склонны приписать разницѣ въ степени предва-

рительнаго утомленія. Какъ бы то ни было, но маіоръ Козловскій, простоявъ на привалѣ до четырехъ часовъ пополудни, тронулся затѣмъ въ направленіи на Бала-Ишемъ, но вскорѣ получилъ новое приказаніе и, описавъ, слѣдовательно, небольшую дугу, вновь вышелъ на ортакуюнскій путь, по которому, пройдя нѣсколько, остановился почевать. Дальше идти было нельзя между прочимъ и потому, что, вслѣдствіе ночной темноты, проводники не ручались за то, что проведутъ колонну правильно.

Верблюды съ водою, встрѣченные казаками, принадлежали армянину, бывшему маркитантомъ при баталіонѣ Кабардинскаго полка. Они были изъ числа тѣхъ, которые, освободясь изъ подъ व्यюковъ съ маркитантскими товарами, за израсходованіемъ послѣднихъ, возили казенное имущество, что полегче. 18-го апрѣля нѣкоторые изъ нихъ везли пустые бурдюки. Маркитантъ, узнавъ о томъ, что колоннѣ велѣно идти въ Бала-Ишемъ, сообщилъ о томъ служившимъ у него по найму туркменамъ верблюдовожатымъ, а они, чтобы раньше дойти до мѣста, не останавливаясь на привалѣ, безопасно погнали животныхъ къ названному колодцу. Прийдя въ Бала-Ишемъ и найдя колодцы не охраняемыми непріателемъ и открытыми, они немедленно наполнили сосуды водою. Нужно замѣтить, что кочевники пустыни, вообще, стараются какъ можно менѣе стоять въ пути на мѣстѣ. Они обыкновенно идутъ отъ одной группы колодцевъ до другой, почти не останавливаясь вовсе. Такъ какъ верблюды ихъ рѣдко несутъ на себѣ особенно тяжелые व्यюки, то они обыкновенно пасутся на ходу. Точно также освящено тамъ обычаемъ, что если путники подошли къ водѣ и есть у нихъ пустой сосудъ, то прежде всякаго отдыха каждый поставяетъ себѣ въ обязанность немедленно набрать воды. Такъ поступили и туркмены маркитанта; но, напрасно прождавъ у Бала-Ишема прибытія войскъ до самаго разсвѣта, они рѣшили, что, вѣроятно, колонна пошла на Орта-кую, и, описавъ, слѣдовательно, гораздо большую дугу, чѣмъ то пришлось сдѣлать первому эшелону, вышли на путь, на которомъ, немного погодя, показали отступавшіе казаки.

Съ разсвѣтомъ 20-го числа первый эшелонъ пошелъ дальше и около половины восьмаго часа встрѣтилъ подполковника Левиса, который передалъ привезенное имъ приказаніе по назначенію. Въ виду этого маіоръ Козловскій тотчасъ же остановилъ движеніе своей колонны и немедленно же выслалъ впередъ десять бурдюковъ воды на встрѣчу казакамъ. Выѣхавъ съ тѣмъ, такъ какъ къ тому времени начальнику эшелона было уже извѣстно, что колодцы Бала-

Ишемъ свободны, онъ совершенно налегкѣ отправилъ туда одну кабардинскую роту, со всею порожнею водоносною посудою. Ротѣ этой приказано было сколь возможно поспѣшнѣе привезти воду въ свой эшелонъ, который, благодаря экстренному расходованію запаса, самъ скоро могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи. Къ этому же времени состояніе команды казаковъ подполковника Левиса, въ которой было 22 всадника, находилось въ такомъ положеніи, что названный штабъ-офицеръ рѣшительно не признавалъ возможнымъ исполнить дальнѣйшее порученіе, на него возложенное. Подполковникъ Левисъ находилъ, что ѣхать дальше съ надеждою добраться до слѣдующаго эшелона онъ могъ бы рискнуть въ томъ лишь случаѣ, еслибы кабардинцы могли вдоволь напоить лошадей его команды. Такъ какъ, однако-же, майоръ Козловскій не согласился на это, да и согласиться рѣшительно не могъ, то положено было между ними отправить приказаніе начальника отряда въ задніе эшелоны съ нарочными туркменами, подполковнику же Левису отойти къ Бала-Ишему, что и было исполнено. Вслѣдъ за отправленіемъ впередъ воды, о чемъ уже было сказано выше, начальникъ передоваго эшелона послалъ въ ту же сторону небольшую организованную имъ помощь, состоявшую изъ двухъ десятковъ лучшихъ верблюдовъ, при нѣсколькихъ наиболѣе сохранившихъ бодрость людяхъ, коимъ приказано было подобрать и подвезти больныхъ и совершенно изнемогавшихъ встрѣчныхъ.

Въ 11 часовъ дня 20-го апрѣля стали уже понемногу прибывать къ кабардинскому биваку передніе изъ отступавшихъ казаковъ. По мѣрѣ того, какъ они прибывали, имъ немедленно же отпускалось по крышкѣ воды на человѣка. Во второмъ часу пріѣхалъ и начальникъ отряда, а вслѣдъ затѣмъ сдѣланы были всѣ распоряженія объ отходѣ къ Бала-Ишему, причѣмъ точно установлены были порядокъ и очередь движенія, равно какъ попутная помощь и наблюденіе за дорогою, которая въ этомъ отношеніи была распредѣлена на участки. Прежде всего, само собою разумѣется, повезли на верблюдахъ кабардинскаго баталіона больныхъ и слабыхъ. За ними послѣдовали остальные казаки и, наконецъ, пошли кабардинцы поротно, съ необходимыми промежутками времени. Съ послѣднею изъ ротъ пошелъ въ Бала-Ишемъ и начальникъ отряда. До названныхъ колодезь отъ мѣста бивака кабардинцевъ оказалось 15 верстъ. Между тѣмъ подполковникъ Левисъ съ нѣсколькими казаками, хотя и съ величайшемъ трудомъ, дотянулъ до колодезь Бала-Ишема, у которыхъ онъ засталъ человѣкъ 20 туркменъ

путешественниковъ. Послѣдніе, видя появленіе неожиданныхъ ими русскихъ, смутились и думали было бѣжать, но названному штабъ-офицеру удалось ихъ успокоить и воспользоваться ихъ выючными животными, а также довольно многочисленными водоносными сосудами, находящимися у нихъ. Все это подполковникъ Левисъ немедленно отправилъ кабардинцамъ съ самими же туркменами-путешественниками, задержавъ остальное имущество туркменъ при себѣ, въ видѣ залога. Это было около восьми часовъ вечера, а часовъ около 10-ти пришла въ Бала-Ишемъ и стрѣлковая кабардинская рота, та самая, которая послана была туда за водою, какъ о томъ уже было сказано выше. Можно считать, что съ этого самаго времени прекратились всѣ исключительныя невзгоды въ тотъ періодъ нашего похода, такъ какъ съ вечера 21-го числа, благодаря распорядителямъ у Бала-Ишема и на кабардинскомъ бивакѣ, между этими пунктами можно было почти на каждомъ шагу встрѣтить воду, и хотя въ самомъ небольшомъ количествѣ, но все же да получить ее. Зато, въ теченіе того же самаго дня страданія людей, тѣмъ болѣе лошадей, не поддаются никакому описанію. Не говоря уже о молодцахъ-казакахъ, испытавшихъ всѣ мученія ада, были роты, въ которыхъ въ иныя минуты держалось на ногахъ не болѣе десятка человѣкъ, а потому въ тѣхъ случаяхъ, когда въ настоящемъ разсказѣ говорится о ротахъ, подъ этимъ именемъ совершенно правильно понимать нѣсколько человѣкъ, одаренныхъ природою желѣзнымъ здоровьемъ и желѣзнымъ же самообладаніемъ. Такіе люди, слава Богу, конечно, находятся въ нашей арміи и ихъ въ ней всегда довольно много, но желать, а тѣмъ болѣе требовать, чтобы всѣ были таковы, не значитъ-ли желать и требовать совершенно невозможнаго. Мы не станемъ пестрить этихъ страницъ, посвященныхъ труднѣйшимъ и горчайшимъ днямъ жизни красноводскаго отряда, приведеніемъ цифръ пораженныхъ солнечнымъ ударомъ и, вообще, заболѣвшихъ въ числа, ближайшія къ 20-му апрѣля. Не станемъ дѣлать этого, главнымъ образомъ, потому, что они все равно не въ состояніи были-бы дать интересующемуся точнаго понятія о тогдашнемъ санитарномъ состояніи въ отрядѣ. При такой продолжительной и постоянной тропической жарѣ, которую испытывали мы тогда, находясь въ области песковъ, покрывающихъ голое и безводное безграничное пространство, лежащее много ниже нормальнаго уровня моря, могъ-ли быть вполне здоровъ хотя-бы одинъ изъ насъ? Въ сущности мы были больны всѣ, начиная отъ перваго въ отрядѣ и до послѣдняго. Но болѣзнь наша была своеобразна: ее развѣ можно было-бы уподобить

морской болѣзни. Какъ на морѣ пассажиры, страдающіе отъ качки, приходятъ въ состояніе полного упадка физическихъ и умственныхъ силъ, такъ и въ пустынѣ люди, вслѣдствіе жары и безводья, впадаютъ въ совершенное изнеможеніе и даже теряютъ сознание. Но стоитъ только кораблю пристать къ берегу, какъ больной быстро приходитъ въ себя и поправляется, такъ и въ песчаной пустынѣ нужно только, чтобы подулъ прохладный вѣтерокъ и страдалецъ освѣжился порядочно прѣсною водою, какъ онъ немедленно выздоравливается и горя у него какъ-бы никогда и не бывало.

21-го апрѣля, послѣ полудня, начальникъ нашего отряда прибылъ въ Бала-Ишемъ. Въ тотъ же день сосредоточились тамъ всѣ войска, входившія въ составъ перваго эшелона, и обогнавшіе было его казаки. Всѣмъ людямъ сдѣлали повѣрку посредствомъ переклички, причемъ на лицо не оказалось четырехъ казаковъ. Для разысканія ихъ были немедленно же командированы на верблюдахъ благонадежные туркмены съ запасными верблюдами и съ обильнымъ запасомъ воды. Вечеромъ того же 21-го числа въ Бала-Ишемъ прибыли, наконецъ, сперва Ата-Мурадъ-ханъ, посланный съ нимъ армянинъ и одинъ изъ недостававшихъ четырехъ казаковъ, а затѣмъ, спустя нѣсколько часовъ, и фейерверкеръ. Люди эти не только доставили самыя подробныя свѣдѣнія объ Орта-куюнскихъ колодцахъ, но привезли и образчики воды. Изъ словъ ихъ начальникъ отряда узналъ, что колодцевъ въ Орта-кую четыре, вода въ нихъ хороша и ея довольно много, а отстоятъ они отъ того мѣста, съ котораго казаки были поведены назадъ, примѣрно на 10 верстъ. Всѣ посланцы прибыли къ названнымъ колодцамъ одновременно еще предъ разсвѣтомъ съ 19-го на 20-е число. Отдохнувъ тамъ и набравъ воды для доставленія ея на пробу начальнику отряда, они порѣшили между собою, что фейерверкеръ Гайнулла поѣдетъ съ докладомъ назадъ, а остальные двое останутся ждать прибытія казаковъ. Такъ они и сдѣлали; но на дорогѣ у Гайнуллы пала лошадь, а потому, когда онъ дошелъ до того мѣста, съ котораго былъ посланъ впередъ, то тамъ уже никого не засталъ и пошелъ дальше, по слѣдамъ уходившихъ казаковъ. Сотоварищи же Гайнуллы, удивляясь долгову неприбытію начальника отряда, ни на что, однако-же, не рѣшались до той поры, пока къ нимъ не добрелъ одинъ казакъ. Послѣдній рассказалъ Ата-Мурадъ-хану и его спутнику, что, уснувъ, не слыхалъ, какъ ушли съ ночнаго привала сотни, и, въ свою очередь, во тьмѣ не былъ также замѣченъ ими. Пробудясь отъ сна, онъ пошелъ по тремъ конскимъ слѣдамъ, которые ему попались въ глаза. Его

удивляло, что слѣдовъ такъ мало, но, пустившись уже по найденному направленію, онъ боялся куда-либо своротить и, такимъ образомъ, дошелъ до Орта-кую. Идя назадъ, Ата-Мурадъ видѣлъ и остальныхъ трехъ недостававшихъ у насъ казаковъ. Люди эти, въ состояніи полнѣйшаго изнеможенія, лежали въ сторонѣ отъ дороги и, конечно, идти съ Ата-Мурадомъ и его спутниками рѣшительно не могли. Такъ какъ и самъ Ата-Мурадъ, равно какъ армянинъ и казакъ, шли пѣшкомъ, ибо лошади первыхъ двухъ едва-едва тянулись въ поводу, а у послѣдняго конь палъ раньше, то, слѣдовательно, не на чемъ было подвести лежавшихъ казаковъ. Поэтому, проходя мимо, Ата-Мурадъ и спутники его снабдили только ихъ водою и сухарями, а привезли ихъ потомъ тѣ, которые за ними были посланы.

Къ полудню 21-го апрѣля, въ Бала-Ишемъ окончательно стянулись всѣ четыре сотни казаковъ со своею ракетною командою, пять ротъ Кабардинскаго полка, сборная рота и шесть горныхъ орудій. Остальныя части красноводскаго отряда, дотянувъ до Игды, оставались у этихъ колодцевъ. Туда же были возвращены и тѣ, которые успѣли было пройти дальше. Упомянувъ о заднихъ эшелонахъ, нужно будетъ кстати сказать, что хотя и въ меньшей степени, но и ихъ не миновали однако-же всѣ мученія жары, а также и болѣзни, составляющія неизбежное послѣдствіе пребыванія людей въ песчаной и безводной пустынѣ въ знойную пору. Даже съ ширванскимъ эшелonomъ, которому, судя по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, будто бы удалось превозмогать тяготу похода сравнительно благополучнѣе, случилось около Игды буквально то же самое, что и со сборною ротою въ томъ же самомъ мѣстѣ. Подобно тому, какъ рота эта не смогла осилить послѣднихъ трехъ-четырехъ верстъ, остававшихся до колодцевъ и начальникъ отряда вынужденъ былъ уѣхать впередъ, чтобы выслать воду и помощь,—такъ пришлось и начальнику этого эшелона, полковнику Араблинскому, поспѣшить въ Игды, чтобы сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Мы уже не говоримъ о случаяхъ, когда въ хвостѣ движенія, какъ и въ головѣ его, нѣкоторые обезумѣвшіе люди, чтобы утолить жажду, пробовали пить урину. Вездѣ или почти вездѣ вокругъ насъ въ теченіе 18-го, 19-го, 20-го и 21-го апрѣля, а также до 3¹/₂ часовъ пополудни 22-го числа термометръ Реомюра показывалъ около 45°, а 19-го, около часа дня, онъ даже поднимался до 52°. Естественно, слѣдовательно, что если по различію индивидуальной способности къ физическимъ ощущеніямъ не всѣ испытывали совершенно одно и то

же, то во всякомъ случаѣ разница не была и не могла быть особенно велика.

При такомъ положеніи дѣль необходимо было хорошенько обсудить и взвѣсить, на что могли рассчитывать мы идя дальше, и обсуждения этого рода привели начальника нашего отряда къ тому заключенію, что идти далѣе не только неосновательно, но и преступно. Теперь вполне было ясно, что хотя и съ величайшимъ напряженіемъ силъ, но, въ концѣ концовъ, всѣ мы, однако-же, пройдемъ до Орта-кую. Извѣстно было также, что приблизительно въ полупереходѣ оттуда, а именно въ колодцахъ Нефесъ-Кули, и въ такомъ же разстояніи отъ сихъ послѣднихъ, въ колодцахъ Якедже, почти навѣрное найдемъ немного воды; но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно было также, что отъ Якедже до колодцевъ Чагиль, что въ одномъ лишь суточномъ переходѣ отъ Измыхшира, все же болѣе 200 верстъ совершенно безводнаго пути. Мы знали, наконецъ, само собою—по распросамъ, что изъ Якедже можно идти на Сакаръ-Чага и, такимъ образомъ, сократить разстояніе между колодцами на цѣлый большой мензиль, т. е. переходъ, но этотъ способъ самопомощи болѣе чѣмъ на столько же удлинялъ общее протяженіе нашей дороги и давалъ намъ послѣ 170-ти-верстнаго совершеннаго безводья новый безводный промежутокъ верстъ въ 70. Здѣсь будетъ умѣстно привести извлечение изъ записокъ начальника красноводскаго отряда, которыя были составлены имъ въ 1873 году ⁽¹⁾ и между прочимъ послужили матеріаломъ автору «Хивинскаго похода». Извлечение это вполне обрисуетъ наше тогдашнее положеніе и тѣ причины, которыя заставили насъ прекратить въ то время наступательное движеніе. Вотъ оно. «Хотя соблазнъ идти и былъ очень великъ, но я отъ него поудержался и въ томъ не раскаяваюсь нисколько, будучи глубоко убѣжденъ, что поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить всякій, поставленный въ мое положеніе. Еслибы я, ради честолюбивыхъ своихъ стремленій, погубилъ отрядъ, было бы съ моей стороны безчестно, такъ какъ всѣ въ отрядѣ могли лишь исполнять приказанія и только я одинъ могъ и долженъ былъ, кромѣ того, еще и разсуждать ⁽²⁾. Для разсужденій же имѣлось очень много данныхъ.

⁽¹⁾ Одинъ экземпляръ этихъ записокъ тогда же былъ представленъ бывшему тогда директоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба генералъ-лейтенанту Александру Николаевичу Леоптьеву.

⁽²⁾ Здѣсь встаетъ будетъ сказать, что въ одномъ изъ писемъ начальника штаба Кавказскаго округа, генералъ-адъютанта Свинступова, въ которомъ онъ давалъ начальнику красноводскаго отряда нѣкоторые приказанія по поводу представ-

Я зналъ по горькому опыту, что жара обращаетъ въ пустынь чело-
вѣка въ полнѣйшаго автомата, и видѣлъ, что къ такому состоянію
мы переходимъ. Я говорю «видѣлъ», потому что табуны наши, не
смотря на всѣ принимаемыя мѣры, не оберегались уже должнымъ
образомъ, ибо хотя, конечно, у насъ верблюды гибли сотнями, но
тѣмъ не менѣе мы начинали ихъ терять и на пастбищахъ. Иначе
нельзя себѣ объяснить положительное таяніе названныхъ живот-
ныхъ. Изъ 4,108 верблюдовъ, которыми отрядъ располагалъ со дня
выступленія въ походъ, обратно пришло только 1,414 головъ, и то
благодаря лишь тому, что мы успѣшили отойти къ Балханамъ, гдѣ
нашли хорошій, еще не въ конецъ высушенный солнцемъ верблю-
жій кормъ, обильную воду и относительную прохладу. Я, конечно,
очень хорошо зналъ, что жара, подобная той, которая стояла 18-го—
22-го апрѣля, не могла быть постоянна и продолжительна, и знаю
также, что какое нибудь, положимъ, 15-е мая можетъ быть значи-
тельно прохладнѣе 15-го марта, но, вѣроятно, никто не станетъ
тоже отрицать, что, по естественнымъ законамъ природы на нашемъ
полушаріи въ общемъ начало мая бываетъ теплѣе конца апрѣля, а
конецъ апрѣля, въ свою очередь, теплѣе начала того же мѣсяца. Я
соглашаюсь, что дни, въ которые жара превосходила 50 граду-
совъ, были исключительными днями, но, вѣроятно, согласятся и со
мною, что даже въ совершенно обыкновенныхъ условіяхъ идти
трудно и при 40 градусахъ тепла. Для мѣстности же, гдѣ сухость
воздуха поразительна, гдѣ глубокіе пески требуютъ отъ чело-
вѣка страшнаго расходованія физическихъ силъ, а условія похода—о-
собенной бдительности и бодрости; гдѣ солдатъ, въ случаѣ дальнѣй-
шаго движенія, не могъ бы хотя въ два-три дня разъ пить воду,
только что почерпнутую изъ колодца, а долженъ былъ пить какой
то подогрѣтый кисель, образовавшійся изъ жидкости, которая еще
въ источникѣ имѣла всѣ отвратительныя качества, способныя раз-
страивать желудки не только у людей, но и у лошадей, — слово
«трудно» должно уступить мѣсто слову «невозможно». Пусть ска-
жутъ врачи, какимъ образомъ должна дѣйствовать подобная вода
на людей и сколько при описанныхъ условіяхъ необходимо чело-
вѣческому организму такой жидкости, чтобы утолить жажду. Идя
по безводной мѣстности въ такую пору, когда въ запечатанномъ
пятиведерномъ боченкѣ, налитомъ до полна и увязанномъ въ мок-

---

шаго похода 1873 года, было выражено слѣдующее: «постарайтесь исполнить
инструкцію въ мѣрѣ разумной возможности, но помните прежде всего, что поста-
вить въ степи нѣсколько лишнихъ русскихъ могилъ было бы непрестительно».

рый войлокъ, къ вечеру на третій день всего остается отъ $3\frac{1}{2}$ до 4-хъ ведеръ, а остальное испаряется, да и оставшуюся въ немъ воду на четвертыя сутки съ трудомъ пьютъ даже и порядочныя лошади, — времени терять, разумѣется, не приходилось. Мы должны были бы проходить не менѣе 25-ти верстъ въ сутки, а для этого требовалось не менѣе восьми часовъ. Такого числа часовъ, сколько нибудь удобныхъ для движенія, набрать рѣшительно было невозможно, такъ какъ случалось, что еще и въ полночь приходилось отливать людей для приведенія ихъ въ чувство, а съ появленіемъ первыхъ солнечныхъ лучей термометръ уже показывалъ болѣе 30-ти градусовъ. Всякій, кто бывалъ въ походахъ, знаетъ хорошо, что ночныя движенія страшно изнуряютъ войска. Такія движенія, разумѣется, можно допускать лишь въ крайнихъ случаяхъ и вообще злоупотреблять ими нельзя. Солдатъ, который провелъ одну, другую ночь безъ сна и въ движеніи, на третьи сутки, конечно, не надеженъ, если при этомъ онъ не въ состояніи вознаградить себя полнѣйшимъ отдыхомъ слѣдующихъ за бессонными ночами дней. У насъ же дневной отдыхъ былъ невыносимъ. Не говоря о томъ, что подъ палящимъ солнцемъ не отдохнешь, намъ нужно было пасти верблюдовъ, нести сторожевую службу и прочее. Въ большихъ безводныхъ промежуткахъ отряда, тѣмъ не менѣе, пришлось бы все идти по ночамъ, а потому легко себѣ представить, сколько людей изъ него пришло бы туда, гдѣ нужно было быть готовымъ на всякія случайности, еслибы войска предъ тѣмъ находились въ движеніи въ теченіе семи, восьми ночей. Если признать не заслуживающимъ похвалы стремленіе показывать всегда лишь одну лицевую сторону медали, то придется согласиться, что хотя солдатъ нашъ былъ, есть и всегда будетъ прекрасенъ, но и у него, какъ у всякаго человѣка, есть извѣстный предѣлъ силъ, дальше котораго требованія отъ него простираться отнюдь не должны. Въ противномъ случаѣ это будетъ свидѣтельствовать неуваженіе къ нему и совершенное съ нимъ незнакомство и можетъ привести солдата не къ славѣ, а къ безчестію. Точно также ни одинъ благоразумный начальникъ не сочтетъ за нарушеніе дисциплины и не станетъ шумѣть изъ-за того, что солдатъ, потерявшій сознаніе, зарылся въ песокъ и не только не сторожить болѣе того, что ему ввѣрено, но и не откликнется, когда его ищутъ и зовутъ».

Въ рапортѣ начальника отряда начальнику штаба округа, отъ 25-го апрѣля, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Будучи отъ природы очень здоровъ и несомнѣнно крѣпче многихъ сол-

дать, между которыми часто встрѣчаются юноши 22-хъ — 23-хъ лѣтъ, я ставилъ себя въ ихъ положеніе и сознавалъ, что требуемое отъ нихъ по необходимости даже для меня было бы невыполнимо. Выпотѣніе такъ велико, что нѣтъ мѣры количеству воды, которую необходимо влить въ желудокъ, чтобы утолить жажду. Даже самые воздержные офицеры, вообще, конечно, значительно менѣе прилагающіе физическаго труда сравнительно съ солдатомъ, — и тѣ въ жаркіе дни нуждаются, по крайней мѣрѣ, въ 4—5 бутылкахъ жидкости. Воды же во всемъ отрядѣ возится только 4,600 ведеръ и больше возить трудно, даже просто невозможно, хотя бы уже потому, что не во всѣхъ группахъ колодезь можно добыть ее и въ такомъ количествѣ. Масса инфузорій, заключающихся въ водѣ, дѣлали послѣднюю весьма вредною для желудка даже и тогда, когда она только-что бывала начерпана. Наконецъ, необыкновенное усыханіе воды въ боченкахъ заставляло расходовать ее бережно. Солнце разстраивало людей такъ, что даже лучшіе закаленные казаки и солдаты иногда могли быть уподоблены изнѣженнымъ слабонервнымъ женщинамъ и, сквозь слезы, вмѣсто словъ издавали какіе-то пискливые звуки, въ которыхъ невозможно было доискаться смысла. Справедливо-ли было бы признавать въ такомъ положеніи подначальнаго человѣка какую-либо долю его личнаго грѣха и разумно-ли требовать отъ него бдительности? Наоборотъ, не справедливѣе-ли не доводить солдата до состоянія, прямымъ послѣдствіемъ котораго могло быть нѣчто дѣйствительно унижительное въ военномъ смыслѣ слова, а если тяжелое положеніе уже наступило, то не лучше-ли своевременно и сколь возможно скорѣе изъ него выйти? Такъ я и поступилъ, — говорить въ своихъ запискахъ бывший начальникъ отряда. — Поступилъ такъ я, продолжаетъ онъ, еще и потому, что, соображая, какъ трудно согласовать одновременное движеніе отрядовъ, напримѣръ: красноводскаго и оренбургскаго, такъ какъ обыкновенно, когда одному идти невыносимо жарко, то другому только въ пору, и, наоборотъ, когда послѣдній терпитъ отъ стужи ⁽¹⁾, то движеніе перваго совсѣмъ легко, я былъ вполне убѣжденъ, что, чѣмъ хуже было идти намъ, тѣмъ, слѣдовательно, лучше было идти другимъ, о которыхъ, замѣтимъ между прочимъ, мы ровно ничего не знали. Такъ какъ эти другіе отряды принадлежали тому же Государю и государству, которому и мы, красноводцы, имѣли счастье принадлежать, то было совершенно ясно, что, непроизводительно зарывшись на-всегда въ пески, мы бы тѣмъ самымъ

(1) Походъ Перовскаго въ 1839 году.

только отравили неминуемо предстоявшую обще-русскую радость по поводу окончанія вѣковаго разчета съ Хивою, противъ которой походъ, въ смыслѣ чисто военныхъ дѣйствій, разумѣется, не могъ быть неудаченъ, такъ какъ всякому было извѣстно, что намъ предстояло дѣло съ однимъ изъ тѣхъ ханствъ, завоеваніе которыхъ обходится въ какой нибудь десятокъ людей убитыми и въ полусотню ранеными. Да и то люди эти бѣльшую частью погибаютъ отъ оплошности, безпечности или довѣрчивости. Безполезныхъ жертвъ отъ красноводскаго отряда могли желать лишь тѣ, которые не постигли глубокой идеи, лежавшей въ основѣ общаго плана похода на Хиву въ 1873 году, притомъ такіе изъ нихъ, для которыхъ эффектъ значить все, а сущность дѣла—ничего или, по крайней мѣрѣ, мало.

Къ позднему вечеру 22-го апрѣля жара значительно спала, и въ бала-ишемскомъ бивакѣ немедленно послышались даже веселыя солдатскія пѣсни. Но тѣмъ не менѣе начальнику отряда возвращеніе представлялось уже дѣломъ неизбѣжнымъ. Однакоже вопросъ былъ чрезвычайно серьезень и рѣшиться на этотъ ужаснѣйшій шагъ, разумѣется, было не легко. Поэтому для окончательнаго его обсужденія приглашены были всѣ наличные штабъ-офицеры, нѣкоторые изъ наиболѣе опытныхъ ротныхъ командировъ и чиновъ отряднаго штаба, старшіе офицеры артилеріи и отрядный врачъ. Послѣднему предложено было, внимательно сообразивъ, высказать свое мнѣніе о томъ, какое количество воды полагалъ бы онъ достаточнымъ имѣть на каждаго человѣка для полнѣйшаго удовлетворенія его потребности въ теченіе восьми сутокъ, при тѣхъ условіяхъ состоянія погоды и похода, которыя самъ онъ испытывалъ и видѣлъ, начиная съ 13-го апрѣля. Начальники же частей и вообще всѣ приглашенные обязывались отвѣтить, могутъ-ли они поручиться, что если вопросъ о количествѣ воды будетъ совершенно устраненъ, то, при дальнѣйшемъ походѣ, пастбища наши будутъ охраняться вполне бдительно даже и въ томъ случаѣ, когда вовсе не придется назначать кавалеріи для ихъ охраны. Было очевидно, что на этотъ послѣдній родъ оружія рассчитывать для такой службы нечего, ибо допустивъ даже, что людей мы еще могли кое-какъ обезпечить водою, то уже рѣшительно были не въ состояніи везти ее для казачьихъ лошадей. Такимъ образомъ, слѣдовательно, кавалерія наша, еслибы ее взяли дальше, должна была непремѣнно до времени ходить врознь съ пѣхотою, бѣльшую частью сзади, и только пользоваться услугами и помощью послѣдней во время большихъ переходовъ. Помощь же эта предполагалась въ видѣ высылки воды на

встрѣчу собственно всадникамъ, а въ случаѣ возможности—и ихъ конямъ. Начальники пѣхотныхъ частей, въ своемъ отвѣтѣ, между прочимъ приняли въ расчетъ, что еслибы мы, продолжая движеніе, и взяли съ собою воду въ количествѣ, которое укажетъ врачъ, то это еще не поможетъ намъ, если мы не устережемъ верблюдовъ, такъ какъ, потерявъ извѣстную часть вьючныхъ животныхъ, мы, быть можетъ, были бы принуждены допивать запасъ воды намѣстѣ, безъ средствъ идти въ какую бы то ни было сторону. Они сообразили, что нѣтъ никакой возможности выставить воду на каждое звено дѣпи, охраняющей пастбищное поле, а содержаніе запаса воды при резервахъ вызвало бы постоянную бѣготню людей, которая въ волнахъ песковъ, при неизбѣжности оцѣпленія значительныхъ пространствъ для должнаго насыщенія верблюдовъ, не способствовала бы надежной ихъ охранѣ. По всѣмъ этимъ, да и многимъ инымъ еще причинамъ, которыхъ перечислить было бы трудно и изъ которыхъ каждая, сама по себѣ отдѣльно взятая, для небывшаго въ пустынѣ могла бы показаться даже не имѣющею существенной важности, они отвѣтили начальнику отряда, что въ ихъ собственномъ желаніи, а также и въ желаніи ихъ подчиненныхъ—положить жизнь свою для дѣла, на которое они поставлены, сомнѣнія нѣтъ и быть не можетъ, что, пока у нихъ хватитъ силъ и самосознанія, никто себя щадить, конечно, не будетъ, но что напряженіе этихъ силъ и до той поры доводилось до наибольшаго предѣла, а поэтому было бы весьма ошибочно рассчитывать на нѣчто большее. Что касается отряднаго врача, то, по его мнѣнію, хотя бы и можно было опредѣлить потребное человѣку количество воды, но она уже на третій день становится способною поддержать силы лишь на нѣсколько часовъ и притомъ дѣлаетъ человѣка совершенно негоднымъ для службы на четвертый, а много на пятый день. Не нужно было быть спеціальнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, чтобы понять всю справедливость словъ почтеннѣйшаго нашего доктора и повѣрить тому, что, чѣмъ больше пили бы люди, положимъ, на третьи сутки, тѣмъ больше болѣли бы у нихъ животы на четвертыя. Если же неисправно въ желудкѣ, то неисправно и на службѣ. Тѣмъ не менѣе эта простая истина разбивала послѣднюю иллюзію начальника отряда, которая состояла въ томъ, чтобы провести весь отрядъ до Орта-кую и ближайшихъ къ нему колодцевъ Нефесъ-кули и Якедже, далѣе же проходить безводный промежутокъ колоннами, постепенно, начиная движеніе послѣдующей колонны не ранѣе того времени, когда пройдетъ предъидущая и возвратитъ водовозную по-

суду и верблюдовъ колоннѣ, ожидающей очереди. При этомъ въ первую очередь предполагалось назначить такое число людей, которое приблизительно получилось бы отъ раздѣленія 4,600, т. е. числа ведеръ воды, возимой въ цѣломъ нашемъ отрядѣ, на объемъ того количества воды, который будетъ опредѣленъ, какъ достаточный одному человѣку на восемь сутокъ. Этому частному приблизительно должно было отвѣтить человѣкъ около тысячи, а потому предполагалось взять изъ Орта-кую въ Чагиль или, если колодезь этотъ окажется сухъ, то прямо до Измыхшира, пять, шесть ротъ пѣхоты и дивизионъ горной артилеріи, — послѣдній, конечно, на верблюдахъ. Для полноты разказа слѣдуетъ привести еще и то обстоятельство, что начальникъ отряда, высказавъ приглашеннымъ къ нему чинамъ, между прочимъ, и это послѣднее предположеніе, добавилъ, что вообще, не вѣря въ возможность полученія лучшихъ результатовъ отъ многорѣчиваго обсужденія, онъ не допускаетъ по слѣдующему и предлагаетъ присутствующимъ высказаться категорически произнесеніемъ простаго «да» или «нѣтъ», т. е. идти-ли дальше, или возвратиться. Всѣ, кромѣ одного артилерійскаго офицера, отвѣтили: «нѣтъ», но и тотъ, который составилъ исключеніе, добавилъ къ своему отвѣту, что если однакоже не его дивизионъ будетъ назначенъ идти дальше, то и онъ вполне присоединяется къ остальнымъ. Естественно, что уже одна такая оговорка дѣлала поданное мнѣніе не серьезнымъ. Начальника отряда, конечно, одинаково должна была заботить какъ участь тѣхъ, которымъ пришлось бы идти дальше, такъ и тѣхъ, на долю которыхъ выпало бы оставаться при вагенбургѣ на мѣстѣ и ждать. Должно однакоже признаться, что положеніе этихъ послѣднихъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло обратиться въ несравненно худшее, чѣмъ тѣхъ, которыхъ повели бы впередъ. Безъ водоносной посуды, а слѣдовательно и безъ малѣйшей возможности перемѣщаться, при постоянной заботѣ о массѣ полуживыхъ верблюдовъ, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, не замедлили бы устлать окрестности стоянки своими трупами и тѣмъ распространить между людьми опасныя эпидемическія болѣзни и прочее, положеніе оставшихся частей могло бы стать весьма критическимъ.

Итакъ, рѣшено было идти назадъ. Нужно-ли говорить о чувствахъ, которыя долженъ былъ испытывать каждый изъ насъ, участниковъ экспедиціи? Думаемъ, что объ этомъ говорить нечего. О нихъ лучше, если возможно, даже и вовсе не вспоминать.

Старый красноводецъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173744/

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ СЛХХХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая. д. № 40.

1890

~~515~~
~~48~~

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ,

его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ
Каспійскаго моря по 1873 г. включительно.

(Окончаніе) (1).

Выступленіе изъ Бала-Ишема для нѣкоторыхъ началось предъ наступленіемъ ночи съ 22-го на 23-е апрѣля. Чтобы всѣмъ подняться съ этого мѣста, нужно было, какъ оказалось, около сотни верблюдовъ только подъ однихъ больныхъ, которыхъ у насъ насчитывалось свыше 200 человекъ. Въ числѣ ихъ значительно преобладали казаки, а по роду болѣзни болѣе всего было подвергшихся солнечному удару въ большей или меньшей степени. Особенно трудно было идти до Игды, до которыхъ, не считая уже вовсе верблюдовъ, мы потеряли свыше 40 головъ однѣхъ только лошадей. Громадное количество павшихъ вьючныхъ животныхъ и овецъ, валявшихся по этому пути, ясно говорило намъ, что и остальнымъ эшелонамъ нашего отряда очень не дешево досталась небольшая прогулка впередъ отъ названныхъ колодцевъ.

Всѣ побывавшіе въ Бала-Ишемѣ, слѣдуя назадъ, собрались въ Игды 25-го апрѣля, и въ этотъ же день начальникъ отряда отправилъ въ Тифлисъ донесеніе начальнику штаба округа. Подробно излагая въ немъ всѣ обстоятельства, насъ постигшія и сопровождавшія, онъ заключилъ его слѣдующими словами: «Такъ или иначе, то есть виноватъ я или правъ въ томъ, что веду отрядъ назадъ, но теперь мы всѣ уже находимся на обратномъ пути и рапортъ

(1) См. «Военный Сборникъ» 1890 г., № 2-й.

этотъ я представляю вашему превосходительству изъ Игды, куда пришелъ опять уже не съ авангардомъ, а съ арьергардомъ. Здоровье людей покуда все еще таки относительно довольно удовлетворительно и, надѣюсь, останется таковымъ до возвращенія въ Красноводскъ, куда, какъ полагаю, окончательно прибудемъ около 20-хъ чиселъ будущаго мая мѣсяца, и гдѣ буду ждать приказаній».

Рѣшившись на отступленіе къ Красноводску, начальникъ отряда пошелъ уже туда безъ промедленія, принявъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы не терять напрасно времени. Да и къ чему бы послужила медленность обратнаго движенія? Оставаясь лишннихъ недѣли двѣ въ пустынь, отрядъ потерялъ бы лишннихъ сотни три верблюдовъ, а главное—въ этомъ случаѣ мы неминуемо привезли бы домой по крайней мѣрѣ втрое болѣе такихъ людей, которымъ необходимо было госпитальное леченіе. Притомъ хватило-ли бы намъ еще перевозочныхъ средствъ на то, чтобы довести до дома какъ этихъ больныхъ, такъ и наши артилерійскіе снаряды и вообще все то, чего мы ни въ какомъ случаѣ не могли бросить.

Усиленный падежъ животныхъ хотя и далеко не въ такой степени, какъ между Бала-Ишемомъ и Игды, продолжался въ особенности до Джамала, такъ какъ и на этомъ пространствѣ верблюжьи корма выгорѣли почти до тла отъ страшныхъ жаровъ послѣдняго времени. Съ поражающею быстротою уменьшающіяся перевозочныя наши средства дѣлали имѣвшіеся при насъ грузы непосильными для двигающагося отряда, а потому мы вынуждены были кое-что даже сжигать или бросать. Благодаря такой печальной необходимости, пришлось употребить всѣ средства къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ то, что оставалось у насъ изъ продовольствія и фуража, расходовалось съ совершенно исключительною бережливостью и только вполне производительно. Одно изъ такихъ средствъ, между прочимъ, указывалось приказомъ по отряду, отданнымъ еще въ Игды, и предписывавшимъ входить съ представленіемъ объ исключеніи изъ фуражнаго довольствія всѣхъ тѣхъ лошадей, которыя завѣдомо не въ состояніи будутъ дотянуть до Красноводска или рѣшительно не будутъ годны къ дальнѣйшей службѣ. Такихъ коней, до прибытія нашего на мѣсто, исключено было изъ списковъ свыше 60-ти. Все въ тѣхъ же видахъ (устраненія голодухи, начальникъ отряда участилъ и сношенія свои съ красноводскимъ воинскимъ начальникомъ. Въ одномъ изъ писемъ къ сему послѣднему, а именно въ письмѣ отъ 25-го апрѣля, онъ, между прочимъ, говоритъ полковнику Клутому: «Мы идемъ назадъ. Теперь-то начинается ваша роль. Вы, конечно,

поймете, что фуражъ у насъ не въ изобиліи. А потому необходимо подвезти намъ ячмень какъ можно ближе къ Белеку. Если окажется возможнымъ, то не мѣшаетъ также держать около Белека на лодкахъ, на пароходѣ или на баржѣ сухари или хлѣбъ. Вы знаете, что идти назадъ всегда труднѣе и что тутъ-то именно и необходима энергическая помощь и предусмотрительность. Вы поймете, какъ важно мнѣ знать, что письмо это вами получено своевременно, а потому, Бога ради, отвѣчайте какъ можно скорѣе. Нельзя-ли будетъ выслать съ туркменами намъ на встрѣчу маленькій караванъ, такъ въюковъ въ 15—20, ячменя и сухарей? Это было бы очень недурно (1)». Полковникъ Кругенъ нашелъ возможность выполнить полученныя приказанія, и у колодцевъ Кара-Чаглы, что въ 40 верстахъ отъ Белека, мы нашли 15 въюковъ съ ячменемъ, а въ виду колодцевъ Белекъ, когда мы подошли къ нимъ, стояло 17 туркменскихъ лодокъ съ хлѣбомъ, водою, уксуомъ, спиртомъ, саломъ и прочими продуктами.

Передовой эшелонъ отступающаго отряда, состоявшій исключительно изъ кавалеріи, достигъ Красноводска 7-го мая. Послѣднія части вступили туда 16-го числа того же мѣсяца. Это были наши кабардинцы. Путь ихъ былъ не вполне спокоенъ. Ихъ все время сопровождали небольшія партіи непріязненныхъ намъ туркменскихъ родовъ, которые, насѣдая на хвостъ колонны и стрѣляя по насъ, вынуждали и кабардинцевъ отгонять ихъ выстрѣлами. Въ особенности настойчиво шли они за нами 13-го мая, во время слѣдованія нашего отъ колодцевъ Белекъ къ колодцамъ Куртъ-куюсы. Тутъ, чтобы наказать ихъ хорошенько, пришлось даже употребить намъ и артилерійскій огонь.

По прибытіи начальника отряда въ Красноводскъ, между прочимъ, оказалось, что рапортъ его о принятомъ рѣшеніи возвратиться, адресованный въ Тифлисъ изъ Игды 25-го апрѣля и уже 4-го мая врученный нарочнымъ туркменомъ красноводскому воинскому начальнику, все еще лежалъ у сего послѣдняго и не былъ отправленъ дальше по назначенію. Это случилось потому, что послѣ выступленія красноводскаго отряда въ походъ всѣ наличныя суда были употреблены для нуждъ Мангишлака, и уже съ мѣсяцъ тому назадъ прекратилось всякое сообщеніе нашихъ пунктовъ восточнаго берега Каспія съ западнымъ. Такимъ образомъ, къ большому сожа-

(1) Заимствовано изъ книги «Хивинскій походъ 1873 года», Н. И. Гродкова.

лѣнню, въ Тифлисѣ узнали о возвращеніи нашего отряда тогда, когда онъ былъ уже въ Красноводскѣ.

Дополняя фактическую сторону описанія послѣдняго нашего похода, мы должны сказать, что личный составъ красноводскаго отряда, считая лишь участниковъ движенія, простирался до 2,205 человекъ, изъ коихъ, между 19-мъ числомъ марта и 16-мъ числомъ мая, мы потеряли умершими всего только двухъ. Случаевъ же болѣзни было 3,424, что въ среднемъ составляетъ приблизительно 58 заболѣвшихъ въ каждый изъ 59-ти дней нахождения въ походѣ, считая со дня выступленія изъ Чекишляра перваго нашего эшелона и по день прибытія къ берегу послѣдняго. Къ сожалѣнню, съ возвращеніемъ въ Красноводскъ, послѣдствія чрезмѣрнаго напряженія силъ сказались въ новыхъ жертвахъ. Такъ, въ теченіе перваго же мѣсяца изъ участниковъ похода умерло шесть человекъ, а въ слѣдующіе два мѣсяца, не смотря на значительное сокращеніе отряда, умерло еще 23. Въ такой же пропорціи росло и заболѣваніе. Изъ болѣзней особенно преобладали поносы, кровавый и слизистый, а затѣмъ лихорадки. Нужно сказать, однакоже, что болѣзни эти сравнительно рѣдко принимали особенно серьезныя формы. Изъ всего числа лошадей, участвовавшихъ въ движеніи, въ количествѣ приблизительно свыше 500 головъ, мы привели назадъ 313, болѣе или менѣе годныхъ для дальнѣйшей службы. Верблюдовъ, хотя очень слабыхъ и къ немедленному продолженію работы почти неспособныхъ, дошло до Красноводска 1,414 головъ, остальные 2,694 пали въ пустынѣ. Говорить о томъ, что даже и въ самыя критическія минуты дисциплина никогда и никѣмъ не была нарушена, мы считаемъ совершенно лишнимъ. Всѣ чины отряда переносили тягости похода съ полнымъ самоотверженіемъ, добросовѣстностью и мужествомъ, какъ это и надлежало по священному нашему долгу и чести, и что тоже иначе быть не могло. Офицеры отряда, отъ старшаго и до младшаго, оказались на высотѣ своего призванія и способствовали дѣлу по мѣрѣ силъ не только словомъ и приказаніемъ, но и личнымъ примѣромъ; въ томительные часы ужасной жажды, ради примѣра терпѣнія, ни одинъ офицеръ не позволялъ себѣ выпить и единой капли воды свыше того количества, которое отпускалось подчиненному ему нижнему чину. Люди знали объ этомъ и это очень облегчало ихъ страданія, еще болѣе утверждая старую крѣпкую связь нашего офицера съ солдатомъ. Недаромъ же и Августѣйшій Главнокомандующій нашею арміею почтилъ красноводскій отрядъ двумя своими милостивыми приказами. Въ первомъ изъ нихъ, отданномъ

въ Боржомѣ, 20-го іюля 1873 года, за № 159-мъ, Его Высочество писалъ слѣдующее:

«Согласно Высочайше утвержденному плану дѣйствій противъ Хивы, рѣшено было весною нынѣшняго года произвести противъ этого ханства наступательное движеніе одновременно изъ трехъ военныхъ округовъ: Туркестанскаго, Оренбургскаго и Кавказскаго, приче́мъ движеніе со стороны послѣдняго округа возлагалось на красноводскій отрядъ, возвратившійся изъ дальней степной рекогносцировки только въ декабрѣ 1872 года въ ур. Чекишляръ, на правомъ берегу рѣки Атрека.

«Главное затрудненіе въ снаряженіи красноводскаго отряда составляло снабженіе его перевозочными средствами въ достаточномъ количествѣ, для совершенія предстоявшаго ему дальняго и труднаго похода по пустынному, большею частью безводному пространству, отдѣляющему берегъ Каспійскаго моря отъ хивинскихъ предѣловъ.

«Для этого предполагалось приобрести верблюдовъ посредствомъ покупки или найма у атрекскихъ туркменъ, а частью доставить ихъ съ Мангишлака. Но вліяніе хивинскаго хана и происки его агентовъ воспрепятствовали осуществленію этихъ предположеній

«На Мангишлакѣ вспыхнуло возстаніе, имѣвшее послѣдствіемъ невозможность своевременнаго приобрѣтенія тамъ верблюдовъ. Атрекскіе же туркмены не только не согласились дать намъ такихъ, не смотря на самыя выгодныя условія имъ предложенныя, но доведенными до крайней дерзости грабежами вынудили насъ къ принятію строгихъ мѣръ наказанія.

«Двумя смѣлыми переходами за Атрекъ сія послѣдняя цѣль была достигнута и при этомъ полковнику Маркозову удалось отбить у виновныхъ до 2,000 верблюдовъ, что съ прежде бывшими въ отрядѣ составило до 3,000 головъ, весьма слабыхъ отъ предвесенней безкормицы и безъ вожаковъ.

«При такомъ размѣрѣ и количествѣ перевозочныхъ средствъ красноводскій отрядъ не могъ уже быть двинуть въ цѣломъ своемъ составѣ къ непремѣнному достиженію первоначально предположенной цѣли. Поэтому начальнику отряда было предписано движеніемъ по направленію къ Хивѣ исполнить лишь то, что окажется возможнымъ безъ риска и не подвергая отрядъ чрезмѣрнымъ лишеніямъ; часть же войскъ была перевезена изъ Чекишляра на Мангишлакъ, для снаряженія оттуда другаго отряда къ Хивѣ.

«Вслѣдствіе сложившихся такимъ образомъ обстоятельствъ, движеніе красноводскаго отряда могло считаться только попыткою къ

достиженію Хивы, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ дней марша верблюды стали падать въ большомъ количествѣ.

«Удачная стычка съ туркменами близъ колодцевъ Игды, причѣмъ отбито у нихъ около 1,000 верблюдовъ и большое число баранты, возбудила, однако-же, надежды на полный успѣхъ. Полковникъ Маркозовъ, увлеченный этою случайною удачею, а равно превосходнымъ духомъ, энергіею и самоотверженіемъ всѣхъ чиновъ отряда, надѣялся достигнуть предѣловъ Хивы даже 1-го мая, о чемъ и донесъ.

«Къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться.

«Жары, какихъ по времени года трудно было ожидать, усилились еще съ выступленіемъ войскъ отъ Игды въ безводную, песчаную пустыню по направленію къ Хивѣ. Передовыя части войскъ, при которыхъ находился начальникъ отряда, подверглись страшному изнуренію и опасности погибнуть отъ зноя и жажды; онѣ спаслись только благодаря пособію слѣдующаго за ними эшелона.

«Оказалось невозможнымъ при средствахъ, имѣвшихся въ отрядѣ, поднять запасъ воды въ размѣрѣ крайней потребности. Поэтому полковникъ Маркозовъ принялъ на себя весьма тягостное для него, для всего отряда и, долженъ сказать, для всей кавказской арміи рѣшеніе направить ввѣренныя ему войска обратно въ Красноводскъ. Но рѣшеніе это въ данныхъ обстоятельствахъ было разумно и необходимо.

«Засимъ, отрядъ прибылъ благополучно въ Красноводскъ, потерявъ всего двухъ человекъ умершими. Несомнѣнная польза отъ его движенія заключается въ удержаніи воинственныхъ и многочисленныхъ племенъ Теке и Атабаевъ отъ содѣйствія хивинскому хану.

«Сожалѣя вмѣстѣ съ ввѣренною мнѣ арміею о неблагопріятно сложившихся обстоятельствахъ, лишившихъ красноводскій отрядъ возможности воспользоваться плодами трехлѣтней отличной службы кавказскихъ войскъ въ Закаспійскомъ краѣ, я не могу не отдать должной дани уваженія заслугамъ сего отряда; въ особенности замѣчательной твердости и самоотверженію, съ какими переносились имъ неимоверныя труды и лишенія, неистощимой энергіи и рвенію его въ борьбѣ съ препятствіями. Онъ отступилъ лишь передъ явною невозможностью. За все это объявляю мое сердечное спасибо нижнимъ чинамъ и мою искреннюю благодарность всѣмъ начальствующимъ лицамъ и офицерамъ, своимъ примѣромъ и участіемъ поддерживавшимъ нравственныя силы подчиненныхъ и облегчавшимъ ихъ страданія».

Ровно чрезъ два съ половиною мѣсяца послѣ только что дословно приведеннаго приказа по кавказской арміи а именно 5-го октября того же 1873 года, вслѣдствіе полученныхъ новыхъ данныхъ и тщательной провѣрки уже имѣвшихся, Его Императорское Высочество Главнокомандующій въ приказѣ за № 208 изволилъ объявить слѣдующее:

«Приказомъ по округу отъ 20-го іюля сего года, № 159, я благодарилъ красноводскій отрядъ за заслуги его при движеніи минувшею весною до колодцевъ Игды, по направленію къ Хивѣ: нижнихъ чиновъ за самоотверженіе, твердость и энергію, съ какими переносились ими труды и преодолевались препятствія, а гг. офицеровъ и всѣхъ начальствующихъ лицъ—за то, что своимъ примѣромъ и участіемъ поддерживали нравственныя силы подчиненныхъ и облегчали ихъ страданія. Въ томъ же приказѣ выражено было, что принятое начальникомъ отряда полковникомъ Маркозовымъ рѣшеніе направить ввѣренныя ему войска обратно въ Красноводскъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился отрядъ, было благоразумно и необходимо.

«Полученныя нынѣ изъ Хивы, чрезъ экспедиціонныя войска наши, положительныя свѣдѣнія еще болѣе и окончательно удостоверяютъ, что степное безводное пространство, лежащее между колодцами Орта-кую и хивинскимъ оазисомъ, въ такіе жары, въ какіе пришлось двигаться полковнику Маркозову, надобно считать безусловно непроходимымъ для отряда войскъ, какъ бы обильно и соответственно потребностямъ ни было его снаряженіе и въ какой бы степени ни были до того сбережены силы людей.

«Вполнѣ убѣждаясь такимъ образомъ, что отступленіе означеннаго отряда съ половины пути обратно въ Красноводскъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть поставлено въ вину полковнику Маркозову,—напротивъ того, обращая вниманіе на то, что, принявъ рѣшеніе повернуть отрядъ назадъ въ такое время, когда неизбежность возвращенія не успѣла еще фактически выясниться ни для войскъ, ни вообще для лицъ, издали слѣдившихъ за успѣхомъ движенія,—названный штабъ-офицеръ обнаружилъ похвальную предусмотрительность и готовность съ полнымъ самопожертвованіемъ принять на себя тяжелую отвѣтственность, въ видахъ исполненія долга и государственной пользы, я считаю справедливымъ объявить въ особенности полковнику Маркозову мою искреннюю благодарность за объясненное выше рѣшеніе, чрезъ которое избавленъ былъ красноводскій отрядъ отъ тяжкихъ и бесполезныхъ потерь, неизбежно предстоявшихъ ему въ случаѣ продолженія наступленія еще

хотя бы на нѣсколько переходовъ, и сохранены были доблестныя войска, отрядъ составлявшія, для дальнѣйшей службы Государю и отечеству».

Обратимся теперь къ вопросамъ, которыхъ мы пока еще вовсе не касались, но которые, по мнѣнію нашему, не лишены извѣстнаго интереса, а именно къ вопросамъ, относящимся до порядка веденія отряднаго хозяйства и расходовъ, понесенныхъ казною на существованіе красноводскаго отряда. Впрочемъ, на счетъ сихъ послѣднихъ у насъ сохранились вполне достовѣрныя свѣдѣнія лишь за періодъ времени съ 16-го іюля 1871 года по 16-е же іюля 1873 года, т. е. до той самой поры, когда отрядъ нашъ фактически прекратилъ свое существованіе и большая часть ротъ, сотенъ и орудій, въ составъ его входящихъ, были уже увезены въ свои постоянныя штабъ-квартиры, на западный берегъ Каспійскаго моря.

По поводу размѣра всякаго рода довольствія, установленнаго для чиновъ отряда, должно сказать по справедливости, что онъ былъ вполне удовлетворителенъ и совершенно исключалъ возможность сколько нибудь основательныхъ сѣтованій съ чьей бы то ни было стороны. Что касается заботъ о снабженіи отряда, то, до наступленія 1872 года, это всецѣло лежало на кавказскомъ окружномъ интендантствѣ, которое, съ своей стороны, исключительно практиковало способъ подрядный. При этомъ морская перевозка въ Красноводскъ всего того, что изъ законтрактованнаго предъявлялось подрядчиками въ извѣстныхъ, заранее опредѣленныхъ пунктахъ западнаго каспійскаго берега, должна была производиться на судахъ общества «Кавказъ и Меркурій» на счетъ казны и по сношеніямъ подлежащихъ правительственныхъ учреждений и агентовъ съ агентами названнаго общества. Между тѣмъ, благодаря всегда ощущавшемуся недостатку морскихъ судовъ, нѣкоторой неизбѣжной неакуратности подрядчиковъ, равно какъ и по другимъ причинамъ, части отряда, въ особенности тѣ, которыя переведены были на Балханы, не всегда дополучали все то, на что имѣли право. Вслѣдствіе этого, еще къ маю мѣсяцу 1871 года, т. е. ко времени прибытія начальника штаба округа въ предѣлы расположенія красноводскаго отряда, одни только казаки насчитывали недобора почти на сумму 13,000 рублей и, разумѣется, заявили объ этомъ. Началась переписка объ удовлетвореніи войскъ, кончившаяся указаніемъ послѣднимъ статьи закона, по которой недоѣденное и недопитое войсками въ военное время не должно быть потомъ возвращено имъ. Пока разрѣшался этотъ вопросъ, красноводскій отрядъ произвелъ свою осен-

ною рекогносцировку 1871 года, въ теченіе которой сумма пѣнности недобора возрасла еще болѣе, причеъ за одно только мясо, не дополученное во время нашего движенія, войскамъ причиталось свыше 7,000 руб. Узнавъ о существованіи вышеприведеннаго закона и о приложеніи его къ нимъ, войска отряда начали вступать въ сдѣлки съ подрядчиками. Они стали выдавать имъ квитанціи въ полученіи даже и того, чего вовсе не получали, чтобы хотя немного поддержать свои ротныя суммы. Въ свою очередь и подрядчики, пользуясь этимъ, старались эксплуатировать части. Когда впоследствии обо всемъ этомъ было доведено до свѣдѣнія высшаго начальства, то оно признало цѣлесообразнымъ нѣсколько измѣнить порядокъ нашего продовольствія. Вновь установленное на этотъ счетъ правило въ общихъ чертахъ заключалось въ слѣдующемъ: интендантство обезпечиваетъ отрядъ въ натурѣ и по подряду лишь тѣмъ количествомъ всякаго рода продуктовъ, которые приходится, примѣрно, на 300 человекъ; а затѣмъ, высчитавъ сумму, въ которую обошлось бы ему довольствіе цѣлаго отряда, принимая цѣны, по которымъ состоялся подрядъ, передаетъ деньги по расчету, въ видѣ аванса, въ распоряженіе начальника отряда. Этому же послѣднему, по его личному усмотрѣнію, предоставляется сокращать или увеличивать раціонъ солдата и лошади въ той или въ другой войсковой единицѣ, соображаясь съ обстоятельствами и количествомъ труда, а также совершенно исключать однѣ статьи продовольствія, включать другія и, вообще, заботиться о расходованіи денегъ, принимая во вниманіе дѣйствительную потребность, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не выходить за предѣлы средней стоимости содержанія человека и лошади, вычисленной интендантствомъ на основаніи собственнаго опыта заготовленія.

Изъ вполне официальныхъ данныхъ, представленныхъ по началству и подвергшихся установленному контролю, видно, что въ теченіе двухъ вышеуказанныхъ лѣтъ, конечно не считая личнаго содержанія служившихъ въ отрядѣ, всѣ безъ исключенія казенные денежные отпуска достигли суммы въ 357,192 рубля. Изъ этого количества денегъ, за неизрасходованіемъ, возвращено было въ бакинское казначество 64,667 руб. и, при снаряженіи отряда на Мангшлакъ, для потребностей сего послѣдняго, туда же перевезено было изъ Красноводска и Чекишляра различныхъ продуктовъ на сумму 19,860 руб. Затѣмъ, согласно предписаній начальства, все изъ того же общаго денежнаго отпуска, передано было различнымъ лицамъ для расходовъ на предметы, не имѣющіе прямаго отношенія къ на-

пему отряду, 7,395 руб. (1) Такимъ образомъ, слѣдовательно, за исключеніемъ приведенныхъ выдачъ и возвращенія, отчету подлежало 265,270 руб. Сумма эта асигновалась и въ дѣйствительности получила слѣдующее назначеніе:

а) На продовольствіе нижнихъ чиновъ, а во время нахождения въ движеніи и офицерскихъ чиновъ отряда, израсходовано было 205,522 рубля. Въ сумму эту включена цѣна рѣшительно всего того, что шло въ пищу, исключая лишь хлѣба и сухарей. Считая съ точностью, весьма близкою къ математически вѣрнымъ числамъ, въ разсматриваемый двухлѣтній періодъ времени, средний постоянный наличный составъ красноводскаго отряда должно принимать въ 1535 человекъ и въ 260 коней. На такое число въ два года потребовалось 1.121,000 людскихъ и 190,000 конскихъ раціоновъ. На основаніи принятаго порядка, о которомъ мы уже имѣли случай говорить, окружное интендантство позаботилось о заготовленіи отряду натурою 268,516 людскихъ и 45,715 конскихъ раціоновъ. Объ остальномъ количествѣ, т. е. о 852,484 людскихъ и 144,285 конскихъ раціонахъ предоставлено было заботиться самому отряду. Такъ какъ интендантству обошелся каждый суточный человѣческій раціонъ въ 17, а конскій въ 42 копейки то, по этому именно разсчету, въ распоряженіе начальника отряда и поступила та сумма, которая указана выше, т. е. 205,522 рубля. Но тотъ самый подрядчикъ, который былъ контрактованъ интендантствомъ, по контракту непосредственно съ отрядомъ согласился сбавить съ общей суммы подряда 30,000 руб., которые всецѣло поступили въ пользу казны. Кромѣ того, отъ употребленія въ пищу отбитаго у непріятели скота, по статьѣ на продовольствіе, показано было войсками къ зачету 12,000 рублей и, такимъ образомъ, весь казенный отпускъ на продовольствіе отряда въ теченіе двухъ лѣтъ окончателно опредѣлился въ 163,522 руб. Деньги эти съ избыткомъ удовлетворили войсковую потребность, причемъ безъ малѣйшаго сокращенія статей довольствія, но съ допускомъ нѣкоторой замѣны однихъ, преимущественно привозныхъ, продуктовъ другими, мѣстными, образовалась значительная денежная экономія, которая была роздана частями нижнимъ чинамъ на руки. Сбереженіе это, смотря по продолжительности пребыванія са-

---

(1) Къ числу предметовъ, на которые деньги эти выдавались, относятся, напримеръ, авансовые отпуска частямъ, одновременно выбывавшимъ изъ состава нашего отряда, на ихъ путевое довольствіе отъ мѣста высадки на западномъ берегу Каспійскаго моря по день возвращенія ихъ въ свои постоянныя штабъ-квартиры и прочіе расходы.

михъ частей въ составѣ отряда, составило отъ 2 до 9¹/₂ рублей на каждаго человѣка. Впрочемъ по приведенному высшему размѣру получили люди лишь двухъ ротъ 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка. Необходимо сказать еще, что розданный остатокъ опредѣлился за вычетомъ стоимости всего того громаднаго количества продуктовъ, которое въ теченіе всѣхъ нашихъ закаспійскихъ походовъ было брошено нами въ пустыни или сожжено, вслѣдствіе большаго и ежедневнаго сокращенія нашихъ перевозочныхъ средствъ и рѣдкой возможности довести до послѣдующаго ночлега все то, что было повезено съ мѣста ночлега предыдущаго. Такимъ образомъ, красноводскій отрядъ за оба года не представилъ буквально ни единаго акта объ уtratѣ какого бы то ни было продукта или иного казеннаго имущества, въ самомъ началѣ твердо установивъ тотъ взглядъ, что онъ не долженъ отягощать казну расходами, которые въ состояніи будетъ покрывать остатками отъ текущихъ опредѣленныхъ отпусковъ. Допущенная замѣна привозныхъ продуктовъ мѣстными, главнымъ образомъ, заключалась въ разрѣшеніи употреблять въ извѣстномъ количествѣ баранину. И это то право доставило войскамъ отряда наибольшую часть экономіи, хотя овечьяго мяса обыкновенно давалось людямъ гораздо болѣе, чѣмъ полагалось имъ говядины. Впрочемъ, такое разрѣшеніе было и необходимо, по крайней мѣрѣ на время движеній, ибо, какъ о томъ мы уже и имѣли случай говорить, войска не могли гонять съ собою крупную рогатую скотину, такъ какъ условія пустыни оказывались послѣдней не подъ силу. вмѣстѣ съ тѣмъ, допущенная замѣна сберегла и въ пользу казны свыше 40,000 рублей, которые причлились бы обществу «Кавказъ и Меркурій» за морскую перевозку порціоннаго скота съ западнаго каспійскаго берега на восточный.

Бывало, что войскамъ раздавались овцы не купленные, а отбитыя у враждебныхъ намъ текинцевъ и нѣкоторыхъ иныхъ туркменскихъ родовъ. Тогда обыкновенно составлялась комисія изъ всѣхъ наличныхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, которая опредѣляла приблизительный вѣсъ чистаго мяса скотины и распредѣляла послѣднюю по дѣйствительной потребности продукта въ той или другой части войскъ. Результаты рѣшенія комисіи, провѣренныя насколько было то возможно и утвержденныя начальникомъ отряда, объявлялись въ его приказѣ, въ которомъ указывалась и соответствующая сумма денегъ, подлежащая къ зачету. Такимъ путемъ зачтено было 2,700 пудовъ мяса, цѣнность котораго равнялась 12,000 рублей. Деньги эти получили назначеніе, указанное высшимъ на-

чальствомъ, и мы будемъ имѣть случай упомянуть о нихъ, перечисляя расходы суммы на нужды отряда,

Чтобы не возвращаться болѣе къ вопросамъ, относящимся до продовольствія войскъ, остается сказать еще, что для обезпеченія своего приварочными продуктами отрядъ имѣлъ законтракованнаго подрядчика. О цѣнахъ, по которымъ подрядчикъ обязанъ былъ поставлять продукты, и вообще буквальное содержаніе самаго контракта объявлялось въ приказѣ по отряду, а потому всѣ его подробности были вполнѣ извѣстны каждому интересующемуся. Не смотря на то, что окончательное распоряженіе о формированіи отряда для послѣдняго нашего похода, равно какъ и о движеніи его во внутрь материка послѣдовало лишь въ январѣ 1873 года; не смотря даже и на то, что отрядъ получилъ необходимыя ему для расходовъ деньги тогда уже, когда нѣкоторыя его части находились въ движеніи, мы были своевременно снабжены всѣмъ законтракованнымъ. Все доставляемое подрядчикомъ большею частью сперва принималось въ интендантскій складъ отряда. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда время не терпѣло, то, для выигранія послѣдняго, пріемка отъ подрядчика дѣлалась непосредственно частями войскъ. При всѣхъ вообщемъ пріемкахъ послѣдняго рода обязательно присутствовали начальники тѣхъ частей, для которыхъ принимались продукты, и это устраняло возможность многихъ недоразумѣній и жалобъ, которыя вполнѣ, т. е. съ началомъ движенія, все равно невозможно было бы устранить.

б) На заведеніе полушубковъ, шитье мѣшковъ, полагавшихся тогда намъ вмѣсто рапцевъ, равно какъ и на шитье сапогъ, Высочайше пожалованныхъ нижнимъ чинамъ красноводскаго отряда за походъ его въ 1871 году, израсходовано 2,843 рубля. Всѣ эти предметы заводились и шились самими войсками, причемъ, согласно постановленія военно-окружнаго совѣта, выдавалось за каждый полушубокъ 3 рубля, за шитье пары сапогъ 27½ копѣекъ и по 4 копѣйки за шитье одного мѣшка.

в) На различныя нужды отряда, въ теченіе тѣхъ же двухъ лѣтъ, изъ кредита, открытаго на этотъ предметъ, израсходовано было 72,928 рублей. Но, по предписанію начальства, на эту же статью расхода обращены были и тѣ 12,000 руб. которые, составляя цѣну мяса скота, отбитаго у текинцевъ, показаны были отрядомъ къ зачету въ пользу казны. Такимъ образомъ, слѣдовательно, на различныя нужды отряда въ дѣйствительности израсходовано было 84,928 рублей. Статьи, на которыя деньги эти были израсходованы, весьма разно-

образны, а именно: на приобретение бурдюковъ и мѣдныхъ чайниковъ; на жалованье переводчику; на канцелярію красноводскаго воинскаго начальника и завѣдующаго артилеріею отряда; на невходившія въ каталогъ лекарства и, вообще, на предметы комисаріатско-медицинскія; на заведеніе верблюжьихъ сѣделъ и различныхъ къ нимъ принадлежностей; на веревки для व्यюковъ и прочихъ потребностей; на чай, сахаръ, пшеничную муку, масло и прочіе продукты, необходимыя для продовольствія проводниковъ, посыльныхъ и верблюдовожатыхъ туркменъ; на жалованье мастерамъ-персамъ, состоявшимъ при отрядѣ для очистки и копанія колодцевъ; на наемъ верблюдовъ, на жалованье туркменамъ посыльнымъ и туркменамъ вожакамъ; на приобретение и ремонтъ деревянной посуды для возки воды; на наемъ туркменскихъ лодокъ для постоянной нагрузки и разгрузки судовъ въ Чекишлярѣ и временной въ Белекѣ; на постройку мечети въ Красноводскѣ; на покупку лошадей и сѣделъ для ракетной команды; на вознагражденіе за павшихъ верблюдовъ и на многіе иные расходы въ этомъ же родѣ.

Изъ всѣхъ вышеперечисленныхъ статей наиболѣе значительныхъ затратъ и особенно сложныхъ расчетовъ и соображеній требовали статьи по найму верблюдовъ и по уплатѣ за верблюдовъ павшихъ. По цѣнамъ, обычнымъ у туземцевъ того времени тѣхъ мѣствъ, каждый нанятый верблюдъ, за время найма, обыкновенно приносилъ своему хозяину по три тумана въ мѣсяць, причемъ въ этотъ же расчетъ шелъ одинъ верблюдовожатый на 8—10 верблюдовъ. Люди эти, конечно, получали продовольствіе отъ нанимателя, который, кромѣ того, обязанъ былъ уплачивать имъ бакшишь, т. е. денежный подарокъ, за каждый пройденный полный конецъ въ одномъ направленіи. Капитальная сумма найма приблизительно равнялась, слѣдовательно, 10-ти нашимъ бумажнымъ рублямъ въ мѣсяць, что было еще возможно принять и намъ. Точно также возможно было удовлетворять по обычаю и верблюдовожатыхъ; но дѣло усложнилось тѣмъ, что мы, рекогносцируя, болѣею частью не знали сами, куда именно пойдѣмъ и когда именно вернемся, а слѣдовательно, такъ сказать, не въ состояніи были раздѣлять путь нашъ на концы. Это, разумѣется, было несущественно, но особенно важно было то, что никакого добраго соглашенія по найму верблюдовъ между нами и туземцами ни раза не послѣдовало. Благодаря этому обстоятельству, начальникъ нашего отряда находился въ этомъ отношеніи въ крайне трудномъ положеніи. Съ одной стороны и придерживаясь нашей точки зрѣнія, было немислимо пользоваться всегда безвоз-

мездно всѣми верблюдами, да этого не допускало и высшее начальство. Съ другой стороны, платить за отнимаемыхъ верблюдовъ, да еще и отнимаемыхъ у туземцевъ, нерѣдко завѣдомо враждебно къ намъ относящихся, значило возбудить невыгодное для насъ и непонятное народу удивленіе. Въ общемъ это было бы очень странно и мало логично. Оставалось одно послѣднее средство — такъ сказать сортировать верблюдожатыхъ на такихъ, которые отдали намъ своихъ верблюдовъ, убоявшись внушительныхъ угрозъ, и на такихъ, для которыхъ эта мѣра оказалась недостаточною и у которыхъ мы принуждены были отнять верблюдовъ съ боя. Такъ мы и сдѣлали. Но такъ какъ туземцевъ первой категоріи было чрезвычайно мало, то начальникамъ частей было внушено, чтобы они ставили въ строку каждую малѣйшую услугу верблюдовладѣльца и находили поводъ ходатайствовать о перечисленіи туркменъ изъ втораго разряда въ первый. Такимъ образомъ, достаточно было хозяину верблюдовъ самому быть при насъ для того, чтобы получить право на наемную плату, хотя бы первоначально верблюды были отняты при помощи пущеннаго въ ходъ оружія.

Во время своихъ рекогносцировокъ, красноводскій отрядъ, собственно говоря, пользовался весьма большимъ числомъ верблюдовъ. Такъ, въ 1871 году ему служило 884 верблюда, въ 1872 — болѣе 1,600, а въ 1873 — не менѣе 4,114 головъ этихъ животныхъ. При этомъ, однако-же, только немногіе верблюды возили наши грузы со дня выступленія отряда въ тотъ или другой походъ и до дня нашего возвращенія изъ него. Однихъ животныхъ, за негодностью, мы оставляли въ пути, другихъ добывали во время самаго движенія. Часто приходилось цѣлыми мѣсяцами держать верблюдовъ при отрядѣ, даже и безъ всякой въ нихъ нужды именно въ данную минуту, а лишь въ предвидѣніи скорого наступленія этой нужды. Бывало, наконецъ, что мы, находясь въ походѣ, лишались нѣкоторой части нашихъ верблюдовъ не по винѣ ихъ хозяевъ или по негодности животныхъ, а по инымъ, совершенно случайнымъ причинамъ. Верблюды наши по необходимости всегда были распредѣлены поротно, а ротные комацдиры, на обязанность которыхъ возложено было о нихъ заботиться, не всегда даже успѣвали ихъ хорошенько пересчитать на привалахъ и ночлегахъ. Не смотря на разнаго рода бирки, привѣшивавшіяся къ верблюдамъ, и иныя внѣшнія отличія, животныя различныхъ частей смѣшивались во время пастбы. Все это крайне затрудняло, даже дѣлало почти невозможнымъ веденіе точнаго ежесуточнаго учета нашимъ перевозочнымъ средствамъ и

силамъ. Однако-же, изъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя удавалось собрать въ отрядномъ нашемъ штабѣ послѣ каждаго движенія, выведено было, что среднее число верблюдовъ, находившихся у насъ ежедневно въ теченіе рекогносцировочныхъ періодовъ времени, простиралось въ походѣ перваго года приблизительно до 550, втораго—до 980 и третьяго—до 1,950. Такъ какъ продолжительность походовъ слѣдуетъ принимать въ 82, 96 и 77 сутокъ, то, слѣдовательно, приводя къ одному дню, получалось, по самому умѣренному расчету, 43.460, 94.080 и 150.150 верблюдовъ. Полагая по 33,3 копѣйки въ день за каждую голову, слѣдовало бы, значить, круглымъ счетомъ уплатить 14.474, 31.329 и 50.000 рублей, а всего, за всѣ трехлѣтніе походы, 95,803 рубля. Уплачено же было всего 38,256 рублей, а именно: въ 1871 году—13,022 рубля, въ 1872 г.—6,477 рублей и въ 1873 году—18,757 рублей. Принимая въ основаніе расчетовъ тѣ же самые источники, оказывается, что за время трехлѣтнихъ нашихъ походовъ въ пустынь число павшихъ или по инымъ причинамъ утраченныхъ нами верблюдовъ можетъ быть принято въ 4,200 головъ. Изъ этого числа 540 штукъ принадлежали хозяевамъ, которые питали къ намъ вольную или невольную пріязнь, во всякомъ случаѣ поддерживали въ своихъ отношеніяхъ съ нами такой наружный порядокъ, который можно было признавать для насъ благопріятнымъ. Поэтому, такъ какъ до высадки нашей на восточный берегъ Каспія, средняя цѣна верблюда въ предѣлахъ Туркменіи колебалась между 13-ю и 14-ю туманами, то за каждаго изъ 540 верблюдовъ отрядъ уплатилъ по 40 рублей, что составило всего 21,600 руб. Въ счетъ этой послѣдней суммы, съ разрѣшенія главнокомандующаго, вошли и тѣ 12,000, которыя поступили въ казну къ зачету отъ продовольствія войскъ отбитымъ у непріятеля скотомъ.

Говоря о расходахъ красноводскаго отряда, нельзя не упомянуть объ одномъ, не особенно значительномъ, но своеобразномъ расходѣ, который тоже былъ отнесенъ на денежный отпускъ для нуждъ отряда. Это была постройка мечети въ Красноводскѣ. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что туркмены всѣхъ родовъ, не исключая текинцевъ, далеко не могутъ считаться фанатиками въ религіи среди народовъ мусульманскаго міра. Однако-же, близкое изученіе племенъ, кочующихъ въ Арало-Каспійской низменности, приводитъ къ полному убѣжденію въ томъ, что не только туркмены, но и киргизы, наиболѣе въ этомъ отношеніи индифферентные, въ извѣстныхъ случаяхъ находятся подъ большимъ вліяніемъ своихъ муллъ. Во всякомъ случаѣ туркменъ рѣшительно нельзя упрекнуть

въ небрежномъ отношеніи къ внѣшнимъ формамъ, соблюденіе которыхъ требуется ихъ религіею. Какъ бы то ни было, но начальникъ отряда раздѣлялъ вмѣстѣ со многими другими то мнѣніе, что чѣмъ большимъ значеніемъ и почетомъ пользовалось бы среди туркменъ избранное нами магометанское духовенство, тѣмъ болѣе слабѣла бы связь народа съ центрами среднеазіятскаго мусульманства, и чѣмъ выше выстроили бы мулламъ въ Красноводскѣ минареть для призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ, тѣмъ болѣе должно было бы собраться вокругъ насъ туземцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, быстрѣе приблизилось бы время, когда мусульмане замѣнили бы Святымъ Крестомъ полумѣсяцъ, вѣнчающій выстроенное зданіе. Мы и понынѣ остаемся при убѣжденіи, что это средство, и именно не въ глубинѣ материка, а въ Красноводскѣ, т. е. у моря, за которымъ ученіе корана съ каждымъ днемъ замѣтно уступаетъ свѣту Евангелія, безусловно было бы практично и неминуемо принесло бы прекрасные плоды. Къ сожалѣнію, однако-же, сколько намъ извѣстно, мысль эта въ послѣдствіи была оставлена и постройка брошена, или, быть можетъ, хотя зданіе и было достроено, но получило другое назначеніе.

г) Четвертый и послѣдній отдѣлъ денежнаго отпуска отряду именовался отпускомъ на экстраординарныя расходы. Сумма эта, за весь разсматриваемый періодъ времени, достигла 17,200 рублей, изъ которыхъ впрочемъ, за неизрасходованіемъ, 3,223 рубля были возвращены въ казначейство, остальное же пошло на покупку подарковъ для туземцевъ и на денежные награды имъ же за различныя услуги, равно какъ и на безчисленное множество необходимыхъ мелкихъ и крупныхъ расходовъ иного рода. Въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, мы назовемъ расходъ на продовольствіе офицерскихъ лошадей. У насъ уже былъ случай говорить о томъ, что офицеры всѣхъ родовъ оружія, по исключительнымъ служебнымъ требованіямъ отъ нихъ въ красноводскомъ отрядѣ, должны были держать и въ дѣйствительности держали верховыхъ лошадей, причѣмъ многіе не получали на нихъ даже никакого денежнаго довольствія. Между тѣмъ, содержаніе лошади иному офицеру было бы не подъ силу и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно доставать фуражъ въ изобиліи, въ пустынѣ же ничего иного не оставалось, какъ кормить всѣхъ офицерскихъ лошадей, что и дѣлалось, съ одобренія высшаго начальства въ округѣ, совершенно безвозмездно.

Подводя окончательные итоги расходамъ, произведеннымъ непосредственно красноводскимъ отрядомъ, получимъ, что съ 16-го іюля 1871 года по 16-е іюля 1873 года онъ издержалъ:

а) На продовольствіе людей и лошадей	163,522 р.
б) На полшубки, шитье мѣшковъ и сапогъ.	2,473 »
в) На различныя свои нужды	84,928 »
г) На безотчетныя экстраординарныя статьи	13,977 »

Всего же. . . . . 264,900 р.

Остается сказать, что, по установившемуся въ отрядѣ порядку, всѣ истраченныя въ немъ деньги, не исключая и тѣхъ, которыми онъ имѣлъ право распоряжаться совершенно безотчетно, расходывались не иначе, какъ по документамъ, которые своевременно были представлены начальству. Всѣ крупныя выдачи производились непременно въ присутствіи какого-либо изъ штабъ-офицеровъ и нѣсколькихъ оберъ-офицеровъ. Раздача подарковъ обыкновенно совершалась при извѣстной торжественной обстановкѣ, причемъ обязательно должны были присутствовать всѣ чины отряднаго штаба. Выдача суммы за павшихъ верблюдовъ произведена была на островѣ Ашуръ-Аде и подпись рукъ получателей засвидѣтельствована была на мѣстѣ начальникомъ Астрабадской нашей военноморской станціи, которому лично были извѣстны получатели. Названный островъ былъ избранъ мѣстомъ вознагражденія верблюдовладѣльцевъ, главнымъ образомъ, потому, чтобы утвердить туземцевъ въ убѣжденіи, что начальникъ названной станціи, капитанъ 1-го ранга Петриченко, является постояннымъ за нихъ ходатаемъ и что, только благодаря ему, имъ оказывается эта милость. Вообще, принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы упрочить добрыя отношенія туркменъ къ нашей морской станціи не только въ видахъ непосредственной пользы сухопутному отряду, но и для доставленія должнаго авторитета начальнику станціи, которая имѣла особенную дипломатическую мисію и особенное политическое значеніе въ государственныхъ дѣлахъ нашихъ съ Персією.

Всѣ находившіяся въ распоряженіи начальника отряда суммы періодически повѣрялись особыми комисіями, члены которыхъ назначались приказами по отряду или предписаніями. Повѣривъ деньги и документы, комисіи обыкновенно составляли актъ, содержаніе котораго объявлялось всегда въ приказѣ. Порядокъ храненія денежныхъ суммъ и документовъ въ ящикѣ былъ установленъ примѣнительно къ тому, который указанъ уставомъ. Ключъ отъ ящика находился всегда у начальника отряда, печати же къ ящику прикладывались членами комисіи.

Составитель предлагаемаго труда исключительно руководствовался желаніемъ не навязывать своихъ мнѣній и даже, по возможности, не высказывать ихъ вовсе, пока простое изложеніе фактовъ, доведенное до самаго конца, въ состояніи будетъ дать читателю возможность дѣлать свои собственные основательные выводы и заключенія. Теперь, когда предположенная задача можетъ считаться болѣе или менѣе выполненною, не бесполезно, во-первыхъ, коснуться нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ о красноводскомъ отрядѣ нашею печатью вообще, а во-вторыхъ, рядомъ съ ними привести и наше мнѣніе, какъ ближайшаго очевидца всего того, что дѣлалось въ названномъ отрядѣ въ теченіе двухъ лѣтъ изъ времени пребыванія его въ Закаспійской пустынѣ.

Прежде всего должно сказать, что походы наши 1871 и 1872 годовъ, равно какъ и Заатрексій нашъ походъ 1873 года, не обратили на себя никакого или почти никакого вниманія русскаго общества. О нихъ мало кто и зналъ. Походами тѣми несравненно болѣе интересовались за границею, въ особенности въ Англіи и Австріи. Тогда какъ въ послѣднемъ, на примѣръ, изъ названныхъ государствъ извѣстный Вамбери, слѣдя за нашими движеніями, и живыми рѣчами, и печатно неутомимо возбуждалъ по поводу ихъ неблагопріятныя для нашей средне-азіатской политики силы, въ нашей собственной печати лишь изрѣдка можно было встрѣтить о красноводскомъ отрядѣ только самое сухое и краткое извѣстіе. Такимъ образомъ, все, что написано на этотъ счетъ, написано и появилось на свѣтъ лишь послѣ послѣдняго нашего движенія въ глубь материка. Но такъ какъ движеніе это не имѣло такихъ блестящихъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидало большинство, не посвященное въ сущность положенія дѣлъ и обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, то естественно, что во всемъ, или почти во всемъ, написанномъ о красноводскомъ отрядѣ, неизбѣжно отзывается хотя быть можетъ и похвальное, но во всякомъ случаѣ неудовлетворенное патріотическое чувство критиковъ и повѣствователей. О томъ, какъ сильно дѣйствовало тогда побужденіе этого рода, нѣкоторое понятіе можетъ дать передовая статья одной изъ очень читаемыхъ въ ту пору газетъ, которая къ тому же редактировалась и издавалась человѣкомъ со спеціальнымъ военнымъ образованіемъ. Въ статьѣ той, между прочимъ, оповѣщалось, что красноводскій отрядъ вернулся не дойдя до Хивы 300 верстъ, что при этомъ онъ побросалъ все свое ручное оружіе и лишь едва дотащилъ обратно свою артилерію. Очевидно, что такое пустословіе, какъ не имѣющее

сколько нибудь положительной почвы, могло щемить сердца тѣхъ лишь русскихъ современниковъ, которые были не посвящены въ сущность дѣла, и совершенно было бессильно вліять на серьезную историческую критику. Поэтому мы не станемъ даже и перечислять мнѣнія и сообщенія подобной категоріи, какъ вовсе не заслуживающія вниманія. Но такъ какъ красноводскій отрядъ въ 1873 году тѣмъ не менѣе не дошелъ до Хивы, тогда какъ въ 1871 г. онъ достигъ непосредственныхъ владѣній этого ханства, то очевидно, что это не могло быть безпричинно. Вопросъ лишь въ томъ, въ чемъ же именно заключалась эта причина? Иные серьезные критики усматриваютъ ее исключительно въ одномъ, другіе — видятъ ее въ другомъ. Наконецъ, есть и такіе, которые предполагаютъ, что отрядъ не дошелъ по совокупности нѣсколькихъ причинъ. Приведемъ всѣ различныя предположенія, высказанныя по этому поводу, и, насколько это окажется возможнымъ, попытаемся выяснитъ дѣйствительныя причины неудавшагося похода. Остается несомнѣннымъ фактомъ, что въ послѣдніе дни нашего движенія впередъ мы страшно бѣдствовали отъ недостатка воды. Поэтому рассмотримъ, въ какой степени подготовилъ себя въ этомъ отношеніи отрядъ предъ своимъ выступленіемъ въ послѣдній походъ. Для разрѣшенія столь важнаго вопроса, обратимся къ способу сравненія и къ числовымъ даннымъ. Изъ нихъ видно, что въ 1872 года, когда во время нашего движенія жара тоже неоднократно достигала 35 и болѣе градусовъ по Реомюру, отрядъ имѣлъ съ собою посуду на 1,200 ведеръ воды. Такимъ количествомъ запаса отрядъ довольно легко обходился все время, хотя намъ пришлось даже пройти почти 97 вер. совершенно безводнаго пространства, а именно между колодцами Игды и Динаръ, слѣдовательно по области невообразимыхъ песковъ, подобныхъ которымъ не доводилось намъ никогда видѣть ни раньше того, ни позже. Въ составѣ отряда въ этомъ походѣ находилось тоже двѣнадцать ротъ пѣхоты. Правда, двумя полевыми орудіями тогда у насъ было меньше, но за то не было и такого количества кавалеріи, какъ въ походѣ 1873 года, а потому нельзя было и думать о томъ, чтобы водить ее самостоятельно, т. е. врознь съ пѣхотою. Напротивъ того, мы вынуждены были тогда водить нѣсколько десятковъ нашихъ казаковъ со скоростью движенія пѣхоты, а потому, конечно, расходъ воды увеличивался не только потребностями въ ней всадника, но и его коня. По возвращеніи изъ похода 1873 года, и даже не тотчасъ, а спустя мѣсяць послѣ дня окончательнаго сосредоточенія отряда въ Красноводскѣ, по распоряженію

высшаго начальства, особливо для сего командированнымъ лицомъ была тщательно повѣрена емкость всей той посуды, которая сохранилась еще при войскахъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи, и оказалось, что у насъ все еще имѣлось ея на 3,150 ведеръ воды. Понятно, что, бросая многое, благодаря ежедневно усилившемуся недостатку вьючныхъ животныхъ, все болѣе и болѣе углубляясь въ область страны, уже знакомой и сравнительно богатой колодцами, а вмѣстѣ съ этимъ и ежедневно приближаясь къ предѣльному пункту нашего обратнаго пути, войска не могли слишкомъ дорожить порченными бурдюками или разохшимися боченками, и потому, конечно, многое изъ этого не довели. Отсюда, разумѣется, слѣдуетъ, что, передъ выступленіемъ въ походъ, у насъ въ сущности посуды было еще гораздо болѣе. Но если даже послѣднее предположеніе и ошибочно, если у насъ всего везлось 3,150, а не болѣе ведеръ воды, то чѣмъ же все-таки объяснить тотъ фактъ, что на первомъ же трехдневномъ безводномъ переходѣ между Джамала и Игды войска уже страдали отъ жажды до полнаго изнеможенія и одуренія? Наконецъ, когда въ Бала-Ишемѣ обсуждалось предположеніе, не попробовать ли идти впередъ, то не было и рѣчи объ единовременномъ прохожденіи большаго безводнаго пространства отрядомъ въ полномъ его составѣ. Тогда предполагалось идти лишь съ частью отряда, а потому само собою разумѣется, что еслибы въ 1873 году мы находились въ климатическихъ условіяхъ, сколько нибудь похожихъ на старыя, къ которымъ мы достаточно привыкли, и если въ 1872 г. 1,200 ведеръ запасной воды съ избыткомъ удовлетворяли 12 ротъ въ теченіе 84 часовъ времени, то въ слѣдующемъ году 3,150 ведеръ должны были совершенно удовлетворять нужду, положимъ, хотя шести ротъ, въ теченіе девяти сутокъ. Если однакоже, не смотря на математически вѣрный расчетъ, на основаніи опыта признано было, что избытокъ воды не поможетъ, то очевидно, что время ушло впередъ со скоростію, за которою мы не могли угнаться, хотя бы имѣли съ собою вчетверо болѣе посуды и воды, такъ какъ потребность въ послѣдней перестала удовлетворяться однимъ только ея количествомъ. Вода водѣ рознь. Да и одна и та же вода, допустимъ даже—превосходная, при извѣстныхъ условіяхъ и по простествіи извѣстнаго времени легко обращается изъ источника жизни и здоровья въ источникъ болѣзней и даже смерти. Ко всему уже сказанному выше намъ остается добавить, что воду везло у насъ 320 самыхъ сильныхъ и здоровыхъ верблюдовъ. Удѣлить подъ этотъ грузъ еще болѣе верблюдовъ мы не могли. У насъ было много и другихъ не менѣе на-

сущныхъ предметовъ, безъ которыхъ тоже обойтись было нельзя, Если тѣмъ не менѣе требовалось имѣть съ собою воды еще болѣе. то, слѣдовательно, походъ былъ запоздалый. Вопросъ о степени готовности военнаго отряда къ выполнению какой бы то ни было задачи, на него возлагаемой, есть вопросъ чрезвычайно растяжимый. Несомнѣнно также, что признаваемое вполнѣ достаточнымъ для одного отряда можетъ быть вовсе недостаточнымъ другому. Но, съ другой стороны, если нѣсколько отрядовъ имѣютъ общую цѣль дѣйствій и находятся приблизительно въ равныхъ условіяхъ, то для составленія правильнаго заключенія сравненіе ихъ средствъ и силъ не лишено серьезнаго значенія. Поэтому кстати будетъ сказать, что крайній недостатокъ воды ощущался, какъ то хорошо извѣстно, во всѣхъ четырехъ отрядахъ, направленныхъ въ Хивинское ханство въ 1873 г. Отряды мангишлякскій и въ особенности туркестанскій испытывали въ этомъ отношеніи почти совершенно такія же страданія и такъ же бывали близки къ гибели, какъ и нашъ отрядъ. Что касается запаса воды, возимаго въ различныхъ отрядахъ, то, къ величайшему сожалѣнію, на этотъ счетъ намъ не удалось собрать всѣхъ свѣдѣній. Поэтому, основываясь на вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, можемъ сказать лишь, что мангишлякскій отрядъ имѣлъ посуды на 1,193 ведра воды. Такъ какъ въ немъ число людей простиралось до 2,140 человѣкъ, то, слѣдовательно, на cadaго человѣка везлось запасной воды нѣсколько болѣе 0,5 ведра. Считая въ красноводскомъ отрядѣ 1,505 пѣхотинцевъ, 457 казаковъ и 243 артилериста, а всего 2,205 человѣкъ и даже не болѣе 3,150 ведеръ запасной воды, получимъ на cadaго человѣка по 1,4 ведра. Пытаясь составить хотя приблизительно понятіе о томъ, какъ великъ могъ быть запасъ воды въ туркестанскомъ отрядѣ, мы могли бы предложить вниманію читателя лишь слѣдующія данныя. Извѣстно, что отрядъ этотъ въ двадцатыхъ числахъ апрѣля мѣсяца находился уже въ сферѣ площади, въ которой нужда въ водѣ была особенно велика. Извѣстно также, что повѣрка верблюдовъ, произведенная 26-го числа названнаго мѣсяца, показала, что къ этому времени вьючныхъ животныхъ въ цѣломъ отрядѣ оставалось лишь 2,412 головъ. Считая даже, что одна четвертая часть наличныхъ верблюдовъ, т. е. 603 штуки, исключительно шли подъ водою и каждый вьюкъ равнялся 6—7 ведрамъ, получимъ, что весь запасъ воды не превышалъ 3,600—4,200 ведеръ. Извѣстно также, что въ составѣ туркестанскаго отряда, за оставленіемъ гарнизоновъ въ попутныхъ опорныхъ пунктахъ, состояло 5,247 чел. Такимъ образомъ, и на основаніи приведенныхъ данныхъ мы не

считаемъ правильнымъ то мнѣніе, по которому возвращеніе отряда приписывается недостатку запаса воды. Ея было много, но время. повторяемъ мы, не довольствовалось уже и многимъ. Въ такую пору можно было ходить лишь вдоль воды текучей и не полагаться на ту, которая попала на вьюкъ, сколько бы ея ни было.

Обратимся къ другой причинѣ, которую приводятъ нѣкоторые въ объясненіе возвращенія отряда. Говорятъ, что, желая предвосхитить славу покоренія Хивинскаго ханства у другихъ отрядовъ, туда же направленныхъ, начальникъ красноводскаго отряда шелъ впередъ съ непосильною быстротою, а тѣмъ самымъ онъ до времени истощилъ людей и, вообще, ослабилъ подвижность отряда. Дѣйствительно, уже къ тому времени, когда мы еще только что подходили къ Игды, утомленіе сильно замѣчалось въ цѣломъ отрядѣ, не исключая и его начальника. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что обстоятельство это вліяло даже какъ на отвѣтъ совѣщавшихся въ Бала-Ишемѣ, такъ и на рѣшеніе идти назадъ, принятое тѣмъ, отъ кого это зависѣло. Но справедливость заставляетъ сказать, что это изнуреніе происходило вовсе не отъ чрезмѣрно большихъ и спѣшныхъ переходовъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, лучше всего обратиться къ числовымъ даннымъ, которыя легко извлечь изъ настоящаго труда. Изъ нихъ видно, что въ осенне-зимніе походы красноводскаго отряда, когда цѣли, указанныя ему, вполнѣ были достигнуты и когда онъ не могъ имѣть въ виду никакихъ предвосхищеній, отрядъ проходилъ среднимъ числомъ въ сутки въ 1870 году — 20 верстъ, въ 1871 — 24¹/₂ и, наконецъ, въ 1872 году — опять почти 20 верстъ. Въ 1873 же году, въ Хивинскую экспедицію, предпринятую весною, кабардинскій баталіонъ, составлявшій, какъ это извѣстно, первый эшелонъ и подвинувшійся дальше прочихъ частей пѣхоты, выступилъ изъ Чекишляра 19-го марта, а достигъ крайняго предѣла движенія 22-го апрѣля. Такимъ образомъ, баталіонъ этотъ былъ на маршѣ въ теченіе 35-ти сутокъ, причемъ имъ пройдено было всего 460 верстъ. Раздѣливъ послѣднее число на 35, получимъ въ частномъ 13, т. е. лишь немного болѣе половины средняго суточного перехода тѣхъ же войскъ въ 1871 году. Слѣдовательно, въ послѣдній походъ стремительность наша была наименьшая и, не смотря на то, задача наша осталась не вполнѣ исполненною. По мнѣнію нашему, утомленіе красноводскаго отряда происходило отъ того, что онъ затратилъ много силъ на Заатрекскій, свыше чѣмъ 500-верстный, походъ, сдѣланный имъ такъ сказать, наканунѣ выступленія по направленію къ Хивѣ, и отъ тѣхъ въ высшей степени тревож-

ныхъ дней, которые отрядъ провелъ въ Чекишлярѣ, именно въ то время, когда отдыхъ былъ ему существенно необходимъ. Если отложить по картѣ, начиная отъ Чекишляра, разстояніе, пройденное красноводскимъ отрядомъ въ послѣдній его походъ, и къ концу линіи приложить длину исхожденныхъ имъ же путей во время исکانія верблюдовъ за Атрекомъ, то не трудно будетъ видѣть, что конецъ той линіи окажется гдѣ нибудь далеко за Хивую. Припоминая же, что мы сняли съ себя теплое платье только лишь около 10-го апрѣля, не останется ничего удивительнаго въ предположеніи, что отрядъ нашъ могъ дойти до Хивы прежде чѣмъ настала пора, съ которою борьба оказалась выше силъ, данныхъ человѣку природою. Съ другой стороны, если для сравненія принять въ расчетъ положеніе прочихъ отрядовъ, слѣдовавшихъ въ Хиву же, которые въ концѣ концовъ благополучно до нея добрались, и предположить, что каждому изъ нихъ путь былъ бы удлиненъ хотя бы еще только верстъ на 300, но такихъ же безотрадныхъ, какія лежали предъ нами, когда мы находились въ Бала-Ишемѣ, то, должно полагать, пришлось бы сознаться, что, не смотря на дѣйствительно поразительную энергію, обнаруженную этими отрядами, всѣ ихъ усилія могли оказаться напрасными, какъ оказались наши.

Очень много говорилось также и о томъ, что красноводскій отрядъ недостаточно вознаграждалъ туземцевъ деньгами за ихъ услуги и вслѣдствіе этого являлась постоянная нужда въ верблюдахъ, недостатокъ въ верблюдовожатыхъ и въ проводникахъ. Всѣ эти обстоятельства, между прочимъ, приписывали и суровымъ отношеніямъ начальника отряда къ туркменамъ. Наконецъ, отношенія этого рода, въ свою очередь, должны были, повидимому, создавать вражду туземцевъ къ намъ и, въ такомъ случаѣ, всѣ причины и послѣдствія неминуемо должны были перепутаться до такой степени, что во всемъ этомъ трудно было бы разобраться и указать, гдѣ именно причина, а гдѣ слѣдствіе. И дѣйствительно, если по причинѣ, напри- мѣръ, суровыхъ отношеній къ нимъ, туркмены не давали отряду верблюдовъ, то послѣднихъ приходилось брать насиліемъ. Въ этомъ случаѣ насиліе есть слѣдствіе, а суровость отношеній—причина. Если же нужда заставляла отрядъ во что бы то ни стало добыть верблюдовъ, которыхъ туземцы ни за что не давали добровольно, то можно уже и на насиліе смотрѣть какъ на послѣдствіе, а на нужду въ верблюдахъ—какъ на причину. Во всякомъ случаѣ, при разборѣ существовавшихъ мнѣній о недостаткѣ въ красноводскомъ отрядѣ верблюдовъ, верблюдовожатыхъ, проводниковъ и прочее, нельзя

разсматривать эти вопросы порознь, такъ какъ и сами критики обыкновенно ихъ не раздѣляютъ. Образцомъ можетъ служить нижеприводимое мнѣніе, заимствованное нами изъ книги «Хивинскій походъ 1873 года». Авторъ этого труда, какъ личный участникъ нѣсколькихъ походовъ въ Закаспійскомъ краѣ, понимая положеніе дѣлъ лучше многихъ другихъ критиковъ, занимающихся своимъ дѣломъ, такъ сказать, по наслышкѣ, старается только выразить приведенные упреки возможно мягче, хотя тоже не вполнѣ отъ нихъ отрѣшается. «Наконецъ», говоритъ онъ, «приведемъ еще одну причину неудачи красноводскаго отряда, причину, которой надо придавать значеніе условное: это враждебныя отношенія къ намъ туркменъ и недостаточное вознагражденіе служившихъ намъ прежде проводниками и верблюдожатыми. Мы не хотимъ сказать, что, не будь враждебнаго настроенія туземцевъ, отрядъ получилъ бы верблюдовъ за плату для похода на Хиву. Но все же таки полагаемъ, что, при такихъ отношеніяхъ, отрядъ весьма естественно не могъ разсчитывать ни при какомъ случаѣ на добровольную помощь со стороны населенія. Будь при отрядѣ хотя нѣсколько десятковъ верблюдожатыхъ, они оказали бы незамѣнимую услугу отряду. Пастьба верблюдовъ, а также вообще уходъ за ними составляли самую тягостную сторону и безъ того чрезмѣрныхъ трудовъ солдата, а съ другой стороны огромную убыль верблюдовъ, которая была въ отрядѣ, безъ сомнѣнія, въ большой степени слѣдуетъ приписать неумѣнью и непривычкѣ солдатъ обращаться съ ними.

Развивая приведенную мысль автора самаго серьезнаго и обстоятельнаго военно-литературнаго труда о Хивинскомъ походѣ, нѣкоторые усердствующіе критики заходятъ далѣе всякаго вѣроятія. Такъ, одинъ изъ нихъ, разсуждая о красноводскомъ отрядѣ, пишетъ, напимѣръ, слѣдующее: «Мы не можемъ восхищаться тѣмъ, что, подъ предлогомъ изученія степи, двигались по ней, показывая свое удалство надъ мирными обывателями. Задирали, а потомъ вѣшали за непокорность — вмѣсто того, чтобы обласкать, приманивать въ свои лагери возможно большее число любопытныхъ, показывать имъ въ хорошемъ свѣтѣ наше обращеніе, наше управленіе, нашу цивилизацію, чтобы дать имъ возможность разносить по степи добрыя вѣсти о насъ. Если-бы мы дѣйствовали такъ, не увлекаясь славою, то, идя на Хиву, вездѣ встрѣчали бы друзей, которые указывали бы намъ дорогу и воду. Скажемъ болѣе: мы могли бы имѣть въ своихъ рядахъ и часть туркменъ».

Мы привели эти мнѣнія вовсе не потому, чтобы вступать въ

пререканія съ ихъ авторами, но для того лишь, чтобы выяснить затронутые ими вопросы съ тою же самою цѣлью, которая имѣлась въ виду при составленіи предлагаемаго труда. Мы хотѣли бы сохранить въ памяти будущаго забываемую съ годами жизнь и службу стараго красноводскаго отряда, освѣтивъ его дѣятельность свѣтомъ правды и безпристрастія.

Разсматривая приведенныя критическія цитаты, прежде всего скажемъ, что случаи повѣшенія хотя дѣйствительно и были, но они относятся именно къ тому времени, когда практиковалась система заискиванія у туземцевъ. Такихъ случаевъ, если не ошибаемся, было два, и оба до іюля 1871 года. Затѣмъ необходимо признаться, что съ указаннаго времени приведенная система дѣйствительно капитально была измѣнена. Всѣ разговоры съ туркменами повелись въ такомъ рѣшительномъ тонѣ, который до той поры имъ совершенно не былъ извѣстенъ. Но новый порядокъ вещей несправедливо было бы упрекнуть въ томъ, что онъ впадалъ въ какую-либо крайность. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда петля на шею въ дѣйствительности была не лишнею, старались обойтись безъ этой мѣры, замѣняя ее временнымъ удаленіемъ виновныхъ на западный берегъ Каспійскаго моря, дабы тѣмъ обезпечить спокойствіе и порядокъ на восточномъ берегу. Такъ, напримѣръ, лишивъ власти одного изъ хановъ за доказанное участіе въ открытомъ нападеніи на нашъ Михайловскій постъ и за другіе поступки, направленные прямо во вредъ нашимъ интересамъ, отправили его въ Баку. При этомъ начальникъ отряда доносилъ⁽¹⁾: «я высылаю муллу Дундуръ-хана, такъ какъ не нахожу болѣе возможнымъ и удобнымъ постоянно парализовать его дурное вліяніе деньгами и безконечными подарками подобно тому, какъ это дѣлалось до нынѣ, но въ то же время прошу ваше превосходительство не отказать принять мѣры къ тому, чтобы до времени никто изъ туркменъ не возвращался недовольнымъ нами съ западнаго берега Каспія на восточный. Дундуръ ѣдетъ съ братомъ, котораго онъ очень просилъ оставить за себя, но я назначилъ ханомъ старика Хами-Сардара, значительно уступающаго Дундурѣ умомъ и способностями, но несравненно въ большей степени удовлетворяющаго нашимъ интересамъ». Вообще о программѣ начальника красноводскаго отряда, которая тогда одобрялась и которой онъ слѣдовалъ неуклонно до самаго конца, можно

(1) Письмо изъ Красноводска начальнику штаба Кавказскаго военнаго округа отъ 23-го августа 1871 года, № 3-й.

нѣсколько судить по слѣдующимъ словамъ, заимствованнымъ нами изъ его письма № 10, представленнаго въ Тифлисъ изъ Чагила 19-го октября 1871 года. «Я удостовѣряюсь, пишетъ онъ, что со здѣшнимъ народомъ можно многое сдѣлать и мирнымъ способомъ, только для этого нужно время и строго-систематичный образъ дѣйствій. Нужно стараться очень строго взвѣшивать отдаваемые ему приказанія и, разъ отдавъ ихъ, настойчиво требовать пунктуальнаго выполнения приказаннаго, хотя бы это стоило десятка съ два казачьихъ плетей, которыми въ отрядѣ уже и приходилось иногда дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ». Такой порядокъ отношеній къ туземцамъ вовсе не удалялъ ихъ отъ отряда. Если онъ въ то же время не ускорялъ сближенія съ нами, подобно тому, какъ это способны были бы сдѣлать задабриванія, то уже во всякомъ случаѣ можно по справедливости сказать, что тѣ изъ туркменъ, которые случайно или принужденно сближались съ нами, оставались потомъ намъ вѣрными до конца. Ничего не было легче, какъ образовать изъ туркменъ цѣлыя дружины, но тогда этого вовсе не требовалось. Такія дружины очень полезны, если онѣ набраны въ провинціи, въ которой прочно водворена надежная администрація, или если ратники, набранные въ извѣстной, хотя и неблагонадежно управляемой странѣ, выведены изъ нея для службы внѣ своей родины. Но въ тѣ времена принимать туркменъ на нашу службу въ ихъ собственной странѣ можно было лишь единицами и много десятками. Въ такомъ именно числѣ и принимались отъ нихъ услуги. Въ официальномъ письмѣ начальника крановодскаго отряда генералъ-адъютанту Свистунову, отъ 27-го августа 1871 года, № 5, онъ доносилъ: «Иль-Гельды-ханъ предложилъ мнѣ сформировать и привести съ собою цѣлую сотню, но я отклонилъ это потому, что въ сущности, такъ сказать, для политической стороны дѣла все равно, десять ли или сто всадниковъ приведетъ онъ съ собою, а смотрѣть на туркменъ какъ на силу военную здѣсь мы пока не должны. Въ экономическомъ же отношеніи это дѣлаетъ громадную разницу, такъ какъ я договорился платить каждому всаднику по пяти тумановъ въ мѣсяцъ, или, по существующему курсу, приблизительно 16½ рублей, да еще притомъ давать всадникамъ пшеничную муку, масло и рисъ, а лошадямъ ихъ фуражъ». И то сказать: тогда никто изъ насъ не предвидѣлъ, что дѣло, которое мы начинали и думали продолжать средствами и затратами ординарными, разрастется въ отношеніи силы—изъ ротъ до цѣлыхъ полковъ, а въ отношеніи затратъ—изъ тысячъ рублей до десятковъ миліоновъ. Далѣе, въ пись-

мѣ № 7, отъ 27-го сентября того же 1871 года, сказано: «Иль-Гельды-ханъ со своими нукерами находится при отрядѣ, хотя, нужно сознаться, только даромъ объѣдаетъ отрядъ, не принося ему почти никакой существенной пользы. Держу его ради, такъ сказать, политическихъ видовъ. Не могу того же сказать про нашихъ туркменъ, которыхъ при отрядѣ, считая конныхъ и пѣшихъ, до сотни человекъ. Они смотрятъ за своими верблюдами и, вообще, служатъ намъ хорошо и усердно». Мы упомянули слово «нашихъ», думая еще къ нему возвратиться. Пока же скажемъ, что начальникъ отряда дѣлалъ нѣкоторыя попытки и къ тому, чтобы доставить туземцамъ возможность служенія въ нашихъ войскахъ и внѣ предѣловъ ихъ родины. Такъ, въ письмѣ начальнику окружнаго штаба, № 3-й, между прочимъ встрѣчается просьба и слѣдующаго рода: «нельзя ли будетъ, ваше превосходительство, знакомить съ нами туркменъ, зачисляя ихъ на нашу службу, напримѣръ, въ конвой Великаго Князя Намѣстника. Если-бы это оказалось возможнымъ, то было бы не дурно для восточнаго берега. Здѣсь можно было бы подобрать весьма представительныхъ халатниковъ, для чего, конечно, первое время пришлось бы шить имъ халаты на счетъ казны». Однако-же, условія того времени были таковы, что высшее начальство Кавказскаго округа не нашло возможнымъ осуществить приведенное предложеніе начальника красноводскаго отряда. Послѣд-нему, на письмо его № 3, было отвѣчено бумагою отъ 10-го сентября 1871 года, № 3,190, между прочимъ слѣдующее: «Что касается заявленія вашего о томъ, чтобы до времени никто изъ туркменъ не уѣзжалъ недовольнымъ съ западнаго берега Каспійскаго моря на восточный его берегъ, то въ каждомъ частномъ случаѣ будутъ принимаемы къ тому соотвѣтствующія мѣры, начиная съ Дундуръ-хана; но зачисленіе туркменъ въ конвой Главнокомандующаго арміею невозможно, такъ какъ въ оный не допускается никто, кромѣ казаковъ». Впослѣдствіи начальникомъ красноводскаго отряда было словесно возобновлено это предложеніе, но нѣсколько въ иной формѣ. Въ виду религіозной розни между туркменами-суннитами и персами-шіитами, а также и въ виду того паническаго страха, который и по нынѣ наводитъ на всякаго перса одно уже слово «туркменъ», онъ просилъ обратить вниманіе на то, не возможно ли будетъ зачислять закаспійскихъ туземцевъ отдѣльными сотнями на службу въ казачьи полки, содержащіе кордоны вдоль персидской границы нашей по рѣкѣ Араксу, но и это признавалось тогда несвоевременнымъ.

Такимъ образомъ, изъ приведеннаго достаточно явствуетъ, что въ красноводскомъ отрядѣ вовсе не было недостатка въ предложеніяхъ туземцевъ служить намъ въ качествѣ конныхъ воиновъ. Да этого никогда и быть не могло, такъ какъ такого рода служба несколько не противорѣчила понятіямъ туркменъ. Они, какъ и всѣ разбойничьи народы, всегда охотно присоединяются къ любой ротной силѣ, видя единственную цѣль ея существованія въ возможности обогатиться на счетъ другихъ, болѣе слабыхъ. Такіе служивые ради наживы охотно ходятъ аламаномъ даже и на родственныя племена, а потому, разумѣется, вели бы себя смирно въ отношеніи насъ только до поры до времени. Такъ такъ имъ все равно на чей счетъ ни поживиться, то, имѣя ихъ среди себя, намъ необходимо было быть на постоянной стражѣ и оберегать себя по обѣ стороны охранительной бивачной цѣпи. Съ такими дружинами намъ приходилось бы особенно держать ухо остро въ самыя критическія минуты, напримѣръ, во время наибольшаго разслабленія людскихъ силъ, положимъ, отъ непомѣрнаго зноя, т. е. именно тогда, когда только эти дружины и могли бы быть намъ полезны. Каждый изъ четырехъ отрядовъ, двигавшихся въ Хиву, разумѣется пережилъ хоть разъ такіе часы, когда онъ былъ силенъ только тѣмъ, что туземцы вѣрили его силѣ. Что касается того, охотно ли давалъ тамъ народъ когда-либо и гдѣ-либо своихъ верблюдовъ, то это другой вопросъ. Ни во время походовъ красноводскаго отряда, ни послѣ нихъ не было такого примѣра, чтобы какой-нибудь туркменъ привелъ намъ вполнѣ добровольно хотя бы одного изъ своихъ верблюдовъ. По крайней мѣрѣ намъ такіе случаи рѣшительно неизвѣстны. Туркменъ всегда очень хорошо понималъ, что какъ только его небыстроногая имущественная собственность попадетъ къ намъ въ руки, то нельзя будетъ уже болѣе служить, какъ говорятъ, и нашимъ и вашимъ, а останется лишь одно—пристать къ намъ вполнѣ искренно. Необходимость же этого была ему такъ не по нраву, что никто не могъ бы, напримѣръ, вразумить его, что, отдавая намъ въ наемъ своихъ верблюдовъ, онъ тѣмъ самымъ могъ уже обогащать себя. Гвозди, которыхъ порою ничѣмъ не вышибешь, вообще свойственны не только головамъ единичныхъ людей, но и цѣлыхъ племенъ. А между тѣмъ говорили и писали, что будто деньгами можно было сдѣлать все. Нѣтъ спора, что туркмены особенно падки къ деньгамъ, но бываютъ случаи, когда и они не соблазняются металомъ. Это мнѣніе подтверждено было фактами изъ событій какъ во время дѣятельности красноводскаго отряда, такъ и послѣдующихъ. Такъ,

напримѣръ, изъ официальныхъ донесеній усматривается, что когда въ 1873 году явилась необходимость въ верблюдахъ для красноводскаго отряда и взялся добывать ихъ представитель нашей власти на Мангышлакскомъ полуостровѣ полковникъ Ломакинъ, то предпріятіе это вовсе не удалось, не смотря на то, что онъ приказалъ выложить на столь груды золота, присланнаго ему для этой цѣли, и, собравъ народъ, предлагалъ ему брать по сотнѣ рублей за cadaго верблюда.

Нужно замѣтить, что это случилось въ странѣ, въ которой свободно дѣйствовала наша администрація, въ странѣ обитаемой киргизами, которые богаче верблюдами, чѣмъ туркмены, и справедливо считаются народомъ несравненно болѣе корыстнымъ, чѣмъ послѣдніе. Наконецъ, какъ извѣстно, киргизы всегда находились въ большей зависимости отъ Россіи и даже издавна признавались ея подданными, тогда какъ вопросъ о подданствѣ туркменъ считался у насъ до того деликатнымъ, что въ то время предпочиталось его и не возбуждать.

Въ разсказѣ о приготовленіяхъ къ походу 1873 года было упомянуто, что точно также не оправдались надежды начальника астрабадской морской станціи Петриченко на приобрѣтеніе верблюдовъ путемъ добровольнаго соглашенія съ туземцами. Неосновательность мнѣнія о томъ, что деньги могли отдать въ наше распоряженіе мѣстныя перевозочныя средства, доказывается также и тѣмъ, что щедрая плата за верблюдовъ, установленная и производившаяся въ нашемъ отрядѣ до походовъ 1871 года, доставляла барыши лишь подневольнымъ намъ хозяевамъ этихъ животныхъ. По доброй же волѣ и со стороны никто не приводилъ верблюдовъ въ отрядъ для найма. Наконецъ, по окончаніи рекогносцировокъ 1871 года произведена была расплата съ верблюдовладѣльцами по обѣщанному разсчету, который вполнѣ достаточно вознаградилъ ихъ и могъ бы и на будущее время заохотить верблюдовладѣльцевъ отдавать намъ своихъ животныхъ. Дѣло это поручено было особой комисіи, которая прежде всего выяснила число дней, въ теченіе которыхъ верблюды того или другаго хозяина находились въ распоряженіи войскъ. Затѣмъ собранъ былъ весь наличный народъ и произведена публичная расплата, по разсчету 1½, крана (1) за cadaго верблюда въ сутки. Одновременно съ этою расплатою, по уполномочію начальника отряда, комисія раз-

(1) Персидская монета, равная 30 серебрянымъ копейкамъ.

давала и подарки тѣмъ изъ туркменъ-верблюдожатыхъ, которые выказали нашему дѣлу особенное усердіе, удостовѣренное командирами ротъ, при коихъ находились ихъ верблюды и они сами. Народъ, повидимому, остался въ восторгѣ. Верблюдовладѣльцы благодарили насъ и за размѣръ вознагражденія, и еще болѣе за то, что деньги выдавались имъ прямо на руки, а не чрезъ посредство хановъ, которые, какъ говорили туркмены, имѣютъ обыкновеніе оставлять у себя значительную часть капиталовъ, вручаемыхъ имъ для передачи. Однако, не смотря на всѣ эти изъявленія удовольствія, когда представился новый случай для такихъ же пріятныхъ ощущеній, то никто и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы добровольно отдать намъ на нѣкоторое время своихъ верблюдовъ. Не въ этомъ ли, между прочимъ, усматриваетъ авторъ исторіи Хивинскаго похода враждебность отношеній туземцевъ къ красноводскому отряду? Если да, то, конечно, при этомъ возникаетъ вопросъ, — въ чемъ же исключительно выразилась эта вражда по отношенію къ названному отряду? Правда, за два года своей дѣятельности отрядъ этотъ, сравнительно съ другими, имѣлъ большее число боевыхъ встрѣчъ, но это, какъ намъ кажется, происходило, главнымъ образомъ, отъ того, что красноводскій отрядъ исходилъ свыше пяти тысячъ верстъ совершенно невѣдомыхъ путей, чего не пришлось сдѣлать за то же время другимъ отрядамъ. Къ тому же, какъ извѣстно, красноводскій отрядъ ходилъ въ предѣлахъ обитанія различныхъ воинственныхъ туркменскихъ народовъ, каковы, напримѣръ, текинцы, а потому имѣлъ противъ себя именно ихъ, а не киргизовъ, сартовъ, таджиковъ или узбековъ, о воинственности которыхъ никто не слышалъ. При всемъ этомъ никто не могъ бы указать на случай даже малѣйшей измѣны туземцевъ, находившихся у насъ въ услуженіи, не говоря уже о происшествіяхъ подобныхъ тѣмъ, которыя были на Мангишлакѣ, напримѣръ, съ полковникомъ Рукинымъ и его конвоемъ изъ уральскихъ казаковъ (1) или съ сотнею дагестанскаго конно-мусульманскаго ирегулярнаго полка, лишившеюся всѣхъ своихъ коней у колодца Мастекъ (2). Да и самое возмущеніе народа на Манкишлакѣ въ 1873 году, если оно было въ дѣйствительности,

(1) Мангишлакскій приставъ полковникъ Рукинъ выѣхалъ въ степь для объявленія народу новаго положенія объ управленіи краемъ и былъ убитъ, а конвой его, состоящій изъ 21 человѣка уральскихъ казаковъ, былъ взятъ въ плѣнъ киргизами.

(2) Случай, бывшій на Мангишлакѣ во время движенія полковника Ломакина въ январь 1873 года.

буквально ни разу не нашло себѣ подражанія въ южной половинѣ Закаспійскаго края. Такимъ образомъ, вся враждебность къ намъ туземцевъ выразилась въ томъ, въ чемъ еще въ большей степени выражалась она по отношенію къ прочимъ отрядамъ, т. е. опять таки въ томъ, что намъ никто не давалъ добромъ своихъ верблюдовъ. Посмотримъ же, какъ это было у другихъ. Начнемъ опять съ мангишлакского отряда.

На Мангишлакѣ, какъ извѣстно, издавна введена была наша администрація, и киргизы, какъ видно изъ приведенныхъ въ настоящемъ трудѣ вполнѣ официальныхъ документовъ, наперерывъ предлагали не только три, но и девять тысячъ верблюдовъ. Повѣривъ такимъ заманчивымъ обѣщаніямъ народа, полковникъ Ломакинъ еще въ ноябрѣ 1872 года взялся добыть необходимыя перевозочныя средства для красноводскаго отряда, и времени на это имѣлось вполнѣ достаточно. Но когда слово должно было стать дѣломъ, говорятъ, произошло народное волненіе, которое во всякомъ случаѣ укрощено было оружіемъ, а именно кровопролитнымъ боемъ 1-й сотни Кизляро-Гребенскаго полка у Джангильдовъ, 28-го января 1871 года. Чтобы судить, съ какими усиліями добывалъ себѣ верблюдовъ мангишлакскій отрядъ, предъ своимъ выстушеніемъ въ Хиву, мы рекомендуемъ читателю обратиться къ разсказу объ этомъ самомъ же Гродекова, какъ очевидца событія. Въ книгѣ своей, на страницѣ 147, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Попытка покупать верблюдовъ по пути у прибрежнаго населенія не удалась, не смотря на то, что ему было объявлено, что за все приведенное будутъ немедленно расплачиваться. Жители, при приближеніи русскихъ, прятали своихъ верблюдовъ и барановъ, такъ что всего было куплено два верблюда, семь быковъ и пять барановъ. Пришлось прибѣгнуть къ реквизиціи. Но и эта мѣра не привела къ желаемымъ результатамъ: посредствомъ нея приобрѣли только двадцать верблюдовъ. Съ этими верблюдами къ 8-му апрѣля, когда изъ числа приставшихъ въ пути было пригнано въ Киндерли семь штукъ, состояніе верблюжьяго транспорта выражалось цифрою 437».

Совсѣмъ иначе поставленъ былъ во время хивинской экспедиціи этотъ вопросъ въ отрядѣ оренбургскомъ. Тамъ перевозочныя средства были доставлены чрезъ подрядчика, которому за 4,722 верблюда, послужившихъ для перевозки грузовъ отъ Эмбенскаго поста до Хивы, уплачено было 828,078 рублей, т. е. сумма, почти вчетверо превышающая всѣ двухлѣтніе расходы на красноводскій отрядъ,

считая въ томъ числѣ и его продовольствіе. Но то, что было возможно въ Оренбургѣ, оказалось непримѣнимымъ не только въ Мангышлакъ, а тѣмъ болѣе на Атрекъ, но даже и въ Туркестанѣ. Отрядъ, двигавшійся изъ этого округа, имѣлъ верблюдовъ, собранныхъ чрезъ посредство начальниковъ уѣздовъ по наряду отъ населенія, т. е. по-просту тоже реквизиціоннымъ способомъ. Такъ было до паденія Хивы. Посмотримъ, какъ это было послѣ.

31-го марта 1874 года было открыто управленіе Закаспійскимъ отдѣломъ и, слѣдовательно, край сталъ администрироваться нашею властью. При вѣздѣ новаго начальника въ Красноводскъ, онъ былъ встрѣченъ 70-ю представителями юмудовъ, которые заявили желаніе безпрекословно подчиниться требованіямъ русской власти и поступить въ подданство Бѣлаго Царя. Одновременно съ этимъ, начальникъ отдѣла письменно пригласилъ въ Красноводскъ почетныхъ представителей текинскаго племени, предлагая установленіе взаимныхъ мирныхъ отношеній. Приглашеніе было принято. «Все, что приказано вашею высокою особою относительно мира и сношенія съ нами, говорили значительнѣйшіе изъ текинцевъ, будетъ исполнено. Между вами и нами теперь не существуетъ раздѣльности; мы готовы служить вамъ». И, дѣйствительно, взаимныя отношенія между нами и туземцами, повидимому, установились на началахъ, которыя не оставляли желать ничего лучшаго. Хива давнымъ-давно смирилась и не дерзала уже болѣе грозить кому-либо за услуги, намъ оказываемыя. Однако-же, не смотря на все это, по различнымъ соображеніямъ администраціи края, въ 1875 году потребовалась новая рекогносцировка сначала вверхъ по Узбою, а потомъ къ Атреку и по Атреку. Казалось бы, что при этомъ о затрудненіяхъ въ верблюдахъ и рѣчи уже быть не могло. Между тѣмъ, для поднятія рекогносцировочнаго отряда, начинавшаго движеніе изъ Мулла-Кари, пришлось пригнать 570 верблюдовъ изъ Мангышлака. Изъ этого легко, разумѣется, судить, насколько условія стараго красноводскаго отряда въ отношеніи снабженія себя верблюдами были тяжелѣе условій, въ которыхъ находились остальные отряды того времени. Не трудно также судить и о томъ, къ какимъ результатамъ привела бы насъ всякая иная система обращенія съ туземцами и много-ли успѣлъ бы видѣть красноводскій отрядъ, еслибы мы стали практиковать вмѣсто казачьей нагайки способъ утонченной дипломатіи. Цѣлый рядъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ неизмѣнно продолжалъ подтверждать все ту же необходимость—живя съ волками, выть по волчьи. Такъ, въ концѣ концовъ, для экспедиціи 1877 г.,

начатой отъ Михайловскаго залива, слѣдовательно опять-таки изъ района Красноводско-Атрекскаго, генераль Ломакинъ располагалъ 1,900 верблюдами, изъ коихъ 1,350 наняты были у мангишлакскихъ киргизовъ. Этого числа вьючныхъ животныхъ оказалось до того мало, что Кизиль-Арватъ, занятый 7-го мая въ видахъ упроченія нашего вліянія въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, былъ брошенъ нами въ концѣ того же самаго мѣсяца, главнымъ образомъ по невозможности подвоза запасовъ. А между тѣмъ весь путь отъ самаго морскаго берега пролегалъ именно по той мѣстности, на которой обыкновенно собиралъ необходимыя ему подъемныя средства нашъ старый красноводскій отрядъ. Конечно, туркмены не столь богаты верблюдами, какъ киргизы. Но, судя однако-же по тому, что въ 1878 году, когда рѣшено было занять Чать, для отряда нашего удалось, наконецъ, купить у туркменъ 3,000 верблюдовъ, становится ясно, что еслибы въ предшествующіе годы была какая-либо возможность обойтись безъ того, чтобы пригонять верблюдовъ за 1,000 верстъ изъ Мангишлака, то не преминули бы это сдѣлать.

Въ 1878 году, какъ извѣстно, рѣшено было предпринять экспедицію съ цѣлью утвержденія въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ. На расходы по этой экспедиціи назначено было 1.872,540 рублей, а потому, слѣдовательно, недостатокъ платы за наемъ верблюдовъ не могъ быть причиною неоправдавшихся надеждъ на то, что туземцы снабдятъ экспедицію необходимыми перевозочными средствами. Между тѣмъ, въ трудѣ Н. И. Гродекова «Война въ Туркменіи», самъ же онъ говоритъ слѣдующее: «Разсчеты на перевозочныя средства не вполнѣ оправдались. Юмуды выставили менѣе верблюдовъ, чѣмъ сколько предполагалось». И далѣе: «Въ теченіе іюля въ Чекишляръ прибывали верблюды, покупавшіеся и нанимавшіеся у юмудовъ реквизиціоннымъ порядкомъ. Налогъ верблюдами въ весьма большихъ размѣрахъ возбудилъ неудовольствіе жителей. Вожаки, которые тоже поставлены были населеніемъ, стали бѣгать и уводить съ собою верблюдовъ. Опасаясь новаго налога, атабаи, кочевавшіе отъ Шаирды до Дашъ-Верды, откочевали къ Кюрендагскимъ горамъ». Рассказавъ объ этомъ, Гродековъ поясняетъ, что изъ журнала военныхъ дѣйствій того времени за іюль мѣсяцъ видно, что пріобрѣсти еще верблюдовъ не представлялось возможности, такъ какъ пришлось бы ихъ выписывать изъ Персіи и частью изъ Закавказья. Далѣе, изъ названнаго труда Гродекова узнаемъ, что во время этого же похода 10-го августа нами былъ произведенъ набѣгъ, который, по его словамъ, былъ вполнѣ успѣшенъ, такъ какъ

намъ удалось захватить 800 верблюдовъ и 6,000 барановъ. Полагать должно, что если захваты допускались, то, конечно, не придавалось особеннаго значенія развитію среди туземцевъ нѣжныхъ къ намъ чувствъ.

Казалось бы, что съ теченіемъ времени, такъ сказать, злоба о верблюдахъ должна была терять свой острый характеръ и свое значеніе. Походы, послѣдовавшіе за тѣми, которые предпринималъ красноводскій отрядъ въ 1871—1873 годахъ, не говоря уже ни о чемъ другомъ, вовсе не должны были быть исполняемы непременно въ извѣстный срокъ, и время начала ихъ и конца ни раза не ставилось въ зависимость отъ необходимости согласованія съ движеніями и дѣйствіями прочихъ отрядовъ, взаимно раздѣленныхъ почти 2,000 верстъ. Все въ нихъ зависѣло исключительно отъ степени готовности и ничто не мѣшало готовиться къ походу цѣлыми годами. Когда и гдѣ бы ни снаряжался отрядъ, все, что имѣло силу и способность помочь дѣлу, искренно несло ему свои силы и свою помощь. Управление всѣмъ Закаспійскимъ краемъ, соединясь въ однѣхъ рукахъ, исключало надобность и возможность возстанія на Мангишлакъ, когда требовалось спокойствіе въ краѣ для успѣха предпріятія, начинающагося въ Красноводскѣ или въ Чекишларѣ. Призывные огни, заживавшіеся единичными людьми на священной горѣ Мангишлакскаго полуострова, потеряли свое магическое значеніе и не избавляли уже киргизовъ отъ необходимости дать избытокъ своихъ верблюдовъ Красноводску. Явилась полная возможность пригонять ихъ къ сроку за цѣлую 1,000 верстъ. Заходилъ уже и паровозъ по переносной желѣзной дорогѣ отъ Михайловска до Мулла-Кари. Вообще, картина жизни въ пустынѣ измѣнилась капитально. Но, не смотря на все это, упорство, свойственное туркменскому народу, и вкоренившіяся въ немъ воззрѣнія не утратили своего значенія въ теченіе шести лѣтъ, истекшихъ послѣ похода 1873 года. Настала пора Ахаль-текинскаго похода 1880 года, и главнѣйшій его руководитель, обладая достаточнымъ опытомъ, не могъ не увидѣть сразу, что рассчитывать на полученіе необходимыхъ перевозочныхъ средствъ исключительно отъ туркменъ совершенно невозможно. Поэтому, будучи еще въ Петербургѣ, т. е. до фактическаго вступленія своего въ начальствованіе отрядомъ, генераль Скобелевъ, какъ извѣстно, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ этомъ отношеніи вполне гарантировать свой отрядъ. Дѣлу, ему порученному, какъ извѣстно, должны были служить и парь, и верблюды не только изъ Оренбурга и Мангишлака, но даже изъ Перси и За-

кавказья. Но, не смотря на это, само собою разумѣется, нельзя было не воспользоваться также и мѣстными верблюдами. По поводу этихъ послѣднихъ, нѣкогда составлявшихъ единственное средство красноводскаго отряда для движеній его по пустынѣ, мы должны будемъ еще разъ сказать нѣсколько словъ и напомнить читателю, что, по мнѣнію одного изъ самыхъ серьезныхъ критиковъ похода красноводскаго отряда 1873 года, неудача послѣдняго, между прочимъ, заключалась во враждебныхъ отношеніяхъ къ намъ туркменъ, равно какъ и въ томъ, что туркмены, служившіе нашему отряду ранѣе сказаннаго похода, вознаграждались недостаточно. Казалось бы, что вѣра въ неудовольствіе туземцевъ, какъ въ причину неуспѣха, должна была бы возбуждать въ томъ, кто этому вѣрить, всѣ силы къ устраненію причинъ такого неудовольствія; но мы сейчасъ увидимъ, до какой степени это оказывалось не всегда возможнымъ.

Въ сочиненіи своемъ «Война въ Туркменіи», рассказывая объ Ахаль-Текинскомъ походѣ 1880 года, гдѣ онъ самъ лично былъ начальникомъ отряднаго штаба, Гродековъ говоритъ: «Въ дѣлѣ найма верблюдовъ могли быть полезны только два лица: подполковники Щербина и Юмудскій; послѣдній даже для этого былъ взятъ въ экспедицію. Обратились къ первому. Щербина взялся за это дѣло и обнадеживалъ генерала Скобелева, что онъ достанетъ 8,000 верблюдовъ. На самомъ дѣлѣ ихъ собралось въ Чекишлярѣ, для перевозки довольствія въ Дузь-Олумъ, около 3,000. Туркмены ни въ какомъ случаѣ не соглашались идти далѣе за Дузь-Олумъ. Поэтому генераль Скобелевъ поручилъ полковнику Гродекову обласкать верблюдохозяевъ и вожаковъ, устроить имъ угощеніе и постараться ихъ убѣдить слѣдовать за Дузь-Олумъ. Ирали-кази, послѣ того какъ получилъ будто бы должныя ему казною 2,000 рублей, держалъ себя такъ, что ему можно было прямо предложить: согласны-ли джафарбаи идти съ выюками въ Дузь-Олумъ? Ирали-кази отвѣтилъ, что джафарбаи рѣшили посовѣтоваться въ Дузь-Олумѣ и тамъ дать отвѣтъ. Послѣдовали колебанія. Оставалось одно крайнее средство, неоднократно практиковавшееся въ Закаспійскомъ краѣ, — задержать верблюдовъ силою, такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ невозможно было пріискать перезозочныя средства, а казенныхъ верблюдовъ не хватало для поднятія войскъ. Рѣшено было вольнонаемныхъ верблюдовъ отправить съ грузомъ въ Дузь-Олумъ, здѣсь ихъ задержать и потомъ слѣдовать съ ними впередъ. Рѣшеніе объ этомъ держалось въ тайнѣ, чтобы верблюдожатые не разбѣжались съ пути до Дузь-Олума. Между тѣмъ старшинъ всѣхъ родовъ и подраздѣленій, на-

ходившихся въ Чекишлярѣ и имѣвшихъ прибыть туда, приказано продолжать усиленно ласкать, Гродекову — дѣло тянуть, а если начнутъ разгадывать наши намѣренія, то собрать маслахатъ⁽¹⁾ и всѣхъ старшинъ арестовать». Точно также поручено было полковнику Гродекову задержать въ Дузь-Олумѣ всѣхъ туркменскихъ верблюдовъ. Чтобы туркмены не почували какъ нибудь грозившей имъ участи, начальникъ экспедиціи торопиль отправку верблюдовъ изъ Чекишляра. «Только хитрость, рѣшимость, отсутствіе страха предъ мѣрами крайними, наконецъ счастье могутъ вывести насъ изъ затрудненія, — писалъ Скобелевъ 17-го мая, — а то попадемъ въ просакъ. Гродекову приказано руководствоваться однимъ — удержать верблюдовъ, объ остальномъ не думать; но вѣдь все начнетъ дохнуть сотнями въ день. Я видѣлъ эти ужасы въ маѣ 1871 и въ апрѣлѣ 1873 годовъ. Только одна быстрота можетъ въ такомъ случаѣ выручить».

По прибытіи въ Чать 19-го мая, Гродековъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія и поѣхалъ въ Дузь-Олумъ, чтобы встрѣтить и задержать всѣ подходящіе транспорты. Хозяевамъ перваго транспорта Гродековымъ предложено было остаться у насъ на службѣ за плату, которая будетъ установлена по обоюдному соглашенію, но туркмены рѣшительно отказались идти впередъ. Тогда, по приказанію Гродекова, верблюды уведены были на пастбу и къ нимъ приставленъ караулъ. Черезъ нѣсколько времени караванъ-баши вновь были приглашены для переговоровъ, но они не хотѣли ничего слушать и просили отпустить ихъ домой. Въ то же время верблюдовожатые начали шумѣть и отказались отъ довольствія, которое имъ приказано было отпустить изъ магазина. Тогда полковникъ Гродековъ арестовалъ всѣхъ верблюдовожатыхъ, числомъ 130. Утромъ туркмены сдались и выслали Гродекову депутатовъ, а вслѣдъ затѣмъ получена была телеграмма Скобелева, который предписывалъ: «Верблюдовъ задержать хотя бы силою. Предложить за движеніе къ Кизиль-Арвату по рублю въ день за верблюда и по рублю жожаку. За павшихъ и отбитыхъ казна уплачиваетъ 60 рублей. Вліятельнымъ лицамъ съ верблюда уплачу рубль серебромъ по окончаніи перевозки. Разрѣшаю вамъ принимать самыя энергическія мѣры, но казнить смертью безъ моей конфирмаціи — воспрещаю. Если нужно, арестуйте все вліятельное и вышлите въ Чать. Пойти впередъ настоятельно необходимо».

(1) Маслахатъ буквально значитъ разговоръ; но слово это употребляется въ смыслѣ совѣта, совѣщанія.

Ко всему тому, что мы привели, почти дословно цитируя выше-названное сочиненіе самого же Гродекова, онъ добавляетъ, что такъ какъ мы осматривали верблюдовъ передъ принятіемъ ихъ на службу, то туркмены, замѣтивъ это, стали калѣчить своихъ животныхъ. Они перевязывали имъ бичевкою ноги выше колѣна, или забивали деревянные гвозди въ ступню, или, наконецъ, подрѣзывали у нихъ горбы. Безчинства этого рода вынудили генерала Скобелева арестовать 11 старшинъ и духовныхъ.

Думаемъ, что еслибы мы ограничили всѣ доказательства справедливости нашего взгляда одной послѣдней выпиской изъ сочиненія Гродекова, то уже и этого было бы совершенно достаточно для убѣжденія, что неудовольствія туземцевъ не находились ни въ какой связи съ малымъ вознагражденіемъ за ихъ услуги. Неудовольствія эти неизбежно соединялись съ выполненіемъ задачъ всѣхъ русскихъ отрядовъ, начиная отъ задачъ стараго красноводскаго отряда до той, которую выполнялъ ахаль-текинскій отрядъ, во время дѣйствій котораго Гродекову лично приходилось арестовывать верблюдохозяевъ и верблюдовожатыхъ, а также и отбирать верблюдовъ силою. Казалось бы, возможно-ли неудовольствіе верблюдовладѣльца, когда ему платятъ по 30 руб. въ мѣсяць только за наемъ каждаго верблюда тамъ, гдѣ красная цѣна этихъ животныхъ составляетъ 40—50 руб. за штуку? Чего, казалось бы, желать верблюдовожатому, когда ему даютъ рубль въ сутки въ странѣ, гдѣ за одинъ кранъ, т. е. за 30 копѣекъ, рѣдкій изъ туземцевъ не согласился бы, напримѣръ, выгружать цѣлыя сутки какое-либо судно на чекишлярскомъ рейдѣ, нося на своей спинѣ мѣшки въ пять пудовъ вѣсомъ по морской отмели на протяженіи 4—5 верстъ, да еще и въ непогоду? Для многихъ изъ этихъ самыхъ верблюдовожатыхъ, конечно, достаточно было бы того же крана, чтобы изъ-за него зарѣзать себѣ подобнаго. Намъ кажется, что мы, русскіе, вообще имѣемъ способность обезцѣнивать значеніе нашихъ денегъ, безъ надобности признавая рубль копѣйкой и приучая къ такой мѣркѣ и тѣ народы, съ которыми намъ приходится имѣть какое-либо сношеніе. Мы даже остаемся въ полномъ убѣжденіи, что при той системѣ отношеній къ туземцамъ Закаспійскаго края, которую практиковалъ старый красноводскій отрядъ, каждый кранъ, выдававшійся за суточный трудъ верблюда и верблюдовожатаго, цѣнился несравненно дороже, чѣмъ въ послѣдствіи тотъ же человекъ цѣнилъ рубль. Туркмень того времени хорошо зналъ, что если у него верблюдъ отнять силою и въ особенности съ помощью оружія, то онъ уже за него ни гроша не

получить. И это, скажемъ мы съ увѣренностью, совершенно не удивляло его, ибо и онъ, и дѣдъ его, и прадѣдъ всегда привыкли считать, что отнятое силою законно принадлежитъ отнявшему. Напротивъ, туркмена должно было удивлять, когда платили за то, что, по его понятіямъ, перестало ему принадлежать.

Хотя въ Ахаль-Текинскую экспедицію изъ затраченныхъ на нее 13.545,341 рубля (1) досталась верблюдохозяевамъ и верблюдовожатымъ весьма крупная доля, но нѣтъ сомнѣнія, что начальника экспедиціи весьма тревожила мысль о томъ, что размѣръ вознагражденія туземцевъ, имъ установленный, былъ непомерно великъ. «Чѣмъ больше вдумываюсь, говорилъ Скобелевъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что до пріѣзда моего мы платили туркменамъ дань. Необходимо помнить, что мы завоевали Среднюю Азію не золотомъ, а умѣньемъ и штыкомъ. Печальный примѣръ Серъ-Макнатена, Эльфингстона и Александра Борнса въ 1841 году должны служить намъ напоминаніемъ, что деньгами пользоваться въ Азіи необходимо въ смыслѣ пріобрѣтенія и упроченія средствъ и вліянія, но что чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Особенно не слѣдуетъ пріучать массу къ подачкамъ за малыя услуги. Тяжелое себѣ готовитъ тотъ, кто основываетъ свои дѣйствія на заискиваніи предъ азіатцемъ. Улучшеній надо искать въ принципѣ власти, а не въ принципѣ обоюдныхъ соглашеній» (2).

Въ неискренности же его словъ о вредѣ пріученія массъ къ подачкамъ врядъ-ли можно допустить подозрѣніе, такъ какъ онъ же писалъ послу нашему въ Тегеранѣ: «Я чувствую, что вѣренными мнѣ войскамъ необходимо дѣйствовать и быстро, и рѣшительно, но я связанъ недостаткомъ перевозочныхъ средствъ. Азія всегда по своему понимала и побѣду, и поражение. Съ побѣдою долженъ быть непременно связанъ матеріальный ущербъ для противника. Здѣсь нужно дѣйствовать навѣрняка и окончательно доканать послѣ успѣха» (3).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о верблюдовожатыхъ.

По мнѣнію нашему, они могутъ быть особенно полезны русскому отряду въ пустынѣ въ томъ лишь случаѣ, когда вводятъ своихъ собственныхъ верблюдовъ. Въ красноводскомъ отрядѣ въ каждомъ изъ трехъ его походовъ въ теченіе 1871—1873 годовъ такихъ верблюдовожатыхъ бывало отъ 30 человекъ до сотни. Между ними, конечно,

(1) Не считая расходовъ на постройку желѣзной дороги.

(2) «Война въ Туркменіи». Томъ 2-й.

(3) «Война въ Туркменіи». Томъ 2.

почти не было такихъ, которые доставили намъ своихъ верблюдовъ сами. Это были люди, которымъ просто трудно казалось разстаться со своимъ добромъ и которые мало по малу свыкались съ нами. Въ красноводскомъ отрядѣ положено было за правило, что верблюдовожатый не могъ быть верхомъ, если съ выходомъ нашимъ въ походъ кибитка его не оставалась подъ ближайшимъ наблюдениемъ одного изъ нашихъ гарнизоновъ. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что конный верблюдовожатый лучше досмотритъ за верблюдомъ на пастбищѣ, но, въ смыслѣ осторожности въ отношеніи самого верблюдовожатаго пѣшій туркмень былъ предпочтительнѣе. Всѣ конные вожаки верблюдовъ обязательно находились при той изъ колоннъ, при которой ходили у насъ казаки. Благодаря такому порядку вещей, не смотря на весьма небольшую денежную плату, въ красноводскомъ отрядѣ за всѣ три года рѣшительно не было примѣра бѣгства верблюдовожатаго, или, по туземному, лауча, а тѣмъ болѣе угона у насъ верблюдовъ самими лаучами, которыхъ въ отрядѣ всѣ называли «нашими» туркменами. Выше уже было приведено мнѣніе Гродекова, что присутствіе нѣсколькихъ десятковъ верблюдовожатыхъ при красноводскомъ отрядѣ принесло бы ему большую пользу, такъ какъ они облегчали бы трудъ солдатъ въ пастбѣхъ верблюдовъ и уходѣ за ними, что способствовало бы уменьшенію убыли этихъ животныхъ, происходившей въ большей степени отъ неумѣнія солдатъ обращаться съ ними. Увѣровавъ въ справедливость приведеннаго мнѣнія и заключенія столь компетентнаго судьи, какимъ можно считать автора «Хивинскаго похода» и «Войны въ Туркменіи», лично участвовавшаго во многихъ походахъ въ Закаспійскомъ краѣ, слѣдовало бы прежде всего признать, что тамъ, гдѣ лаучей было много, убыль верблюдовъ должна была быть ничтожна или, по крайней мѣрѣ, сравнительно мала. Мы не имѣемъ другихъ средствъ для повѣрки справедливости такого мнѣнія почтеннаго писателя, кромѣ его же собственныхъ сочиненій, но въ нихъ нельзя найти подтвержденія этого. Напротивъ того, изъ краткаго описанія похода на Хиву 1839—1840 годовъ, помѣщеннаго въ первомъ томѣ книги «Война въ Туркменіи», видно, что подъ грузы отряда генерала Перовскаго киргизами выставлено было 11,500 верблюдовъ и 2,300 верблюдовожатыхъ и что, не смотря на такое громадное число послѣднихъ, непомѣрная утрата верблюдовъ была одною изъ главнѣйшихъ причинъ того похода. Къ большому сожалѣнію, изъ указаннаго источника весьма трудно извлечь вполне точныя цифры для уясненія того, какъ велико было число лаучей во время Ахаль-Текинской

экспедиціи 1880 года. Судя, однако-же, по нѣкоторымъ даннымъ и въ особенности по количеству затратъ на верблюдовожатыхъ, ихъ должно было быть въ отрядѣ не мало. Между тѣмъ, Гродековъ внесъ въ свою книгу тотъ фактъ, что изъ 12,596 верблюдовъ, служившихъ нашему дѣлу во время названной экспедиціи, къ 20 апрѣлю 1881 г., т. е. въ теченіе какихъ нибудь 11-ти мѣсяцевъ, оставалось лишь въ живыхъ 350 штукъ этихъ животныхъ. Наконецъ, точно также извѣстно, что во время Хивинскаго похода 1873 года въ туркестанскомъ отрядѣ имѣлось до 1,250 лаучей, но и тамъ въ самое короткое время изъ 10,000 верблюдовъ осталось лишь 1,240 этихъ животныхъ.

Напомнимъ теперь данныя, относящіяся исключительно до красноводскаго отряда. Послѣдній, начиная съ іюля мѣсяца 1871 и по іюль же 1873 годовъ, въ разное время имѣлъ всего въ своемъ распоряженіи приблизительно 6,598 верблюдовъ и за тотъ же періодъ времени утратилъ изъ нихъ 4,200. Особенно ли вліяло на смертность верблюдовъ въ красноводскомъ отрядѣ отсутствіе достаточнаго числа верблюдовожатыхъ и заключается ли въ этомъ обстоятельстве какая либо изъ причинъ возвращенія названнаго отряда? Не слѣдуетъ упускать изъ вида и того обстоятельства, что разстояніе, пройденное нашимъ отрядомъ за время походовъ 1871—1873 годовъ, простиралось свыше 6,000 верстъ, тогда какъ протяженіе путей, пройденныхъ остальными отрядами во время Хивинскаго похода, считая въ оба конца, было слѣдующее: изъ Ташкента 2,120, изъ Оренбурга 2,800 и изъ Киндерли 1,500 верстъ. Наконецъ разстояніе между Чекишляромъ и Геокъ-Тепе въ два конца составляетъ гораздо менѣе 1,000 верстъ. Чтобы можно было дѣлать болѣе разностороннее сравненіе, дополнимъ приведенныя данныя и скажемъ, что собственно въ походѣ 1873 года красноводскій отрядъ располагалъ 4,114 верблюдами, изъ коихъ погибло нѣсколько менѣе $\frac{3}{4}$ общаго ихъ числа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уходъ за верблюдами и ихъ навьючка и развьючка, какъ дѣло совершенно непривычное русскому солдату, для него чрезвычайно тяжелы. Но опытъ успѣшнаго 1,000-верстнаго хожденія по пустынѣ доказываетъ, что солдатъ нашъ скоро осваивается съ этимъ трудомъ. Обстоятельство это вполне подтверждается и Гродековымъ, который въ сочиненіи своемъ «Хивинскій походъ», говоря о движеніи мангишлакскаго отряда какъ очевидецъ, заключаетъ: «Солдаты и казаки скоро освоились со всѣми верблюдами, изучивъ нравъ каждаго животнаго, и узнавали

ихъ по наружнымъ признакамъ такъ хорошо, что въ случаѣ подмѣны верблюда они отыскивали его». Наконецъ, и въ этомъ отношеніи въ красноводскомъ отрядѣ, сравнительно съ прошлыми годами, ничто рѣшительно не измѣнилось. Если во время походовъ 1871 и 1872 годовъ, когда движенія нашего отряда по легкости и быстротѣ, съ которыми они совершались, вызывали общую похвалу, даже, скажемъ, общее удивленіе, и никто не находилъ необходимымъ, чтобы въ отрядѣ было больше лаучей, то естественно, слѣдовательно, что неуспѣхъ нашъ въ 1873 году произошелъ вовсе не отъ недостатка людей. Къ тому же недостатокъ такого рода существовалъ во время Хивинскаго похода не въ одномъ только красноводскомъ отрядѣ. Въ той же исторіи Хивинскаго похода Гродековъ говорить, что верблюдовожатыхъ въ мангишладскомъ отрядѣ было вообще мало, а притомъ многіе изъ нихъ еще бѣжали. Тѣмъ не менѣе, замѣтимъ мы, мангишлакскій отрядъ прошелъ. По мнѣнію нашему, даже и въ будущемъ несравненно лучше вовсе не имѣть съ собою верблюдовожатыхъ-туземцевъ, чѣмъ имѣть такихъ, которые ходятъ не съ собственными своими животными. Тогда какъ лаучи-собственники дѣйствительно существенно полезны, — лаучи-наемщики совершенно лишаютъ отрядъ спокойствія и, при случаѣ, могутъ причинить ему такія непріятности, отъ которыхъ невозможно уберечься и какихъ никогда не въ состояніи былъ бы причинить самый предприимчивый непріятель. Въ мангишлакскомъ отрядѣ въ критическія минуты верблюдовожатыхъ привязывали къ верблюдамъ ⁽¹⁾. Въ отрядѣ туркестанскомъ, по мѣрѣ движенія въ пустынь, побѣги лаучей становились чаще и чаще. Дезертируя, они уводили съ собою верблюдовъ, иногда по нѣскольку штукъ вмѣстѣ ⁽²⁾. Наконецъ, о поведеніи верблюдовожатыхъ въ старой экспедиціи генерала Перовскаго и въ новѣйшихъ экспедиціяхъ въ Туркменіи мы уже имѣли случай сказать нѣсколько словъ.

Очень много говорили также и о томъ, что будто красноводскій отрядъ чрезвычайно сильно терпѣлъ отъ постоянного недостатка въ хорошихъ проводникахъ. Конечно, послѣднихъ могло быть и несравненно больше, но приведенное указаніе, по нашему мнѣнію, имѣло бы право на особенное значеніе въ томъ лишь только случаѣ, еслибы, на примѣръ, результаты его оказались въ блужданіи отряда. Между тѣмъ, не смотря на то, что отрядъ нашъ во время рекогнос-

(1) «Хивинскій походъ».

(2) «Война въ Туркменіи». Томъ 1-й.

пировокъ постоянно дробился для того, чтобы осмотрѣть возможно большее число пунктовъ, и каждая изъ дробныхъ частей непремѣнно должна была имѣть своего отдѣльнаго проводника, за все время можно указать на одинъ лишь случай, бывшій въ 1871 году у колодцевъ Гёкланъ-Куюсы, гдѣ, по винѣ проводника, колонна капитана Маламы потеряла нѣсколько часовъ времени. Послѣдній же нашъ походъ совсѣмъ уже не далъ никакого повода къ тому, чтобы говорить о недостаткѣ проводниковъ. Поэтому тѣ, которые указываютъ на это, разумѣется не приводятъ случая, подтверждающаго ихъ мнѣнiе. Между тѣмъ, въ другихъ отрядахъ дѣйствительно бывали примѣры недостатка свѣдущихъ проводниковъ. Такъ, напримеръ, извѣстно, что когда мангишлакскій отрядъ, получивъ предписание генерала Веревкина, долженъ былъ идти изъ Алана въ Кунградъ, онъ очутился въ очень затруднительномъ положенiи, такъ какъ у него не было проводниковъ, которые знали бы туда дорогу ⁽¹⁾. Такiе случаи, конечно, всегда и вездѣ возможны, но они не влiяютъ на благополучный исходъ дѣла и ихъ слѣдуетъ считать совершенно частными. Во всякомъ случаѣ, если допустимъ даже, что проводниковъ въ красноводскомъ отрядѣ было мало, то и тогда можно ли въ этомъ видѣть не только капитальную, но даже и какую либо изъ причинъ возвращенiя отряда? Извѣстно, что при всякихъ военныхъ предпрiятiяхъ каждый малѣйшiй неприятный случай въ данное время прiобрѣтаетъ способность казаться причиною всѣхъ причинъ, но серьезная критика для своихъ выводовъ не можетъ принимать во вниманiе одно и совершенно упускать изъ вида другое. Могли ли мы и должны-ли были переполнять нашъ отрядъ чужими людьми безъ разбора? Чтобы попасть въ проводники, надобно было гарантировать насъ. Для этого, по крайней мѣрѣ, требовалось отъ туркмена, чтобы онъ поселилъ членовъ своей семьи, въ видѣ заложниковъ, въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ у морскаго берега, гдѣ стоялъ нашъ постоянный гарнизонъ, а на это не всѣ соглашались. При всемъ этомъ проводникомъ способенъ быть не всякiй туркменъ. Хорошiй и опытный водитель по безграничной пустынѣ почти то же, что и хорошiй лодманъ для безпредѣльнаго моря, переполненнаго подводными преградами. Такiе люди очень рѣдки и пользуются особенною извѣстностью. Всѣ караванъ-баши, т. е. водители каравановъ ⁽²⁾, тамъ наперечетъ и каждый туркменъ знаетъ ихъ поименно. Мы съ

(1) Гродековъ. «Хивинскiй походъ», 1873 года.

(2) Караванъ-баши въ букввальномъ переводѣ значить караванный глава.

полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что если у насъ вожаконъ было немного, то всѣ они отличались вполне безупречною честностью и полною преданностью нашему дѣлу, которое считали какъ бы своимъ личнымъ дѣломъ. Большая часть ихъ принадлежала къ числу ищущихъ крови на Хивѣ, по туземному названію, «канли», т. е. такихъ, родственники которыхъ по какимъ либо причинамъ были казнены въ названномъ ханствѣ и которые, по обычаю, мнили себя обязанными отомстить. Благодаря серьезнымъ гарантіямъ, требовавшимся отъ желающихъ поступить въ отрядъ въ качествѣ проводниковъ, мы были такъ счастливы въ выборѣ нашихъ вожатыхъ и посыльныхъ, что рѣшительно невозможно указать даже на единственный случай, когда бы, напримѣръ, кто либо изъ нихъ не передалъ по назначенію бумагу, ему врученную, или хотя бы даже неохотно принялъ порученіе.

Были критики, видѣвшіе нѣкоторую причину возвращенія отряда въ неудовлетворительности его организациі. Отрядъ, говорили они, долженъ быть сформированъ не изъ сводныхъ и мелкихъ частей, въ которыхъ будто бы всегда очень много стремительности и желанія отличиться, но разсудительности мало. Хотя несостоятельность подобнаго мнѣнія и слишкомъ очевидна, но мы не можемъ оставить его безъ вниманія, а потому скажемъ, что по убѣжденію, вынесенному нами изъ продолжительнаго опыта, всякую войсковую единицу свыше баталіона слѣдуетъ признавать тяжелою для походовъ въ пустынѣ. Баталіонъ, вполне самостоятельно организованный какъ въ командномъ отношеніи, такъ и въ хозяйственномъ, въ особенности если къ нему приданы одно, другое орудіе и нѣсколько конныхъ казаковъ, представляетъ совершенно достаточную силу для отраженія всякаго вѣроятнаго въ пустынѣ непріятельскаго нападенія. Для атакъ же, когда въ томъ представится надобность, всегда возможно сосредоточить такое число баталіононъ, которое вполне отвѣчало бы данному случаю. Баталіонъ въ пустынѣ всегда оказывался единицею, достаточно удобоподвижною, и вмѣстѣ съ пропорціональнымъ придаткомъ артилеріи и 5—6 всадниковъ, въ видѣ дальнихъ глазъ, составлялъ колонну, совершенно отвѣчающую мѣстнымъ условіямъ. Въ пустынѣ, конечно, труднѣе всего борьба съ природою, а бороться съ нею, само собою разумѣется, гораздо легче не легіонами, а войсковыми единицами меньшаго порядка. Войска военныхъ нашихъ округовъ, на долю которыхъ, въ силу географическаго ихъ положенія, выпала обязанность вести борьбу съ бродячими племенами отчасти даже и въ странахъ, напоминающихъ

Закаспійскій край, всегда имѣли и пока еще сохраняютъ именно баталіонную организацію. Отъ того, что тамъ нѣтъ полковъ и дивизій, никто и никогда не ощущалъ ни малѣйшихъ неудобствъ. Таковы военные округа Туркестанскій, Оренбургскій и даже оба Сибирскіе. Наконецъ, рассуждая на этотъ счетъ, нельзя упускать изъ вида и того обстоятельства, что отрядъ нашъ состоялъ изъ войскъ кавказской арміи, дислокація которой, благодаря этнографическимъ условіямъ самаго Кавказа, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, находилась въ полнѣйшей зависимости отъ мѣстныхъ стратегическихъ условій, даже и въ періодъ мира. Поэтому дальнее командированіе изъ извѣстнаго раіона всѣхъ войскъ въ полномъ ихъ составѣ было бы даже и нѣкоторою неосторожностью. Кроме того, нижнимъ чинамъ, назначавшимся для участія въ экспедиціяхъ, въ тѣ времена всегда дѣлался самый строгій медицинскій осмотръ, причемъ, во избѣжаніе переполненія госпиталей, принимался въ соображеніе климатъ страны, въ которую ихъ предполагалось отправить. Осмотръ же обыкновенно удостовѣрялъ, что приблизительно только около одной трети комплекта людей въ полку представляли надежныя данныя къ тому, что безъ вреда для своего здоровья перенесутъ тяжелыя климатическія условія Закаспійской пустыни. Естественно, слѣдовательно, что посылать туда цѣлыя полки, по меньшей мѣрѣ, было неосновательно. Точно также и чисто съ точки зрѣнія боевыхъ требованій составъ отряда изъ мелкихъ частей ничуть не могъ тамъ быть неудовлетворителенъ. Войска наши настолько дисциплинированы, что степень стремительности какъ крупныхъ единицъ, такъ и мелкихъ, по крайней мѣрѣ до непосредственнаго столкновенія съ непріятелемъ, всегда одинаково находится въ полнѣйшемъ распоряженіи ихъ начальниковъ. Какого же зла возможно ожидать отъ избытка этого качества и не представляетъ-ли оно скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ въ войскѣ? По поводу того же мнѣнія о неудовлетворительности состава отрядовъ, образованныхъ не изъ цѣлыхъ частей, мы позволяемъ себѣ напомнить, что даже и во время славной Кавказской войны врядъ-ли можно указать много примѣровъ участія въ извѣстной экспедиціи полковъ въ полномъ составѣ, не говоря уже объ единицахъ болѣе высшаго разряда. Мѣшало-ли это когда-либо успѣху? Условія войны въ Европѣ и съ миліонными арміями примѣнимы не вездѣ.

Разсмотримъ теперь вопросъ о выборѣ путей въ Хиву изъ Чекишляран, вообще, отъ береговъ Каспія, находившихся въ сферѣ красноводскаго отряда. Начнемъ съ того, что дорога, по которой пошеть

названный отрядъ, оказалась неизвѣрно тяжелою, начиная уже отъ Игды, а отъ Орта-Кую въ то время года, когда мы шли по ней, и вовсе непроходимую. Такое опредѣленіе степени пригодности участка дороги между Орта-Кую и Измыхширомъ мы беремъ изъ описанія его, сдѣланнаго въ августѣ мѣсяцѣ 1873 года рекогносцировочною партіею, высланною уже изъ Хивы, со спеціальнымъ порученіемъ подробно осмотрѣть и описать не пройденный красноводскимъ отрядомъ промежутокъ дороги. Рекогносцировка эта была поручена генеральнаго штаба подполковнику Скобелеву, при которомъ находилось два казака и три проводника-туркмена, а всего, слѣдовательно, въ рекогносцировкѣ участвовало шесть человѣкъ. Лошадей при нихъ было 10. Отъ Измыхшира до колодцевъ Нефесь-кули оказалось, приблизительно, болѣе 280 верстъ. Разстоянія между колодцами, полагая тоже приблизительно, были слѣдующія: Измыхширь-Чагыль—24 версты; Чагыль-Кизиль-чакирь—78; Кизиль-чакирь-Даудуръ—132; Даудуръ-Нефесь-кули—46. Но во время рекогносцировки колодцы Даудуръ были совершенно сухи, а потому безводные промежутки пути, приблизительно, равнялись 24-мъ, 78-ми и 178-ми верстамъ. Прямо къ сѣверу отъ колодцевъ Кизиль-чакирь, верстахъ въ 16-ти отъ нихъ, есть колодцы Сакаръ-чага, въ которыхъ вода была тоже, но водовмѣстилище это находится въ сторонѣ отъ прямого пути. Идя на Сакаръ-чага, удлиняется общее разстояніе между названными конечными пунктами, равно какъ отчасти и великій безводный промежутокъ. Если, не доходя нѣсколько до Даудура, свернуть съ прямой дороги къ сѣверу и сдѣлать кругъ верстъ въ 10, то можно воспользоваться колодцами Яке-дже и, такимъ образомъ, сократить протяженіе наибольшаго безводнаго пространства приблизительно верстъ на 5—6, т. е. обратить это протяженіе изъ 178 въ 173-хъ-верстное, что, разумѣется, мало существенно. Рекогносцировавшіе не пошли далѣе Нефесь-кули, такъ какъ достовѣрно узнали, что кочевавшіе въ Орта-кую іомуды, спасаясь отъ текинцевъ, совершенно засыпали эти послѣдніе колодцы. По приблизительному личному опредѣленію М. Д. Скобелева и по распросамъ проводниковъ, въ колодцахъ Сакаръ-чага и Кизиль-чакира воды обыкновенно бываетъ столько, что можно напоить отъ трехъ до пяти сотенъ человѣкъ, до сотни лошадей или до 60-ти верблюдовъ. Осенью можно напоить и гораздо болѣе. Въ Чагыль было три колодца, но, судя по качеству грунта и глубинѣ до уровня воды, тамъ, безъ особенныхъ затрудненій, можно было бы вырыть и еще нѣсколько. Характеръ мѣстности и почва, по которой все время

пролегалa дорога, какъ видно изъ приведеннаго описанія, все тѣ же, съ которыми столь хорошо былъ знакомъ красноводскій отрядъ: все та же равнина, на которую мѣстами какъ будто насыпаны песчаные бугры различной величины; все тѣ же глинистые солончаки, постоянно перемежающіеся съ рыхлыми и сыпучими песками, по которымъ, безъ помощи людей, не вездѣ въ состояніи тянуться орудія, даже на превосходныхъ и втянутыхъ въ упряжь лошадей. Весь переходъ между Кизиль-чакиромъ и Нефесомъ-кули, судя по словамъ Скобелева, рекогносцировавшіе ужасно страдали отъ жары, становившейся еще болѣе невыносимою отъ сухаго, удушливаго ю.-юго-восточнаго вѣтра, носившаго массы раскаленнаго песку, отъ котораго по цѣлымъ часамъ трудно было различать предметы даже на самомъ близкомъ разстояніи. Суточная усушка воды въ сосудахъ во время рекогносцировки равнялась одному ведру на шесть. «Положеніе людей, говоритъ Скобелевъ, было безотрадное. Обезсиленные форсированнымъ движеніемъ, ослабленные недостаткомъ пищи и постоянною томительною жаждою, которую вовсе не въ состояніи была утолить теплая, тухлая вода изъ бурдюковъ, мы съ трудомъ тащились по знойной, безотрадной пустынѣ. Жара доходила до невѣроятныхъ размѣровъ: прикоснуться къ оружію было невозможно. У одного изъ казаковъ, у меня и даже у проводника-туркмена пошла изъ носу кровь. Всѣ безъ исключенія страдали отъ головной боли. Русскіе, кромѣ того, жаловались на головокруженіе и на тошноту. Кровь показалаcя въ ноздряхъ у лошадей. Вообще, лошади едва тащились. Въ пескахъ, именуемыхъ Янаджи, утомленіе ихъ дошло до того, что мы подъ конецъ принуждены были вести ихъ въ поводу. Дойдя до колодцевъ Нефесъ-кули, въ нашемъ положеніи первую заботою было воспользоваться возможностью напоить лошадей и пополнить запасъ воды, безъ чего насъ ожидала вѣрная гибель на трудномъ обратномъ пути. На тщательный выборъ намъ лошадей для рекогносцировки, продолжаетъ Скобелевъ, было обращено особенное вниманіе и взяты онѣ были изъ числа самыхъ сильнѣйшихъ туркменскихъ, и все-таки изъ 10-ти лошадей только двѣ возвратились въ Хиву, три брошены были въ пустынѣ, а остальные— въ окрестностяхъ Измыхшира. Я сомнѣваюсь, чтобы вообще даже лапша казачья лошадь была безъ особой подготовки способна переносить такіе труды» (1).

Такимъ образомъ, Орта-куюнскій путь безусловно былъ непро-

(1) «Извѣстія кавк. отд. И. Р. географическаго общ. за 1873 г.», т. II, № 4-й.

ходимъ для красноводскаго отряда въ то время, когда послѣдній пытался по немъ пройти. Говорили, что путь этотъ былъ указанъ начальнику отряда, которому поэтому будто бы не оставалось выбора. Это, однако-же, вовсе не справедливо: выборъ направленія исполнѣ зависѣлъ отъ начальника отряда, котораго въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, никто не стѣснялъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же невѣрно и то мнѣніе, по которому будто «начальникъ красноводскаго отряда настаивалъ на движеніи отъ Чекишляра» (1). Это невѣрно хотя бы уже потому, что не было никакихъ причинъ настаивать, такъ какъ никто не оказывалъ давленія на начальника отряда. Почему же отрядъ пошелъ игдинскимъ, а не сарыкамышскимъ путемъ, который былъ до самаго конца изслѣдованъ отрядомъ еще въ 1871 году? Если мы съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ позволяемъ себѣ утверждать, что количество наличной воды—будь ея у насъ нѣсколько больше или нѣсколько меньше—ровно никакого рѣшающаго значенія имѣть не могло, то совершенно не можемъ сказать того, чтобы, двигаясь на Сары-Камышъ, красноводскій отрядъ не дошелъ до Хивы, какъ не дошелъ онъ, слѣдуя на Игды. Это провѣрено не было, а потому и остается подъ сомнѣніемъ. Но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ вида, что когда извѣстное средство или извѣстный путь къ достиженію чего-либо не приводитъ къ желаемому концу, то всѣмъ, а тѣмъ болѣе самому потерпѣвшему, всегда начинаетъ казаться, что всякій иной путь и всякое иное средство были несравненно лучше испробованнаго.

Въ приведенномъ уже рапортѣ начальника красноводскаго отряда № 729, представленномъ изъ Кизиль-Арвата 30-го октября 1872 года, буквально было сказано, что если походъ на Хиву послѣдуетъ весною, то «красноводскій отрядъ не можетъ выступить позже самыхъ первыхъ дней марта, такъ какъ въ противномъ случаѣ жары помѣшаютъ ему исполнить свое дѣло». Изъ этого отчасти слѣдуетъ, что начальникъ отряда, который ко дню представленія своего рапорта хорошо былъ знакомъ какъ съ ортакуюнскимъ, такъ въ особенности съ сарыкамышскимъ путями, вовсе не дѣлалъ никакой между ними разницы, считая и тотъ и другой равно непроходимыми послѣ указаннаго имъ предѣльнаго срока для выступленія изъ прибрежныхъ пунктовъ на Каспійскомъ морѣ. Разъ, какъ, по глубокому его убѣжденію, природныя свойства этихъ путей одинаково не вознаграждали упущеннаго времени, то уже, само собою

(1) «Хивинскій походъ 1873 года». Гроденовъ.

разумѣется, было бы даже странно предпочесть дорогу на 200 верстъ длиннѣе, т. е. дорогу изъ Чекишляра на Сары-Камышъ, той, которая вела оттуда же на Игды и далѣе. Имѣя столь ограниченное число верблюдовъ, какъ то, которое удалось добыть намъ, отряду трудно, даже невозможно было удлинять свой путь. Идя чрезъ Сары-Камышъ, хотя бы и съ тѣмъ же самымъ количествомъ запасовъ, который мы подняли, слѣдовало имѣть, по крайней мѣрѣ, 6—7 сотенъ запасныхъ верблюдовъ, ибо слѣдовало разсчитывать, что такое число названныхъ животныхъ неминуемо падеть или пристанеть, пока отрядъ пройдетъ число верстъ, составляющихъ разность протяженія путей. Далѣе, съ точки зрѣнія военной нельзя было не находить, что тоже несравненно основательнѣе предпочесть путь ортакуюнскій, такъ, какъ слѣдуя по немъ, красноводскій отрядъ несмѣнно приносилъ пользу, отрѣзывая отъ Хивы все теке, всѣхъ атабаевъ и, вообще, всѣхъ атрекскихъ юмудовъ, не говоря уже о томъ, что только на этомъ пути можно было еще надѣяться до нѣкоторой степени тѣмъ или инымъ способомъ добыть отряду столь необходимыя ему подъемныя средства, а чрезъ то ускорить и облегчить самый походъ. Въ случаѣ избранія пути на Сары-Камышъ, еслибы отрядъ не достигъ конечной цѣли, движеніе его пропало бы совершенно безслѣдно, не принеся ни малѣйшаго плода. Кромѣ этого, всякому, конечно, было извѣстно, что красноводскій отрядъ былъ направляемъ на Хиву не по недостатку войскъ въ Оренбургѣ или въ Туркестанѣ, а также и то, что почти параллельно Сарыкамышской дорогѣ и вблизи отъ послѣдней былъ пущенъ туда же отрядъ мангишлакскій. Такимъ образомъ, слѣдовательно, идя на Орта-Кую, отрядъ нашъ опять-таки болѣе осуществлялъ идею общаго плана Хивинскаго похода, такъ какъ, повидимому, отчасти даже было желательно, чтобы отряды шли при различныхъ климатическихъ условіяхъ, дабы послѣднія вѣрнѣе оказались которому либо изъ нихъ достаточно благоприятными. Климатъ Арало-Каспійской низменности слишкомъ прихотливъ и плохо подчиняется разсчетамъ. Южный изъ двухъ разсматриваемыхъ путей несравненно болѣе песчанъ, чѣмъ сѣверный; но отрядъ, который, за недостаткомъ подъемныхъ средствъ, не особенно обильно снабженъ фуражемъ и имѣетъ въ своемъ составѣ относительно значительную кавалерію, предпочтительно долженъ идти на Орта-Кую. По этой дорогѣ, и даже именно въ пескахъ, а слѣдовательно почти на всемъ пространствѣ, все же можно достать кой-какой подножный кормъ. При этомъ старое русло Оксуса, по коему лежитъ путь на протяженіи чуть ли не 200 верстъ, почти сплошь покрыто зеленымъ ка-

мышомъ, который въ пустынь представляетъ нѣкоторую роскошь для животныхъ. Наконецъ, ортакуюнскій путь значительно воднѣ сарыкамышскаго. Правда, что, группы колодцевъ на первомъ изъ нихъ болѣе удалены другъ отъ друга, да и то если не считать пространства между Ярыхло и Халмаджи, которое буквально усѣяно колодцами. Для отряда такого состава, какимъ былъ красноводскій, вопросъ о количествѣ воды въ водовмѣстилищахъ, притомъ же еще и въ жаркую пору года, былъ вопросомъ чрезвычайной важности. Дробленіе отряда при движеніяхъ по пустынь возможно и удобно только до извѣстнаго предѣла. Иначе, и одной только сторожевой службы, и наблюденія за верблюжьимъ пастбищемъ будетъ достаточно для того, чтобы довести людей до полного утомленія. Не считая вовсе кавалеріи, красноводскій отрядъ шель тремя эшелонами. Допустимъ, что онъ, опять таки исключая кавалеріи, раздѣлился бы для похода на пять эшелоновъ, то и въ такомъ случаѣ каждому изъ нихъ потребовалось бы въ сутки не менѣе 10,000 ведеръ воды, разумѣется удѣляя ее и верблюдамъ; а тамъ, гдѣ колонна вздумала бы наполнять свой запасъ, количество потребной воды возрастало бы еще тысячи на полторы, на двѣ ведеръ. Такую массу, по ортакуюнскою дорогѣ могутъ дать всѣ группы колодцевъ, встрѣчающіяся по ней вплоть до самаго Нефесъ-Кули. Между тѣмъ, по пути сарыкамышскому, на послѣдней его половинѣ, указанное число ведеръ воды можно добыть только въ колодцахъ Туаръ и Кумъ-Сибшенъ. Притомъ же кумсебенская вода весьма горька и вредно вліяетъ на чловѣка даже и тогда, когда она только что взята изъ источника. Послѣднее безводное пространство по сарыкамышской дорогѣ, можно сказать, даже длиннѣе такового же пространства по дорогѣ на Орта-Кую, ибо отъ колодцевъ Кумъ-Сибшенъ до Декча, что въ 18 верстахъ за Сары-Камышемъ, считается, по измѣренію, безъ малага 203 версты. Правда, на пространствѣ этомъ есть еще колодцы Казахли, Узунъ-кую и Сары-Камышъ, но по свѣдѣніямъ, имѣвшимъ ся въ отрядѣ отъ такихъ, напримѣръ, туркменъ, какъ извѣстный своею старою и доказанною преданностью Россіи Ата-Мурадъ-ханъ и его братья, весь интересъ которыхъ заключался въ томъ, чтобы мы дошли до Хивы, Узунъ-куюнскій колодезь, по приказанію хивинскаго хана, былъ забить тотчасъ послѣ нашего обратнаго чрезъ него прохожденія въ 1871 году. Колодезь Узунъ-кую, какъ свидѣтельствуется и само его названіе (1), дѣйствительно отличается не-

---

(1) Узунъ-Кую значить глубокий колодезь.

имовѣрною глубиною. Онъ высверленъ въ скалистомъ грунтѣ Усть-Уртской возвышенности и отъ горизонта до поверхности водянаго столба имѣеть 25 сажень. Употребляя всѣхъ своихъ верблюдовъ на подвозъ воды изъ ближайшихъ къ Узунъ-кую колодцевъ для рабочихъ и караула, на открытіе воды въ послѣднемъ, по самому умѣренному разсчету, намъ потребовалось бы приблизительно сутокъ 10 времени. О свойствахъ же колодцевъ Казахли и Сары-Камышъ мы уже имѣли случай говорить довольно подробно еще въ описаніи рекогносцировки красноводскаго отряда въ 1871 году. Нужно упомянуть также, что изъ Кумъ-Сибшена можно было бы идти еще не на Узунъ-кую, а на колодцы Дахли; но колодцы эти, коихъ всего два, вмѣстѣ могутъ дать не болѣе, какъ отъ 150 до 200 ведеръ воды въ сутки. Притомъ же отъ нихъ до Декча все еще 172 версты. Скажемъ еще, что путь на Сары-Камышъ никогда не служилъ караваннымъ путемъ для большихъ каравановъ. По немъ въ эту пору ѣздили только одиночные люди да небольшія партіи аламанциговъ. Не безынтересно также на этотъ счетъ мнѣніе полковника Столѣтова, какъ человѣка хорошо знакомаго съ Среднею Азіею. 20-го января 1871 года, слѣдовательно еще въ бытность свою начальникомъ красноводскаго отряда, онъ доносилъ генераль-адъютанту Кауфману, что во всякомъ случаѣ безводное пространство надо проходить никакъ не позже марта и что движеніе отъ Красноводска по прямому направленію на Хиву значительнаго отряда войскъ сопряжено съ крайними затрудненіями и весьма большими издержками. Поэтому, говорилъ Столѣтовъ, если-бы обстоятельства принудили прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Хивинскаго ханства, то съ Кавказа въ Хиву, по пути на Сары-Камышъ, можно было бы двигаться лишь съ однимъ баталіономъ, четырьмя орудіями и четырьмя сотнями казаковъ, съ мѣсячнымъ только запасомъ продовольствія. По пути же на Орта-Кую полковникъ Столѣтовъ считалъ возможнымъ допустить движеніе около половины марта.

Путь на Орта-Кую, конечно, не былъ обрекогносцированъ до непосредственныхъ предѣловъ ханства. Обстоятельство это впоследствии, а именно послѣ Хивинскаго похода, нѣкоторые ставили красноводскому отряду въ упрекъ. Почему, спрашивали критики, въ виду вполне опредѣлившейся необходимости рано или поздно идти непременно въ Хиву, отрядъ не обрекогносцировалъ весь игдинскій путь еще въ 1872 году? Какъ видно изъ документовъ, цитированныхъ въ настоящемъ трудѣ, начальникъ красноводскаго отряда, находясь въ Игды, не имѣлъ основательныхъ поводовъ пред-

полагать, что отряду будетъ приказано идти въ Хиву въ теченіе предстоявшей весны. Кромѣ того, путь, по которому мы двигались и о которомъ идетъ рѣчь, какъ это видно изъ описанныхъ столкновений съ непріятелемъ, вовсе не исключалъ вѣроятія боевыхъ стычекъ и за Игдами. Хотя, конечно, мы слишкомъ мало цѣнили боевыя качества враждебныхъ туземцевъ и, быть можетъ ошибочно, не считали ихъ противниками себѣ равными, но это не давало намъ ни права, ни повода быть неосторожными. Слѣдовательно, для рекогносцировки за Игды необходимо было вести такую силу, которая могла бы считаться вполнѣ обезпеченною отъ случайностей. При караванномъ способѣ хожденія, единственно возможномъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, при условіи бдительно сторожить себя и пасти своихъ вьючныхъ животныхъ, такой силой можно было признать колонну въ 5—4 и въ самомъ крайнемъ случаѣ не менѣе какъ въ три роты, съ однимъ орудіемъ. Даже ограничивая походъ этой колонны только движеніемъ до колодцевъ Орта-Кую, ее необходимо было снабдить всѣмъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, дней на 10—12, а перевозка этого снабженія, вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что еще пришлось бы взять съ собою, потребовала бы, конечно, до 200 лучшихъ верблюдовъ. Между тѣмъ, при условіяхъ, въ которыхъ отрядъ нашъ находился въ Игды, было совершенно очевидно, что онъ дошелъ до предѣла, далѣе котораго недостатокъ перевозочныхъ средствъ становился не въ моготу. Каждый новый трудъ и каждый лишній день въ пустынѣ ощутительно лишалъ насъ подвижности и положеніе это всего лучше подтвердилось дальнѣйшимъ. На обратномъ пути намъ пришлось даже сжечь часть нашихъ грузовъ. Начиная отъ Кизиль-Арвата и далѣе до Чекишляра, казачьи лошади часто шли въ поводу подъ вьюками; во время же движенія въ области Кюрендага, въ теченіе трехъ дней, всѣ офицеры отряда, не исключая и его начальника, шли пѣшкомъ, отдавъ своихъ лошадей въ помощь верблюдамъ, везшимъ артилерійскіе снаряды. При всемъ этомъ красноводскій отрядъ едва дотянулся до берега Каспійскаго моря къ самому концу года. Опоздай онъ еще немного, и рѣшительно не оставалось бы времени для того, чтобы дать людямъ необходимый отдыхъ и изготвиться къ новому трудному походу, который предстоялъ отряду въ самомъ началѣ приближавшейся весны. Само собою разумѣется, что еслибы начальникъ отряда задался мыслью идти еще и за Орта-Кую, то для осуществленія этой задачи потребовалось бы вести впередъ и больше ротъ и, слѣдовательно, больше верблюдовъ. Существуетъ и конечно всегда существовало убѣжденіе, по которо-

му придается довольно большое значеніе одиночнымъ развѣдкамъ, но съ этимъ способомъ изслѣдованія пространствъ, по крайней мѣрѣ въ приложеніи его къ странѣ, о которой идетъ рѣчь, врядъ-ли возможно безусловно согласиться. Провѣрки нѣкоторыхъ работъ такого рода всегда обнаруживали у насъ весьма значительныя ошибки даже въ трудахъ вполне надежныхъ и хорошо знакомыхъ съ дѣломъ развѣдчиковъ мѣстности, каковы, на примѣръ, офицеры генеральнаго штаба и чины корпуса топографовъ. Въ безводной и совершенно лишенной растительности пустынѣ развѣдчикъ долженъ исключительно рассчитывать лишь на ту пищу и для себя, и для своего коня, которую везетъ съ собою, и на ту воду, которая находится въ бурдюкѣ, притороченномъ къ его сѣдлу. Онъ долженъ успѣть пробѣжать отъ колодца до колодца и вернуться домой непременно въ опредѣленное время, соразмѣряя его съ количествомъ продовольствія, а послѣднее—съ силою лошади, которая, въ свою очередь, зависитъ и отъ скорости требуемаго движенія. Кромѣ того, въ тѣ времена рекогносцеръ долженъ былъ сворачивать съ дороги, едва завидитъ или слышитъ людей. Чтобы не оставлять конскаго слѣда, по которому его легко было обнаружить и настичь, рекогносцирующему приходилось двигаться по солончакамъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда путь шель песками, приходилось слѣдовать въ сторонѣ отъ дороги. Такимъ образомъ, рекогносцирующий вынужденъ былъ постоянно держать и слухъ свой, и зрѣніе въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Если ко всему сказанному прибавить тяжелыя климатическія условія страны, то не станетъ-ли яснымъ, что всякому развѣдчику, по степени его утомленія, разстоянія должны были казаться то неожиданно короткими, то чрезмѣрно длинными и что онъ, конечно, невольно въ указаніи часовъ неизбѣжно долженъ былъ вводить широкою рукою поправки личныхъ впечатлѣній, искажающія истину? Такимъ образомъ, степень точности свѣдѣній, добытыхъ одиночными рекогносцировками, никогда не могла имѣть и не имѣла права на довѣріе въ той мѣрѣ, которая необходима для того, чтобы на ней основывать серьезные расчеты. Между тѣмъ, если результаты, добытые одиночными развѣдками, окажутся невѣрными, то, какъ много значитъ въ пустынѣ каждая лишняя верста, особенно если время похода выбрано дурно, легко пойметъ всякій, кто участвовалъ въ маршахъ по южной части Закаспійскаго края. Наконецъ, какъ кажется, о томъ же можно судить и по сказанному въ настоящемъ трудѣ.

Разсужденія наши до сихъ поръ клонились къ выясненію того,

что красноводскій отрядъ въ 1872 году не имѣлъ никакой возможности толеково обрекогносцировать за-игдинскій путь. Но допустимъ даже, что ему отлично была бы извѣстна эта дорога, положимъ, до Орта-Кую или даже нѣсколько и далѣе, — какая получилась бы отсюда практическая польза въ томъ случаѣ, когда окончательное движеніе позволительно было бы произвести только по путямъ, заранѣе обрекогносцированнымъ до конца, и еслибы при этомъ хоть часть пути оставалась неизслѣдованною? Въ томъ же случаѣ, еслибы отрядъ прошелъ въ 1872 году весь путь, то онъ окончательно лишился бы средствъ, необходимыхъ ему для обратнаго похода до берега Каспійскаго моря. Тогда отряду оставалось лишь принять такое рѣшеніе, на которое ему въ то время не дано было права, т. е. утвердиться въ предѣлахъ ханства. Когда въ 1873 году начальникъ красноводскаго отряда принялъ въ Бала-Ишемѣ рѣшеніе возвратиться, онъ лично уже былъ хорошо знакомъ съ путемъ до Орта-Кую. Тѣмъ не менѣе, онъ не призналъ возможнымъ вести отрядъ далѣе, и правильность такого рѣшенія, какъ извѣстно, была впоследствии подтверждена рекогносцировкой Скобелева изъ Хивы. Однакоже слѣдуетъ-ли изъ этого, что отряды въ Закаспійской пустынѣ должны были ходить только по заранѣе изслѣдованнымъ путямъ? Такъ точно, какъ не былъ предварительно обрекогносцированъ путь между Орта-Кую и Измыхширомъ, не были изслѣдованы вплоть до Хивы пути и остальныхъ отрядовъ, направленныхъ въ названное ханство въ 1873 году. Отрядъ туркестанскій о послѣднихъ 200 верстахъ зналъ только исключительно по однимъ лишь распросамъ. Мангишлакскій отрядъ тоже долженъ былъ довольствоваться такими же свѣдѣніями, и притомъ о разстояніи вдвое большею. Нѣкоторое исключеніе составлялъ только отрядъ оренбургскій, о пути котораго до самаго его конца имѣлись еще болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Наконецъ, даже и красноводскій отрядъ, ко времени начала Хивинскаго похода, успѣлъ уже исходить нѣсколько тысячъ верстъ по той же самой пустынѣ, большею частью по такимъ дорогамъ, о которыхъ не имѣлось и распросныхъ свѣдѣній. Эти же послѣднія не всегда подтверждались не только во время походовъ красноводскаго отряда, но и другихъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что, по расчетамъ туркестанскаго отряда, труднѣйшій участокъ дороги, находящійся между Халь-Ата и берегомъ Аму-Дарьи, долженъ былъ бы равняться 70-ти верстамъ, тогда какъ дѣйствительное протяженіе его оказалось равнымъ 107 верстамъ. Бывало даже, что встрѣченныя неожиданности оказывались весьма

значительными и вынуждали во время самага движенія рѣшиться на переѣзду операціонной линіи. Напримѣръ, такъ именно случилось съ джизакскою колонною, когда она, дойдя до колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ, вмѣсто первоначально принятаго направленія, предпочла свернуть къ юго-западу и идти чрезъ владѣнія Бухары. Тѣмъ не менѣе остальные отряды прошли, не прошелъ только красноводскій. Предположимъ, что невозможное стало бы возможнымъ и что красноводскій отрядъ успѣлъ бы осенью 1872 года обрекогносцировать пространство между Игды и Измыхширомъ. Принесла-ли бы эта осенняя рекогносцировка пользу названному отряду въ томъ случаѣ, еслибы завоеваніе ханства все же таки должно было совершиться весною? Мы въ этомъ очень сомнѣваемся.

Хивинскій походъ 1873 года предпринять былъ весною. Это, конечно, было величайшимъ несчастіемъ для красноводскаго отряда, но тогда, быть можетъ, нельзя было иначе и сдѣлать. Частные интересы того или другаго отряда не могли имѣть значенія и мѣста въ общемъ предположеніи для четырехъ отрядовъ, направленныхъ въ Хиву.

Какъ бы то ни было, но для красноводскаго отряда время, назначенное для выступленія въ походъ 1873 года, оказалось вполне пагубнымъ. Начальникъ отряда, сознавая крайнее неудобство избраннаго времени, ясно выразилъ свои опасенія на этотъ счетъ въ приведенномъ уже рапортѣ начальнику штаба Кавказскаго округа отъ 30-го октября 1872 года. Мнѣніе начальника отряда несомнѣнно раздѣлялось и коренными красноводцами, такъ какъ всѣ они безъ исключенія проникнуты были глубокимъ убѣжденіемъ, что для успѣшнаго хожденія по мѣстности, въ которой приходилось намъ прилагать свою дѣятельность, прежде всего требовался самый строгій выборъ времени. Всецѣло посвящая себя особенно интересной службѣ, на долю нашу выпавшей, мы многое прочли о климатѣ Арало-Каспійской низменности и, конечно, еще болѣе собрали на этотъ счетъ свѣдѣній посредствомъ распросовъ. Кромѣ того, взгляды нашъ на вопросъ о времени основывался тогда не на какихъ-либо фантастическихъ соображеніяхъ: у насъ уже былъ опытъ. Не говоря о весьма крупныхъ фактахъ рѣзкаго проявленія климатическихъ невзгодъ, которыхъ всѣ мы были живыми свидѣтелями и которыя частью описаны выше, на упроченіе нашего взгляда на этотъ счетъ достаточно было даже, если можно такъ выразиться, совокупности различныхъ, преимущественно мелкихъ впечатлѣній. И, не смотря на то, что до той поры намъ не случалось испытать особен-

ныхъ бѣдствій, изъ перваго же нашего похода въ пустыню въ 1871 году вернулись мы съ твердымъ убѣжденіемъ, что надежнѣйшею порою для движеній въ южной части Закаспійскаго края можно признавать лишь промежутокъ времени отъ 15-го сентября по 15-е марта. При этомъ сентябрь и ближайшіе къ нему мѣсяцы намъ казались лучше остальныхъ. Убѣжденіе въ непригодности для походовъ въ томъ краѣ остальной поры года крѣпло въ насъ и отъ того, что солдатъ въ жару вяло проходилъ мимо начальника и медленно привставалъ на ноги, и плохо ѣлъ, и не въ мѣру пилъ, и какъ то неряшливо раскидывался на бивакѣ, и съ раздраженіемъ, а не съ привычною и необходимою кротостью обращался съ несчастнымъ верблюдомъ. Большая часть всѣхъ этихъ послѣдствій жаркаго времени, само собою разумѣется, замѣчается вездѣ; но вѣдь многіе изъ насъ, служа давно, конечно видѣли то же самое и въ другихъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе мы оставались фанатически убѣжденными, что въ южной половинѣ Закаспійской пустыни все это далеко не то же, что вездѣ.

Упомянувъ о верблюдѣ, которому принадлежало столь серьезное значеніе во время нашихъ движеній, кстати будетъ сказать, что, на основаніи послѣдующаго нашего опыта, мы убѣдились, какииъ великимъ несчастьемъ при весеннихъ и лѣтнихъ походахъ служить, между прочимъ, поразительная слабость этого животнаго въ тѣ времена года. Если убыль верблюдовъ осенью или зимою войскамъ приходилось считать сотнями, то весною ихъ обыкновенно теряютъ тысячами. Конечно, всякія движенія всегда вызывали заботу о сборѣ верблюдовъ заранѣе; это иначе и сдѣлать было невозможно, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ описываемый періодъ, не бывало примѣра, чтобы добываніе необходимаго количества названныхъ животныхъ доставалось намъ безъ усиленныхъ хлопотъ, продолжительныхъ переговоровъ съ ихъ хозяевами и даже насилій. Разъ таковы были условія и обойти ихъ было невозможно, естественно, что если движеніе предстояло, напримѣръ, лѣтомъ, то еще съ весны начинались поиски и погоня за верблюдами. Туземцы, не желающіе ихъ давать, безпрестанно перегоняли свои табуны съ мѣста на мѣсто, не заботясь о томъ, чтобы животное оправилось, лишь бы упрятать его куда нибудь подальше. Тѣ же верблюды, которыхъ удавалось добыть какииъ бы то ни было способомъ, лишены были возможности набраться силъ, такъ какъ мы, въ свою очередь, были вынуждены пасти ихъ не тамъ, гдѣ бы это было имъ полезно, а тамъ, гдѣ охраненіе ихъ представлялось наиболѣе удобнымъ. Послѣднее же всегда

находилось въ прямой зависимости отъ удобствъ снабженія всѣмъ необходимымъ стражи, охраняющей верблюдовъ, которая, по ужаснѣйшему труду, на ней лежащему, должна была быть весьма не-малого состава. Случалось неоднократно, что снабженіе охранителей требовало такой усиленной работы тѣхъ же самыхъ верблюдовъ, которыхъ они охраняли и пасли, что ко времени общаго движенія, вмѣсто надежнаго вьючнаго животнаго, оставался буквально скелеть, съ побитою и гноящеюся спиною, рѣшительно ни на что уже непригодный. А между тѣмъ мы по опыту знали, что степному верблюду весною необходимо вполнѣ свободное пастбище, и самое обильное кормленіе его на мѣстѣ зерномъ или лепешками изъ тѣста не насыщаетъ животнаго и не дѣлаетъ его пригоднымъ для усиленнаго труда. Тотъ, кто не участвовалъ самъ въ степныхъ походахъ, съ трудомъ можетъ представить себѣ всѣ страданія, испытываемыя ходящими тамъ отрядами отъ недостатка верблюдовъ, или, еще хуже, отъ ихъ обилія, которое, конечно, можетъ быть лишь грустнымъ результатомъ малосилія этихъ животныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ верблюдъ съ величайшимъ напряженіемъ несетъ пудовъ 5—6 вмѣсто 10—12, возможныхъ для него осенью и зимою, само собою разумѣется, если онъ сбереженъ. Масса только что народившихся верблюжатъ, путаясь межъ ногъ своихъ матерей, заставляетъ ихъ отставать. Верблюдицы, не успѣвшія еще ожеребиться, едва-едва передвигаясь, кончаютъ тѣмъ, что падаютъ десятками и загораживаютъ путь. Пока имѣются запасные верблюды, что обыкновенно случается весьма рѣдко, почти съ мѣста начинаются уже перевьючки, потомъ слѣдуетъ раскладываніе вьюка на двигающихся еще животныхъ, затѣмъ облегченіе вьюка посредствомъ увеличенія вѣса солдатской ноши.

Такимъ образомъ, одного верблюжьяго вопроса было уже совершенно достаточно для участниковъ нашихъ походовъ, чтобы устранять всякія предложенія о весеннихъ движеніяхъ въ южной части Закаспійскаго края. Впрочемъ, не однимъ только этимъ, равно какъ и не одними впечатлѣніями мы могли и должны были руководствоваться въ разсужденіяхъ о значеніи времени года для успѣшнаго исхода рекогносцировокъ и всякаго рода маршей. Раньше уже приведенъ случай съ кабардинцами, бывшій въ началѣ августа мѣсяца 1872 года. Могли-ли красноводцы когда-либо забыть его? Вѣдь онъ приключился съ 80-ю отборными молодцами изъ баталіона такого полка, который имѣетъ полное право считаться полкомъ изъ полковъ. Дорога, на которой произошла катастрофа съ кабардинцами,

была ими же пройдена всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, степсями и пляскою. Не тысячи верстъ шли они въ этотъ разъ, а шли съ мѣста, послѣ относительно очень долгаго и вдоволь наскучившаго имъ отдыха. До воды, какъ и отъ воды, никогда имъ не было далеко. Наконецъ, этимъ же самымъ людямъ, притомъ въ составѣ крупной колонны, доводилось проходить не разъ и по 90 верстъ безводнаго пространства, тогда какъ въ данномъ случаѣ до колодца въ Бутдаили всего было отъ Чекишляра 102 версты и на этомъ пути лежали колодцы Тагань-Клычъ, Чухырыкъ, Гамяджикъ и Чухуру-кую, не говоря уже о группахъ Агъ-Патлаухъ, Кеймиръ, Шукуръ-Верды и другихъ колодцахъ, до которыхъ, какъ говорится, отъ дороги хоть рукой подать. Команду лично велъ командиръ баталіона, начальникъ испытанный и весьма извѣстный какъ личными заслугами, такъ и особенною энергіею, начальникъ, котораго подчиненные давно хорошо знали и любили, которому безгранично вѣрили. А между тѣмъ молодцы эти въ 25-ти верстахъ отъ мѣста своей зимовки пришли уже въ такое состояніе, что на нихъ всѣхъ было бы много десятка какихъ нибудь атабаевъ, тогда какъ въ другое время, наоборотъ, каждый кабардинецъ могъ бы самъ справиться съ десяткомъ этихъ кочевниковъ. Въ другую пору года задача, данная кабардинцамъ, была бы для нихъ не болѣе, какъ пріятною прогулкою, доставляющею случай промять ноги засидѣвшимся со времени окончанія похода предшествовавшаго года. Почему же, спрашивается, у кабардинцевъ не хватило силъ исполнить порученіе? Все это можно объяснить, если принять во вниманіе географическую широту тѣхъ мѣстъ, ихъ возвышеніе надъ морскимъ уровнемъ. вѣтры, свойственные этой полосѣ, и губительное вліяніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на человѣка, качественный и количественный анализъ грунта, по которому приходится тамъ ходить, воду, которую приходится пить, въ особенности отъ марта по сентябрь включительно, и, наконецъ, указанія термометра, а главное гигрометра. Этотъ послѣдній инструментъ большую часть года говоритъ тамъ, что мѣстный воздухъ такъ мало заключаетъ въ себѣ водяныхъ паровъ, что, будь ихъ еще меньше на какихъ нибудь 2—3 процента, жизнь животныхъ была бы невозможна. Словомъ, человѣкъ въ пустынѣ находится въ полной зависимости отъ климатическихъ ея условій и можетъ сдѣлать только то, что позволяютъ его силы и обстоятельства. На сколько велика была въ насъ вѣра въ то, что мы выполнимъ всякое приказаніе, если только пошлутъ насъ въ благопріятную пору, и, наоборотъ, какъ опасались мы за неуспѣхъ, если

придется идти въ пустыню въ другое время, видно между прочимъ изъ того, что, какъ сказано уже выше, начальникъ отряда, будучи вызванъ въ Петербургъ въ январѣ 1872 года, обратился къ Августѣйшему Главнокомандующему кавказскою арміею съ ходатайствомъ объ измѣненіи времени рекогносцировки, которую долженъ былъ произвести красноводскій отрядъ весною 1872 года. Просьба эта была принята во вниманіе, и рекогносцировка, произведенная тогда осенью, удалась вполнѣ: участники ея возвратились со славою, принеся съ собою множество полезныхъ свѣдѣній о странѣ и ея обитателяхъ. Походъ же 1873 года, по заранѣе выработанному въ Петербургѣ плану, долженъ былъ начаться весною, а между тѣмъ выборъ соотвѣтственнаго времени для военныхъ движеній въ южной половинѣ Закаспійской пустыни, казалось бы, долженъ былъ имѣть всегда первенствующее значеніе. Было-ли неудачно хотя одно движеніе, предпринятое тамъ и совершенное въ періодъ времени отъ второй половины сентября до первой половины марта включительно и, наоборотъ, удалось-ли вполнѣ хотя одно предпріятіе въ остальное время года? На вопросъ этого рода, думаемъ мы, доказательнѣе всего могутъ отвѣтить факты. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

1) Въ 1870 году протяженіе пути, пройденное отрядомъ полковника Столѣтова до Кизиль-Арвата и обратно, составляетъ 400 версть. Экспедиція совершена вполнѣ благополучно. Время движенія—ноябрь и декабрь мѣсяцы.

2) Въ 1871 году—походъ красноводскаго отряда до Декча, что за Сары-Камышемъ и обратно новыми путями чрезъ Топьетанъ, что на Узбоѣ, въ Чекишляръ, тогда впервые занятый. Пройденное и осмотрѣнное пространство—2,007 версть. Составъ отряда—съ точностью до 2—3 десятковъ, 700 человекъ. Число умершихъ—одинъ. Число больныхъ—17. Движеніе начато 8-го сентября и окончено 29-го ноября.

3) Въ 1872 году—походъ того же отряда по старому руслу Аму-Дарьи и далѣе, до колодцевъ Игды, затѣмъ переходъ на Текинскій аркачь, движеніе по немъ и обратно, чрезъ Кюрендагскій хребетъ, по долинамъ Сумбара и Атрека, въ Чекишляръ. Пройденное пространство—болѣе 3,000 версть, изъ коихъ 1,600 версть по путямъ, дотолѣ никогда не осмотрѣннымъ. Составъ отряда—1,700 человекъ. Умершихъ—семь. Больныхъ—46. Движеніе начато 13-го сентября и окончено 18-го декабря.

4) Въ 1873 году—походъ того же красноводскаго отряда за Атрекъ, съ цѣлью добычи верблюдовъ для предстоявшаго тогда по-

хода въ Хиву. Пройденное пространство — свыше 600 верстъ. Составъ отряда — 1,800 человекъ. Умершихъ — одинъ. Больныхъ — 22. Движеніе начато 25-го февраля и окончено 14-го марта.

Относительно приведенныхъ цифръ нужно для точности замѣтить, что пройденное пространство представляетъ здѣсь сумму верстъ, которыя прошелъ красноводскій отрядъ въ полномъ составѣ и различныя его части отдѣльно, а въ количество большихъ вошли только тѣ люди, которые, по возвращеніи отряда, требовали госпитальнаго леченія. Что же касается убитыхъ и раненыхъ, то они въ расчетъ не приняты. Справедливая оцѣнка приведенныхъ доказательствъ въ пользу осенне-зимнихъ походовъ, думаемъ мы, въ состояніи убѣдить всѣхъ, что для движенія по пустынѣ эти времена года совершенно благопріятны. Чтобы еще болѣе утвердиться въ этомъ справедливомъ убѣжденіи, стоитъ только прослѣдить результаты движеній въ тѣхъ же мѣстностяхъ, но въ другую пору года. Начнемъ съ напоминанія о маленькомъ движеніи изъ Чекишляра въ Бугдаили, предпринятомъ въ августѣ мѣсяцѣ 1872 года Кабардинскаго полка майоромъ Козловскимъ съ 80-ю человеками его же баталіона. Поставимъ въ одинъ разрядъ съ этимъ движеніемъ не только походъ красноводскаго отряда въ 1873 году, но и всѣхъ остальныхъ отрядовъ, направленныхъ въ Хиву. Мы думаемъ, что въ этомъ никто не усмотритъ натяжки, по крайней мѣрѣ никто изъ тѣхъ, кому довелось читать исторію указаннаго движенія отрядовъ мангышлакскаго, туркестанскаго и даже оренбургскаго, въ которой неоднократно повторяются описанія бѣдствій, близко граничившихъ съ погибелью. А знаменитая первая Ахаль-Текинская экспедиція, столь роскошно снаряженная, на подготовку которой положено было такъ много заботъ и сдѣлано столько затратъ, не заняла ли и она подобающаго ей мѣста въ ряду другихъ экспедицій, также двинувшихся въ пустыню не въ должную пору года? Стоитъ ли доказывать, наконецъ, что и всѣ остальные рекогносцировки, произведенныя между 1873 годомъ и походомъ генераль-адъютанта Скобелева, были удачны исключительно лишь потому, что рекогносцировавшие, не имѣя никакой точно указанной цѣли, двигались — пока ходилось, и возвращались — едва неудобства дальнѣйшаго движенія становились очевидными для руководившаго ими? Экспедиціи тѣ, конечно, не принесли дѣлу ни малѣйшей практической пользы: онѣ буквально ни разу не достигали даже какого-либо пункта, находящагося за предѣлами пространства, осматрѣннаго раньше еще красноводскимъ отрядомъ.

О верблюдѣ, на силѣ котораго въ походахъ по пустынь жидет-ся болѣе половины шансовъ на успѣхъ, о томъ, что степень его пригодности къ перенесенію труда въ различное время года весьма различна и весною она совершенно недостаточна и ничтожна, было уже говорено выше. Къ большому сожалѣнію, не сохранивъ вполнѣ точныхъ цифръ, мы можемъ подтвердить наше мнѣніе на этотъ счетъ лишь общими данными. Однакоже и послѣднихъ, какъ кажется, будетъ достаточно, чтобы судить о страданіяхъ, которыя выпадали на долю закаспійскихъ отрядовъ, когда имъ приходилось ходить въ пустынь весною или лѣтомъ. Данныя эти указываютъ, что во время осеннихъ походовъ красноводскаго отряда падежъ верблюдовъ, считая приблизительно, едва достигалъ 10—11% въ мѣсяцъ, а во время движенія того же отряда весною убыль вьючныхъ животныхъ достигала обыкновенно до 40% ежемѣсячно. То же самое, конечно, было и въ остальныхъ отрядахъ. Такъ, напримѣръ, въ отрядѣ туркестанскомъ изъ 10,000 верблюдовъ, коими располагалъ онъ къ 1-му марта 1873 года, осталось къ 9-му мая только 1,240 головъ. Въ оренбургскомъ отрядѣ изъ 4,722 верблюдовъ, имѣвшихся къ 26-му марта, оставалось къ 6-му числу мая менѣе 2,300. Еще болѣе поразительные образцы представляютъ въ этомъ отношеніи всѣ экспедиціи въ Закаспійскомъ краѣ, послѣдовавшія за Хивинскою. Такъ, напримѣръ, въ теченіе Ахаль-Текинскаго похода генерала Скобелева въ 1880 году изъ 12,596 верблюдовъ, имѣвшихся у него, къ 20-му числу апрѣля 1881 года оставалось въ живыхъ всего только 350, причемъ самый усиленный падежъ происходилъ въ послѣдніе три мѣсяца, т. е. начался съ наступленіемъ тамъ весны. А что же такое, какъ не результатъ верблюжьей немощи, представляетъ Ахаль-Текинскій походъ, предшествовавшій послѣднему походу Скобелева? Кто изъ лично участвовавшихъ когда-либо въ движеніяхъ по пустынь, читая официальное о немъ сообщеніе, не пойметъ настоящаго его смысла? Вѣдь сущность, конечно, заключается въ томъ, что верблюды не шли, а безъ нихъ идти было невозможно. Верблюдовъ было очень много и само по себѣ, а тутъ еще отбили значительное ихъ количество, преслѣдуя непріятеля послѣ пораженія, нанесеннаго ему по пути изъ Тарсакана въ Ходжамкала. Не смотря на то, стало не лучше, а пожалуй хуже: количество не возмѣстило качества, верблюжьяго рева еще стало больше, изнуреніе людей, обязанныхъ стеречь и водить массу вьючныхъ животныхъ, увеличилось, больныхъ въ лазаретахъ прибыло, подвижность отряда уменьшилась. Пришлось оставить въ Бендесенѣ одинъ баталіонъ.

два орудія; команду милиціонеровъ и, конечно, множество разнаго рода запасовъ и всякихъ боевыхъ принадлежностей. Пошли дальше—все труднѣе и труднѣе. Оставили еще одинъ баталіонъ въ Ходжамкала. Чрезъ перевалъ едва перетащили 15-ти-дневное продовольствіе на остальную часть отряда, но съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ верблюды падали десятками, и хотя на солдатъ навалили непосильную ношу, все-таки пришлось побросать столько, что, не смотря на значительное количество купленныхъ запасовъ у арчманцевъ и нухурцевъ, вопросъ о томъ, чтобы не умереть съ голода, да не побросать снаряды и больныхъ, сталъ кошмаромъ отряднаго начальства. Наконецъ, выдѣлили изъ отряда еще всѣхъ ненадежныхъ верблюдовъ и лишніа тяжести. Въ прикрытіе имъ оставили шесть ротъ, одну сотню и два орудія, но подвижности не прибавилось. Такимъ образомъ вышло, что почти половина войскъ, двинутыхъ въ Ахаль-Теке, никакой существенной пользы дѣлу не принесла и вмѣсто того, чтобы составлять грозу для непріятеля, составляла стражу полудохлыхъ верблюдовъ, уничтожая запасъ продовольствія, который съ величайшими усиліями доставленъ до мѣста, куда ей удалось дотащиться. Неужели послѣ этого говорить, что вся несмѣтная текинская сила, сосредоточившаяся у Денгиль-Тепе, вмѣстѣ съ тою, которая спѣшила на поддержку своихъ изъ Мерва, могла удостоиться чести быть принятою за достойную соперницу нашихъ войскъ только потому, что въ рядахъ послѣднихъ," за изнуреніемъ вслѣдствіе безсилія верблюдовъ и плохо выбраннаго для похода времени, здоровыхъ людей не состояло? Какъ бы ни были храбры текинцы, но вѣдь это все же была не болѣе какъ орда, не имѣющая очень страшныхъ имъ пушекъ и стрѣляющая какими-то аркебузами, орда не дисциплинированная, а въ данномъ случаѣ еще имѣвшая за собою женъ и дѣтей, напуганныхъ, стонавшихъ и вопившихъ. Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлять численность своего противника, въ особенности такого, который и самъ себя числа не знаетъ; но не все-ли равно, было-ли текинцевъ въ дѣйствительности столько, сколько мы себя воображали, или даже и больше? Они ничего не предпринимали противъ насъ послѣ Денгиль-Тепинскаго боя, если не считать отвода воды, помѣшать которому мы и не пытались. Кто же послѣ всего этого причинилъ намъ всѣ униженія и горести подъ Денгиль-Тепе: текинцы-ли, или весна и верблюды, обыкновенно совершенно безсильные въ эту пору года?

Говоря о Текинскомъ походѣ 1878—1879 годовъ, невозможно не вернуться къ вопросу о водѣ. По мнѣнію нашему, въ разсужде-

ніяхъ о походахъ въ южной части Закаспійскаго края водѣ всегда придавалось особенно преувеличенное значеніе. Позволяемъ себѣ утверждать, что хотя безъ воды, конечно, никогда и нигдѣ обойтись нельзя, но бываютъ случаи, когда въ походахъ по пустынѣ вода какъ бы утрачиваетъ всякое значеніе и не въ состояніи не только обезпечить успѣхъ предпріятія, но и вліять на него благотворно. Продолжительный опытъ указываетъ, что если по времени года и степени сухости воздуха требуется столько воды, что, прилагая все терпѣніе и не теряя бодрости, человѣкъ не можетъ уже обходиться тѣмъ ея количествомъ, которымъ довольствуется обыкновенно, то въ такую пору лучше вовсе не начинать похода. Иначе, походъ этотъ неминуемо выйдетъ труднымъ, плодящимъ больныхъ, бесплоднымъ, даже рискованнымъ въ военномъ отношеніи и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно дорого стоящимъ. Послѣ каждаго такого похода для всѣхъ его участниковъ болѣе чѣмъ очевидно, что три четверти времени у нихъ пропало совершенно непроизводительно и то, что требовало четырехъ сутокъ времени и страшнаго истощенія исполнителей, въ другое, болѣе соответственное время могло быть легко сдѣлано въ сутки безъ малѣйшаго напряженія силъ. Зной, свойственный южной половинѣ Закаспійской пустыни, и условія, его сопровождающія, совершенно своеобразны. Недостатокъ влаги въ воздухѣ не вознаграждается тамъ въ извѣстныхъ случаяхъ не только водою, возимю на вьюкахъ, но даже и текущею въ видѣ рѣкъ и рѣчекъ вдоль всего пути.

За примѣромъ ходить недалеко. Путь первой Ахаль-Гекинской экспедиціи вилоть до самаго оазиса пролегалъ сперва по берегамъ Атрека, а затѣмъ—Сумбара. Переваль чрезъ Кюрендагъ, по которому прошелъ отрядъ, обилуетъ родниками и колодцами. На оазисъ съ названныхъ горъ стекаетъ масса живительныхъ ручейковъ. Воды, слѣдовательно, было избыточно не только для питья и варки нищи, но и для купанья. Не смотря на это, отрядъ, считая со дня выступленія его авангарда, т. е. съ 6-го іюня и по день несчастнаго для насъ Денгиль-Тепинскаго боя, т. е. по 28-е августа, прошелъ только до 436 верстъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, на прохожденіе этого пространства потребовалось 83 дня, а средняя величина перехода едва равнялась $5\frac{1}{4}$ верстамъ. И это еще при такихъ условіяхъ, что путь былъ хорошо извѣстенъ и по пути имѣлся у насъ превосходный опорный пунктъ въ видѣ воздвигнутаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1878 года укрѣпленія въ Чагѣ, въ которомъ мы содержали гарнизонъ такой силы, которая еще нѣ-

сколько лѣтъ назадъ считалась бы достаточною для покоренія цѣлаго оазиса. Между тѣмъ, изъ приведеннаго разсказа извѣстно, что въ 1871 году красноводскій отрядъ, идя по совершенно неизвѣданной тогда бесплодной и безводной мѣстности, въ 82 дня прошелъ 2,007 верстъ, дѣлая, слѣдовательно, среднимъ числомъ по $24\frac{1}{2}$ версты въ сутки. Остается-ли послѣ этого сомнѣніе въ томъ, что безводіе легко вознаградить удачнымъ выборомъ времени, тогда какъ неудачный выборъ послѣдняго никогда вполне не вознаграждается водою, въ какомъ бы она избыткѣ ни имѣлась? Можно принять, что разница въ сравнительной оцѣнкѣ воды и времени заключается въ томъ, что, при полномъ отсутствіи воды, хотя бы даже и въ прекраснѣйшее для похода время, движеніе прекращается совершенно, тогда какъ, при обиліи воды, и въ самый сильный зной войска все-таки могутъ ползти впередъ, подобно тому, какъ ползли они къ Денгиль-Тепе, отдавая себя вполне на авось. Но и въ послѣднемъ случаѣ для продолженія движенія необходимо, чтобы воду можно было черпать въ любомъ мѣстѣ въ произвольномъ количествѣ и не изъ навьюченныхъ боченковъ и бурдюковъ, а изъ заранѣе очищенныхъ и освѣженныхъ колодцевъ или же изъ рѣкъ и ручейковъ, какъ это было въ той же злополучной первой Ахаль-Текинской экспедиціи 1879 года. Вообще можно сказать, что въ походахъ по пустынѣ вода, конечно, имѣетъ свою степень важности; но, если такъ можно выразиться, коэффициентъ ея значенія составляетъ лишь одинъ изъ множителей, служащихъ для полученія произведенія, по которому опытный человекъ всегда можетъ совершенно точно предсказать, какихъ слѣдуетъ ожидать результатовъ отъ того или другаго военнаго предпріятія. Во всякомъ случаѣ, коэффициентъ этотъ дальше извѣстной опредѣленной величины уже не растетъ, тогда какъ важнѣйшій изъ остальныхъ множителей, а именно коэффициентъ времени, колеблясь между нулемъ и почти что безконечностью, обыкновенно убываетъ или прибываетъ всегда въ геометрической прогрессіи и всегда прямо пропорціонально степени сухости воздуха и числу градусовъ тепла. При нулѣ градусовъ и значеніе воды обыкновенно нулевое, что однакоже вовсе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что безъ воды можно обойтись и вовсе. Это лишь значитъ, что забота о томъ, какъ и гдѣ достать воду и какъ ее везти съ увѣренностью, что она не испарится и не обратится въ отраву, что ее будутъ выучить люди здоровые, которые не прорвутъ бурдюка и не расщепятъ боченка, что подъ нею бодро пойдетъ верблюдъ, не тре-

буя для подъема своего на ноги раздиранія ноздрей желѣзнымъ кольцомъ и прочее,—все это упрощается до ничтожности.

Такимъ образомъ, по мнѣнію нашему, рѣшительно трудно приискать сколько нибудь основательныя причины, которыя бы указывали на правильность предпочтенія весенне-лѣтнихъ походовъ въ южной части Закаспійской пустыни походамъ осеннимъ. Конечно, мы говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда выборъ времени вполне зависитъ отъ того, кому ввѣрено дѣло. Единственное болѣе или менѣе основательное объясненіе, которое доводилось намъ слышать и вычитывать въ пользу весенне-лѣтнихъ движеній, состоитъ въ томъ, что въ эти времена года будто бы можно рассчитывать на подножные корма и на то, что туземцы, имѣя свои посѣвы на корню и не желая подвергать ихъ уничтоженію, скорѣе уступятъ нашимъ требованіямъ. Эти доводы мало основательны. Возможно-ли возлагать фуражные расчеты на то ничтожное количество зеленого камыша или травы, которое произрастаетъ въ извѣстныхъ, весьма немногихъ мѣстахъ пустыни, и какой начальникъ рискнетъ двинуться съ мѣста, не обезпечивъ свой отрядъ продовольствіемъ? Что касается посѣвовъ, то они имѣются уже въ самыхъ оазисахъ, гдѣ у населенія есть много добра и кромѣ посѣвовъ. Наконецъ, и самые посѣвы, если въ извѣстное время года находятся на корню, то въ другое—хранятся въ ямахъ въ видѣ запасовъ зерна. Кромѣ того, помимо климатическихъ и иныхъ указанныхъ причинъ въ пользу осенне-зимнихъ движеній можно привести и то, что всегдашній предметъ всякихъ военныхъ дѣйствій, живая вражья сила,—юмуды, текинцы и разные иные туземцы Закаспійскаго края съ первыми же весенними лучами солнца обыкновенно расплзаются по всей пустынѣ, лежащей къ сѣверу отъ ихъ зимовокъ и, какъ извѣстно, простирающейся болѣе чѣмъ на десятокъ тысячъ квадратныхъ миль. Съ наступленіемъ же прохладнаго времени всѣ эти народы спѣшатъ въ предѣлы сравнительно тѣсной площади, приуроченной каждому изъ родовъ и поколѣній на зиму. Надобно замѣтить еще, что лѣтнее перемѣщеніе свойственно тамъ не однимъ только кочевникамъ, но и тѣмъ, которыхъ можно считать осѣдлыми. Послѣдніе только не очень удаляются отъ зимнихъ своихъ жилищъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется то обстоятельство, что во время весеннихъ экспедицій въ текинскій аркачъ почти никогда не находили въ немъ населенія. Такъ было, напримѣръ, въ экспедицію 1879 года, когда, начиная отъ Кизиль-Арвата и до самаго Денгиль-Тепе, отрядъ генерала Ломакина не видѣлъ ни единой кибитки. Идя въ пустыню съ военною цѣлью,

мы никогда не искали и не можемъ усиленно искать способовъ для избѣжанія столкновеній съ туземцами. Встрѣчи эти намъ, разумѣется, не страшны. Ихъ, напротивъ того, большею частью стараются избѣгать тѣ, которыхъ мы ищемъ. Находить же что-либо и кого-либо, безъ сомнѣнія, несравненно легче на маломъ пространствѣ, чѣмъ въ безпредѣльной пустынѣ. Къ тому же, какъ бы мы заботливо ни снаряжались и ни снабжались, врядъ-ли когда-либо дойдемъ до возможности соперничать съ туземцами въ отношеніи подвижности по пустынѣ.

Обратимся опять къ дѣламъ, относящимся непосредственно до красноводскаго отряда, и прослѣдимъ послѣднія страницы книги «Хивинскій походъ», посвященныя все тѣмъ же причинамъ возвращенія названнаго отряда. Говоря о начальникѣ послѣдняго, Гродековъ замѣчаетъ, что онъ «въ 1873 году, какъ и въ предшествовавшіе годы, выказалъ необыкновенную энергію. Другой бы на его мѣстѣ, получивъ извѣстіе о томъ, что Ломакинъ обѣщалъ непременно доставить въ Красноводскъ 3,000 верблюдовъ, что кавказское начальство придаетъ важное и первостепенное значеніе обезпеченію отряда верблюдами изъ Мангишлака и что для того, чтобы вполнѣ гарантировать успѣхъ этой операціи, командируется на полуостровъ съ особыми инструкціями подполковникъ Филиповъ, ждалъ бы обѣщаннымъ верблюдовъ. Но извѣстіе о неудачѣ, постигшей Ломакина, вызываетъ въ начальникѣ красноводскаго отряда новую энергію: онъ рѣшается прибѣгнуть къ самому крайнему средству, чтобы добыть верблюдовъ, переходить не только Атрекъ, но и Гюргенъ, и добываетъ себѣ перевозочныя средства. Но уже было поздно, конецъ марта. Не смотря однако-же на это обстоятельство, начальникъ отряда, постоянно заявлявшій еще съ конца 1872 года о томъ, что, выступивъ позже начала марта, онъ рискуетъ не дойти до Хивы, все же таки выступаетъ въ походъ и терпитъ неудачу.

Вопросомъ о томъ, слѣдовало ли начальнику красноводскаго отряда идти на Хиву, не смотря на позднее время, или не слѣдовало, составляетъ предметъ, достойный обсужденія. Понятно, разумѣется, что еслибы отрядъ вовсе не трогался съ мѣста, начальникъ его стоялъ бы внѣ формальнаго упрека. Переходъ чрезъ Атрекъ для приисканія себѣ подъемныхъ средствъ былъ воспрещенъ отряду. Да и вообще всякая забота по добыванію верблюдовъ была совершенно съ него снята. Такъ какъ безъ верблюдовъ отрядъ идти не могъ, то ясно, что, въ случаѣ еслибы онъ остался на мѣстѣ, узелъ большаго нерва заключался бы не въ томъ, почему отрядъ вернулся, а въ томъ,

почему ему не были доставлены обѣщанныя подъемныя средства, и вниманіе военно-исторической критики Хивинскаго похода въ отношеніи красноводскаго отряда приложилось бы къ дѣйствительной причинѣ всѣхъ причинъ. Тогда изслѣдователи занимались бы, конечно, не точнымъ измѣреніемъ емкости водовозной посуды въ красноводскомъ отрядѣ, а обратили бы свои силы на опредѣленіе степени серьезности возстанія на Мангиплакѣ, которое выставлялось причиною невозможности исполненія обѣщанной доставки верблюдовъ въ Красноводскъ. Отчего же отрядъ добровольно взялъ на себя столь тяжелую заботу по добыванію подъемныхъ средствъ? Дѣло въ томъ, что во всякой порядочной военной боевой единицѣ, кромѣ формальныхъ обязанностей, есть еще обязанности нравственныя. Съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію нашему, красноводскій отрядъ заслуживалъ бы полнѣйшаго порицанія, еслибы не попытался сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы принять участіе въ столь желанномъ всѣми красноводцами походѣ. Поэтому, не теряя времени, отрядъ перешелъ Атрекъ, и даже Гюргенъ не снималъ дозора за пограничною рѣкою со времени окончанія рекогносцировки 1872 года, чтобы по возможности не упустить въ пустыню туркменъ, и до 8-го марта почти ежедневно дрался съ этимъ народомъ. Наконецъ, во время Заатрекскаго похода, гоняясь за верблюдами, части отряда ходили версть по 30 въ сутки и добыли себѣ этихъ животныхъ. Правда, время уже ушло, хотя, конечно, и не по винѣ отряда, который не потерялъ не только дня, но и часа, дорожа буквально каждою минутою. Допустимъ даже, что степень его готовности была не совершенна—какъ за неимѣніемъ времени приготовить лучше, такъ и потому, что многое изъ заготовленнаго для похода въ Хиву поиспортилось или даже и вовсе утратилось за Атрекомъ; допустимъ, что отрядъ изъ этого послѣдняго похода возвратился порядочно утомленнымъ, а начальникъ его—больнымъ. Но могъ ли онъ, однако-же, даже и при всѣхъ этихъ условіяхъ, не идти, когда и верблюды у него уже имѣлись? Отрядъ не имѣлъ времени для того, чтобы представить вопросъ о положеніи дѣлъ на разрѣшеніе высшаго кавказскаго начальства: телеграфа и желѣзныхъ дорогъ тогда не существовало. Полагаемъ однако-же, что тогда даже и самый подобный вопросъ каждому показался бы по меньшей мѣрѣ страннымъ. Намъ кажется, что еслибы даже высшее начальство предвидѣло почти вѣрную невозможность прохожденія отряда въ предѣлы ханства, то и въ этомъ случаѣ не могло бы послѣдовать никакого приказанія, какъ идти. Это можно подтвердить выпискою изъ

книги Гродекова, который, рассказывая о впечатлѣніи, произведенномъ въ Тифлисѣ извѣстіемъ о возстаніи на Мангишлакѣ, и о невозможности добыть верблюдовъ, говоритъ (1): «обстоятельствами этими, насколько могло судить кавказское начальство, все дѣло было поставлено въ самое критическое положеніе и даже, какъ казалось ему, угрожало окончиться катастрофою. Красноводскій отрядъ, лишенный перевозочныхъ средствъ, находился въ невозможности выступить и оказать какое либо содѣйствіе другимъ направленнымъ въ Хиву отрядамъ. Возстаніе на Мангишлакѣ могло распространиться между оренбургскими киргизами, затруднить движеніе оренбургскаго отряда и даже задержать его въ пути, или необходимою прикрытія тыла и фланговъ ослабить отрядъ на столько, чтобы воспрепятствовать и ему исполнить возложенную на него задачу. Наконецъ, туркестанскій отрядъ, безъ содѣйствія другихъ войскъ съ лѣваго берега Аму-Дарьи, могъ быть задержанъ на переправѣ чрезъ эту рѣку, а вслѣдствіе всего этого хивинская экспедиція могла и на этотъ разъ окончиться полною неудачею». Заботясь объ обеспеченіи благополучнаго конца предпринятаго похода, высшія власти не отказывались ни отъ какихъ мѣропріятій, могущихъ способствовать цѣли. Такъ, напримѣръ, хотя первоначальная идея о формированіи отряда на Мангишлакѣ явилась какъ мѣра для подавленія народнаго волненія на полуостровѣ, но едва только выяснилось, что волненіе это, такъ сказать, улеглось прежде, чѣмъ началось, отряду немедленно же дано было другое назначеніе. По предложенію помощника Главнокомандующаго (2) генераль-адъютанта князя Святополка-Мирскаго, рѣшено было направить его тоже въ предѣлы ханства, причемъ предполагалось, что въ случаѣ надобности онъ можетъ обезпечить флангъ оренбургскаго отряда, а тѣмъ самымъ и движеніе послѣдняго къ Хивѣ. Такимъ образомъ, задача Мангишлакскаго отряда была отчасти демонстративнаго характера. Содѣйствіе этого рода никогда не признавалось бесполезнымъ въ Средней Азіи и послѣ Хивинскаго похода. Въ 1879 году, напримѣръ, предъ экспедиціею генерала Лазарева въ Теке, туркестанскому генераль-губернатору былъ сдѣланъ запросъ, какого рода демонстрацію могъ бы предпринять онъ со стороны Туркестана съ цѣлью привлечь вниманіе мервскихъ туркменъ, дабы удержать ихъ отъ содѣйствія населенію Ахала. Когда оказалось, что осуществле-

(1) Стр. 35. «Хивинскій походъ».

(2) Великій Князь Главнокомандующій въ это время изволилъ находиться въ С.-Петербурѣ.

ніе серьезнаго предложенія, сдѣланнаго на этотъ счетъ генераль-адъютантомъ Кауфманомъ, обошлось бы въ 600,000 рублей, то ограничились тѣмъ, что въ видахъ демонстративныхъ командировали одинъ туркестанскій линейный баталіонъ изъ Каты-куртана на Аму-Дарью. Такимъ образомъ, слѣдовательно, воспользовались даже столь малою и очень далекою отъ главнаго оперирующаго отряда силою, такъ какъ для достиженія военныхъ цѣлей ничѣмъ ослабляющимъ и отвлекающимъ непріятеля пренебрегать не слѣдуетъ. Если это справедливо, то ясно, что красноводскому отряду идти во всякомъ случаѣ было необходимо. Притомъ и идти онъ долженъ былъ непременно на перерѣзъ путей изъ Текинскаго оазиса въ оазисъ Хивинскій. Такъ онъ и сдѣлалъ. Красноводскому отряду невозможно было откладывать начала движенія, такъ какъ срокъ для его окончанія былъ обусловленъ необходимостью согласованія дѣйствій съ остальными отрядами. Серьезныя и самостоятельныя экспедиціи для толковой своей подготовки требуютъ мѣсяцевъ, а не дней, и не предпринимаются въ пору года завѣдомо неудобную. Гродековъ приводитъ въ своей книгѣ ⁽¹⁾ выписку изъ рапорта начальника красноводскаго отряда въ кавказскій штабъ, помѣченнаго 30 числомъ октября 1872 года. Въ ней высказывалось опасеніе, что выработка общаго плана дѣйствій противъ Хивы, согласованнаго между тремя военными округами, по затруднительности этого согласованія, вѣроятно, послѣдуетъ не скоро. Выписка эта заканчивается такъ: «это тѣмъ болѣе будетъ жалко, что, значить, не воспользуются опытомъ, который достаточно указалъ, что дѣйствія противъ Хивы всего удобнѣе и проще возложить на кавказскія войска».

Нужно думать, что именно только что приведенныя слова, а быть можетъ и еще какія-либо другія мнѣнія и заявленія въ этомъ же родѣ приводятъ Гродекова къ заключенію, что «начальникъ красноводскаго отряда не долженъ былъ обязываться предъ высшимъ начальствомъ достигнуть предѣловъ Хивы». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что было бы основательнѣе, еслибы движенію отряда былъ приданъ характеръ простой рекогносцировки, которая могла бы обратиться въ дѣйствительное наступленіе на Хиву, когда обстоятельства тому поблагопріятствуютъ. Гродековъ думаетъ, что, по всей вѣроятности, при такихъ условіяхъ отступленіе красноводскаго отряда не вызвало бы ни малѣйшаго упрека.

(1) «Хивинскій походъ 1873 г.».

Изъ общаго плана экспедиціи, который мы имѣли случай привести, видно, что высшее начальство само дало каждому изъ отрядовъ, направленныхъ въ Хиву, вполне опредѣленную програму. Предвидѣлось, что и болѣе одного отряда можетъ не дойти по назначенію. По крайней мѣрѣ такъ все это понимали на Кавказѣ, не исключая Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, который изволилъ по этому поводу высказаться слѣдующимъ образомъ: «Сколько понимаю я, проектъ отправленія войскъ одновременно изъ трехъ пунктовъ, по путямъ мало извѣстнымъ, заключаетъ въ самомъ себѣ предположеніе о возможности неудачи для той или другой изъ двинутыхъ къ Хивѣ колоннъ. Иначе, казалось бы, и не было причины направлять ихъ изъ трехъ различныхъ, столь отдаленныхъ мѣстностей» (1). Не смотря на вѣроятность частной неудачи и даже именно поэтому отрядамъ приказано было идти въ предѣлы ханства, а не рекогносцировать. Какое же право имѣлъ тотъ или другой начальникъ придавать движенію своего отряда произвольный, наиболѣе ему пріятный или для его личной безопасности удобный характеръ? Наконецъ, спросимъ мы, кому могла тогда даже придти въ голову такая самоохранительная политика и какое могла имѣть она существенное значеніе?

Что касается обязательствъ предъ высшимъ начальствомъ, о которыхъ говоритъ авторъ исторіи Хивинскаго похода, то мы смѣло утверждаемъ, что они никогда не были безусловны. Напротивъ того, надежды на успѣхъ всегда ставились въ полнѣйшую зависимость отъ времени начала движенія. Только одинъ разъ послѣ того, какъ не осталось уже сомнѣнія, что движеніе не можетъ быть начато до 1-го марта, начальникъ красноводскаго отряда писалъ, между прочимъ, князю Святополкъ-Мирскому (2): «Богъ дастъ, мы не опоздаемъ придти въ Хиву къ назначенному сроку». Но такое обѣщаніе, какъ, вѣроятно, согласится всякій, гораздо ближе граничить съ молитвою объ успѣхѣ или съ надеждою на помощь Божию, нежели выражаетъ самоувѣренность.

Какъ бы то ни было, но красноводскій отрядъ не имѣлъ никакого права оставаться на мѣстѣ и не принять участія въ походѣ на Хиву. Къ тому же, хотя и выступая изъ Чекишляра весною—онъ имѣлъ кой-какіе шансы на успѣхъ и между ними главнѣйшимъ былъ тотъ, что ко дню начала похода стояла еще довольно холодная по-

(1) «Хивинскій походъ 1873 года».

(2) Изъ Чекишляра 25-го марта.

года. Мы уже имѣли случай говорить, что 9-го апрѣля, въ день Св. Пасхи, холодъ дожималъ насъ весьма сильно. Вообще весна какъ бы запаздывала по всей арало-каспійской низменности, а потому то же самое, что и мы, испытывали и въ другихъ отрядахъ. Такъ, напримеръ, извѣстно, что 11-го марта джизакская колонна туркестанскаго отряда собралась въ урочище Клы, гдѣ въ то время лежалъ глубокий снѣгъ и стояли сильные холода. Точно также и по пути оренбургскаго отряда 26-го марта, когда авангардъ его дошелъ до Эмбенскаго поста, земля повсюду была покрыта толстымъ слоемъ снѣга и большіе морозы еще не прекращались. Наконецъ, мангишлакскій отрядъ, какъ извѣстно, пошелъ съ еще меньшими шансами на успѣхъ, чѣмъ красноводскій. Этотъ отрядъ былъ собранъ и отправленъ, такъ сказать, по тревогѣ. Онъ формировался наканунѣ самаго выступленія, и притомъ изъ частей, которыя вовсе не знали ни другъ друга, ни своего начальника и узнали только на пути, о которомъ тоже положительныхъ данныхъ не имѣлось. Отрядъ этотъ, будучи почти такого же состава, какъ красноводскій, имѣлъ вдвое менѣе верблюдовъ, чѣмъ нашъ. При этомъ онъ все же поднялъ продовольствіе на два мѣсяца, т. е. всего лишь на 12 дней менѣе, чѣмъ красноводскій отрядъ, а потому нужно думать, что его верблюды должны были быть навьючены сверхъ силъ и слѣдовательно въ особенности замедлять и затруднять походъ. У мангишлакскаго отряда, по сравненію съ красноводскимъ, было чрезвычайно мало посуды для воды. Не смотря на все это, мангишлакскій отрядъ прошелъ и, какъ извѣстно, оказалъ существенную помощь общему дѣлу въ Хивинскомъ походѣ. Конечно, успѣхъ этого отряда былъ бы совершенно необъяснимъ, еслибы онъ не освѣщался однимъ, повидимому ничтожнымъ обстоятельствомъ. Послѣднее заключается въ томъ, что полковникъ Ломакинъ, принявъ на себя обязанность обезпечить красноводскій отрядъ верблюдами, съ самаго начала этой операціи не переставалъ дѣлать представленія о необходимости и его собственнаго движенія изъ Бишъ-Актовъ къ Сары-Камышу, а слѣдовательно не упускалъ изъ вида вѣроятности такового. Совершенно не раздѣляя на этотъ счетъ воззрѣнія начальника мангишлакскаго отряда, высшее кавказское начальство долго и вполне категорически отклоняло ходатайство. Но въ февралѣ мѣсяцѣ 1873 года, когда въ Тифлисі стало извѣстно о неожиданномъ возмущеніи на Мангишлакѣ, а также и о всѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ для Красноводска, какъ уже и было говорено, послѣдовало распоряженіе о формированіи отряда и на Мангишлакѣ.

Вообще нельзя не замѣтить, что степень успѣха въ военныхъ предпріятіяхъ часто бываетъ совершенно необъяснима, и ни одинъ глубокій знатокъ военной науки не въ силахъ предрѣшить, что именно выйдетъ изъ того или другаго начинанія, хотя, когда фактъ уже совершится, каждый изъ такихъ людей пояснить самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, что то или другое неизбѣжно должно было произойти и именно потому-то и потому-то. Какъ, напримѣръ, объяснить, что тотъ же самый мангишлакскій отрядъ, который съ такою малою подготовкою въ 1873 году одолѣлъ 750-ти-верстный трудный путь по пустынѣ, долженъ былъ въ 1872 году рѣшительно отказаться отъ небольшой осенней рекогносцировки, такъ сказать, вокругъ своего дома, и только по той причинѣ, что одинъ изъ пароходовъ, назначенныхъ въ распоряженіе его начальника, оказался не вполне исправнымъ? Наконецъ, чѣмъ объяснить и то, что онъ же, имѣя въ своемъ составѣ всѣ роды войскъ и выступивъ 21-го января для пріобрѣтенія верблюдовъ красноводскому отряду, къ 4-му февраля вернулся уже обратно, вовсе не добывъ названныхъ животныхъ? А между тѣмъ извѣстно, что страна, по которой шелъ отрядъ, до того кишѣла верблюдами, что еще 25-го января начальника мангишлакского отряда тревожила мысль о томъ, что киргизы приведутъ ихъ слишкомъ много, и онъ сдѣлалъ распоряженіе въ устраненіе неудобствъ, могущихъ оттого произойти (1). При всемъ этомъ, населеніе полуострова свободно администрировалось нами и въ началѣ поисковъ было совершенно тихо. Первые признаки народнаго безпокойства были замѣчены нашимъ отрядомъ только 27-го января, но проявленія его были слабы. Не смотря на это, задачу свою отрядъ не выполнилъ. Обстоятельство это было бы понятно, еслибы, напримѣръ, оружіе наше потерпѣло какую-либо неудачу, но и этого не случилось. Напротивъ того, въ единственномъ, хотя и притомъ не особенно кровопролитномъ бою при Джангильдахъ, 28-го января, около *четырехъ сотъ киргизовъ, вооруженныхъ пиками, топорами и нѣсколькими ружьями*, позволившихъ себѣ кричать «аламанъ» и *размахивать палками надъ головами* (2), были разбиты на-голову нашею казачьею сотнею, въ которой состояло только 68 всадниковъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію нашему, въ военномъ дѣлѣ иногда достаточно бываетъ маленькой причины, чтобы разрушить успѣхъ, даже и хорошо подготовленный, тогда какъ въ другихъ слу-

(1) Гродековъ. «Хивинскій походъ 1873 года».

(2) Репортъ подковника Ломанина отъ 6-го февраля 1873 года, № 100.

чаяхъ безконечное множество повидимому даже серьезныхъ причинъ и поводовъ къ неуспѣху остаются совершенно безъ вліянія на дѣло. Распорядившіеся посылкою мангишлакскяго отряда, конечно, вполне заслужили признательность всѣхъ, кому дороги русскіе интересы; но для того, чтобы рѣшиться послать этотъ отрядъ, нужно было быть чисто военнымъ человѣкомъ и глубоко сознавать, что въ военномъ дѣлѣ хуже всего нерѣшительность и бездѣйствіе и что въ немъ иногда кажущееся невозможнымъ оказывается вполне возможнымъ, и наоборотъ. Только соглашающіеся съ вышевысказаннымъ мнѣніемъ могутъ признавать правильною посылку въ Хиву импровизованнаго на Мангишлакѣ отряда. Тѣ же, которые съ этимъ мнѣніемъ несогласны, должны быть послѣдовательны и считать эту посылку еще большею ошибкою, чѣмъ движеніе красноводскаго отряда, такъ какъ на каждый одинъ шансъ на успѣшный походъ мангишлакскаго отряда красноводскій отрядъ имѣлъ таковыхъ, по меньшей мѣрѣ, три. Послѣдній до Хивы не прошелъ, но движеніе его врядъ-ли было бесполезно. Какъ мы уже имѣли случай говорить, благодаря именно этому движенію, въ числѣ защитниковъ Хивинскаго ханства никто не нашелъ бы ни одинаго текинца или при-атрекскаго туркмена. Текинцы въ то время сидѣли дома и караулили свои очаги, которые сильно потерпѣли отъ красноводскаго отряда въ 1872 году.

Нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что, когда заговорили о возвращеніи красноводскаго отряда, было высказано, между прочимъ, мнѣніе, по которому если онъ не могъ продолжать пути по дорогѣ на Орта-Кую, то долженъ былъ свернуть на Сарыкамышскій путь или же повернуть на колодцы Динарь и идти въ Ахаль-Текинскій оазисъ, дабы тѣмъ замаскировать неудачу движенія на Хиву. Что касается перваго изъ этихъ мнѣній, то послѣ всего, что уже сказано нами о пути чрезъ Сарыкамышъ, остается лишь замѣтить, что для этого отрядъ долженъ былъ возвратиться въ Джамала, т. е. пройти назадъ свыше 100 верстъ. Затѣмъ, отрядъ долженъ былъ слѣдовать путемъ неизслѣдованнымъ—чрезъ Коимать и Караиманъ въ Дахлы, съ безводными промежутками примѣрно въ 40, 95 и 90 верстъ. Отъ Дахлы до Узунъ-Кую $57\frac{3}{4}$ версты и, наконецъ, отъ сего послѣдняго до Декча, на Узбоѣ, $115\frac{1}{2}$ верстъ. Слѣдовательно, еслибы оправдалось свѣдѣніе о колодцѣ Узунъ-Кую, которое имѣлось въ отрядѣ и которое мы уже имѣли случай сообщить выше, то послѣдній безводный переходъ красноводскаго отряда долженъ былъ бы равняться $173\frac{1}{4}$ верстамъ.

Обращаясь къ мнѣнію насчетъ перехода въ Теке, мы приведемъ

по этому поводу выписку изъ книги «Хивинскій походъ 1873 года», которая, по мнѣнію нашему, вполне способна разъяснить вопросъ. Вотъ подлинныя слова автора названнаго сочиненія: «Красноводскій отрядъ, при выступленіи изъ Чекишляра, имѣлъ продовольствія для людей на два мѣсяца и 12 дней, а фуража для лошадей—только по 9-е мая. Такъ какъ передовые эшелоны выступили 19-го и 20-го марта, то 22-го апрѣля, когда рѣшено было повернуть назадъ, въ отрядѣ оставалось продовольствія для людей на 42 дня, по 1 1/2 фунта сухарей въ сутки на человѣка, а фуража для лошадей—на 17 дней, въ размѣрѣ по 5 фунтовъ ячменя на лошадь въ сутки. Слѣдовательно фуража доставало только, чтобы возвратиться въ Красноводскъ, не говоря уже про то, что, по состоянію конницы, она не могла совершить что-либо, кромѣ возвращенія къ берегу моря. Если бы начальникъ отряда пошелъ въ Текинскій оазисъ съ одною пѣхотою и артилеріею, то отъ Игды до Динара онъ долженъ былъ бы преодолѣть безводный переходъ въ 93 версты по глубокимъ пескамъ, когда люди и артилерійскія лошади уже были сильно утомлены. Быть можетъ, на этомъ переходѣ пришлось бы потерять большую часть верблюдовъ, всѣхъ лошадей и даже самыя орудія закопать. Какъ бы тогда отрядъ возвратился въ Красноводскъ? Въ Ахаль-Теке невозможно было оставаться долѣе двухъ недѣль, и отрядъ точно также долженъ былъ бы возвратиться въ Красноводскъ. Подвезти же довольствіе изъ этого послѣдняго пункта къ отряду не было возможности, по неимѣнію перевозочныхъ средствъ. Наконецъ, начальникъ отряда не признавалъ надобности и цѣли въ подобномъ маневрированіи. Отвлеченіе юмудовъ и текинцевъ отъ содѣйствія Хивѣ казалось ему достигнутымъ чрезъ исполненное до Игды движеніе; не видя же возможности дойти до предполагаемой цѣли, т. е. до предѣловъ Хивы, онъ счелъ главною своею обязанностью сберечь вѣрныя ему войска и не подвергать ихъ напраснымъ мукамъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не высказать полнаго одобренія сдѣланныхъ имъ распоряженій». Но, какъ бы продолжая эти строки, Гродековъ приходитъ къ тому заключенію, что, придерживаясь прежняго своего мнѣнія въ этомъ вопросѣ, начальникъ красноводскаго отряда, даже и раздобывъ верблюдовъ, едва-ли не долженъ былъ, за позднимъ временемъ, отказаться отъ желанія достигнуть Хивы, а слѣдовательно и отъ движенія къ Измыхширу. «Ему бы слѣдовало—говоритъ авторъ исторіи Хивинскаго похода—или сдѣлать только диверсію къ Хивѣ, или же выдвинуться въ Ахаль-Теке съ отрядомъ менѣе значительнымъ, и потому имѣвшимъ возможность быть лучше

снаряженнымъ, съ цѣлью удержать текинцевъ отъ участія въ помощи Хивѣ.

Чтобы не повторяться, мы не станемъ болѣе говорить ни по поводу диверсіи, ни по поводу того, послѣдовательно-ли и согласнo-ли съ прежнимъ своимъ мнѣніемъ поступилъ начальникъ красноводскаго отряда, идя на Измыхширь въ позднюю пору; но вопросу о движеніи съ мѣста въ Теке нельзя не удѣлить нѣсколькихъ словъ. Могъ-ли вообще начальникъ отряда считать себя достаточно полноправнымъ для того, чтобы идти куда-либо или не идти, вполнѣ по своему усмотрѣнію? Допустивъ даже первое изъ этихъ рѣшеній, все-таки останется вопросъ: могъ-ли онъ вести отрядъ въ Теке и въ томъ случаѣ, если уже объ этомъ возбуждалась рѣчь и разрѣшенія на это не послѣдовало? А между тѣмъ на страницѣ 25-й почтеннаго труда самого же Гродекова мы читаемъ: «Начальникъ красноводскаго отряда просилъ предписать ему идти въ Ахаль-Текинскій оазисъ, такъ какъ походъ этотъ; въ равной степени и несомнѣнно оказалъ бы пользу общему дѣлу». Главнокомандующій же на это замѣтилъ, что «рано или поздно съ текинцами придется имѣть рѣшительное столкновеніе, но если красноводскій отрядъ не приметъ участія въ движеніи, долженствующемъ положить конецъ проискамъ Хивы противъ Россіи, то это можетъ оказаться упущеніемъ непоправимымъ, ибо холода на сѣверѣ могутъ помѣшать движенію войскъ изъ Оренбурга, а туркестанскій отрядъ, безъ содѣйствія другихъ войскъ съ лѣваго берега Аму-Дарьи, можетъ быть задержанъ на переправѣ чрезъ эту рѣку».

Походъ въ Теке, еслибы онъ былъ тогда возможенъ и разрѣшенъ, безспорно привелъ бы дѣятельность стараго красноводскаго отряда къ совершенно иному и притомъ вполнѣ благополучному концу. Но еслибы разрѣшеніе это запоздало, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось бы и положеніе дѣлъ на Мангишлакѣ. Движеніе нашихъ войскъ въ Хиву со стороны названнаго полуострова не могло состояться. Мангишлакскій отрядъ, такъ сказать, былъ созданъ на развалинахъ счастья отряда красноводскаго, причемъ несчастныя событія, послѣдовавшія именно на Мангишлакѣ, обратились во зло красноводскому отряду и въ пользу отряду мангишлакскому. Многія части, вполнѣ вошедшія въ составъ сего послѣдняго, были взяты изъ состава отряда, собиравшагося въ Чекишлярѣ. Конечно, войска нашлись бы и на западномъ берегу Каспійскаго моря, но снаряженіе ихъ въ трудный походъ потребовало бы много времени, иначе дѣло это было бы сдѣлано не вполнѣ благонадежно. Совершенно иной матеріаль

представляли самыя роты и сотни, которыя были выдѣлены изъ состава красноводскаго отряда. Онѣ уже были нѣсколько освоены съ мѣстными условіями. Наконецъ мангишлакскій отрядъ необходимо было снабдить всякаго рода походнымъ довольствіемъ, а ужъ на одно это требовалось столько времени, что пора возможности и надобности движенія кавказскихъ войскъ прошла бы прежде, чѣмъ отрядъ былъ бы готовъ. Приведеніе въ готовность мангишлакскаго отряда тѣмъ болѣе потребовало бы времени, что, въ случаѣ движенія съ Кавказа въ Хиву одного только его, онѣ врядъ ли былъ бы выпущенъ на авось. На это можно было рискнуть либо въ крайности, либо на томъ основаніи, что мангишлакскій отрядъ былъ бы посланъ съ Кавказа какъ бы дополнительно. Въ другомъ случаѣ онѣ, вѣроятно, былъ бы усиленъ и въ составѣ, и запасами, а для этого ему потребовалось бы и болѣе верблюдовъ. А тутъ войска, взятая изъ Чекишляра и Красноводска, привезли съ собою на Мангишлакъ въ готовомъ видѣ все, что было имъ нужно для похода. Что касается красноводскаго отряда, то ему, идя въ Теке, не было бы ни причинъ, ни основаній сокращать число войскъ, первоначально назначенныхъ въ его составъ, и мы не можемъ понять, почему Гродековъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ «слѣдовало выдвинуться въ Ахаль-Теке съ отрядомъ менѣе значительнымъ». Мы говоримъ, что не было бы причинъ потому, что отъ Чекишляра до первой текинскои крѣпости, а именно до Кизиль-Арвата, не 750 верстъ, какъ до оазиса хивинскаго, а приблизительно 300. Кромѣ того, идя въ Теке намъ почти не нужно было возить воды, ибо путь большею частью пролегаетъ вдоль рѣки Атрека и его притока Сумбара. Слѣдовательно, перевозочныя нашія средства были бы шире. Не было бы и основаній идти съ малымъ отрядомъ потому, что мы не могли, придя въ Теке, рассчитывать на спокойную стоянку у окраины оазиса. Этому не допустили бы и сами текинцы, по присущему имъ праву. Слѣдовательно, красноводскому отряду неизбѣжно пришлось бы заняться утверженіемъ нашего владычества въ Ахаль, а на это нужны были значительныя силы. Конечно, движенію отряда можно было придать характеръ рекогносцировки, но въ тѣ времена никто не въ состояніи былъ понять, что одинъ и тотъ же путь или одну и ту же мѣстность можно рекогносцировать до безконечности, такъ какъ рекогносцировки производились тогда не только съ точнѣйшимъ измѣреніемъ разстояній и нанесеніемъ на карту проходимаго отрядомъ пространства, но и съ опредѣленіемъ географическаго положенія наиболѣе выдающихся пунктовъ, а также и многихъ высотъ. Такъ какъ

пути въ Теке были уже обрекогносцированы красноводскимъ отрядомъ и со стороны Красноводска, и со стороны Чекишляра, то вообще для старыхъ красноводцевъ никогда не можетъ быть понятенъ смыслъ всѣхъ рекогносцировокъ, производившихся въ этихъ же предѣлахъ, начиная съ 1874 г. включительно по годъ движенія нашихъ боевыхъ силъ съ цѣлью покоренія Теке. Доискиваясь отъ нихъ какихъ либо результатовъ, можно только придти къ заключенію, что рекогносцировки эти оканчивались полученіемъ письменныхъ завѣреній отъ туземцевъ въ томъ, что они отнынѣ сопричисляють себя къ подданнымъ Бѣлага Царя; но такіе документы всегда легко было добывать въ произвольномъ количествѣ и безъ рекогносцировокъ. О томъ же, какую цѣну можно было давать подобнымъ завѣреніямъ, было уже говорено. Наконецъ, это усматривается и изъ того, что въ весьма скоромъ времени послѣ полученія вѣрноподданническихъ актовъ силу послѣднихъ пришлось закрѣпить двумя походами и штурмомъ Денгиль-Тепе.

Слѣдя за страницами книги «Хивинскій походъ 1873 года», нельзя умолчать объ одномъ справедливомъ замѣчаніи автора этого труда. Г. Гродековъ говоритъ, что «въ красноводскомъ отрядѣ не было правильно организованнаго штаба и, вслѣдствіе этого, забота по снаряженію отряда всецѣло лежала на самомъ его начальникѣ». Дѣйствительно, составъ штаба въ отрядѣ былъ крайне недостаточенъ вообще, а единственный офицеръ генеральнаго штаба, находившійся на лицо при красноводскомъ отрядѣ и такъ много принесшій ему пользы во время первой его рекогносцировки 1871 г. (1), еще въ томъ же году былъ отозванъ на западный берегъ Каспійскаго моря, гдѣ и получилъ другое назначеніе. Обстоятельство, указанное выше, дѣйствительно мѣшало правильному распредѣленію труда, который, вслѣдствіе этого, иногда тяжелымъ бременемъ ложился на нѣкоторыхъ дѣятелей въ красноводскомъ отрядѣ того времени. Однако-же, если въ степныхъ походахъ несоразмѣрность личнаго состава управленій вредна для успѣха дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда она выражается въ недостатокѣ, то въ другихъ, т. е. когда управленіе переполнено, обыкновенно получаютъ еще худшіе результаты. Вообще, какъ кажется, для походовъ по пустынѣ нѣтъ причинъ нарушать общее, принятое въ нашей организаціи отношеніе между различными органами, напримѣръ, между числомъ начальствующихъ и подчиненныхъ. Тамъ въ особенности каждый лиш-

(1) Штабсъ-капитанъ Малама.

ній начальникъ является истинною обузою, и чѣмъ выше чинъ его, тѣмъ тягостнѣе бываетъ онъ для экспедиціи во всѣхъ отношеніяхъ. Вникая же въ вопросъ о составѣ отряда, дѣйствующаго въ Средней Азій, казалось бы, нельзя не признать, что въ немъ число кавалеріи въ особенности должно быть строго соразмѣрно съ дѣйствительною въ ней потребностью, а родъ кавалеріи — съ родомъ службы, выпадающей на ея долю. Къ такому заключенію можно придти, между прочимъ, сопоставляя затрудненія, представляемыя снаряженіемъ кавалеріи въ степной походъ, съ тѣми выгодами, которыхъ возможно ожидать тамъ отъ нея. Полагая продолжительность похода въ одинъ мѣсяць, на снабженіе каждаго кавалериста, разумѣется съ его конемъ, приходится груза приблизительно на три верблюда, не считая сосудовъ съ водою, тогда какъ вмѣстѣ съ семи послѣдними на трехъ пѣхотинцевъ достаточно двухъ вьючныхъ животныхъ. Этотъ аргументъ можетъ показаться слабымъ только тому, кто не имѣетъ представленія о томъ, что такое въ какомъ нибудь, на примѣръ, Чекишлярѣ выгрузка вообще, а громоздкихъ предметовъ въ особенности и что значить навьючка и развьючка тѣхъ же предметовъ и даже самая ихъ перевозка на верблюдахъ. Къ тому же мы не можемъ въ степныхъ походахъ возлагать на кавалерію сколько нибудь самостоятельныхъ задачъ. Американскіе рейды тамъ невозможны, во-первыхъ, потому, что, сколько бы мы ни привели туда кавалеріи, мы всегда будемъ уступать непріятелю и числомъ ея, и выносливостью коней; а во-вторыхъ, успѣхъ рейда зависитъ отъ степени подвижности кавалеріи, подвижность же ея возможна лишь при условіяхъ хожденія по странѣ, гдѣ все, что нужно всаднику и его коню, не отягощаетъ спины послѣдняго, но можетъ быть приобрѣтено въ любомъ мѣстѣ. Въ пустынѣ наша сила — пѣхота и артилерія. Кавалерія же, въ особенности осенью и зимой, когда кибитки номадовъ на мѣстахъ, намъ необходима не болѣе, какъ въ томъ размѣрѣ, который нуженъ для облегченія движенія колоннъ съ ихъ обозами и для помощи пѣхотѣ при исполненіи ею охранительной службы. Въ это послѣднее понятіе должно входить также своевременное предупрежденіе прикрытій, высылаемыхъ къ пасущимся верблюжьимъ гуртамъ, о намѣреніи непріятеля угнать животныхъ и оказаніе всякаго рода помощи этимъ прикрытіямъ. Непріятельская кавалерія въ той странѣ не дерется въ сомкнутомъ строю: она и атакуетъ, и принимаетъ атаку всегда въ разсыпную. Не ясно-ли, что тамъ регулярная кавалерія не нужна? Не нужна она и для развѣдокъ, такъ какъ и для нихъ удобнѣе употреблять

казаковъ, не говоря уже о томъ, что еще лучше содержать для дальнихъ развѣдокъ одинъ-другой десятокъ туземныхъ джигитовъ, коихъ семейства и имущество находятся подъ нашимъ вѣдѣніемъ и наблюденіемъ.

Обратимся еще разъ къ главной темѣ нашего разсказа и, въ качествѣ ближайшаго очевидца, сдѣлаемъ нѣкоторые выводы по поводу событій, пережитыхъ красноводскимъ отрядомъ со времени высадки его въ Красноводскъ и по іюнь мѣсяць 1873 года включительно (1).

Военная исторія Россіи, конечно, богата правдивыми описаніями боевыхъ доблестей нашихъ войскъ. Побѣды ихъ безсчетны. Неоднократно доводилось имъ съ полнымъ успѣхомъ превозмогать суровую природу сѣвера и переносить зной южныхъ странъ. Снѣговья горы Кавказа и неприступныя вершины Альпъ тоже не служили имъ преградой; но борьба съ ужасами почвы и климата, свойства которыхъ совершенно противоположны встрѣчающимся въ предѣлахъ родной земли, впервые выпала на долю красноводскаго отряда. Страна, которая должна была быть освѣщена этимъ отрядомъ, до высадки его на восточный берегъ Каспійскаго моря, вовсе не была изслѣдована. Ее знали лишь по распросамъ да по описанію единственнаго европейца, а именно венгерца Арминія Вамбери. Этому ученому, путешествовавшему въ образѣ дервиша, удалось въ 1863 г. пересѣчь великую пустыню, и вотъ какъ охарактеризовалъ онъ эту страну, гдѣ ничто не напоминаетъ жизни и все какъ бы мертво. «Чѣмъ болѣе Балханъ исчезалъ позади насъ въ голубыхъ облакахъ, пишетъ Вамбери, тѣмъ ужаснѣе представлялось величіе необозримой пустыни. Прежде я думалъ, что пустыня тогда только поражаетъ душу, когда наша фантазія придаетъ картинѣ свои краски, но я ошибся. Въ низменностяхъ моей дорогой родины я видѣлъ пустыню въ миниатюрѣ; въ нѣсколько большихъ размѣрахъ увидѣлъ ее въ

(1) Съ возвращеніемъ красноводскаго отряда къ берегу Каспійскаго моря, въ видахъ скорѣйшаго доставленія отдыха войскамъ, принимавшимъ участіе въ движеніи, Главнокомандующій кавказскою арміею приказалъ распустить части отряда, оставивъ необходимый гарнизонъ въ самомъ лишь Красноводскѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе о безотлагательной перевозкѣ изъ Красноводска въ Киндерли, для нуждъ Мангишлака, всѣхъ годныхъ верблюдовъ и продовольственныхъ запасовъ, оставшихся излишними въ Красноводскѣ. Операция перевозки производилась на судахъ общества «Кавказъ и Меркурій», при помощи казенныхъ судовъ. Она началась 3-го іюня 1873 г. и къ 23-му числу того же мѣсяца въ Красноводскъ оставались лишь три роты 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка: 30 казаковъ и четыре незапряженныхъ полевыхъ орудія.

Персіи, когда проѣзжалъ по соляной пустынѣ (Дешти-Кувирь); но какія новыя ощущенія испыталъ я теперь! Воображеніе безсильно предъ природою, хотя люди и утверждаютъ противное. Чтобы нѣсколько смягчить мрачный колоритъ пустыни, я пробовалъ нѣсколько разъ представлять себѣ среди нея многолюдные города, кипящія жизнью, но напрасно: необозримые песчаные холмы, мертвенная тишина, красножелтый цвѣтъ солнца при восхожденіи и закатѣ—все возвѣщало, что мы находимся въ обширной, а можетъ быть и въ величайшей пустынѣ земнаго шара. Представь себѣ, читатель, необозримое песчаное море; съ одной стороны—высокіе холмы, какъ волны, взбитыя на такую высоту страшными бурями, съ другой—зеркально-гладкую поверхность, слегка волнуемую горячимъ тихимъ вѣтромъ. Въ воздухѣ ни птицы; на землѣ ни червя, ни жука; есть лишь слѣды угасшей жизни—кости погибшихъ людей и животныхъ, которыя каждый путникъ собираетъ въ кучу, чтобы служили онѣ указателями пути».

Какъ необыкновенно живо напоминаютъ эти правдивыя строки все то, что неоднократно доводилось каждому изъ насъ видѣть и лично испытать въ теченіе трехлѣтней службы въ составѣ красноводскаго отряда. Читая Вамбери, невольно представишь себѣ и безпредѣльное песчаное море, съ песчаными же волнами, взгроможденными до страшной высоты, и багрово-красный шаръ солнца, на который часто доводилось намъ смотрѣть съ какимъ то невольнымъ ужасомъ, и отчаянный ревъ верблюда, вытягивающаго свою длинную шею и зарывающаго голову въ песокъ по инстинкту самосохраненія, и терзающія душу страданія жаждущаго человѣка, со всѣми признаками приближающейся смерти. Любопытнымъ должно представляться для естествоиспытателя то обстоятельство, что извѣстныя однородныя физическія причины производятъ въ цѣлой массѣ людей совершенно однообразные психическіе рефлексы. Такъ, на примѣръ, наблюдая надъ собою, мы замѣтили, что иногда нѣсколько ночей сряду многіе видѣли во снѣ все одно и то же. Имъ снилось, что они прильнули къ прекрасному горному ручью и уже готовы коснуться губами живительной влаги, но какая то злая сила оттягиваетъ отъ воды ихъ головы. Когда солнечные лучи, отражаясь отъ гладкой поверхности солончаковъ, изображали намъ воду гдѣ нибудь вдали дороги, на горизонтѣ, то не представлялось возможности убѣдить людей въ томъ, что это не болѣе какъ обманъ зрѣнія. Постоянная потребность человѣческаго организма въ водѣ была столь сильна, что въ подобныхъ случаяхъ туманилось сообра-

женіе даже у начальниковъ, которымъ явленіе это, конечно, было извѣстно. При видѣ миража, они обыкновенно до того переставали владѣть собою, что, лишь на словахъ и нерѣшительно запрещая нижнимъ чинамъ отходить, чтобы напиться, въ сущности и сами подавались въ сторону воображаемой воды, гоняясь за нею дѣлыя версты. Понятно послѣ этого, что въ тѣ времена путь между Чекишляромъ и Теке, какъ пролегающій вдоль рѣкъ, никому не казался труднымъ. Точно также припѣваючи ходилъ красноводскій отрядъ по Текинскому оазису. Но мѣста эти находились, такъ сказать, на рубежѣ той обширной площади, которую главнымъ образомъ изслѣдовалъ названный отрядъ. Изъ путей, обрекогноспированныхъ послѣднимъ, едва шестая часть болѣе или менѣе обилуетъ водою. Всѣ же остальные версты пройдены были по такой мѣстности, о которой у самихъ туземцевъ сложилась поговорка, гласящая, что 40 переходовъ по ихъ пустынь несравненно труднѣе и тяжелѣе 40 переходовъ по пустынь Арабистана.

Такова была страна, которую изслѣдовалъ красноводскій отрядъ, исходивъ по ней 6,000 версть, пока, наконецъ, его тяжелому труду положена была преграда, которую, при существовавшихъ тогда условіяхъ, одолѣть оказалось выше силъ, данныхъ человѣку Богомъ.

Неполученіе обѣщанныхъ верблюдовъ и неудобное для движенія по пустынь время были главнѣйшими причинами, помѣшавшими красноводскому отряду исполнить въ 1873 году возложенную на него задачу столь же удачно, какъ это дѣлалъ онъ въ предшествовавшіе года своей службы. Если же остальные отряды прошли тогда до Хивы, то это объясняется различіемъ условій, въ которыхъ происходило какъ самое движеніе, такъ и приготовленіе къ послѣднему.

Старый красноведецъ.